ОПАЛЁННЫЕ АФГАНСКОЙ ВОЙНОЙ

Повести, рассказы, стихи воинов-афганцев

Выпуск первый

Война в Афганистане

декабрь 1979–февраль 1989

ОПАЛЁННЫЕ АФГАНСКОЙ ВОЙНОЙ

Повести
Рассказы
Стихи
Воинов-афганцев

Выпуск первый

МОСКВА

ТПП-Информ

2012

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2Рос=Рус)6
О-60

Под общей редакцией

Р. С. Аушева

Редакционная группа:

С. М. Небренчин,
Н. И. Пиков (*выпускающий редактор*),
В. Н. Снегирёв, Ю. С. Студеникин,
А. И. Шкирандо

Г. М. Абишева (*вёрстка*)
О. Н. Гнеушева (*корректура*)
С. Г. Павлов (*дизайн обложки*)

В подготовке сборника активное участие приняли члены рабочей группы Р. Х. Альмяшев, П. В. Кержиманкин, Н. И. Мацюк, Л. П. Упырь, В. А. Шебанов, которым выражается искренняя признательность

Опалённые афганской войной. Повести, рассказы, стихи воинов-афганцев: [сборник]. Вып. 1. – М. : ТПП-Информ, 2012. – 304 с. илл.

В рамках подготовки к 25-летию окончания боевых действий в Афганистане Комитет по делам воинов-интернационалистов при Совете глав правительств государств – участников Содружества Независимых Государств и Международный Союз общественных объединений «Общественный Комитет ветеранов войн» издают сборник материалов с воспоминаниями очевидцев о наиболее интересных фактах и эпизодах афганской войны.

© Пиков Н. И., составление, 2012

ISBN 978-5-9903437-1-9

© ТПП-Информ, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

I. КАК НАЧИНАЛАСЬ АФГАНСКАЯ ЭПОПЕЯ

Первый командарм 40-й армии генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов 9

II. ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА – УЧАСТНИКИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В АФГАНИСТАНЕ

АУШЕВ РУСЛАН СУЛТАНОВИЧ. Афганский бумеранг вернулся в США (*В. Баранец*) 13

ВЫСОЦКИЙ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Эхо афганских гор (*Н. Уфаркин, В. Светиков*) 17

ВОСТРОТИН ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Неспокойная душа (*В. Загвоздин*) 19

III. БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ

В. Душин. Афганские перелёты 24
А. Мамонтов. Мой Афганистан 153
С. Небренчин. Спецура в Афгане: оружие слова 178
А. Малков. Входим в Афган 185
М. Шаймардинов. С учений в Афганистан 188
С. Петров. Мы помним братство боевое 189
С. Потапов. Боевые товарищи мои 191
Р. Сайфутдинов. На огненном перевале 193
А. Макаров. Дороги жизни и смерти 194
В. Лёгостев. Был представлен к ордену, но не получил 195
В. Ларюшкин. Гибель на взлёте 197
М. Киселев. Памяти себя сломавших 201

IV. СЕРИЯ РАССКАЗОВ О ВОИНАХ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТАХ

БАТУХТИН ВАСИЛИЙ АЛЬДИНОВИЧ 206
ИВАНОВ АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ 211
КАЛАЧЁВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ 213
ЛЕГОСТАЕВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ 216
НАУМОВ ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ 217
НЕМАТОВ РАГИБ ДАДАШ-ОГЛЫ 219
ПОПОВ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ 223
РАСПОПОВ ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ 227
РОГОЖИН ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ 229
САМИУЛЛИН РИНАТ РАВИЛЕВИЧ 232
СОКОЛОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ 238
СТАРИКОВ ГЕННАДИЙ ПЕТРОВИЧ 240
ТУЛЯКОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ 242
ШИЛКИН ВАЛЕРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ 246

V. ПОЭЗИЯ, РАЗБУЖЕННАЯ ВОЙНОЙ

В. Щенников. Баллада о Кундузских гвардейцах 255
Ю. Синицын. Друзьям-солдатам 263
А. Каменев. Посвящение ветеранам 265
А. Каменев. Посвящение ветеранам – 2 265
А. Каменев. Ненавижу войну 266
В. Ларюшкин. «Груз-200» 267
Т. Ломакина. Афганцам посвящается 268
А. Волков. Авианаводчику 269
А. Волков. Маме 270
А. Миронов. Всем нашим ребятам, побывавшим в Афгане 272
В. Аниськов. Первый пилот 273
О. Тикунов. Афганский ветер 273
Ю. Лошиц. Юра-мулла 274
В. Красюк. Третий тост 275
Е. Николаев. Кто есть кто? 276
Хазарский крест 276
В. Сыван. Полосатые Черти 277
В. Сыван. Одноразовый солдат 278
В. Сыван. Марш «Три, четыре, пять» 280
Р. Терентьев. Мужские слёзы 281
В. Витюк. Наш путь 281
В. Витюк. Нам нужен мир 282

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 283

ВВЕДЕНИЕ

Продолжавшаяся около 10 лет так называемая афганская война, без преувеличения, вошла в современную историю как драматическая и всесторонне ещё не изученная и неоценённая её страница. Не утихает боль тех, чьи родные и близкие никогда уже не вернутся домой. Долго ещё среди нас будет жить целое поколение афганцев – людей, прошедших войну, узнавших цену человеческой жизни и так порой непохожих на своих никогда не воевавших и не носивших военную форму сверстников.

События декабря 1979 года и всё, что последовало за ними, продолжают волновать людей на постсоветском пространстве. Высказываются самые различные точки зрения, порой диаметрально противоположные. Нередко в выступлениях публицистов, писателей, государственных деятелей наряду с глубоким анализом причин, хода и последствий присутствия наших войск в Афганистане имеются элементы субъективизма, поверхностного рассмотрения этих событий, а то и просто конъюнктурного подхода.

Сам факт ввода советских войск в соседнюю страну не являлся прецедентом. За шесть десятилетий существования Советского государства его войска вступали на территорию более 20 стран. Кроме того, считалось, что Советский Союз, как великая держава, обладает мощным военно-экономическим потенциалом, который позволяет легко справиться с неизбежными при таких военных акциях затратами. Сотни миллионов людей в «третьем мире» смотрели на Советский Союз как на силу, способную и обязанную оказывать материальную помощь прогрессивным социальным революциям. А именно такой представлялась тогда Апрельская революция в Афганистане.

Не могла шокировать и процедура принятия в Кремле решения на использование военной силы Советского государства в другой стране. Годами нас приучали к тому, что там – «наверху» – действует мощный,

универсальный, безупречный интеллектуально-политический механизм анализа, принятия решений и управления. Никто и не догадался заглянуть в текст Конституции СССР, где имелись ясные положения насчёт применения военной силы. Впрочем, если бы Верховный Совет всё же собрался для обсуждения вопроса о вводе советских войск в Афганистан, то единогласное голосование «за» было бы обеспечено. Ныне смешно даже представить себе, чтобы в декабре 1979 года у трибуны высшего законодательного органа страны образовалась очередь «смельчаков», готовых выступить с открытым осуждением решения, которое уже сформировалось в узком кругу членов Политбюро ЦК КПСС,

Нельзя было ставить вопрос о безнравственности принятого в Москве решения об использовании советских войск в Афганистане – средства массовой информации давали убедительный фактический материал о всенародной поддержке политики ЦК КПСС и Советского правительства. Эта акция вполне укладывалась в русло международных норм поведения государства. Существовал советско-афганский Договор о дружбе, имелись официальные просьбы афганского руководства об оказании военной помощи. Наконец, есть соответствующая статья в Уставе ООН, провозглашающая право любого суверенного государства оказывать любую помощь другому суверенному государству по просьбе последнего. А разве мировая практика не изобиловала примерами подобного рода?

Рассматривая вопрос о возможных сроках пребывания советских войск в Афганистане, одни специалисты считали возможным 3–5-летний срок (их называли «оптимистами»), другие («пессимисты») высказывали мысль, что потребуется не менее 10–15 лет. «Пессимисты» обращались к урокам истории. Они вспоминали о безуспешности многолетней колонизаторской политики Англии в Афганистане. Они приводили пример из нашего опыта борьбы с басмачеством в Средней Азии в 20-х годах, ссылались на историю американского вмешательства в 60–70-х годах в войну во Вьетнаме и на новейший пример – применение военной силы Великобританией для подавления национального движения в Северной Ирландии. Они приводили и такой аргумент: в Афганистане идёт гражданская война, в ходе которой происходит размежевание социально-политических сил и вполне возможно усиление контрреволюционного лагеря. Тем более что поступали всё новые и новые факты, свидетельствовавшие о возрастании материальной помощи контрреволюции со стороны США, КНР, Пакистана, ряда арабских стран.

Острые дискуссии велись по вопросу о том, как повлияет ввод советских войск в Афганистан на развитие внутриполитической обстановки в этой стране.

Тому, кто знал Афганистан не понаслышке, было ясно, что сам факт прибытия на его территорию с севера массы «красных солдат» в фураж-

ках с пятиконечной звездой и автоматом Калашникова в руках вызовет неоднозначную реакцию у населения: одни афганцы будут приветствовать приход «братьев по духу», другие будут негодовать при виде «неверных». При анализе условий и факторов, могущих оказывать положительное или отрицательное влияние на развитие отношений между афганцами и советскими людьми, была особо отмечена роль ислама и духовенства. Вывод заключался в том, что эффективность советского военного присутствия будет зависеть в значительной степени от того, насколько лидерам НДПА удастся приглушить и изжить извечное чувство недоверия и ненависти к «неверным» вообще и к «советским безбожникам» в том числе. Была высказана рекомендация о желательности увеличить в советском контингенте число военнослужащих, набираемых в республиках с мусульманским населением.

Как показали дальнейшие события, кабульскому правительству не удалось в первые годы склонить на сторону революции основную массу афганского духовенства, которое оказывало огромное влияние на настроения и умы широких масс сельского населения. В процессе гражданской войны в количественном соотношении чаша весов всё более склонялась в пользу оппозиции и нейтрально настроенных слоёв. Советские исследователи отметили начиная с весны 1980 года тенденцию усиления и расширения враждебного отношения представителей различных слоев афганского населения к советским военнослужащим. Свою роль здесь сыграла и проводимая западными и пакистанскими спецслужбами активная антисоветская пропаганда.

В начале 80-х годов были проанализированы условия и причины, которые с неизбежностью должны были повлиять на отношение населения Советского Союза к этой военной акции.

Советские граждане в целом спокойно восприняли сообщение о посылке войск в Афганистан, так как были приучены к позитивному восприятию официальных сообщений о предпринимаемых ЦК КПСС и Советским правительством политических мерах и военных акциях. Однако, поскольку война в Афганистане представлялась затяжной и кровопролитной, был сделан вывод о неизбежности постепенного нарастания народной волны недовольства, размежевания социальных групп по их отношению к этой войне. Последующие события подтвердили этот вывод.

Были рассмотрены и возможные для СССР осложнения на международной арене, вызванные данной военной акцией.

Организация Объединенных Наций осудила акт ввода советских войск в Афганистан. Было ясно, что США и страны НАТО предпримут политические, дипломатические и идеологические шаги в целях дискредитации СССР в глазах мировой общественности и постараются с наибольшей выгодой для себя воспользоваться сложившейся ситуацией. Со-

ветский Союз оказался в международной изоляции и потерял свой престиж в зоне «третьего мира». Резко ухудшились советско-американские отношения и отношения СССР с ведущими государствами Западной Европы и некоторыми странами «третьего мира».

«Истина обнажена на поле боя…» Это изречение французского писателя Андрэ Моруа уместно применить к характеристике афганской войны, которая началась задолго до ввода советских войск в Афганистан и продолжается, к сожалению, сейчас, после того как последний советский солдат давно уже покинул эту страну.

У военных историков был и остаётся долг: восстановить подлинное лицо афганской войны. Однако жажда познания истины об интернациональной миссии СССР столь велика у нашего народа, что потребуется ещё много книг, чтобы её утолить. И прежде всего нужны книги с воспоминаниями самих участников афганских событий. Ведь через афганскую войну прошли около 660 тысяч советских воинов-интернационалистов. Им есть что сказать.

В предлагаемый вниманию читателей сборник включены повести, рассказы, стихи воинов-афганцев. Они в популярной форме рассказывают о войне в Афганистане и дают ответы на многочисленные вопросы, связанные с этой войной.

I. КАК НАЧИНАЛАСЬ АФГАНСКАЯ ЭПОПЕЯ...

ТУХАРИНОВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
первый командарм 40-й армии, генерал-лейтенант

Родился 3 мая 1927 года в г. Вятка. После окончания средней школы с 1943 года работал фрезеровщиком на машиностроительном заводе, выпускавшем в годы Великой Отечественной войны лёгкие танки, а затем детали для средних и тяжёлых танков.

Окончил в 1949 году Саратовское пехотное училище. С октября 1949 года служил в Белорусском военном округе командиром пулемётного взвода мотострелкового полка. С января 1954 года находился в Группе советских войск в Германии, командовал стрелковой ротой, был заместителем командира батальона и начальником полковой школы сержантов.

В 1963 году после завершения учёбы в Военной академии имени М. В. Фрунзе направлен в Киевский военный округ заместителем командира мотострелкового полка. С ноября 1965 года – командир 426-го гвардейского мотострелкового полка 25-й гвардейской мотострелковой дивизии в том же округе.

В 1972 году окончил Военную академию Генерального штаба.

С марта 1972 года служил в Забайкальском военном округе, командовал 150-й мотострелковой дивизией, с апреля 1974 года – первый заместитель командующего 29-й общевойсковой армией, с января 1976 года – командующий 29-й армией.

В сентябре 1979 года назначен первым заместителем командующего войсками Туркестанского военного округа. Неоднократно посещал Афганистан в составе советских военных делегаций.

12 декабря 1979 года был назначен командующим 40-й общевойсковой армией, ввод которой в Афганистан начался 27 декабря 1979 года.

В сентябре 1980 года вернулся к исполнению обязанностей первого заместителя командующего войсками Туркестанского военного округа. В 1981–1982 годах одновременно был руководителем оперативной группы округа по обеспечению руководства боевых действий Ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

С 1983 года – помощник представителя Главнокомандующего Объединёнными вооружёнными силами государств Варшавского договора в ГДР. В 1990 году уволен в отставку по болезни.

Награждён орденами Октябрьской Революции (1981), Красной Звезды (1974), «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3-й степени (1979), медалью «За боевые заслуги» (1958), другими медалями.

Скончался 20 декабря 1998 года.

В 1979 году я сдал армию в Улан-Удэ и прибыл на новую должность первого заместителя командующего Туркестанским округом в октябре месяце 1979 года. И сразу окунулся в работу по изучению округа. Летал, смотрел, знакомился с людьми. В направлении мне командующий дал задание: особое внимание обратить на западный район – это граница Ирана, Афганистана, Кушка. Не успел ознакомиться с округом, получил задачу. Вызвал командующий генерал Максимов и сказал: «Товарищ дорогой, сходи к операторам, ознакомься с планом ввода войск в Афганистан».

Это было примерно с 10 до 13 декабря. За пару дней я ознакомился с планом. Вопрос стоял так: надо Афганистану помочь, так как там начинают разрастаться бандформирования, Афганистан якобы уже отходит в сторону, Амин что-то неправильно руководит. И в то же время они просят ввести наши войска, чтобы морально поддержать их, чтобы наши войска были там. И такого, я бы сказал, особого значения в первый и второй день я даже не придал. Не думал, что развернутся боевые действия, что это затянется на девять с лишним лет. Но через два дня поступил приказ от командующего выйти в Термез на полигон и формировать армию. Я вылетел в Термез, сформировали штаб. Офицерский состав, генералы, то есть весь комплект, включая и технический парк, был взят в округе. Там остались командующий, начальник штаба, член военного совета, начальник тыла. Остальные все ушли как бы ниже на одну ступень в армию.

На тот момент армии такой не существовало, она только в плане была, на бумаге. Была 108-я дивизия сокращённого состава в Термезе, численность которой нужно было довести до 12 тысяч человек и затем на её базе развернуть армию.

Формирование шло открыто, скрытности никакой не было. Отмобилизовывалась дивизия личным составом тех районов, в которых проживало население. Это были узбеки, таджики, туркмены из республик, которые находились в Туркестанском округе. Работа шла очень организованно. Случаи опозданий, неприходов были редкими.

К 12 декабря уже имелся план действий, куда идём. Мы должны были войти в Афганистан двумя дивизиями и разместиться по двум маршрутам. С 12 по 24 декабря провели отмобилизование, изучение театра Афганистана, маршрутов, доведение задач до личного состава. Готовность была определена на 25 декабря. Занимались мы подготовкой днём и ночью. Поэтому за короткое время успели сделать очень многое. У нас каждый знал, что, как, куда он идёт.

Мы – военные люди, если поступил приказ сделать что-то до такого-то времени, мы его выполняем. К 25-му числу я получил от командующего приказ, устный.

Командующий и группа Генштаба были в Термезе, поэтому все вопросы решались на месте, на карте. Расчёты все докладывались на карте. Мне командующий приказал слетать в Афганистан, переговорить с братом Амина, который правил всем севером, и разместить войска не в Кабуле, а пока на севере.

Я из Термеза вылетел с группой в Кундуз, где была группа представителей Генерального штаба афганской армии из Кабула. Принял нас брат Амина. Мы посидели, поговорили. Сказали, что приехали удовлетворить их просьбу и решить вопрос, где разместить войска. Он сказал, чтобы мы съездили в Ханабад, это на востоке. Посмотрите, дескать, где там можно разместить. Мне выделили машину, на которой ехали открыто, в форме, без маскировки. Посмотрели, где можно разместить войска, приехали обратно, сказали, что это место нам не подходит. Надо смотреть другие места.

Вечером в 18.00 24 декабря войска по команде пошли пересекать границу. Там нас встречали представители Генерального штаба. Всё делалось по устным командам и распоряжениям. Командир дивизии доложил, что не может пройти напрямую на Кундуз, нет дороги. На карте дорога есть, а практически её нет. Я вылетел в Таш-Курган, где остановилась дивизия. Вертолёт сел на окраине города. Вижу: стоят колонны, рядом много собралось афганцев, женщин, детей. Я вышел из вертолёта, все руки подают, здороваются, весёлый такой народ, даже цветы дарят.

Колонны пошли на Баглан по ровной асфальтированной дороге вдоль гор. Дошли мы до Баглана, где два полка остановились на ночь, а командир дивизии уже пошёл на север и оказался со своим штабом в горах.

На другой день, 25 декабря, утром мы с маршалом Соколовым облетели войска, дали команду остановиться. Сели, переговорили с людьми, с афганцами. Никаких эксцессов, каких-то выступлений, наоборот, люди нас как-то очень тепло встречали.

Вдруг в 19.00 мне звонит из Ташкента по телефону командующий и говорит: «Тебе часовая готовность на Кабул». Для меня это был самый сложный момент. Командир дивизии со штабом в горах, связи с ним нет, а в распоряжении только час. Удалось выйти на него через командира полка и передать приказ. И 26 декабря дивизия пошла на Кабул. Было приказано к 17.00 быть в Кабуле и поступить в распоряжение Военного совета. Я управлял дивизией до того, как она вошла в Кабул. Командир дивизии в ходе марша был сменён на полковника Миронова. Мне было приказано передать дивизию в Кабуле. Маршрут был тяжелейший: более 45 километров подъём и столько же спуск.

Мы выполняли устные приказы, так как получивший приказ по уставу должен выполнить его беспрекословно, точно и в срок. Это обязанность

любого командира, получившего приказ. Если он не выполнит, то он должен идти под военный трибунал.

Сейчас – это по-другому. Демократия сплошная, хотят в армию идти – идут, не хотят – не идут. Указ Президента – идти в армию, а он не идёт. Его должны судить, а его не судят. Штрафы придумали. Мы воспитаны были по-другому.

Бывали случаи, когда некоторые не хотели, пугались, так их сразу увольняли. Армия без приказа не может существовать. Если мой подчинённый не будет выполнять приказ, то это уже не армия, это уже анархия, откровенно говоря.

В то время, когда объявили, что войска вошли в Афганистан, весь афганский народ, по моим впечатлениям, аплодировал, никто не был против ввода войск.

Принимает решение об использовании военной силы политическое руководство, а военные выполняют. Военные не начинают войну. Я сейчас сам считаю, что не было необходимости нам вводить войска, но это сейчас моё такое мнение. Если мы хотим знать правду об Афганистане, значит, мы должны смотреть с позиций тех лет.

Очень большая работа по управлению войсками осуществлялась маршалами Соколовым и Ахромеевым. Они очень скрупулёзно разбирались по всем операциям.

II. ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА – УЧАСТНИКИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В АФГАНИСТАНЕ

АУШЕВ РУСЛАН СУЛТАНОВИЧ

Родился 29 октября 1954 года в с. Володарское Володарского района Кокчетавской области.

Окончил Орджоникидзевское высшее общевойсковое дважды Краснознамённое училище им. Маршала Советского Союза А. И. Ерёменко, Военную академию им. М. В. Фрунзе.

Служил в должностях командира взвода, роты, начальника штаба и командира батальона, начальника штаба и командира полка, зам. командира дивизии, начальника отдела боевой подготовки армии. Два срока находился в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Был ранен.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга, удостоен звания Героя Советского Союза.

Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Славы, орденом «Звезды» I степени Республики Афганистан.

В 2000 году уволен с военной службы по личной просьбе.

Дважды избирался президентом Республики Ингушетия.

В настоящий момент – председатель Комитета по делам воинов-интернационалистов при Совете глав правительств государств – участников Содружества Независимых Государств.

АФГАНСКИЙ БУМЕРАНГ ВЕРНУЛСЯ В США

Военная операция США в Афганистане, которая ведётся уже много лет, не приносит ожидаемых результатов. Американские политологи, эксперты, аналитики сегодня наперебой дают советы своему правительству, предлагая ему выход из создавшегося положения.

Президент США Барак Обама напряг минобороны и срочно потребовал новый план действий. В Вашингтоне, судя по всему, опять вспомнили о боевом опыте советских войск в Афганистане.

Пентагон пригласил «на деловой разговор» ветерана той девятилетней войны Героя Советского Союза генерала Руслана Аушева. Ниже приводится содержание беседы военного обозревателя «Комсомольской правды» Виктора Баранца с Р. С. Аушевым.

– Руслан Султанович, перед кем вы выступали в Пентагоне?

– Были человек 30 генералов и старших офицеров. Были среди них и те, кто побывал на войне в Афганистане.

– И о чём же вас спрашивали сановные вояки?

– Они интересовались моим мнением о нынешней военно-политической ситуации в Афганистане, где я, кстати, в последние годы не раз бывал. И просили дать совет: как им быть дальше? Один американский генерал сказал мне: «Представьте, что вы – военный советник Обамы. Что вы порекомендовали бы нашему президенту?»

– И что же вы посоветовали?

– Я сказал: на месте американского военного советника я бы, прежде всего, постарался убедить Обаму, что его армия в Афганистане воюет не с террористами. Талибы – это часть населения Афганистана. Ну, нельзя же всех их чохом считать террористами и объявить им тотальную войну. Это грубейшая ошибка. К тому же надо считаться и с другим: талибы – это не только люди, которые хотят занимать своё место в политике и экономике страны, но и религиозная идея. Причём идея достаточно популярная среди немалой части афганцев. И душить её оружием, смешивая с банальным терроризмом, просто неразумно. Да и опасно. Американцы в этом почти один в один повторяют те же ошибки, которые допустили мы, когда вошли в Афганистан в 1979 году.

– Какие именно ошибки?

– Мы тогда усадили в Кабуле своё марионеточное правительство и своими штыками поддерживали его, привлекая для этого и части обученной и оснащённой нами правительственной афганской армии. Этим мы разорвали Афган на два лагеря: поддерживающий нас и «вражеский», состоящий из вооружённых формирований моджахедов. Такую же картину мы видим в Афганистане и сейчас. Причём сопротивление талибов с каждым месяцем растёт, это уже и сами американцы признают. Ещё одна наша ошибка – навязывание своего образа жизни. То же самое американцы делают. Они устроили «демократические» выборы, хотя механизмы устройства власти в Афганистане издревле были совсем иными. Думаю, что избирать президента (лидера Исламской Республики Афганистан) необходимо было на Лойе джирге, в которую входят представители всех политических сил, племён, народностей. Те выборы, которые афганцы недавно провели под присмотром американцев, лишь усилили противостояние в обществе, поскольку явно были «нечистыми».

– А чем, на ваш взгляд, сильнее всего отличается «наша» война в Афганистане от нынешней?

– Когда наш Ограниченный контингент воевал с моджахедами, им помогали оружием, техникой, боеприпасами, деньгами, специалистами,

продовольствием десятки стран во главе с США. Сейчас наоборот: американцам и их союзникам помогают мощная натовская коалиция плюс партнеры, не входящие в НАТО, плюс почти 30-тысячная афганская армия. А талибам помогают разве что сочувствующие им единоверцы из Пакистана. И всё равно такая почти 70-тысячная махина даже 20-тысячную группировку талибов не может одолеть. Чем дольше воюют талибы, тем лучше становится их тактика. К тому же на место одного убитого талиба в строй становятся три новых бойца.

– Уже стало известно, что Пентагон намерен увеличить коалиционную группировку в Афганистане на 30–40 тыс. человек и довести её до 100 тыс. штыков. Это почти столько же, сколько было в своё время там советских войск. Как вы думаете, такой армадой талибов можно будет победить?

– Нет. Ибо и вооружённые формирования талибов в таком случае будут расти. И количество стран, которые станут помогать им, – тоже. Это ещё больше усилит противостояние США и НАТО с мусульманским миром. Война может стать бесконечной.

– Тогда где же выход?

– Выход только один. Тот, кто действительно хочет мира в Афганистане, должен приходить в эту страну с мукóй, а не со штыком. И не мешать афганцам избрать такую власть, какую они сами сочтут нужной. Я считаю, что только помощь всего мира в создании экономики этой многострадальной страны может принести на её землю мир.

– И тем не менее США всё чаще подают России сигналы «приглашения» на афганскую войну. От Москвы уже чуть ли не требуют снарядить туда крупный воинский контингент. Что это даст?

– А ничего. Мы будем нести такие же бесполезные людские потери, как американцы и их союзники. Но Россия ведь опосредованно уже и так участвует в афганской войне: сначала мы предоставили США и НАТО возможность перевозить на юг по железной дороге по нашей территории их военные грузы, а недавно открыли ещё и воздушный коридор. В Афганистане работают наши гражданские вертолётчики. Наши самолёты перебрасывают из США грузы в Афганистан через Пакистан. Это очень даже немалая помощь.

– Но давайте всё же представим, что Россия согласилась послать в Афганистан тысяч 10 или даже 30 своих военнослужащих. Как это может повлиять на ситуацию в стране, где фактически идет гражданская война?

– Ну, во-первых, я не думаю, что большинство россиян воспримут такое решение с восторгом. Люди будут спрашивать: «Что, прошлая война нас ничему не научила? Ради чего должны гибнуть в Афгане наши солдаты и офицеры?» А если даже решение будет принято, то первые же наши гробы из Афганистана могут вызвать взрыв недовольства в обществе. Народ неизбежно будет спрашивать: «Что, у нас своих более важных проблем нет?»

– Но американское руководство уже прямо или косвенно даёт понять Москве – дескать, мы же и за вас делаем в Афгане важную работу...

– А мы не просили американцев, да и натовцев вообще делать эту «работу» ни в Югославии, ни в Ираке, ни в Афганистане. Кто заварил эту кашу, тот пусть её и расхлёбывает. Я думаю, что наша позиция должна быть простой и ясной: каждый народ имеет право жить так, как ему хочется.

И не надо мешать ему самому наводить порядок в собственном доме. Ни одна власть на чужих штыках не удержится.

– Недавно замминистра обороны США Александр Вершбоу открытым текстом дал понять, что Вашингтон ждёт от Москвы ещё и финансовой помощи для создания экономики Афганистана.

– Насколько мне известно, Россия простила Афганистану огромный финансовый долг. И готова помогать Кабулу деньгами, специалистами, продовольствием, стройматериалами. Я думаю, что руководство нашей страны не откажет афганцам в новой финансовой помощи. Это гораздо лучше, чем посылать солдат на войну в чужую страну, народ которой страшно не любит «непрошеных гостей».

– Что же вы в итоге насоветовали американским военным?

– Прежде всего, надо дать афганцам возможность избрать такую власть, которую они хотят. В ней, безусловно, должны быть представлены и талибы. Кстати, такая идея уже всё чаще звучит в американских политических и военных кругах. Но вывод иностранной группировки войск из Афганистана должен сопровождаться троекратным, десятикратным усилением международной экономической помощи этой стране.

– За время нынешней 8-летней войны в Афганистане более чем на 40% увеличился наркотрафик из этой страны. Почему?

– Вспомните, при талибах наркотрафика почти не стало. Они выкашивали поля. Преступности практически не было. За наркоманию – смертная казнь. А что сегодня есть в экономике Афганистана? Ноль. 90% – доходы от наркотиков. 90% всего героина, произведённого в мире, – афганский. Все их наркобароны сейчас живут и жируют в Эмиратах, имея в Афганистане свои вооружённые формирования, прикрывающие наркобизнес. Афганистан – децентрализованная страна. Там вроде есть президент, но кто ему за пределами Кабула подчиняется?

– Почему же коалиционная группировка в Афганистане не смогла остановить наркотрафик?

– А как она это сделает? Как перекрыть афганскую границу, в том числе и в труднодоступных горах?

– Но ведь 90% наркотиков из Афгана попадает в Россию и Европу через его границы с бывшими республиками СССР.

– Вот здесь мы и можем, и должны оказывать помощь этим республикам в надёжной охране границы. Если так же поступят все соседние с Афганом страны, его экономика начнёт меняться. Опять-таки при мощной международной экономической помощи.

Но при условии, что будет урегулирован самый главный вопрос – политический. Афганистан должен получить честно избранную всенародную власть, в которой, повторюсь, будут представлены все политические и религиозные силы. Только после этого афганцы смогут приступить к мирной жизни, перестанут воевать и начнут строить свою страну. Дальнейшая война может привести к дестабилизации обстановки во всей Азии, и мир столкнётся уже не только с региональной, но и с серьёзнейшей глобальной проблемой. И чем раньше руководство США поймёт это, тем лучше будет для мира.

Виктор БАРАНЕЦ

ВЫСОЦКИЙ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился 4 апреля 1947 года в г. Белёв Тульской области.

В 1970 году окончил Ташкентское высшее танковое командное ордена Ленина училище, в 1978 году – Военную академию имени М. В. Фрунзе.

С декабря 1979 года по июль 1982 года находился в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане, командуя 180-м мотострелковым полком 108-й Невельской Краснознамённой мотострелковой дивизии. 87 раз участвовал в рейдовых операциях по разгрому бандформирований.

Указом Президиума Верховного Совета от 20 сентября 1982 года за мужество и героизм, проявленные при оказании интернациональной помощи Демократической Республике Афганистан, присвоено звание Героя Советского Союза.

Возвратившись в Советский Союз, в 1982–1986 годах продолжил службу в Краснознамённом Одесском военном округе: командир мотострелкового полка, начальник штаба и командир мотострелковой дивизии.

В 1988 году окончил Военную академию Генерального штаба.

С 1988 года – начальник штаба общевойсковой армии. С 1989 года – командующий общевойсковой армией в Краснознамённом Дальневосточном военном округе. С 1991 года – первый заместитель командующего войсками Забайкальского военного округа.

Указом Президента РФ от 19 августа 1992 года № 904 назначен начальником Главного управления подготовки и распределения кадров Министерства обороны РФ – заместителем Министра обороны РФ. В 1994 году генерал-лейтенанту Высоцкому Е. В. присвоено воинское звание «генерал-полковник».

Награждён орденом Ленина, орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3-й степени, медалями.

Скончался 5 мая 2011 года.

ЭХО АФГАНСКИХ ГОР

Ему снилось, будто бы он, полковник Высоцкий, летит на самолёте и, куда ни бросит взгляд, кругом остроконечные заснеженные вершины гор, убегающие за горизонт. И вдруг, как наяву, услышал: «Товарищ командир, „духи“!». «Зернов, огонь!» – приказывает он командиру артподразделения и тут же просыпается. Перед ним – встревоженные глаза жены. «Не беспокойся, – смущённо говорит Евгений. – Это эхо афганских гор».

Встал, прихватил альбом с фотографиями и пошёл на кухню. Пока шёл, невольно подумал, что в Афганистане сны ему не снились. На отдых отводилось очень мало времени, так что засыпал мгновенно.

Высоцкий открыл альбом и словно вновь окунулся в атмосферу того тревожного времени. Вот они на окраине населённого пункта среди камней и песка ставят свой первый палаточный городок. А всевозможные «голоса» трубили в эфир: мол, советские войска изгоняют местных жителей, занимают их жилища.

Евгений переворачивает страницу альбома. Два снимка комбата Руслана Аушева. На одном он ещё капитан, а на другом уже майор с орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза. А рядом с ним – бесстрашный начальник штаба полка кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды подполковник Георгий Крамаренко. Сразу вспомнился Панджшер – долина с множеством кишлаков и узким, почти бутылочным, входом в неё. Этот вход и блокировали душманы, став хозяевами долины.

…Панджшер встретил огнём. И хотя комбат Аушев докладывал по рации, что всё нормально, Высоцкий слышал в наушниках приглушённое, как будто из-за толстой стены, уханье, треск эфира. «Нормального», судя по всему, там ничего не было...

Ещё неизвестно, что труднее – командовать людьми или вместе с ними идти в атаку на бандитов. Каждый, кто попал в засаду, дорог ему, как, скажем, дорог сын Сашка. И когда знаешь, что в ущелье пулемёты и автоматы душманов шьют смертные строчки, чувствуешь себя как на лезвии бритвы. Но место командира полка не в цепи атакующих. Его геро-

изм – в умении подготовить людей к победным боевым действиям, организовать бой, в котором успех достигается при минимуме потерь.

Очень непросто было посылать в бой людей, когда небо ясное и жизнь так прекрасна. Но надо! Чтобы не пухли от голода афганские ребятишки, не вспарывали воздух автоматные очереди бандитов, не вонзались ножи в спины тех, кто не хочет жить по-старому.

Вместе со своими подчинёнными Евгений Высоцкий не раз смотрел смерти в лицо. И это их имена долгим, неумолкающим эхом звучат в его сердце. Они всегда с ним.

Николай УФАРКИН, Виктор СВЕТИКОВ

ВОСТРОТИН ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился 20 ноября 1952 года в г. Касли Челябинской области.

Окончил Свердловское суворовское военное училище (1971), Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище (1975), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1985), Военную академию Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации (1994).

В период с 1975 по 1982 год проходил службу на должностях командира парашютно-десантного взвода, заместителя командира роты, помощника начальника штаба, командира роты, начальника штаба – заместителя командира батальона, командира батальона 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка.

С 1985 по 1986 год – начальник штаба – заместитель командира, командир 300-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка, с 1986 по 1989 год – командир 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка, с 1989 по1992 год – командир 98-й гвардейской воздушно-десантной дивизии

За мужество и героизм, проявленные при оказании интернациональной помощи в Афганистане, указом президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1988 года присвоено звание Героя Советского Союза.

С 1994 по 2003 год занимал должность заместителя Министра Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

7 декабря 2003 г. был избран в Государственную Думу Российской Федерации четвертого созыва.

В настоящее время – первый заместитель председателя Комитета по делам воинов-интернационалистов при Совете глав правительств государств-участников, председатель «Союза десантников России», глава Московского городского отделения ВООВ «Боевое братство».

НЕСПОКОЙНАЯ ДУША

Генерал-полковник Валерий Востротин, побывавший практически во всех «горячих» точках мира, гордится тем, что родился на Южном Урале. Он не любит давать интервью журналистам, потому как не привык говорить то, что положено, а «режет правду-матку» в глаза.

Уже несколько лет генерал входит в исполком центрального аппарата организации ветеранов «Боевое братство» и выполняет обязанности руководителя московского отделения. На другой работе – в комитете по безопасности в Государственной Думе – также немало хлопот. Кому, если не ему, бывшему заместителю министра по чрезвычайным ситуациям, лучше знать возможные последствия техногенных аварий и катастроф и по возможности уметь их предотвратить.

Когда случилась трагедия в Ленске и весенним половодьем смыло весь город, а жители в одночасье потеряли всё, Валерий Александрович руководил восстановлением жизни в якутском городке. Каждый день он докладывал главе МЧС Сергею Шойгу о проделанной работе. Уже потом начальник отметит его труд и доложит о Востротине президенту России Владимиру Путину. Ни разу не проигравший на поле битвы своему противнику, он и здесь, в мирной жизни, одержал очередную победу.

Паренёк из российской глубинки

Родительский дом в Каслях, выкрашенный в зелёный цвет, с резными наличниками, палисадом и тесовыми воротами, смотрится как новый. А ведь строили его тогда, когда Валера учился в школе. До него на этой земле стояла старая хибара. Востротины на Южном Урале живут давно. Прадед Валерия Александровича ловил рыбу к столу хозяев-заводчиков, дед работал на мельнице, хозяином которой был немец. Его отец – участник Великой Отечественной войны, водитель легендарной «Катюши» – тоже родился, жил и умер в родных Каслях.

Валера очень гордился в детстве своим отцом, его героическими подвигами. Скорее всего, это и предопределило его выбор профессии.

Уже во втором классе Валерка написал заявление и отнёс его в военкомат. Просил принять его в суворовское училище. Родителям об этом не сказал. Знал, что будут отговаривать.

Действительно, когда военком вызвал родителей к себе и сообщил о решении Валеры, мама Александра Ивановна долго не могла успокоиться.

– Проплакала весь день, – вспоминает 78-летняя Александра Востротина, – потом решила: будь что будет. Думала, пройдёт время, остынет и забудет.

Лишь отец на решение сына посмотрел, как человек, прошедший войну:

– Чтобы стать суворовцем, сам понимаешь, надо хорошо учиться, физкультурой заниматься, закаляться, в конце концов. Не то какой из тебя вояка получится?

Валера каждое утро после трёхкилометровой пробежки обливался холодной водой из колодца, зимой снегом обтирался.

Однажды, когда сыну исполнилось 11 лет, отец взял его с собой на озеро. Отплыли от берега и взяли курс на противоположный. Валера на середине озера попросил отца:

– Папа, останови моторку.

– Это ещё зачем? – сурово спросил бывший фронтовик.

– Попробую сам до того берега доплыть.

– Ну что же, пробуй, – сказал отец с доброй усмешкой.

Валерий проплыл оставшееся до берега расстояние, пять километров, самостоятельно. Всё время отец будущего героя шёл на моторке рядом для подстраховки. Очень гордился потом мальчик своим поступком, о котором отец рассказал городским пацанам.

Так Востротин готовил себя к настоящей военной службе. За долгие годы учёбы не забыл Валерий о своём детском заявлении. Когда заканчивал школу, вновь написал рапорт. Через время пришло письмо из Свердловского суворовского училища. Приглашали приехать и сдать вступительные экзамены. Мама опять заплакала.

– Всё надеялась, что не поступит, – продолжает вспоминать Александра Ивановна. – По здоровью, думала, не пройдёт.

Но сын прошёл по всем статьям и вскоре позвонил домой.

– Ура-а-а-а-а! Мама, я поступил в суворовское училище! – кричал в трубку радостный Валера. – Я буду настоящим офицером, ты ещё будешь мной гордиться.

– Вот с той поры и стал мой сыночек казённым человеком, а то, что он станет героем, мне ещё в родильном доме цыганка нагадала.

Видит мама сына очень и очень редко. Суворовское училище, затем Рязанское высшее военно-десантное командное училище, «горячие» точки десятка стран, военная академия.

– А так бы хотелось, чтобы сыночек пожил хоть немного в отчем доме.

Не знает мама, что тянет её сына к своим истокам – к Каслям, к Южному Уралу, напитавшему его могучей жизненной силой, подарившему независимый, настырный характер.

Не только боевыми подвигами славен генерал Востротин. Оказывается, он ещё пишет стихи и рисует маслом. Недавно он задумал написать

поэму, которая будет начинаться примерно так: «Разменяю я полтинник на рубли. Брошу первый рубль в озеро Касли…».

«Чёрная акула»

Несколько лет назад стал генерал Востротин ещё и актёром. Будучи в звании генерал-лейтенанта, сыграл храброго и бесшабашного майора спецназа Гусарова в фильме об афганской войне «Чёрная акула». Говорящая фамилия у его героя как раз под стать нашему знаменитому земляку. Когда фильм показывают по телевизору, а это обычно случается в канун военных праздников – на 23 февраля и 9 мая, его домашний и мобильный разрываются от звонков. Звонят со всех уголков России и стран бывшего Советского Союза.

– Валера, мы тебя видели. Ты настоящий герой!

Популярность после выхода фильма на советские экраны была бешеная. Люди были в восторге от одной мысли провести вечер в компании такого человека.

Тяжёлое ранение

…Июль 1980 года. Афганистан. Старший лейтенант Востротин в том походе исполнял обязанности командира батальона. Десантники совершали боевой марш в один из отдалённых горных районов. В узком афганском ущелье колонна попала в засаду. Комбат находился в командирской машине, когда увидел, как взметнулся в небо огненный столб. Несколько секунд назад там была боевая машина десантников. Разгорелся жестокий бой. Востротин приказал засечь огневые точки душманов и подавить их как можно быстрее. Сам вышел на связь, чтобы отправить радиодонесение на командный пункт. Как только оторвал руку от рации, его оглушило мощным взрывом. В машину стрелял бандит из гранатомёта. Снаряд, пробив броню, разорвался внутри машины. От смертельного осколка прикрыла рука, которую в тот момент поднёс к лицу Валерий.

Опалённый с ног до головы пламенем, иссечённый осколками, теряя зрение, старший лейтенант Востротин продолжал руководить страшным боем. С командного пункта вышли на связь с ним.

– Как дела, старлей?

– Нормально, – отвечал срывающимся голосом комбат. – Веду бой.

– Что с тобой? Ты ранен?

– Немного…

Когда бой немного затих, бойцы перевязали раненного командира. Валерий Александрович приказал авианаводчику вызвать авиацию. Тут же прилетели две «вертушки». Пока в один вертолёт грузили раненых и убитых, другой прикрывал отход с неба. Но вертолёт тут же подбили из вражеского гранатомёта.

– Вот такой ценой твою жизнь спасаем, браток, – гримасничая от злости, прокричал в мегафон командир второго вертолёта.

– Я обязательно вернусь сюда, – прохрипел будущий Герой Советского Союза и потерял сознание.

Очнулся офицер уже в госпитале. Врачи делали всё, что могли. Но всему есть предел.

– Не жилец Вострotин, – шептали они в курилке.

Что помогло выжить нашему земляку – сила духа, желание жить или любовь жены, которая тут же примчалась в ташкентский госпиталь, – одному богу известно. После долгих скитаний по госпиталям Валерий Вострotин вновь вернулся в строй. И вновь попросился в Афганистан.

– Я должен выполнить своё обещание!

Теперь он стал комбатом. Получил второе ранение. Будучи уже командиром полка, блестяще организовал и провёл операцию по очистке от душманов участка афгано-пакистанской границы. Заманил озверевших бандитов на минное поле и кинжальным огнём затаившихся десантников решил исход боя в свою пользу.

За мужество и героизм, проявленные при оказании интернациональной помощи в Афганистане, указом президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1988 года командиру парашютно-десантного полка подполковнику Валерию Александровичу Вострotину присвоено звание Героя Советского Союза. На следующий год, в 37 лет, он получил генеральское звание. Ни один военный за всю историю не получал звание генерала в таком возрасте, как он. С другими такое случается к 45 годам, а то и позже.

Он и сегодня всегда в прекрасной физической форме. Каждый день занимается в тренажёрном зале. Два-три раза в неделю играет в футбол. По сей день его кровь будоражит стремление реализовать себя в чём-то ещё, будь то стихи или игра на гармошке. Какая ещё не спетая песня тревожит душу нашего знаменитого земляка, генерала, «военного до мозга костей»?

Виктор ЗАГВОЗДИН

III. БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ

АФГАНСКИЕ ПЕРЕЛЁТЫ

Владимир Душин,
подполковник в отставке,
член Патриотического
объединения «Панджшер»

Родился в 1936 году в г. Москве. Окончил Горьковское военное училище связи.

В должности старшего научного сотрудника – начальника лаборатории Научно-исследовательского института МО СССР занимался испытанием и оценкой качества средств связи. Для практического решения этих проблем неоднократно командировался в 40-ю армию в ДРА со спецзаданиями по модернизации и испытанию боевой техники связи. Об этом он пишет в своих воспоминаниях.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Афганистан! Предполагал ли когда народ нашей страны, что Советская Армия: наши солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры – отцы, дети, братья – будут на этой мусульманской земле вести боевые действия, в прямом смысле воевать и даже оставлять свои жизни.

Но вот политики приняли политическое решение, и события развернулись по времени на будущих целых девять лет. Войска Советской Армии стремительно пересекли государственную границу, вошли в дружественный Афганистан и разместились палаточными гарнизонами по основным провинциям и городам страны по всему Афганистану. Было введено, естественно, много боевой и обслуживающей техники. Но с первых же дней ввода возникли определённые проблемы при её эксплуатации, проявились серьёзные недостатки боевого применения в связи со специфическими природными и климатическими особенностями страны.

Всем известна банальная истина: лучшая проверка и оценка вооружения – это применение его в боевой обстановке и в совершенно различных погодных и временных условиях, а также желательно располагать самыми различными ландшафтными условиями. Недостатки проявились по многим вопросам: как в ведении боевых действий, так и в обеспечении быта как частей и подразделений, так и самого руководства.

Тем более что ввод был осуществлён 27 декабря 1979 года. А ведь это зима. Хоть и на юге, но в условиях снежного, холодного высокогорья, что добавило серьёзных сложностей и даже приводило к человеческим жертвам.

Таким вступлением я начал специально для того, чтобы появилась ясность в вопросе, почему спешно возникла необходимость таких командировок, какую пришлось по решению командования возглавить и выполнить мне, младшему научному сотруднику 38 НИИИ Министерства обороны СССР. Всё началось с того, что пошли доклады о трудностях организации радиосвязи в войсковом звене в горных условиях Афганистана. Возникла конкретная практическая задача: как обеспечить надёжную, бесперебойную радиосвязь в горах? Для этого необходимо было провести совместную работу специалистов по теоретическому обоснованию предполагаемых способов решения этой проблемы. В дальнейшем перевести всё это в схемы, сделать в металле и провести предварительные испытания. Испытания необходимо провести хотя бы в наших условиях средней полосы. Но желательно получить положительные начальные результаты, подтверждающие теоретические замыслы наших товарищей-связистов, соисполнителей из 16-го Центрального НИИ связи также Министерства обороны и Запорожского радиоинститута. Вся работа была ограничена очень короткими по времени сроками исполнения, всего лишь одной выездной экспедицией. На это активно работало командование института, начальство из НТК Главного бронетанкового управления, а также НТК управления Начальника войск связи. Уже в марте были готовы макеты в кустарных производственных условиях и сразу же провели экспедицию для испытаний радиосвязи на реальных дальностях в 350 километров с заездом в Смоленскую область.

Испытания дали положительный результат и общее удовлетворение от работы коллективам обоих институтов. И тут же по итогам этой творческой работы в виде письменного научного отчёта, написанного мною, и по отработанному и проверенному макету на Челябинском тракторном заводе сделали окончательный вариант оборудования для модернизации объектов. Завод произвёл такое количество, какое точно соответствовало бы числу машин, подлежащих переоборудованию в войсках. Это были уже давно выпускаемые серийно командно-штабные машины на гусеничной базе БМП-1 КШ (КШМ). Вот они-то и подлежали доработке. Была издана соответствующая директива Главкома Сухопутных войск, в которой был определён состав моей группы, включая специалистов науки и промышленности, а также уточнены вопросы организационного и материального обеспечения. Состав группы был подобран и утверждён такой, чтобы грамотно и надёжно сделать переоборудование на конкретных образцах непосредственно в войсковых условиях, прямо в местах их расквартирования в Афганистане. О чём я и получил, как руководитель этой команды, подробнейший инструктаж у высокого начальства на Фрунзенской набережной, а именно в кабинете генерал-лейтенанта Дикого В. В.

А начальство поменьше в это время организовывало заграничные служебные паспорта, визы и другие необходимые документы. К примеру: необходимо было разрешение для таможни на право провоза нашего имущества без досмотра. А груза у нас была целая тонна и даже ещё сто килограмм. Этот груз собирался по линии военной приёмки на далёком сибирском тракторном заводе в Челябинске, упаковывался в таком виде, чтобы мог выдержать все мыслимые и немыслимые условия перевозок: самолётами, вертолётами, на борту бронетанковой и автомобильной техники по горным дорогам. Кто знает, какие перевозки там будут в реальности?

Возглавив эту группу и уехав для сбора команды в Челябинск, а потом уже вместе со всеми в Кабул, я решил сразу делать для памяти кое-какие записи, хотя я и не ставил перед собой раньше такой задачи. Но всё-таки из интереса и спортивности и азартности своего характера решил, что какие-то пометки по событиям и людям на всякий случай буду делать. И правильно решил, потому что поездка оказалась длительной, двухзаходовой и насыщенной как деловыми впечатлениями, так и контактами со многими самыми разнообразными людьми: от больших начальников до солдат, сержантов боевых подразделений. А также и знакомством с бытом войск в полевых условиях, с работой и проживанием в этих условиях войны нас самих. И всё было как ответственно, так и интересно и, безусловно, просилось на бумагу. В то же время пришла шальная мысль о том, что, может быть, всё это пригодится в случае, если, паче чаяния, по какой-либо причине придётся держать ответ. Мало ли, как могут повернуться дальше события? Всё это вылилось в короткие, буквально в несколько строчек за каждый прожитый день, заметки на страницах школьной тетрадочки, обрабатывать и расшифровывать которые поначалу абсолютно не собирался. Но тетрадь добросовестно пролежала пятнадцать лет в столе и даже переехала со мной после увольнения из рядов Советской Армии в Москву, к выбранному месту постоянного проживания. Как говорят шаблонно в таких случаях литераторы, материал созревал, всё время напоминал о себе и выбрасывать записи рука, конечно, не поднималась. Поэтому, дабы его реализовать для себя и вспомнить всё, что было, решил эту дневниковую запись, сделанную очень пунктуально почти за каждый день, расшифровать и по возможности, не нарушая хронологической последовательности, вспомнить уважаемых людей, основные события, сопровождавшие нас при выполнении этого ответственного задания. Как было принято писать и говорить: задания Советского Правительства и командования. Это было действительно так, потому

что все мероприятия, и не только по нашей технике, но и по другим направлениям, носили правительственный характер, за что впоследствии, но не сразу, как надо бы, государственными решениями Союза ССР было это оценено как выполнение специального задания Правительства СССР.

Какую-либо оценку нашим делам и, вообще, тем месяцам я со своей колокольни делать не имею права и давать не буду. Постараюсь только соблюсти точность в воспоминаниях о прошедших событиях, а также дать, если сумею, кое-какие, по моим способностям к наблюдению, характеристики окружавших меня в те дни людей.

2

Подготовка к командировке, наконец, по всем службам закончилась, в том числе и моя личная, состоявшая в обдумывании вопроса, изучении документации, осознании возможного хода будущей работы и методики её выполнения, а также, главное, в объективной оценке её результатов. Помимо этого были и личные сборы: чемодан, бритва, бельё и т. д. В том числе и обязательная пара бутылок водки – всё, что можно провозить через границу.

Командировка началась! Вечером, уже по темноте, попрощавшись дома с женой, пешочком пришлось идти на Кубинку к электричке, а затем уже ехать до аэропорта Домодедово, где назначена встреча с Геннадием Морозовым, представителем научной мысли нашей доработки ЦНИИ связи, подполковником. Встретились без опозданий и вылетели благополучно. Повезло, потому что даже при сильнейшем снегопаде вылет всё-таки не задержали.

Приказ по институту на убытие в командировку был отдан 8 декабря. К сожалению, по тексту его было сказано, что я убываю в спецкомандировку, но без указания страны пребывания – ДРА. Скрытничают кадровики, как всегда, хотя тайны в этом никакой нет. Жаль, что эта скрытность позднее сказалась при оформлении положенных документов в военкомате на льготы. Но факт и реальность налицо. Потребовалась очень длительная и бестолковая формальная переписка с собственной любимой частью и сменившимся к тому времени командованием, меня не знающим и поэтому не желающим что-либо предпринимать. Вообще, военкомат изрядно помучился в переписке, пока собирал все необходимые подтверждения и оформил мои льготы как афганца.

Мы уже летим и полётного времени много. В связи с этим на борту стюардессы дали перекусить положенный лётный ужин. После него чуток поспали. Рейс был ночным, и весь самолёт погрузился в сон.

В 5 часов 30 минут утра по местному времени приземлились в аэропорту Челябинска. Нас никто не встретил, как предполагалось. Сразу далёкий от города аэропорт, заснеженный и холодный, стал для нас очень неуютным. Ночь, по сути, мы не спали, встречающих нас с машиной не оказалось, и надо было самим добираться в город, в любую гостиницу, на общественном транспорте. Усложнялось дело тем, что ни я, ни Геннадий города не знали: появились здесь в первый раз. Поэтому, сев в автобус, в город поехали наугад, решив прежде всего искать центральную гостиницу, которая, как нам уже сказали, называется «Урал». Вышло так, что и сошли не там и потом тащились целую остановку по заснеженному и ещё не убранному утреннему просыпающемуся городу. Так в 6 часов и вломились в вестибюль этой гостиницы. Заказа «случайно» на места на нас не было, а в обычном порядке захотели разместиться, так получили сразу ответ: «мест нет», как всегда во всех наших гостиницах. Сели в кожаные кресла в ожидании 9 часов, начала работы на предприятии, и окунулись в приятную дремоту под фикусами. Слегка дремлем, время идёт медленно. В 9.00 иду на телефон к администратору и с милостивого разрешения звоню в военную приёмку полковнику Друзяку. Секретарша, к счастью, уже на месте, но ничего о нас ей не известно. Сообщаю, что мы в «Урале» и жду её информацию. Она же сразу доложит по прибытии начальнику приёмки. Вот эта наша русская распорядительность и разгильдяйство. В каком месте разорвалась цепочка и пропала информация? Просто уже только интересно. То ли Смирнов не успел дозвониться, то ли здесь отнеслись наплевательски? Обидно! В какой это армии могут два старших офицера при официальном задании встречать подобное отношение? Спросим между делом, когда вернёмся.

А пока ждём в холле. Звонок! Администраторша меня приглашает к телефону. Да, звонок с завода. Попросили подождать ещё немного, пока не подойдёт машина.

Машину выслали – «Волгу», которая нас заберёт, и для нас определено для проживания совсем другое место – в заводской гостинице. Машина приходит довольно быстро. Загружаем её своими чемоданами и добираемся до гостиницы, устроенной в квартире жилого дома недалеко от завода. Это, в принципе, хорошо – жить нам здесь два-три дня. У нас отдельная комната, спокойно и тихо. На кухне даже можно готовить по вечерам самим еду.

Но сейчас – спать, спать, и мы в 11 утра заваливаемся в кровати и вдоволь, до 2 часов, отсыпаемся за всю непутёвую ночь. Следующая наша задача: пообедать за всё прошедшее и уж потом навестить предприятие. Нам показали ближайшую столовую, которая оказалась даже как кафе, с официантками. Время было ни обед, ни ужин – зал пустой. Но нас накормили вкусно и прилично. Теперь можно, перекурив, броситься в работу. Прогулялись пешком до знаменитого Тракторного завода, и из бюро пропусков позвонил Друзяку. Получил от него команду отдыхать до завтра.

Утром будет заявка на пропуска, а сейчас уже пятый час и встречаться нецелесообразно. Всё правильно. Но ведь теперь с 17 часов нам что-то надо делать! Болтаться по холодному и заснеженному городу интереса никакого пока нет. Хотя я лично люблю всё новое, и сидеть дома совсем не в моём вкусе. Но решили быть дома. Только по дороге зашли в магазины и полюбопытствовали, что есть на прилавках. Купили кое-что из продуктов из расчёта на ужин и завтрак и пошли домой. Геннадий, правда, всё время тихонько ныл, бурчал и был чем-то недоволен. Видимо, ещё не отошёл от перелёта. Поэтому получилось так, что, поужинав, попив чаю, мой напарник, ничего не говоря, сам по себе в 7 часов добросовестно укладывается спать, оставляя меня в собственном размышлении. Лёг спать, и так прямо до утра. Вот и состоялось первое знакомство с городом тракторостроителей и металлургов, Челябинском. До этого раньше бывать мне здесь не приходилось. Поэтому в силу своей любопытной натуры решил в одиночку всё же выйти на улицу вечернего города и кое-что посмотреть, познакомиться с городом, и обязательно пешком. Пока Геннадий спал, я прошёлся по ближайшему району. Рядом оказался телефонный переговорный пункт, и я позвонил в Москву маме, обрадовав её своим звонком, таким быстрым после отъезда из Москвы. Внёс успокоение. Ведь вполне можно и надо понять её беспокойство – сын укатил, и не куда-нибудь, а в воюющий Афганистан. Нагулявшись на хорошем воздухе, вернулся в номер и тоже лёг отдыхать. Ведь завтра начинаем трудовую командировочную жизнь.

3

В 10.00, наконец, получили пропуска и появились у местного начальства в кабинете – у полковника Друзяка. До этого с утра спокойно собрались и вышли в город где-нибудь позавтракать, что и удалось сделать в какой-то «стекляшке».

В кабинете Друзяк гостеприимно предложил курить. Я куряка, он тоже. По ходу разговора и обсуждения планов, перекурив, сделал ему столичный презент, подарив пачку сигарет «Столичные» Московской фабрики. Он этим был доволен. Но надо делать дело: дал команду пригласить к себе остальных членов бригады для знакомства.

Вскоре появились Пережогин Валентин Андреевич и Алексей. Другие товарищи не пришли, да их и не вызывали. Они всё-таки исполнители в нашей команде. Познакомимся позже. Первому лет под 50, белобрысый и небольшого роста. Начальник отдела с огромным стажем работы: будет старшим над своими заводчанами и, по первому впечатлению, кажется деловым и самостоятельным. Другой был Алексей, помоложе и по специальности технолог. Доложили нам, что материальная часть собрана и

подготовлена к перевозке. Обсудили также и содержание и объём нашего неофициального груза, который мы сообща договорились взять с собой.

Необходимо было, конечно, посмотреть готовый образец, который обязаны были сделать и сделали на заводе по нашей разработке. Его же испытывали заводчане в местных, всё-таки равнинных, условиях на трассе города Чебаркуля. Нам надо было посмотреть, чтобы перед глазами был образец изделия, который должны будем делать в Афганистане. После заводского обеда в их столовой Друзяк берёт машину, и едем километров за десять в «Карьер». Так у них называется опытная площадка с хранилищем для техники. Открыли хранилище, и полезли мы по промёрзшей технике. Надо было залезать в БМП в боевое отделение. Пережогин был за докладчика. Всё сделано довольно целесообразно с точки зрения компоновки и даже симпатично смотрится. Сделано, в основном, всё так, как мы прорабатывали эскиз в Кубинке. Были сделаны и некоторые изменения в лучшую сторону непосредственно по размещению оборудования по месту. День декабрьский, быстро сереет, темнеет. Возвращаемся в город, нас завозят прямо в гостиницу, и мы прощаемся. С холоду выпили с Геной по чуть-чуть. Впереди у нас опять долгий вечер. И он снова заявляет, что будет дома, а я категорически говорю о своём: иду смотреть город, и прежде всего пешком по всему проспекту Революции – главной улице города. Однако этого у меня не получилось. Центр оказался далеко. Надо было всё-таки ехать на троллейбусе по всему проспекту до обкома партии. Дошёл до драматического театра имени Цвиллинга. Сразу бросилась в глаза прекрасная архитектура старого здания. Что-то прекрасное, видимо, и внутри будет. Посмотрел репертуар и тут же решил пойти на спектакль. Спокойно взял билет и чудесно провёл время с пользой на драме Вампилова. После спектакля по хорошей морозной погоде не спеша направился домой. Вот тут и подумал: и удовольствие получил, и развиваюсь интеллектуально. А Геннадий в это время опять спит. Сегодня надо хорошо отдохнуть, так как на завтра уже запланирован для нас борт из Москвы. Только никто не может определённо сказать, когда он прибудет и к какому времени нам готовиться. Это всё завтра утром будет известно у Друзяка. Но одно известно пока: самолёт будет во второй половине дня. Хотя могут быть, конечно, как всегда, и возможные изменения.

4

С утра на завод нам идти уже не надо. Главное: быть в готовности в гостинице. Поэтому утром прямо дома перекусили, а потом дошли до ближайших магазинов и купили хлеба, колбасы в дорогу и не забыли и про водочку.

К часу дня начался сбор команды. Приехал за нами РАФ, а потом по кругу заезжали к каждому домой. Немножко даже замёрзли в машине, так как день выдался солнечный и гораздо более морозный, чем вчера. Ящики с имуществом тоже после обеда отдельной грузовой машиной привезли и поставили рядом с диспетчерской на аэродроме Челябинского военного училища штурманов. Вот на этом аэродроме все мы собрались в ожидании, как сказал Друзяк, АН-26-го. По сути дела, это будет мой (наш) самолёт и мой персональный экипаж до самого Кабула с посадкой в Ташкенте.

Заводчане на таком холоде чувствовали себя прекрасно. Все как на подбор: получили на заводе и уже оделись в синего или чёрного цвета овчинные полушубки. А вот мы, военные, как бедные родственники, – в шинелях и шапках. То, что взяли с собой шапки, оказалось правильным. Генка же не предусмотрел этого и не взял ни сапог, ни фуражки. Я же всё учёл, как ни странно, при сборах и был в ходе командировки в полном порядке. А на улице всё морознее и темнеет. Самолёта всё ещё нет. Что и как дальше сложится, если полетим сегодня, – трудно сказать. Сидим в здании диспетчерской в классе предполётной подготовки и рассматриваем на стендах с любопытством авиационную документацию. Наконец садится в розовых лучах заходящего солнца наш АН-26-й. Подруливает прямо к нам, и встречаем экипаж. Появился на лесенке трапа командир. Поздоровались, поздравили их с приземлением. Лётчик представился: майор Загоруйко. Молодой человек, как и положено для офицеров лётного состава. Тут же распорядился о загрузке борта. Дал команду борттехнику принять груз, а сам отправился уточнять распоряжение на вылет и само время вылета. Мы же тем временем подогнали машину к аппарели самолёта и оперативно перенесли в грузовой отсек все наши ящики без всяких помощников и грузчиков – целую тонну груза. В них, как я уже раньше отмечал, упакованы радиоаппаратура и заготовки для её монтажа, инструментарий, краска, электроды и прочая сопутствующая мелочь для работы в полевых условиях, и в том числе моя офицерская фуражка, которую ухитрился всунуть в один из ящиков, чтобы не мешалась в руках. Но лишнюю водку заложить не решились – оказались слишком законопослушными товарищами. Ведь есть таможенная инструкция о провозе через нашу границу лишь двух бутылок водки на душу, и мы это чётко исполнили, хотя могли бы посерьёзнее обговорить между собой этот вопрос, и, имея свой бесконтрольный самолёт, можно было бы провезти самого чёрта, да ещё вместе с сатаной. Одно здесь было препятствие, и самое серьёзное: конечно, таких денег для закупки большого количества бутылок никто из нас не имел. Имели обычные свои командировочные, с учётом неизбежных расходов при возвращении. Позднее выяснилось, что в тех мытарных и героических условиях афганских перелётов нам эти

ёмкости очень и очень пригодились бы. Но в те времена такие тонкости к нам не относились: не тот менталитет, как сейчас говорят.

Но к делу: стало темно, совсем холодно, что-то градусов под восемнадцать. Появилась неопределённость и с вылетом. Но пришёл, наконец, Загоруйко с разрешением на вылет, несмотря на надвигающуюся ночь. Забрались на борт и стали прогревать двигатели. В салоне холодно, местное отопление без работающих двигателей ещё работать не начало. Всё железное внутри промёрзло. По связи командира опять вызвали к телефону в диспетчерскую. Мы остались на это время на борту, чтобы замёрзнуть окончательно. С возвращением Загоруйко часов в 19 узнаём от него, что Москва вылет запретила и в целях безопасности перенесла его на утро. Ну что тут будешь делать? Возможно, это невезение, а может быть, и правильно, по делу. Лететь в ночь на Ташкент, а затем как-то там устраиваться – тоже плохо для всех и, естественно, уже не по делу.

Теперь уже здесь возникла другая проблема: темно и холодно, сами перемёрзли и к тому же предстоит уезжать с аэродрома искать место для ночлега и организовывать хоть какой-нибудь ужин для всех, включая и лётчиков. Местное начальство, то ли им приказали, то ли проявило заботу и само предусмотрело и прислало за нами автобус. Повезли в одно из подразделений авиационного училища в казарму на ночлег. Выделили одну на всех большую комнату с двухъярусными солдатскими кроватями. Лётчики расположились с одной стороны, мы с другой. Пока врозь. И врозь стали организовывать что-либо перекусить около 9 часов, естественно, вечера. Удачно догадались прихватить из самолёта, но, к сожалению, из собственных афганских запасов, две бутылки водки, и после холодного самолёта и аэродрома всё было очень и очень по делу, кстати. Это была наша первая общая встреча с авиаторами. Сложили свои скудные харчи, в основном челябинские, выпили за знакомство, благополучие в перелётах и после дружеского перекура отправились на свои двухъярусные кровати спать, так как подъём был назначен на 6 часов утра.

5

12 декабря 1980 года. В 6 часов нас дружно подняли с постелей и в холодющей казарме, в каком-то холодном туалете немного обмылись и скорее на выход к автобусу, который, как ни странно, был подан своевременно. Повезли нас в офицерскую столовую лётного состава. Ради нас её открыли раньше времени и даже вызвали официанток. Вкусно накормили по полной лётной программе, учтя, наверное, предстоящий тяжёлый и долгий день. По расчёту мы должны в Ташкенте не задерживаться и уже в этот день приземлиться в Кабуле. Накормили нас даже бесплатно. Приятно! А на улице мороз: выходить не хочется. Но надо. Опять в автобус,

и через десять минут мы на полосе у самолёта. Командир снова забежал к диспетчеру. А мы в темноте у борта в ожидании, когда экипаж всё, что надо, откроет и нас запустят в холодное нутро. Наконец забираемся в салон. Самолёт промёрз, темнота сплошная внутри, потому что основное бортовое электрооборудование работает только после запуска двигателей. Разместились там, кто где сумел в темноте приткнуться, и, замерзая окончательно, ждём прогрева, прокручивания и всего того, что связано с вылетом, в том числе ждём и самого командира Загоруйко с нужной, заветной для нас информацией.

Он появился довольно быстро с разрешением на старт. К тому же уже стало светло, мы согрелись, обжились в салоне и в 8 часов в хорошем уже настроении взлетаем на Ташкент. Забавно ведёт себя экипаж после выполнения основных работ и выхода на свой полётный эшелон. Лётчики надели спортивные костюмы, тапочки и сели отдыхать на своих рабочих местах. Борттехник-капитан находится с нами и обхаживает нас, как добрый хозяин. Периодически выходит в транспортный отсек для контроля груза. Я тоже ради любопытства туда сходил с ним. Там не отапливается и поэтому очень холодно и шумно, даже звенит корпус. Неприятно. Поэтому скорее назад, в салон. Мы разместились в отдельном пассажирском салоне, который красиво и удобно оборудован под индивидуальный начальственный люксовый номер. Есть кушетка, где можно лечь и отдохнуть, стол с четырьмя мягкими креслами, полочки, буфет с посудой, гардероб, и главное то, что тепло. В целом очень уютно. Самолёт идёт на автопилоте, Загоруйко читает книгу, работают только штурман и бортрадист. Да экран радара крутит своим голубым лучом перед глазами командира.

Полёт занял у нас 4 часа 40 минут. За время полёта ещё раз хорошо позавтракали, с приглашением к столу капитана. Посопротивлялся для приличия, но предложенное принял. А затем успели поспать и в 12 часов 30 минут приземлились в Ташкенте, как потом узнали – на военном аэродроме «Восточный». Отсюда идёт воздушная связь с Афганистаном, и по внешнему виду офицеров и солдат уже сразу чувствуется переход к другим понятиям и к другому образу действий. Аэродром бурлит, и много военных боевых самолётов. Совсем тепло, по сравнению с Челябинском. Температура где-то 12–13 градусов уже тепла. Пожухлая, но всё-таки трава. Вылезли и расположились на травке, отдыхаем в ожидании дальнейшего полёта. Командир отправился, как всегда, к диспетчеру решать вопрос о немедленном старте на Кабул, как и планировалось. Пока ожидали – дело подошло к обеду, и прямо в самолёте ещё раз открыли консервы, нарезали колбасу и даже по пять грамм приняли за Ташкент.

Появился Загоруйко с неприятным известием о запрете всяких вылетов до 14 часов. Это оказалось связано с тем, что в этот день, 12 декабря,

и в эти часы наш дорогой и уважаемый Л. И. Брежнев пролетал здесь из Индии в Москву после правительственного визита и коридор пролёта самолёта проходил в зоне Ташкента. Поэтому был запрет всякого движения. Дальше совсем плохо. Теперь также выяснилось, что после 14 часов вылет на Кабул вообще даже в обычные дни запрещён, так как там аэродром принимает только в светлое время суток, а точнее – до обеда. Вот такой получается расклад: и опять зачехлять самолёт, и опять искать место для ночёвки, и вообще как-то организовывать жизнь до завтрашнего утра. Теперь уж моя судьба идти в диспетчерскую и дозваниваться до нашего управления в штабе ТуркВО (Туркестанского военного округа). С большим трудом по нашим реальным каналам связи дозвонился и доложил возникшую ситуацию. Правда, отреагировали в штабе оперативно. У телефона оказался один из полковников управления вооружения и сразу направил к нам «Волгу», чтобы отвезти в город, и, пока едем, будет решать вопрос размещения в гостинице. Но мне-то надо ещё везти и устраивать лётчиков. Ведь теперь я был как бы за хозяина, а мои начальники по первому разговору отказываются их признавать и места в гостинице на них не заказывают. Загоруйко, естественно, стал слегка возмущаться и даже немного попытался поинтриговать тем, что, если они отдыхать нормально не будут, то усталость может сказаться на безопасности полёта. Вот так, и время же идёт. Уже 15 часов, и совсем скоро будет быстро темнеть, а мы ещё на аэродроме и неясно с жильём. Наконец, пришла за нами машина – «Волга». Аэродром от города довольно далеко, и машиной ехать надо почти 30 минут. Но юмор-то нашего положения состоял ещё в том, что у меня было 12 человек. Следовательно, надо этой одной «Волге» делать минимум три рейса, чтобы всех перевезти. А это, понятно, займёт около двух часов времени, да и вечером машину, естественно, ждут в штабе для своих нужд. Пришлось нам укладываться в две поездки. Чтобы это сделать, потребовалось кого-то одного размещать под ногами у заднего сиденья, да по четыре человека уплотнились на самом сиденье, упираясь ногами в этого несчастного. Кому-то досталось помучиться без света и воздуха в «антисанитарных условиях». Так со смехом перевезли в два приёма до гарнизонной гостиницы всех. Гостиница стоит, кстати, рядом со штабом округа, в симпатичном саду. Здание современное, в семь этажей, и всё это под охраной за забором. Всё очень красиво и удобно. Но здесь меня опять ожидает очередное препятствие. Ребята сидят в холле и отдыхают, а я, как привязанный, по телефону с управлением добиваюсь номеров. Номеров нет, и вся трудность, ну прямо как специально к нашему приезду, возникла из-за того, что завтра будет проходить окружная партийная конференция и все её участники размещаются здесь. Это плановое и по значению самое крупное и ответственное политическое мероприятие в округе, и все силы, естественно,

направлены на его обеспечение. Нам мест с ходу не дают, особенно для такой оравы, возникшей неожиданно для начальства как из-под земли. Идут постоянные переговоры со штабом, подключаются различные начальники. Но гостиницу не растянешь, как оправдывается администратор. Пока толку мало, и мы сидим, грязные и уставшие, в вестибюле: ждём. Наконец, находят компромиссное решение, дают по одному двухместному номеру и нам, и лётчикам, и ещё, как договорились, по одному матрацу. Теперь хоть есть куда бросить сумки, и можно умыться и привести себя в порядок. А размещаться будем уже вечером с отходом ко сну, и, конечно, на одну ночь мы устроены и теперь переспим. Расчёт же был простой – по двое на одной кровати и двое на полу между ними. Точно так же будет и у лётчиков. Ну что же делать – ведь едем в район боевых действий и неизвестно, как там ещё будет. Шутим между собой: надо привыкать и не роптать.

Но история наша с приключениями ещё не кончилась, как оказалось. Так вот – после устройства в номерах надо было где-то поужинать. Подсказали нам: при гостинице, с другого её конца, есть приличная «стекляшка» – офицерское кафе. И вот в 7 часов веду всех своих помытых и побритых туда. Совсем неплохо: вшестером занимаем большой стол в зале и заказываем нормальный плотный ужин, и как сейчас помню, что выпить к ужину захотели и взяли только местное сухое вино. Зал обслуживают официантки. Приятно. Довольно быстро у нас приняли заказ, и, выпив вина за прилёт, отдыхаем и наслаждаемся горячим и вкусным ужином.

И вдруг! Все одновременно слышим какой-то глухой рокот: звук идёт откуда-то из глубины, как бы снизу, и такое ощущение, что забирается вовнутрь, под рёбра, отключая сознание и способность двигаться. Я думаю, что это ощущение точное, по крайней мере, общий контроль над собой я, кажется, утратил в те секунды. Только точно помню, что автоматически встал из-за стола и тут же прямо сзади за стулом почти впрессовался спиной в стенку. А остальные мои товарищи как сидели с открытыми ртами, так и остались сидеть на протяжении всего рокота. Местные же офицеры, опытные в таких делах, резво махнули на улицу, успев даже схватить с вешалки фуражки. А мы так простояли и просидели эти 25–30 секунд, не выходя из здания. Только потом подумалось, насколько всё это было чревато последствиями. Здание стоит, рокот стих и тут же вернулись с улицы люди, сидевшие за другими столами. Мы тоже очухались и благополучно завершили свой ужин. Официантка подошла для расчёта, но была вся такая побелевшая и растерянная. Мы спросили наивно, что бы это могло быть и какой силы. Она подтвердила чётко, что было землетрясение, и очень редкое по силе, почти как в 1967 году. Сказала, что будешь тут бледной, если беспокоишься за дом, за ребёнка на окраине города в старом глиняном домишке. Рассчитались и вышли, на улице ещё светло, но ближе к сумеркам. Всё вокруг успокоилось, только у кафе люди энергично обсуждают происшедшее. Двое пожилых, но бодрых полковников-отставников и делегатов конференции, рассказывали, как слетели мигом с какого-то верхнего этажа, не забыв, однако, захватить шинели, потому что, говорили смеясь, в кармане у одного из них была бутылка водки. Жалко её оставлять-то было командировочным людям. Женщины с детьми сверху тоже первым делом скатывались по лестницам на улицу. Ну а мы, как я уже сказал, даже не сообразили и пробыли всё время под крышей. Остальное время провели в прогулке по почему-то тёмному Ташкенту. И даже поехали в центр на метро знакомиться с городом, не подумав даже, что оно могло бы и не работать. Съездили в город, погуляли по центральному бульвару с массой фонтанов. Здесь очень светло, но потом возвращались домой по тёмным закоулкам удалённой от центра части Ташкента. Худо-бедно устроились вшестером в одном номере, со смехом и без обиды. Я, как командир, хотя и упорно сопротивлялся, был положен всё-таки на отдельной кровати, и после недолгого разговора и обмена впечатлениями от такого долгого и бурного дня уснули. Ведь, кстати, опять вставать очень рано. Нас успели предупредить через дежурную администраторшу. Как отвезут нас завтра, какую подадут машину? А если опять «Волгу»? Завтра проходить пограничный и таможенный контроль, завтра задача: благополучно долететь до Кабула над чужой уже, воюющей территорией, над грозным и высоким Гиндукушем.

И возвращаясь к землетрясению: на следующий день на аэродроме попалась в руки свежая газета, где была опубликована официальная информация об этих колебаниях, с оценкой их в 7–7,5 баллов. И действительно, там же было сказано, что это здесь второе по силе землетрясение. Однако разрушений, к счастью, город сейчас не получил. А пока до завтра.

6

Как по команде, сами сумели проснуться в 6 утра. Сходил, проконтролировал лётчиков. Они поднялись тоже. Завтракать, конечно, было негде и некогда. Вскоре прибыла та же «Волга», и так же двумя рейсами, сначала лётчиков, а потом и нас, отправили на аэродром. Ящики и наши вещи так и ночевали в самолёте. Лётчики всё уже расчехлили и стали прогревать моторы. Светает, день обещает быть хорошим. Мы забрались в салон и стали ждать таможенника, которого таможенные власти обязались прислать прямо на борт. Действительно, часов в 10 появился в спецформе

молодой мужчина-узбек. Не проверяя ящиков, посмотрел на общий вид, спросил нас только о водке, взял гарантийное разрешение и подписал добро на пролёт.

Взлетели. Загоруйко опять в тапочках, с книгой и на автопилоте. Я то в салоне, то в пилотской кабине. Интересно отсюда наблюдать за панорамой. Штурман постоянно информирует о маршруте. Небо чистое, и всё отлично сверху видно. Наконец, предупреждает, что скоро будем пересекать границу. И, действительно, видим ленту Амударьи, а за ней уже Афганистан. Впереди видны белые вершины и склоны высоких гор. Иногда внизу просматривается лента главной дороги Термез–Кабул, и даже один раз заметили гусеницу нашей колонны, идущей на юг. Решили под это впечатление в согревшемся самолёте организовать завтрак в честь перелёта границы. Для нас, новичков, это впервые и очень волнительно. Опять приняли по 100 грамм армейских, но не более. Наконец под нами Кабул, и заходим на посадку низко, прямо над центральной тюрьмой, чёрные стены и специфичная архитектура хорошо просматриваются сверху. Садимся. Тепло, пыльно, и солнце греет где-то на градусов 25–27. Самолёт подруливает на русскую стоянку, и мы выходим. Сразу попадаем в военную атмосферу. Тут и бойцы в ватниках, совсем не привычных для армии, все с автоматами, многие небриты. И вообще, снуёт в различной форме много народу. Очень оживлённо: ползают вертолёты, садятся и взлетают один за другим самолёты. Меня встречает майор из управления вооружения. Зовут Владимир. Товарищ наш и получил команду встречать и разместить нас. У него ещё машина ГАЗ-66. Выгружаем свои вещи и ящики. Здесь нам уже всю перегрузку выполняют солдаты. Наконец имущество разместилось в этом автомобиле. Полёт, таким образом, благополучно для нас закончился. Тепло прощаемся с экипажем и жмём руки. Как-никак, а двое суток переносили общие трудности. Куда самолёт пойдёт дальше, по какому плану – не знаю, но это и неважно для нас. Теперь же мы едем в УАЗ-69 через весь город, даже через центр. Всё, конечно, для нас вновь и интересно. Володя нам попутно рассказывает обо всём самом достопримечательном. Совсем не помню, как доехали остальные, ведь в один газик все не умещались. Может быть, опять сидели на коленях друг у друга? Правда, у 69-го сзади есть два транспортных места. Ну не помню этого. Интересно и то, хотя интерес-то не совсем хороший, но символичный, что у водителя в готовности рядом лежит снаряжённый автомат. Понимание тут одно: это всё естественно и привычно для местных. Город оказался оживлённым, народу и машин много. Всё своеобразно. Но люди почти все в длинных рубахах и шароварах, чалмах, некоторые женщины встречаются даже в парандже. Однако замечаем людей и в европейских костюмах. Марки машин тоже разнообразные, со всего мира, и среди них много жёлтых такси. На улицах прямо в открытую на тро-

туарах идёт бойкая торговля и продуктами, и коврами, и даже дровами на примитивных разновесах. В центре много цивилизованных зданий в два-три этажа, но высоких всё же не приметил. Видел целый микрорайон, но только на склоне горы в центре города в виде одноэтажных частных домов. Стоят один прямо над другим до самой вершины. А поближе к окраине в бедняцких районах, куда мы как раз и направляемся, сплошные одноэтажные глиняные мазанки за также глиняными заборами-дувалами.

Через Кабул протекает река в обустроенных набережных. Но сейчас она мелкая, по щиколотку, и течёт посередине, как ручеёк. Но и здесь видим, что женщины ухитряются стирать бельё.

В ОРВБ (отдельной ремонтно-восстановительный батальон) группового подчинения нас сразу встретил командир-майор. Тут же распорядился о нашем устройстве, понимая, что люди с далёкой дороги и устали. Худо-бедно разместились по нескольким армейским палаткам, на кроватях отсутствующих в это время по тем или иным причинам офицеров. Планирую в такой разобщённости быть здесь только одну ночь, чтобы завтра уже переместиться для работы в местный 180-й столичный полк 108-й дивизии. Неплохо нас накормили первым афганским обедом. Пока показалось вкусно, несмотря на то, что из общего котла. После обеда вдвоём с Владимиром на этом же УАЗ-469-м отправились опять через весь Кабул на другой его конец в штаб 40-й армии, к руководству для представления и планирования. Руководит нашим управлением вооружения генерал-майор Журавель Г. В. Сухощавый, среднего роста, энергичный и спортивного типа, доступный в обращении и довольно интересный человек. Примерно наметил с ним план работы, точнее пока предусмотреть было нельзя. Познакомился со всеми офицерами управления, с теми, кто был в этот день на месте, – ведь надо будет контачить с ними очень плотно за всё время командировки. Поужинал в общей огромной столовой для всех, кто находится здесь в гарнизоне. Столовая организована в большом алюминиевом модуле складского типа. Кормят всех без вопросов: приходи и садись. Официантки, как и положено в цивилизованном мире, вас обслуживают. Единственная особенность организационная: столы для порядка распределены между службами и отделами. Князев привёл меня и посадил на временно свободное место за их столом. Садись сюда, говорит, и будь как дома. Для сна также отвели свободную кровать в своей комнате в щитовом сборном домике. Бросил свою сумку под кровать и хорошо на первую ночь устроился. Но вдали от подчинённых. Так вот наглядно меняются сроки планов. Ещё до ужина сумел через «Оперу» – телефонный позывной 40-й армии – дозвониться до Москвы и лично доложил подполковнику Смирнову Ю. И. о прибытии, об обстановке и прочих всех делах. Он доволен тем, что мы уже тут на месте и без приключений, что получил информацию из первых рук и теперь

самому есть что доложить по начальству. Вечером стал разбираться с вещами. Захотел побриться, но обнаружил и тут же чётко себе представил, что оставил свою электрическую бритву на полочке в салоне самолёта. И теперь где-то летит она и в чьё-то распоряжение попадёт в память обо мне, когда её обнаружат. Вот и первое ЧП, первые потери. Вздумал бриться на борту, благо оказалась работающей в ходе полёта бортсеть: 220 вольт переменного напряжения. Теперь на всю оставшуюся командировку надо что-то придумывать с бритьём. А беда вся в том, что местных денег, то бишь чеков, у нас нет, да и дадут их только в последние дни пребывания и, как говорят знающие офицеры, даже в день отлёта. Выходит для меня, что даже элементарный бритвенный станок купить не на что. Вот история приключилась, да и вообще, как всему коллективу существовать без хоть небольших карманных денег? Это же не один-два дня. И аванс тоже не положено давать, что тоже очень странно. Вот в этой ситуации мы и пожалели, что не загрузили лишней водки, которая здесь в дефиците и в большой цене. Продали бы элементарно, как делают другие, за двадцать пять чеков и были бы тогда при расходных деньгах. Другая же сторона этого хорошая – полностью эти чеки сохранятся для лучших дел и не разбазарятся по мелочам (пустякам).

После такого вкусного обеда в военторге надо бы отдохнуть, но с Володей для организации завтрашних дел поехали в ближайший от городка полк – 180-й МСП подполковника Высоцкого, расположенный всего в пяти километрах от штаба. Этот полк стоял в плане работ, и надо было делать здесь две машины. Вроде в общей организации логично: пока не набьём руку, начинать со столичного гарнизона. Но в полку сразу за КПП наткнулись как раз на зама по вооружению, майора Бричкина, который в это время крутился около только что притащенной подорванной БМП-1 и ломал голову, что с ней делать. Тут же он доложил, что нашей машины в части нет – находится в рейде в Чарикаре – и работа будет гораздо позднее, после возвращения с операции. Вернулись назад к Журавлю с таким вот докладом. Надо принимать новое решение на изменение всего плана работ и организовывать срочно перелёт в другой гарнизон. Что же это за подготовка и организация нашего дела у генерала Журавля, если по директиве Главкома СВ такое небрежное исполнение? Давно ждут промышленную бригаду из Москвы, известны сроки её прибытия, но до последнего дня нет ясности в наличии и распределении техники. Приняли решение на вылет на послезавтра, и Князев пошёл в оперативный отдел делать заявку на борт. Я доложил генералу ещё о том, что необходимо разыскать инженера Полякова из Запорожья, который уже работал в это время здесь по другому заданию. Его новым решением перебрасывали в мою бригаду. Для этого я привёз на него новое командировочное

предписание для финансового расчёта. Володя начал обзванивать связистов в поисках этого Полякова и вызова его на завтра к нам в кабинет. До самого позднего вечера сидим в общей комнате, а у генерала даже здесь отдельный кабинет. Никто не уходит – у всех дела, разные организационные вопросы. Старший лейтенант сидит на телефоне и со всего Афганистана собирает данные для отчётной ведомости о суточной потере техники. Я за это время пробился, как уже говорил, в Москву для доклада Смирнову. Кстати, надо сказать, что даже по ЗАС связь была хорошей. В конце концов, всё кончается, и впотьмах и по пыли поздно вечером пошли в модуль на ночёвку.

Кстати, о «Тёплом стане» немного. Здесь придётся мне в дальнейшем не один день и не одну ночь провести, делать множество дел. Жилой городок – это комплекс щитовых модулей гостиничного типа и несколько цельнометаллических алюминиевых хранилищ под столовую, магазин военторга и склады. Построено Т-образное здание из каменных блоков под все службы, как бы штаб тыла. Всё это стоит на большой территории, рядом с дворцом Амина, но намного ниже его. Городок окружают, как естественная защита, холмы и река, через которую организован единственный КПП для связи с городом. С другой стороны – части тыла, полк связи и в предгорьях опасная зелёная зона, но с вполне надёжной организацией охраны. Это всё находится на окраине Кабула и соединяется с центром города широкой, длинной, километров в пять, главной улицей города. А наверху на холме стоит дворец серого цвета, эллипсной формы. Смотрится довольно симпатично. Здесь разворачивались события в декабре 1979 года, когда наши специальные подразделения брали штурмом дворец и был там убит сам Амин. Об этом уже написано много свидетелями тех событий.

О самом дворце расскажу как-нибудь в другом месте, так как бывать в нём придётся в большей мере во второй командировке. А сейчас во дворце разместились главное командование, политуправление и оперативные службы. Остальное, как сказал раньше, – всё в тыловом отдельном каменном здании. Дороги все в пыли, пыли глубокой, пыли мелкой мучной. Ходить в брюках навыпуск и в ботинках невозможно, моментально всё покрывается пылью, и становятся они до стыдобы грязными. В такой форме должен быть здесь до конца и постоянно испытывать неловкость за внешний вид.

7

Мой выезд в рембат к своим, где ждал ещё вчера ночлег и ужин, не мог получиться и сегодня, потому что, как оказалось, выезжать из гарнизона разрешается только до 18 часов. В штабе закрывают КПП,

и выезд после этого требует персонального разрешения гарнизонного начальства или же оперативного дежурного. В городе быть в это время с наступлением темноты опасно, и по всему чувствуется, что офицеры это учитывают, реагируют правильно и рисковать не хотят. А мне сегодня надо выезжать вечером, и для этого надо бы подсуетиться немного раньше. Однако вопрос передо мной так не встал, по одной причине. Поляков до сих пор ещё не появился, знакомство не состоялось, и информация о продлении командировки до него, естественно, не доведена. Только после ужина он появился, возбуждённый и немного расстроенный неожиданным распоряжением. Вручил Полякову документы, и все вопросы отпали, так как это был приказ. Все вопросы, кроме одного. И Виктор его нам сразу подкидывает: старая командировка у него закончилась, а на руках билет на самолёт компании «Ариана» до Москвы чуть ли не на завтра или послезавтра. И уж совсем было неясно с записью о конце его визы в паспорте, сделанной на арабском языке. Переводчика нет, прочитать не можем, а билет-то надо завтра сдавать или же, что лучше, менять. Рискнули вместе с Журавлём считать, что в тех записях, закорючках арабской вязи, конкретной даты нет. Ну а если есть? Здесь не оставят, конечно. А может быть, и прорвётся при отлёте. Всё же здесь идёт война, и правила должны быть проще, на наш взгляд. В общем, он готов работать, но билет в любом случае надо сдавать или переоформлять на другое число, тем более что за него уже уплачены живые командировочные деньги, и немалые. К сожалению, ни начальник, ни его полковники принимать участие в деле этого постороннего для управления человека не захотели. Просто, как я понял, не захотели брать на себя ответственность. Единственно, что они смогли сделать, так это дать на завтра лично мне машину и мудрую команду «Вперёд!». Всё это без охраны, с единственным на всех автоматом у водителя и с надеждой на хоть какое-то знание города. Правда, в этом уж они меня твёрдо заверили. Ну а все предстоящие переговоры – это от бога или аллаха. А также от собственной, как уж там получится, инициативы и способностей моих и Полякова.

Это, безусловно, означало, что ночую здесь и завтра мне лично надо ехать с Поляковым в офис авиаагентства, который находится, как объяснили на пальцах, где-то в центре Кабула, и решать самостоятельно вопрос переоформления билета на другое число, на день окончания работ и нашей визы. Ехать туда, куда опасаются сами, стараясь лишний раз не покидать гарнизона. Солдату-водителю доверили найти это агентство и доставить нас. С погодой повезло: очень хорошая, солнечная и тепло для декабря. Я же в зимней шапке на голове, так как фуражка всё ещё лежит в ящиках, но без шинели. Издалека видно, что приезжий. Ну, а пока ехали по городу, опять посмотрели и людей, и город,

как в старой части, так и в новой. Мужчины по-азиатски, в основном в шароварах и длиннополых рубахах. Многие традиционно с одеялом через плечо. Женщины, как правило, в парандже, но встречаются девушки, особенно когда стоишь на красный на пешеходном переходе и они, как на параде, проходят перед машиной по зебре в модной европейской одежде. Масса магазинов, базары: прямо на улицах всё выставлено – от продуктов до ковров, по которым даже можно ходить. Нашли, наконец, агентство. Это оказался вполне приличный солидный офис. Теперь встал вопрос: как заходить туда? Брать ли с собой солдата с автоматом для собственной охраны и на кого тогда оставить машину, а если идти одним и не брать бойца с собой, то, не дай бог, утащат его самого. В то же время и мы сами должны идти куда-то в неизвестность. Вот такой расклад получается в тот момент, в некотором роде головоломка. А я упор делаю на эти страсти потому, что уже были наслышаны о различных приключениях и происшествиях с офицерами, прапорщиками в магазинах, дуканах, на базарах и просто на улицах. Но ничего не поделаешь – надо идти и делать наше дело: нет худа без добра. Пошли вдвоём с Поляковым, а боец остался в машине охранять её, что в моём положении всё-таки важнее. Поднялись по крутой винтовой лестнице на второй этаж к руководству, хотя все клерки и службы были внизу. Но так уж нам показали. Приветливо принял нас мужчина, довольно хорошо говорящий по-русски. Но сразу отправил нас после взаимных улыбок и расшаркиваний вниз к конкретному служащему. Как я понял тотчас, он по-нашему не понимал ни слова, но был откровенно приветлив и вежлив. Моментально нам оформил новый билет, подклеив в старый какой-то дополнительный ярлык без всяких с нас денег и каких-либо, на моё удивление, отметок в служебных книгах. Переоформлен билет был на 10 января. Вот так: здорово и быстро. Теперь Виктор полностью наш и готов к поездкам. В дальнейшем оказался самым коммуникабельным, приветливым и порядочным из всех. Собираемся на выход, но в холле вдруг появился какой-то гражданский славянин. Поинтересовался у меня, не поедем ли мы мимо Советского микрорайона. Нам было по пути, и я согласился его подвезти. Оказался сотрудником из нашего торгпредства и по дороге тоже кое-что рассказал неофициального о жизни, а потом стал вслух сокрушаться о том, что едет в военной машине, а это в городе опасно. Вот ещё один намёк на окружающую реальную обстановку, даже в самом Кабуле. Завезли его в микрорайон и живого, к его радости, высадили. Микрорайон – это наши дома, типовые пятиэтажки-хрущёвки в основном для наших сотрудников, но, как потом мне сказали, выделялось много жилья и для заслуженных афганцев. Домой в «Тёплый стан» возвращались по той же Центральной авеню с чувством удачно сделанного дела.

8

Основное решено, доложил Журавлю и теперь с ним спланировал работу уже конкретно на завтра. Времени в обрез, отлёт откладывать даже на день нельзя. Намечаем работу в двух далёких, но почти рядом расположенных гарнизонах – в Кундузе и в Файзабаде. Генерал Журавель с подчинёнными немедленно будет решать вопрос о самолёте на завтра, то есть будет дан старт нам по Афганистану. Моя же задача теперь – забрать свои вещи в модуле, немедленно возвратиться в рембат и, работая до упора, подготовить аппаратуру в количестве четырёх комплектов и инструмент к транспортировке. Всё это проделать и также решить вопрос с транспортом, чтобы быть в готовности по команде в 6–7 утра выехать завтра на центральный Кабульский аэродром. Ну а поздно вечером подполковник Князев по радио сообщил, что старт состоится. Первый перелёт будет на вертолёте МИ-6 до гарнизона Баграм на севере от Кабула, а уж затем на АН-12 летим на Кундуз.

Пережогин молодец, без меня уже обработал имущество, и после обеда мне осталось только уточнить и проверить комплектацию, а с Виктором Гребневым, командиром рембата, решить вопрос о хранении остающегося имущества. Выделили нам для этой цели отдельную палатку, сложили оставшиеся ящики, опечатал своей институтской печатью, и, довольные всем сделанным, к 17.30 уже в темноте и по пыли вернулись на отдых к нашим временным местам. Я за это время тоже сделал большое и главное для себя дело – достал из багажа фуражку и стал «человеком». Командир заботливо чуть пораньше приказал организовать нам баню. С удовольствием помылись в добротной, по-хозяйски сделанной полевой бане, поужинали при свечах и разместились на отдых в разных офицерских палатках, где оказались свободные места на кроватях отсутствующих офицеров. Ну а тут уже разговоры пошли обо всех местных событиях. У меня же в палатке он продолжался даже до 2 часов ночи, несмотря на то, что вставать надо рано. Много чего за эту ночь нам порассказывали не для бумаги. И в эту же ночь прошёл первый для нас и такой редкий для Афганистана дождь. А пока лежу в палатке рембата группового подчинения, никак не спится на новом месте, и, выходя покурить последний раз, смотрю на город сверху. Он под нами и весь в огнях. Красиво на фоне чёрного-чёрного неба. Все части в основном расквартированы прямо под окружающими город горами, по периметру города. Только ещё отдельно в крепости стоят на горе в центре города десантники да на аэродроме лётные части со всем своим хозяйством. Горы охватывают Кабул и аэродром с нашей военной частью и с афганским гражданским аэровокзалом с одной для всех взлётной полосой. Всё это плато на высоте 1700 метров над уровнем моря. Части стоят прямо на грунте, в пыли и вкопались в землю. Наш ОРВБ слегка обозначен с трёх сторон канавой-траншеей да колючей проволокой. Для охраны батальона

наверху ближайшей горы на склоне в сторону от Кабула организован сторожевой пост из БМП-1 и наряда солдат, обязанных быть очень и очень бдительными в таком отдалении от подразделения. Рассказывали, что на таком отдалённом посту всякое бывает и даже у них что-то было. Каждый день по крутой тропе в гору карабкаются солдатики с водой, пищей, личным оружием и прочей амуницией. И внизу ещё справа от палаток у общего гальюна и колючей проволоки поставлен часовой для охраны с глухой стороны. Внутри у палаток дневальный, а у ворот на выезде в город контрольно-пропускной пункт, и тоже в палатке.

В жилых палатках своё своеобразие уклада. Многие офицеры уже ухитрились обшить их внутри фанерой и сотворить хоть какой-то уют. Шокируют взгляд везде разбросанные в навал или висящие среди обмундирования «лифчики», то есть бронежилеты, оружие везде и даже боеприпасы, вплоть до ручных гранат в тумбочках. Палатки стоят по-военному ровными рядами: штабные, командира с замполитом, офицерские и для личного состава. Большая палатка в середине городка под столовую и кухню. В тылу разные службы и в стороне отдельно огороженный колючей проволокой, открытый всем ветрам ремонтно-технический сектор. Всё это на небольшом пятачке песка и камня в 70–100 метрах от первых улиц и глиняных дувалов беднейшей окраинной части города. Как уже однажды отметил, вечером и ночью прекрасно виден сверху с нашего предгорья почти весь Кабул. Много огней вдалеке, а в направлении к центру ярко освещённые гирлянды улиц. Тут и там видны мечети с традиционной зелёной исламской подсветкой высоких минаретов. А уж в утренней тишине, часов в 5–6, с них далеко слышится голос муллы, совершающего утренний намаз. В этот ранний подъём в связи с отлётом как раз и услышали молитву в первый раз, а обычно, в другие часы суток, их не слышно. Самолёты при взлёте с аэродрома летят в нашем направлении и разворот или поворот делают прямо над нами, довольно низко, быстро набирают высоту и уходят по своим направлениям. Вот мои впечатления от расположения ОРВБ, где останутся, как на базе хранения, наши вещи и куда мы вернёмся, как домой, после местной командировки. Здесь же останется имущество в ожидании нашей второй командировки из Союза уже потом, летом. Ну а пока спать, так как завтра ранний подъём и начнётся первый этап боевой, именно боевой, работы: перелёт в гарнизон Кундуз на север страны, на нашу первую рабочую точку.

9

14 декабря, 5 часов утра, солнечно и очень, очень хорошо. Услышали, наконец, как кричит свою проповедь мулла из ближайшей мечети. А нам вставать. Виктор Алексеевич приказал также поднять поваров и обеспе-

чил нам горячий чай, консервы и даже дал сухой паёк с собой. Две машины уже стояли готовыми к поездке на аэродром. С нами поехал боевой ротный, которому была поручена наша отправка. Мы все едем в санитарном УАЗе, а багаж из пяти больших ящиков – в грузовике ГАЗ-66. В 6.00 выезд на аэродром, а это значит: опять предстоит интересная поездка через весь, уже утренний, просыпающийся, ещё свежий, город. В центре заметил, что проскочили даже мимо американского посольства. Красивый одно- и двухэтажный ансамбль, особняк стоит далеко внутри за забором на красивой территории, по-американски отделанной красивым ровным зелёным газоном. Пока доехали до аэродрома, стало уже тепло, хотя кругом горы и сохраняется ещё чистый, холодный воздух. Подъехали прямо к стоянке самолётов, а тут ещё, оказывается, никто и не шевелился и даже стоит часовой. Выяснилось, что вылет будет задержан на какое-то время. А я же сразу проявляю разумную инициативу: определяюсь на местности и веду свою команду в ближайшую лётную столовую вертолётного полка, где нас кормят, не спрашивая документов, нормальным горячим завтраком. Мои мужики очень довольны, так как пища всегда кстати. Теперь готовы горы свернуть. Но горы, то есть время вылета, пока не просматриваются. Вернулись к вертолётам. Экипажи уже готовят их к полётам. Нашли свой борт МИ-6 и загрузили ящики. Попрощались с ротным, и в 8.15 с короткого разбега взлёт и вперёд, для начала на Баграм. Все впервые летим на таком большом вертолёте и, естественно, прилипли к иллюминаторам. С нами на борту, занимая всю площадь, основной груз – продовольствие. Летели до Баграма 45 минут и благополучно сели. Полёт оказался очень и очень приятным, только довольно много шума от двигателей. Здесь уже ждал нас, предупреждённый Князевым, майор Федулов. Местная знаменитость: один из первых награждённых боевым орденом Красного Знамени. Так о нём мне говорили ещё в Кабуле. Так что встреча и общение с ним были в какой-то степени почётными. Майор был с машиной, перегрузили ящики, и завёз он нас к себе в расположение, потому что опять была неясность с дальнейшим движением. Посидели, попили водички, послушали магнитофон в ожидании прилёта нашего транспортного АН-12 на Кундуз. А ребята за это время поговорили с ним, опытным человеком, об афганских магазинах, о тряпках.

С появлением самолётов Федулов тут же подвёз нас на место рулёжки. Опять знакомство с новым командиром и перегрузка своих ценных ящиков, Майор свою задачу достойно выполнил, переправил нас и даже развлекал до посадки. Тепло попрощались и полетели дальше. Здесь уже с нами было много других желающих лететь. Полёт, как сказали, высотный, и поэтому надо было успеть занять места на скамейках герметичного пассажирского отсека. Все мои сумели героически протиснуться в са-

лон и нормально долетели. В Кундузе уже было яркое солнце и совсем жарко. Это большой гарнизон, центр боевых действий в северо-восточных провинциях, очень активный аэродром. Выгрузили свои ящики на хилую травку около диспетчерского домика, как оказалось, единственного здесь. Тут же в одном крыле штаб, в другом – общежитие и сохнущее на верёвках бельё. А в 10–20 метрах стоят боевые вертолёты и вперемежку с нашими военными шастают афганцы. За условными воротами очередь из женщин, детей, мужчин, ждущих какой-либо самолёт. Афганцам тоже надо куда-то лететь и по службе, и по личным делам, а аэродром один на всех.

Мои ребятки присели и даже прилегли на травку отдыхать, а моя судьба – идти искать телефон, чтобы созвониться с дивизией, с полковником Расщупкиным или его офицерами. Расположение военного городка дивизии сразу за взлётной полосой, рядом, как на ладони. Но ящики же ведь не понесёшь через полосу, а чтобы доехать, прямой дороги нет. Надо было, когда пришла вечером, наконец, машина, объезжать уже впотьмах по какой-то грунтовой дороге. Прямого перелёта сразу на Файзабад, как следовало бы, не получилось. Всё сложилось так потому, что, пока ходил, искал по телефону дивизионное начальство, подошло время обеда, а после обеда полётов в Афганистане, за исключением боевых, по приказу нет. Поэтому опять иду к телефону – теперь надо требовать машину уже для переезда в городок на ночлег. Вот так, после многих часов болтания на аэродроме, переговоров, появился ГАЗ-66, загрузили ящики и прямо к ужину (как сказал ранее, впотьмах) попали в 149-й мотострелковый полк 201-й дивизии. Встретил заместитель командира полка по вооружению майор Савельев Владимир Николаевич. Правда, извинился за задержку и плотно занялся нами. Разместили в очень большой палатке, так называемой ротной. Рота, проживающая здесь, как раз давно уже была на боевой операции. Естественно, палатка не протоплена, не обжита, с одной тусклой лампочкой и большим количеством двухъярусных кроватей. Выбирай любую на ночлег, а ведь хотели и планировали быть уже в этот день в Файзабаде. Уже получается задержка в работе. Быстро решил вопрос с хранением ящиков, и мы даже успели поужинать, к слову, примитивно и совсем не вкусно. Все эти хождения и работа шли в глухой темноте, без фонарей, в незнакомом расположении и настроения не поднимали, конечно. Ящики поставили в охраняемой оружейной палатке артиллерийского дивизиона. Это вырытая яма на 1–1,5 метра в глубину, а сверху установлена обычная палатка. Всё это за колючей проволокой, и организован круглосуточный пост. Вечером после ужина при слабом свете в тесноте этого погреба сумели перебрать имущество и оставили у Савельева всё лишнее, что нам не нужно в Файзабаде для двух машин. Закончив, ушли в свою неуютную палатку на ночлег. Ребята сели чуть-чуть

поиграть в «кинга», я же прилёг, укрывшись ещё шинелью, спать сразу до утра. Вот 14 декабря, первый день перелёта, закончилось, а мы всё не на месте: летим, летим. На завтра пообещали отправку, и я этого железно буду добиваться от полковника Расщупкина. Новый перелёт будет опять вертолётом – единственно возможным быстрым видом сообщения с Файзабадом. Рассказали нам, что местность и маршрут в полётном плане отработаны ещё пилотами слабо, только знакомятся с трассой и осваиваются с ориентирами. Многие лётчики летают в эти дни чуть ли не в первый раз. Значит, всё это очень и очень сложно и опасно для всех летящих на борту. Колёсные же колонны по единственной горной дороге в 225 километров пробираются пять дней, теряя по дороге технику в ущельях. Дорога очень опасная и долгая, и нам на завтра нужен только вертолёт. Ведь сроки-то у меня очень жёсткие.

10

Наступает 15 декабря, по календарю зима. Подъём в 7 часов. Опять серый, серый рассвет. Холодно и в палатке, и на улице. Умываемся ледышками в общем умывальнике в поле. Позавтракали уже в офицерской столовой, и я пошёл сразу в штаб дивизии, где удалось поймать Расщупкина. Передал меня старшему лейтенанту, своему начальнику автомобильной службы, и приказал обеспечить до обеда отправку. Вскоре от него поступила команда на сбор и пришла за нами машина. Загрузились и отправились на аэродром теперь уже с нарушением всех местных правил: прямо через взлётную полосу по металлическим листам, под запрещающий окрик часового: «Стой, стрелять буду!». Обошлось без стрельбы, но зато доехали быстро. Однако пока собирались, пара МИ-6 ушла, а когда будет другая пара – никому не известно. Главное, говорят, что будут обязательно. А это значит – садись опять на ящики и жди. Дело к обеду, которого, естественно, для нас не будет. Становится совсем жарко, а мы в тулупах и шинелях. Ребята раздеваются, на ящиках перекусываем мясными консервами, что дал нам Гребнев в дорогу. Хожу регулярно к диспетчеру, подружился с офицерами. Наконец что-то проклёвывается с вылетом. Действительно, в это время послышался далёкий гул двигателей и на посадку друг за другом пошли два МИ-6. Приземлились, и в ходе рулёжки подрулили прямо к нам. Оказалось, что привезли молодое пополнение из Средней Азии, большей частью туркменско-узбекского типа. Молоденькие пацаны, притихшие, в новом, топорщащемся обмундировании, строго по форме одежды по сезону – в шапках-ушанках. Кундуз в 40 километрах от Термеза, и доставка такого пополнения делается моментально, одним перелётом. Солдат был только что там и вот уже здесь. Построились эти солдатики

и потопали через полосу мимо нас в расположение дивизии. В один из этих вертолётов мы загрузили свои ящики, сумки и сами устроились внутри на скамейках вдоль бортов. Страху добавил наш борттехник-прапорщик. Когда все загрузились, он залез последним, поднял трап и задраил дверь. А вот потом, с величайшим спокойствием, как будто обычное дело, открыл бойницу, устроился поудобнее на упаковке сахара, выставил автомат в амбразуру и затих в полной готовности к любому действию. Летели в горах по ущельям 50 минут. Чётко видны камушки на склонах, как будто совсем близко, селения внизу, отдельные кошары. А если бы где-нибудь на этих склонах сидел душман? Долетели до аэродрома этого военного гарнизона под Файзабадом. Сели благополучно. Здесь ровное горное плато, сухая твёрдая земля с мелкой жёсткой травкой. Тепло, однако, и очень. Но встречи опять-таки нет. Возмущению и обиде нет предела, хотя сам Расщупкин обещал оповестить по телефону соседей. Началась уже привычная аэродромная неразбериха, к тому же стало быстро темнеть. Сам звонил из маленькой комнатки диспетчера – сержанта-таджика в полк. А там удивляются: кто такие и что нужно? Видимо, даже московское распоряжение до них не дошло. Наконец в 17 часов приходит опять только УАЗ-469, хотя я и говорил о большом грузе. Удивляются, что нужен ещё грузовик. Ну, прямо испорченный телефон! Сели вчетвером в этот УАЗ и уехали, оставив Федю и Гришу караулить груз и ожидать второй рейс. Они и приехали позднее, в уже наступившей темноте. Я же поспешил увидеться с командиром и представиться ему, как положено. Это был молодой подполковник по фамилии Кудлай. Рассказывали потом, что за организованный и быстрый ввод награждён орденом Ленина. Многие офицеры полка также награждены или повышены в званиях. Действительно, уже наша афганская история отметила, что проявили они здесь мужество, волю, высокую организованность. С минимальными потерями провели они огромную полковую колонну со всем хозяйством по единственной здесь дороге из Оша в Файзабад, по которой в древности так же вёл войска Александр Македонский десять дней. Наш же полк одолел эту трассу за семь дней. Сам С. Л. Соколов, маршал Советского Союза, руководивший вводом войск, тут же прибыл в Файзабад, в расположение только что пришедшего полка, и сделал это массовое награждение. За этот марш 860-й отдельный мотострелковый полк потерял кое-какую боевую и тыловую технику, упустив её по маршруту в глубокие ущелья.

Мне сразу же понравилось хорошее, удобное для жизни и организации охраны размещение полка. Палатки поставлены на ровном и большом плато с плотным земляным с короткой травкой грунтом. С трёх сторон окружает река, а с четвёртой – горный массив. Хорошая естест-

венная защита из крутых горных склонов и излучины реки. Для контроля над провинцией автономно выброшено несколько подразделений полка, в том числе и вся разведрота. Далеко в горах организованы гарнизоны в мелких городах и даже кишлаках. Таким образом, вся большая провинция, весь северо-восток страны контролировался силами всего одного 860-го полка.

Разместили нас быстро и хорошо. На краю лагеря стоит большая палатка, половина которой официально отведена под гостиницу. В нашей части восемь панцирных кроватей и печка-буржуйка. Назначили нам солдата-истопника. Солдат оказался неумёхой. В первый же вечер при растопке нагнал дыму, так что мучились всю ночь без воздуха. Но ничего, отдыхали хорошо, а в другие дни он уже набрался опыта от нас и топил исправно. Обустраивались мы серьёзно, ведь жить здесь, по нашему предварительному расчёту, несколько дней. Я сказал уже, что палатка была первой в крайнем ряду и, естественно, довольно близко от реки, защищающей городок. Уже в темноте нас отвели на ужин в офицерскую столовую, организованную уже не в палатке, а в домике-«стекляшке», как в каком-нибудь московском кафе. Еда оказалась или с голодухи показалась для начала вкусной, но надо сказать, что и в дальнейшем кормёжкой мы были довольны. Как уже отметил, спали хоть и в дыму, но хорошо, уставшие от массы впечатлений от долгого, напряжённого дня. Кругом была необыкновенная тишина, а в палатке тепло и уютно. Ещё до ужина решил рабочие вопросы с соответствующими начальниками, которых вызвал Кудлай и представил им меня. Сходили даже на разведку в так называемый парк и осмотрели рабочее место – площадку прямо на земле и без какого-либо навеса. Утвердили начало работ прямо на завтра с утра, после завтрака. Начальник связи полка твёрдо заверил подачу КШМ на рабочее место, а начальник бронетанковой службы гарантировал, что сварочный агрегат тоже будет на месте. Остальное будет зависеть от наших рук, нашего умения. И последнее, что сделал перед сном, это зашёл в палатку командира и попросил у подполковника разрешения позвонить в Кабул. Переговорил с Володей (сидел ещё в отделе) и всё доложил: о прибытии, об организации работ на завтра. По общему впечатлению, всё пока идёт почти по плану, настроение нормальное, мы здоровы. Попросил при возможности всё это доложить в Москву, в ГБТУ.

11

16 декабря. Встали рано, но было уже светло. Холодно. И на земле, и на травке появился иней. А умываться надо идти метров 50–70 к палатке Кудлая, к обычным уличным рукомойникам. Ну и холодно же было,

но бодро! Неплохо для начала позавтракали по полной программе вместе с местными офицерами и дружно пошли в парк. Однако сработала опять армейская неорганизованность, бытующая в низах. До 9.30 пришлось курить и ждать, когда окончатся политические занятия: святое дело в армии. Могли бы ещё и вчера нас предупредить местные начальники. Но, увы, нет! Машины, правда, уже стояли на площадке. Затем принесли комбинезоны, и мы оделись для работы. Сухо, погода хорошая, летучка работает, сварка есть. Всё хорошо пока. То есть фронт работ обеспечен. Челябинцы сразу показали своё умение, особенно Жора, сварщик-виртуоз. Сам худющий и вид общий у него, как у туберкулёзника, но работает отлично. Варить и резать надо, в основном, внутри. Сделает несколько сварочных точек и вылезает наружу, чтобы отдышаться. Всё у нас пошло по плану. До обеда сделали работы по металлу. Затем обед и сразу без отдыха к машине. Убедились, что темнеет здесь всё-таки рано, и в 16.30 вернулись в свою палатку. А до ужина времени свободного ещё много. Видимо, надо менять режим работы и начинать её раньше, если получится у полковых товарищей. МЫ ЖЕ ГОТОВЫ ВСЕГДА!

Сам я после обеда сделал то, что было и необходимо и мне интересно. Надо было получить опытные данные по качеству связи с Кабулом по однотипным радиостанциям из штатной аппаратной. Для этого посидел часок с дежурным радистом и проследил за его работой и качеством связи в межгарнизонной радиосети. Сеанс связи получился, и теперь будет мне с чем сравнивать потом результаты. Ну, а уж вечером уютно посидели в палатке, поговорили с местными офицерами о житье-бытье в их гарнизоне. У них тоже много интересного, много боевых эпизодов и просто происшествий – всего и не упомнишь. В принципе, это всё частные случаи и говорить о них нет необходимости.

Вот уже и 17 декабря. Начали новый день, и, как всегда, утром изморозь. Готовы работать хорошо, но плохо сегодня стало с организацией дела. Отказала летучка, и, естественно, теперь сварки нет. Пригнали вторую МРА (летучку), и её только в 11 часов запустили в работу. Но, как ни странно, один объект уже почти готов. При таком режиме даже можно днём немного отдохнуть. Тем более что сегодня покрасили весь металл и пусть ночь сохнет. Но вторую машину брать в работу ещё нельзя, так как она стоит на боевой связи, и только после замены её уже переоборудованной можно будет получить объект в работу. Поработали до вечера, то есть до 17 часов. Позднее уже темно и холодно. Что же вечером делать, после ужина? Опять в палатке поиграли в карты, а во что, честно говоря, не помню. Кажется, научил их играть в массового японского дурака. Чтобы все были за столом и при деле. Вечер убили, в палатке тепло и воздух теперь хороший. Солдат научился топить.

12

18 декабря. Этот мой очередной день рождения пришёлся на это место и на такие важные афганские дела. Несмотря ни на что, подъём в 6.30, бреюсь, как всегда теперь, чьей-то бритвой, по ледку умываемся, завтрак и в парк на работу. Один объект почти окончен. Сумели быстро замениться и подать второй, начали его обрезать и готовить к монтажу. Сам же я остался в палатке для оценки дел и ради маленькой поблажки себе в честь дня рождения, но всё-таки под прозрачным для всех прикрытием необходимости звонить в Кабул. Дозвонился, однако в отделе генерала Журавля никого не было. Но в 17 часов повторно звонок прошёл и я доложил о делах. Ну, а вечер мой приближается с внутренним пониманием того, что у нас достаточно спирта и по бутылке водки у каждого. Так что могли толково и культурно, но в меру, отметить и почтить меня. У Полякова были чеки, и он по-порядочному заявил, что хочет спонсировать мой вечер. Но здесь покупать продукты негде, и мы задумали сделать поездку непосредственно в Файзабад на рынок за мясом, овощами и тем, что ещё попадётся. Эта мысль уже упорно крутилась в наших головах, а Виктор Поляков был готов совершить этот героический поступок ради меня и ехать. Я договорился о машине и поездке – ведь начальник штаба земляк, москвич. Но ко времени самой поездки он сильно засомневался в правильности этого моего желания и решил не подвергать нас опасности. В качестве наглядного грозного примера показал пулевые дырки в борту ГАЗ-69 зама по вооружению, свежие дырки, полученные недавно при нападении на этой же дороге в Файзабад, всего в 15 километрах от расположения. Но ужин я всё-таки организовал. Провёл его в нашей же палатке в окружении десяти человек. Стол из армейских запасов получился довольно хорошим, даже можно сказать отличным. Поздравили меня с сорокачетырёхлетием и выпили за меня. От Олега Ляшко, начальника связи полка, получил в подарок южную армейскую полевую панаму. Она, кстати, до сих пор у меня и со мной всегда в лесу за грибами, на рыбалке и на огороде. Закончился ужин весёлым и добрым разговором и картами в два коллектива. Особенно по душе и к столу пришлись наши соседи по палатке: два строителя-офицера – капитан и старший лейтенант. Виктор Миранович, по прозвищу Миллиметр, потому что высокого роста, прораб на всех местных стройках, должен был завтра лететь в командировку в Кундуз. Решил после посиделки, в связи с оказией, написать письмо маме, чтобы в Кундузе он через полевую почту отправил его в Союз. Но к обеду на следующий день выяснилось, что бортов не было из-за нелётной погоды, и в столовой за обедом Виктор мне его торжественно вернул.

Новый день также начался с холодного умывания и завтрака. Работа пошла организованно, всё утряслось. Одна машина закончена и готова к проверке, а вторая уже в работе. Но Федя, вылезая из верхнего люка машины, неосторожно повернулся и опрокинул единственную ёмкость с зелёной специальной защитной краской, которую везли из Союза с завода. Теперь красить нечем, а оставить некрашеную машину по технологии не имеем права. Хоть опять надо кого-то отправлять в Кундуз за краской или будем искать заменитель здесь на месте, ведь всё-таки здесь полковое хозяйство. И полк живёт текущей жизнью. Снова у нас задержка: днём появилась информация, что где-то в районе боевой операции произошёл подрыв бойцов. Пострадали двое, и Олег вылетел на вертолёте на место для доставки этих ребят в гарнизон. Поэтому краской теперь заниматься некому. Вижу, как забегали медики местного внештатного госпиталя и стали готовить хирургию к приёму. Ближе к вечеру привезли ребят, и мы сами это видели, когда топали из парка к палаткам. Вечером у нас ещё одно расстройство – с машин пропали целых два наших комбинезона. Плохо это и жаль, конечно, что в полку нашлись такие люди. Невзирая ни на что работать будем, естественно, и дальше. Ну а вечером, при традиционном слабом свете, единственно, кроме споров о текущих делах, осталось нам играть в карты. Что-то стали постоянно играть в «кинга», к которому вдруг пристрастились. Однако спать!

13

Очередной наш рабочий день, 20 декабря. Заканчиваем монтаж второй машины, а я себя в душе уже готовлю, как руководителя, отвечающего за всё, к организации перелёта обратно в Кундуз. Это значит, что невольно посматриваю весь день на небо и постоянно прислушиваюсь к возможному появлению гула двигателей вертолётов. Летают ли? Погода сегодня действительно пока нелётная, пасмурная: всё небо заложено капитально и ежедневной пары МИ-6 не видно и не слышно. К обеду форсировали монтаж машины и слегка помазали железо остатками нашей защитной краски. Оставили сохнуть. Вкусно, как отмечали все ребята, пообедали и на работу не пошли, устроив для себя вынужденный отдых. Вечер, как всегда, закончился двумя кругами в «кинга».

Утром просыпаемся в хорошем настроении. Должны закончить вторую машину. И вдруг все как-то вместе спохватились: ведь воскресенье. По утверждённому плану сегодня надо перебираться на следующую точку, в Кундуз. Это означает, что надо заканчивать, собираться и быть готовыми к отлёту. Официально заказал вертолёт и машину, но погода всё-таки, сам вижу, неблагоприятная. После завтрака идём все в парк, хотя для кого-то уже такой необходимости нет, делаем по-

следние работы по монтажу, по проверке работоспособности и общего функционирования объекта. В 12 часов вернулись в палатку, чтобы помыться и собраться. Кудлай лично обещал мне организовать баню. А банька-то оказалась в продуваемой всеми ветрами большой палатке, развёрнутой прямо на холодной земле, с трубой на восемь распылителей. И это в декабре месяце. Помылись, конечно, без всякого удовольствия. Все постирались по возможности, а полоскать бельё пошли в эту горную реку. За предыдущие дни у нас даже не было времени, чтобы выйти на берег и познакомиться с нею. Было тепло, иногда выглядывало солнце, и мы приятно повозились в этой чистой ледяной речке под названием Кокча. Дожили до вечера в этих хозяйственных заботах, и даже удалось, как положено после бани, поспать в палатке. Заботы на сегодня кончились, и ребята засели играть в карты, а я же, для очистки совести, – за чтение книги. Взял с собой воспоминания Покрышкина и читаю с удовольствием. Часов в 11 вечера вдруг поднялся вокруг шум и послышались звуки стрельбы где-то там за рекой. Выскочили из палатки: звуки далеко, не в зоне видимости. А реально оказалось: какая-то наша колонна выходила из гор на аэродром. Наш солдат-дневальный успокоил: говорит, что такое бывает часто и скоро закончится. Вот таким образом закруглили свой день.

Дожили до общего безделья. Работу сделали, и мы с Геннадием после завтрака проверили возможность установления и качество радиосвязи с модернизированной машины до Кабула: позывной «Опера». Обмен прошёл, дали мы оценку «удовлетворительно». Аппаратура настройку имеет чёткую, понятную солдату, что очень важно. А полдня уже прошло, и понятно, естественно, что вылета сегодня уже не будет. Это уже создаёт атмосферу нервозности какой-то, подвешенности и неопределённости в ожидании. С Олегом составили акты выполненных работ на каждую машину. Вдвоём пошли к командиру на утверждение. Принял нас хорошо, посидели немного для приличия, получили нужные для меня подписи-визы. Сказал «спасибо» с добрым напутствием, но и выразил своё неудовольствие якобы моим предвзятым, на его взгляд, докладом о плохой организации работ в первый день. Доказывать что-либо не имело смысла, только извинился, не зная, за что. Но потом мы тепло попрощались. Вышли с Олегом от командира и затем с его помощью через пульт оперативного дежурного сумели позвонить в Кабул. В отделе сидел сегодня, как всегда, Князев. В связи с наметившейся задержкой из-за нелётной погоды потребовал у Князева выйти на Москву и официально предложить Смирнову поставить вопрос о продлении визы и командировок.

Вечером опять беспокойство в городке, где-то постреливают, тем более что днём прошла информация: разведрота в 60 километрах ведёт тяжёлый бой с большой бандой душманов. Начальник штаба срочно стал

организовывать помощь. Для этого вызвал двух солдат-пулемётчиков, которые тут же у штаба снаряжали патронами ленты. Затем сам на двух вертолётах МИ-8 вылетел для поддержки разведчиков огнём с борта, с воздуха. Нам тоже в эти свободные дни удалось один раз отвести душу и здорово пострелять боевыми патронами из автомата с пулей калибра 5,45. Мне-то это не ново, но и у меня раньше такого огня никогда не было. А уж челябинцы получили полнейшее удовольствие. Выезд на такую стрельбу в качестве отдыха на пару часов предложил и организовал Ляшко. Я же, по случаю, обеспечил всю операцию двумя ещё не распечатанными цинками патронов, которые нашёл случайно в хламе на борту подбитого и брошенного на общей свалке металлолома бронетранспортёра БТР-60. Это я, что называется, прогулялся ради любопытства на свалку. И вот результат: два цинка и как-никак 1920 патронов. Стреляй – не хочу. Что мы и сделали вскоре. Капитан Ляшко своей властью организовал поездку на одной БМП километров за восемь к подножию горы, где полк устроил стрелковый полигон. Вот здесь по пустым патронным банкам, различным жестянкам стреляли, стреляли, но так и не сумели расстрелять эти два цинка. Получили отличную моральную и физическую разрядку. Больше всех резвился сам Пережогин. Автоматы, а было их у нас всего два, нагревались до того, что начинало дымиться ложе, а все мы аж потом до следующего дня ходили в полном смысле оглохшими. Но, к несчастью, к вечеру пришла в городок информация с операции о том, что у нас в том бою есть даже убитый солдат. И, действительно, начальник штаба этим же вертолётом доставил одного убитого бойца. Можно сказать, что боевая обстановка очень и очень ощущается и коснулась краем и нас. Даже в собственной голове невольно, уже лёжа в кровати, просчитываешь варианты действий на случай какого-нибудь возможного нападения. И главная мысль тут такая: в этой Тмутаракани мы чужие и никому не нужны. И, конечно, понимаем, что рассуждения бесполезны, так как собственного оружия, хотя бы у нас, военных, нет. Ночь прошла спокойно, а на следующий день Олег для интереса только мне показал боевое донесение по этой операции, присланное командиром разведроты. Он это донесение по долгу службы должен был обработать для доклада командиру, для приказа, а также для донесения наверх. В нём было даже любопытное сообщение с документальным подтверждением о смерти Раббани – главаря местных душманских объединений, известного уже в качестве национального политического лидера. Затем Олег понёс его для доклада командиру. Было это уже 23-е число, очередной день без работы. Стоит проблема вылета, а в перспективе уже намечается серьёзный срыв графика работ и, конечно, сроков командировки. Уже надо быть в Кундузе, а мы сидим здесь, в горах Афганского Бадахшана.

14

С утра опять пообещали вертолёт, но затем всё отложили, хотя было хорошо и солнечно. Настоящая лётная погода. Как стало вскоре известно, вся эта новая задержка связана с советско-афганским политическим мероприятием, с проведением траурного митинга и отправкой на ближайшем борту тела погибшего солдата. В 10 часов начался митинг. Полк был построен в поле, тело рядового Кузнецова под красной материей лежало на подставке перед строем. Приехали на панихиду и гости – местная провинциальная власть и даже один член ЦК афганской партии. Было их человек тридцать, многие с оружием. Этот член ЦК партии, средних лет афганец, держал речь в память о бойце, за революцию и дружбу между нашими народами. В конце были сделаны три залпа боевыми снарядами из артиллерийских орудий целенаправленно по острой, как клюв орла, горе, где в пещерах, по имеющейся информации, находилась одна активная база душманов. Затем подразделения прошли перед телом и командованием. Мы, конечно, тоже участвовали в этом траурном мероприятии. Стояли рядом с импровизированной трибуной для гостей среди афганцев. Пообщались с ними, и затем всё мероприятие на этом закончилось. Осталась теперь отправка тела. Мы летим тем же вертолётом, что и убитый солдат. Значит, теперь улетим точно. Пообедали здесь в последний раз. После обеда без раскачки объявили срочную готовность к вылету. И, наконец, подали два борта МИ-6, огромные грузовые вертолёты, способные вместить в себя много-много всего. Собрались резко. Майор Машковский, начальник бронетанковой службы, дал ГАЗ-69 и грузовик для нашего оставшегося единственного ящика с инструментом. Полётов не было уже три дня, и поэтому на аэродроме собрался народ, желающий лететь в Кундуз. Среди него было много и афганцев. Мне даже показалось, что их было гораздо больше, чем русских. Всех вертолёты не могли бы и взять. Борта пришли с грузом. Их надо разгружать – от этого теперь зависит время нашего вылета. Вот пришла и санитарная машина с телом. Это означает, что вылет состоится в любом случае. К разгрузке бортов были привлечены афганцы, которые дружно взялись за работу. Все коробки-ящики с обувью, с советской гуманитарной помощью были быстро выгружены и аккуратно уложены на травке, хотя много ящиков в их умелых руках и рассыпалось. Однако скоро уже будет темнеть, и, состоится ли полёт, возникает сомнение. Загрузились с некоторой нервозностью человек 50 вперемежку с афганцами, заработавшими право на полёт разгрузкой груза. Взлетели, и, дал бог, через 50 минут благополучно приземлились в Кундузе. Мне лететь пришлось в том вертолёте, в котором отправляли тело погибшего. Сидел я рядом с носилками, на которых он лежал, прикрытый только чистой белой простынёй. И лишь сапоги торчали из-под этой

простыни. И ничего: мои ощущения, видимо, стали вполне спокойными, естественными.

Опять моё хождение по уже знакомому аэродрому, между местом выгрузки и комнатой диспетчера, где был единственный телефон. Только через полтора часа моей беготни и ожидания, уже в темноте, прибыл за нами бортовой ГАЗ-66. Окружными дорогами вокруг взлётно-посадочной полосы аэродрома добрались в расположение дивизии. На сей раз нас сразу и навсегда разместили в общей большой офицерской палатке-гостинице с постоянным дневальным и нормальной печкой. Имущество сбросили где-то в парке, ближе к рабочему месту. Успели даже поужинать, но кормёжка гораздо менее вкусная, да и сервис убогий, на наш первый взгляд. Встретился сразу с Савельевым. У него хорошая новость: он уже два дня как стал подполковником. Я поздравил его от души. Рассказал мне, и я думаю, об этом стоит упомянуть: обмывал звёзды водкой, купленной у наших союзных вертолётчиков по грабительским ценам – 25 чеков за пол-литра. Везут в каждом рейсе ящиками и наживаются нагло русский на русском, пользуясь трудностями военного времени.

Мне опять, как начальнику, надо искать командира полка. Сплошная темень, я расположения не знаю. Вот и повёл меня лично Савельев в парк, где в это время, по наводке, был командир. Но оказалось, что это был его первый заместитель, исполнявший в эти дни обязанности командира. Молодой, в моём понимании, для такой должности, тридцатичетырёхлетний подполковник. Как сейчас помню его фамилию – Кравчук. Встретился с ним в какой-то служебной единственной парковой комнатке. Тут он оказался по случаю прилёта из Союза пожилого прапорщика – автомобильного технаря. Естественно, на столе уже стояла выпивка союзная с кое-какой закуской на газетке. Меня, естественно и безоговорочно, посадили за стол, и пошёл хороший мужской разговор и о жизни здесь, и о событиях в округе, и о наших организационных делах прямо с завтрашнего дня, ради чего я и пришёл. Рассказал я им и о том случае с майором Машковским, когда он неделю назад летел в полк из отпуска в парадной форме. Мне в красках говорил, что по техническим причинам вертолёт отказал и более-менее благополучно сел около единственной дороги на склоне в ущелье. Выбрались из машины целыми, оружие было только у пары солдат. А тут уже и душманы объявились по их душу. Залегли ребята за камнями и посчитали, что уже всё. Но, как в сказке, на дороге появились две БМП с ближайшего поста и помогли им, отогнав афганцев. Но тут Кравчук и заявляет нам, что этим спасителем и был он сам, приехавший как раз на пост для контроля. Все очень хорошо видели, как падал один наш вертолёт из пары летящих, и он, взяв всё что есть из боевых машин, сам возглавил эту операцию освобождения. Вот какие бывают совпадения даже по одному событию, факту.

Поговорив и закончив гостевать, пошли все вместе впотьмах по своим «домам» – палаткам. Чувствую, что стало заметно холоднее: декабрь ведь. В палатке мои подчинённые скучают. Удивлённо смотрят на меня. Где пропадал? Да ещё пришёл подшофе. Пришлось объясняться: был «по начальству» и решал проблемы нашей работы. В палатке было довольно тепло, даже работал телевизор и худо-бедно, с помехами, шла какая-то афганская политическая программа. Ребята молодцы: без меня разместились и освоились.

15

Новый гарнизон, новые люди и дела. Поэтому начинаю с новой главы наступивший день 24 декабря. Позавтракали, оделись потеплее и потопали в парк к нашим ящикам. Уже подогнали первую БМП-1КШ, вторая была в рейде в Тулукане, и планировалось после оборудования одной машины их разменять. При этом меня ограничили временем на работу, хотя и вполне приемлемым, но всё-таки ограничили, и только потому, что колонна войск должна была возвращаться в строго установленное время. Значит, сейчас надо торопиться, а потом один-два дня терять из-за пересменки. И подобные потери времени моими командирами в Москве даже не брались в расчёт, хотя при отъезде в Москве на инструктаже в ГБТУ соображения на этот счёт и о нереальности вообще сроков работ были высказаны Пережогиным. Работу здесь начали сразу очень и очень организованно: сказалась моя вчерашняя подготовка и высокая ответственность офицеров знаменитого 149-го мотострелкового полка. Техника есть, сварка работает, опыт появился, и весь процесс был организован более толково. Что ещё нужно командировочной душе для полного удовлетворения? Поэтому в первый же день успели много сделать: почти все работы по металлу. А вот с питанием у них оказалось совсем плохо. Продукты в основном консервированные, хлеб только чёрный и на удивление мокрый. К такой пище надо привыкать, и как бы не попортить свои желудки. Тем более, известно, что буквально все прибывшие в Афганистан в первые дни обязательно проходят через желудочные мучения. Друзья-товарищи облегчили моё существование, купив вскладчину, точнее за чеки того же Полякова. зубную щётку. Сразу стал человеком – ведь и щётку оставил вместе с той бритвой в самолёте. В общем, сделал подарки экипажу.

Как уже сказал, сделали сегодня, в первый день, много. И вот подошёл холодный вечер. Что делать? Выяснили, что в дивизии есть большая-большая палатка-клуб, где крутят кино. Кто-то из местных это сказал и пригласил нас убить время в кино. Смотрели «Над Тиссой». Действительно, к вечеру народ собирается после всех дел, и в зале было полно. Но в кино почему-то из наших я был один. Бригада осталась в палатке, чтобы пораньше лечь спать. Несмотря на то, что солдат постоянно топит печь, в палатке стало холоднее, и на вторую ночь мне пришлось укрыться шинелью. А в первую ночь даже и уснуть толком не мог: рядом, в 100–150 метрах, всё время шумят вертолёты. Ещё до кино от оперативного дежурного удалось дозвониться и до Кабула, и до Москвы с докладом о совершённом перелёте и начале работ на новом месте, во втором гарнизоне. Пошёл здесь наш второй день. Дай-то бог, пока все здоровы и дело движется. В палатке стало, наконец, даже очень тепло и сразу уютнее, а вот на улице совсем холодно и до безобразия грязно. Идёт обильный снег с дождём, и всё перемесилось под ногами. Хожу сам в яловых сапогах, благо предусмотрительно взял их с собой, достал опять из резерва и шапку. Ребята же форсят в своих штиблетах и завидуют мне. До парка дошли, терпели, но потом быстро начали бурчать по поводу этой грязи. Быстро поняли, что, в конце концов, дали дома промашку при сборах и теперь могут остаться без обуви. Стал профсоюз показывать свои зубки и по другому поводу: повели разговоры о деньгах и об официальном отдыхе. Непорядочно, ведь быстро забыли о днях отдыха в Файзабаде. Ну что же: отдых ещё могу организовать, а вот денег – нет. Сам страдаю из-за их отсутствия.

Основную работу по первой машине по монтажу окончили до обеда и обязаны были успеть покрасить: пусть сохнет. А после обеда не выходим: будем отдыхать в палатке опять же по просьбе трудящихся. Отдых в этот день, но уже с Николаем, завершили также просмотром кинофильма. На сей раз смотрели комедию «Сдаётся комната с ребёнком». По тем временам даже очень свежий для военного кинопроката фильм. Очень хорошая комедия, да и народу опять полно, вплоть до местного начальства.

Ну а ночью снова подзамёрз и натянул на себя шинель. В палатке всё-таки гуляет ветер и в наличии всего две печки, которые надо успеть протопить одному бойцу, заготовив (найдя) в течение дня всё, что способно гореть. Командует же этой палаткой, то есть, точнее говоря, выполняет распоряжение заботиться о такой гостинице, командир артиллерийского дивизиона. Это молодой, симпатичный, высокого роста майор. Живёт в этой же палатке и каждое утро тщательно собирается на свою огневую позицию за 20 километров, как на работу. Говорит утром: «Поеду постреляю и домой». Он со своими батареями стоит в предгорьях и каждый день планомерно ведёт обстрел дальнобойными орудиями известных нам мест размещения душманских баз в пещерах в ближайших горах. Вот такой офицер опекал наше проживание. Глухая канонада целый день слышалась по округе, порой до самой темноты. Как только раскаты прекращались, через некоторое время появлялся наш майор, умывался, ужинал и уже потом находил время заниматься нами. Если сказать точнее: не только нами, но и, конечно, людьми и заботами своего дивизиона.

16

Поутру всё опять по-старому. Холодно и, как всегда в этом полку, невкусный завтрак. Вошли в ритм работы, тем более что днём опять потеплело и стало приятнее на рабочем месте. Савельев толково организовал нам фронт работ. Первую машину уже сделали до обеда. Начальник связи куда-то пропал, и мне пришлось самому влезать в неподчинённые мне структуры и организовывать связь с Кабулом, предварительно договорившись об этом в межгарнизонной сети с дежурным по связи «Оперы». Пока проверял связь в различных направлениях и крутил для этого машину на пятачке, перепахал песок в парке, нарушив на территории красоту и порядок. И здесь связь получилась постоянной, удовлетворительной и даже временами хорошей по слышимости и разборчивости речи. В это время видим, что по дороге движется большая колонна машин из рейда, и мы с интересом некоторое время смотрели, как выезжала она из гор и втягивалась в наш парк. Все машины грязные, побитые объекты тянули на буксирах. Солдаты по виду были очень уставшими. Начальству тут же доложили, что на склад артиллерийского вооружения из пришедшей колонны сдали трофейное оружие. Савельев предложил мне подъехать туда, благо был у нас УАЗ-469-й. И я, и Геннадий с большой охотой согласились съездить и полюбопытствовать. Склад на краю парка, и туда только что прапорщику сбросили с одной из машин ящики. Чего только в этих двух ящиках из-под артиллерийских снарядов не оказалось! Наряду с абсолютно новым, не поцарапанным нигде, ижевским охотничьим ружьём 16-го калибра, оказался наш АКМС с откидным прикладом под пулю 5,45. Савельев тут же распорядился этот, принадлежавший по штату офицеру, автомат отделить от остального металлолома и отдать потом на номерную экспертизу. Говорит, что так положено. Геннадий же присмотрел себе свежий, только что с душмана, кожаный патронташ через плечо с небольшим количеством патронов совершенно разного типа и производства в его гнёздах: от английского Бура до китайского 7,62-мм патрона. Интересно, из какого такого оружия тот душман стрелял при таком наборе патронов? Я же подержал в ладошке 5-миллиметрового калибра итальянский пистолетик. Он был очень красивый, с белыми перламутровыми бочками, и очень лёгкий. Подержал в руках и только, а на большее «не решился». Вот такая получилась перед обедом у нас экскурсия, после которой только-только успели подъехать прямо к столу. Обед проходит довольно неорганизованно как у офицеров, так и, тем более, у солдат. Даже в домашних условиях солдаты принимают пищу прямо из котелков, стоя на свежем воздухе, на холоде и без крыши. Ну прямо как в поле, на учениях. По предложению нашего хозяина, Владимира Николаевича, дружно согласились принять вечером баньку. Есть у него в парке построенная по науке командирская баня с парилкой. В самых лучших русских традициях. А так как офицеры и прапорщики пришли с рейда, то будет в обязательном порядке организована баня для всех. А пока работу после обеда продолжили и к 5 часам закончили полностью оборудовать машину. Пришли домой. Времени опять много и чем-то надо было заняться. Как всегда, выручили карты, и доигрались до 7 часов вечера, прямо до ужина. Ну а вечером состоялась обещанная баня. Сделано отменно: в предбаннике всё в свежеотструганном белом дереве, парилка тоже из свежих досок. Протопка очага сделана снаружи, с улицы, а здесь, внутри, горка горячего камня. Всё по науке. Кроме нас, ещё никого не было, и мы сумели попариться по три раза. Потом стали подходить и другие офицеры полка. А в палатке уже положили свежее постельное бельё, даже по виду, как ни странно, не очень старое. Не стали после бани себя ничем утруждать и пораньше залегли спать. Сегодня в палатке было очень тепло: никаких шинелей. У всех настроение, как положено у русских людей после доброй парилки, очень и очень благодушное. Отлично выспались и всегда готовы начать новый трудовой день. А это уже будет 27 декабря, и у нас в работе ещё один объект, который вчера пришёл с операции. Но подспудно не забываем, что скоро Новый год, и кровь из носа, но 31-го числа обязаны быть в Кабуле, в нашем афганском доме – в ОРВБ, у наших чемоданов, у наших скромных запасов.

Машину мы, безусловно, сделаем. Но здорово уже сомневаюсь в плановом организованном отлёте, и надо мне подготавливать почву для этого. Несмотря на то, что имущество будет уже установлено на машинах, всё-таки два ящика назад с собой повезём, и мы будем их таскать и возить. Это так – соображения в плане на будущее. Однако утром всё в нашем мире перевернулось. Опять пошёл мокрый снег, и стало опять очень холодно даже днём и, конечно, грязно, как говорится, по уши. Вот тут-то заговорили наши гражданские сотоварищи о плохих условиях. Челябинцы «выступают», то есть немного бунтуют, бузят. Но работу на второй машине мы всё-таки организовали, и дело движется. Честно говорю: не ожидал от них такого малодушия и недисциплинированности, особенно от самого Валентина Андреевича, как старшего и выступающего за их интересы начальника. Обидно, конечно: как будто у нас не один коллектив, хотя и временный, для выполнения этой большой работы. Добастовались они до того, что мне самому пришлось в тот день обеспечивать рабочее место электроэнергией. Плохо также то, что бодяга эта совсем не по делу и возникла в большей степени от их гражданской неприспособленности к трудностям и политической недальновидности.

В это же время и Генка заболел, или, вернее, стал пока для начала себя чувствовать плохо с желудком. По такой плохой погоде, с нашего

общего согласия и моего разрешения, он остался в палатке лечиться. До обеда худо-бедно в грязи что-то делали и, в конце концов, отмучились. Как завтра будем красить железо по такой сырой погоде? Пообедав, челябинцы сразу, но опять со скрипом, пошли по густой грязи со снегом к машине. Я же оставил Николая и взял его с собой искать командира полка. Нужно всё-таки решать вопрос с сапогами для ребят и, естественно, в любом случае получить их. Командира нашли в его личной «бочке»: персональной квартире. Молодой и, как мне уже говорили, очень перспективный майор. Отдыхал после обеда, но пришлось его всё же побеспокоить. Возмущаться не стал, всё правильно оценил и дал тылу по телефону распоряжение обеспечить нас желанными сапогами, несмотря на то, что на довольствии мы не стоим. Добрались, наконец, до склада. Нашли в массе палаток нужную, а там сидит холёный прапорщик, который тотчас стал выпендриваться: дескать, нет нужных размеров. В итоге банально предложил майору самому лазать по бесформенной массе сапог, наваленных в ящиках. Ищите, мол, сами. Наглец и хам он всё-таки. Меня это здорово разозлило. Опять нашёл командира и всё ему высказал. Попросил оказать содействие в подборе обуви и приструнить этого заведующего складом. Часов в 5 солдат принёс нужное количество сапог прямо в палатку, и даже примерно подобранных по размерам. Всё закончилось даже без всяких материальных подписей, хотя бы формальных. Мои ворчуны были уже дома, тут же разобрали сапоги и стали сразу довольными, а то ведь уже еле дошли из парка, вытаскивая свои туфельки из грязи. А у меня тоже очередная личная трагедия подошла – сигареты кончились, а денег нет, и поэтому понемногу стреляю «охотничьи» пролетарские у кого получится. Такие сигареты продаются в автолавке, куда как раз завезли товар. Только нам всё равно – ведь денег нет ни у кого, кроме Полякова. Посмотрел, как солдаты атакуют магазинчик, и ушёл с завистью и обидой домой. Обидой потому, что даже старший офицер Советской Армии в командировке не имеет минимальных денег для покупки самого необходимого. Моя трудность в этом усугублялась ещё тем, что поддержки у меня никакой не было. Ведь все мои остальные товарищи были некурящие. Вот такой оказался суматошный день, день разлада после предыдущего согласия и доброжелательности друг к другу. Буду надеяться, что это ненадолго и, главное, что не повлияет на наше главное дело. Иначе будет очень неприятно. Впереди ещё долгая работа вместе. А челябинцы опять показывают зубки и требуют как бы положенного выходного дня. А это будет означать потерю темпа. Не понимают, что они в армии и в Афганистане. В такой тональности закончили день. Но, правда, обзавелись сапогами. И завтра, без всякого выходного, выходим, как всегда, на работу.

17

Пришёл новый, такой же холодный и пасмурный, декабрьский день – 28 декабря. Темнеет уже заметно раньше, а в горах это ещё более ощутимо. Начали работу, но Пережогин опять принялся ныть и подбивать меня на принятие решения по выходному дню. Наш разговор получился в стороне, за палатками, резкий и даже с требованием от имени и по поручению профсоюза соблюдать в нашем обиходе трудовую и производственную дисциплину. Никак не хочет понять, что они выполняют специальное задание и находятся под военным руководством в условиях боевых действий. Пришлось смягчать острые углы тем, что, закончив оборудовать машину, получим ещё не один день вынужденного отдыха, пока придётся ожидать самолёта на Кабул. А я уже присматриваюсь к аэродрому, благо он перед глазами и каждый шорох слышен. Пока движения на нём никакого. Тихо. Надо докладывать о планах перелёта и требовать помощи. Пошёл к командованию. Нужен теперь полковник Пономаренко – это мой новый местный начальник (заместитель командира 201-й дивизии по вооружению). Пока работали в Файзабаде, он приехал по замене. Мужик крупный, партизанского характера в делах, но доступный в общении. Он мне сразу заявил, что авиацией не командует, и поэтому с отлётом всё неясно. Сначала я дал телеграмму ЗАС генералу Журавлю, а потом получилось так, что мне удалось переговорить с ним по телефону. Заверил, что будет искать решение. К 12-ти вышло солнце, наконец, и стало тепло, даже очень хорошо. Я оказался на пару часов свободен и решил использовать это время для другого дела. Характер-то мой, в общем, пытливый, да и работа в институте обязывает и приучила проявлять любопытство ко всему новому, интересному, тем более что в служебных рамках. А дело-то в том, что совсем рядом расположился разведывательный батальон дивизии. В нём в штате тоже есть, только другая, моя техника: БРМ-1К – боевая разведывательная машина. В отличие от мотострелкового полка батальон разместили в привилегированном, отдельном щитовом домике с кабинетом командиру и со спальными помещениями для личного состава. Штаб его был тут же в модуле. Встретился с командиром батальона, капитаном по званию, и немного поговорили в его кабинете о боевом применении техники батальона, в том числе и о моей боевой разведывательной машине. Я из Москвы, и, по всему, чувствовалось к этому и уважение, и внутренний трепет: что этот майор откуда-то оттуда, как бы из потустороннего мира, из высшей инстанции. Поэтому обо всём вежливо и обстоятельно им было доложено по интересующим меня вопросам. А интересовала меня, как я уже сказал, естественно, моя машина – боевая разведывательная БРМ-1К. Такая у него в наличии оказалась, и притом в эти дни стоит в парке, сильно подорванная на операции.

Сам бог велел мне идти на машину и осмотреть её. Дали в сопровождение офицера, и пошли в парк – стоянку боевой техники, чтобы посмотреть характер повреждения и состояние аппаратуры. Мне, как ведущему это направление боевой бронетанковой техники специалисту, очень важно было познакомиться именно с войсковой эксплуатацией. С любопытством посмотрел дырищу в днище от подрыва на мине. Прапорщик, командир машины, рассказал, как, для интереса, применяли дальномер по душманам. На небольшом расстоянии мощности лазера оказывается достаточно для воздействия на глаза, и чётко видно было, как они – душманы – начинали суетиться при облучении.

Поблагодарил за рассказ и внимание, пожал всем руку и по хорошей уже погоде пошёл к себе на другой конец палаточного городка. Проблема с куревом для меня пока тоже не снимается. Занял три чека, как бы без отдачи, и купил на все деньги тех же «Охотничьих». Дотянуть бы до Кабула – там в чемодане лежат мои «Столичные». Погода вдруг опять что-то нахмурилась, и настроение тоже стало меняться. Вопреки нему на обеде, наконец, были вкусные котлеты, да и обед был весь сегодня приличный. Кушали с аппетитом. Что-то, видимо, в полку стряслось! Затем идти в парк по грязи ну никому не должно нравиться. Но надо! Зашёл в палатку как бы после всех, вроде бы последним, а там почему-то никого не оказалось. Что-то новое у нас в коллективе? Неужели челябинцы раньше обычного времени после короткого отдыха рванули на работу? Или же пошли прямо из столовой? Ну и дела! Я же остался в палатке и занялся бумагами. Пусть Пережогин сам покомандует там своими орлами. Но стало темнеть, и тут же появились челябинцы. Доложили, что сделали довольно много уже на второй машине. За это – молодцы. Есть повод мне написать акты, и до ужина сделал свою работу, всё оформил по этому полку. Тем более что у меня ещё дома были заготовлены бланки на всё количество объектов. Остаётся только заполнить их. А вечером всё, как обычно. В палатке, лёжа, можно почитать, что-то там показывают по телевизору. И сейчас все при деле: кому что нравится. Только Геннадий продолжает страдать. Главное у нас будет завтра, 29 декабря: закончить все работы, мне проверить работоспособность, подписать акты и можно вылетать.

Новый день начался как-то непривычно, с солнца, – отвыкли от него. Заметно потеплело, и мы повеселели. Я ещё про себя отметил, что эта погода к полёту. Геннадий, правда, всё мается желудком и остался опять в палатке, поближе к туалету. По всем нашим расчётам, мы должны работу заканчивать. До обеда это мы дружно и сделали. Всё получилось очень даже красиво. Пока мои мастера заканчивали работу, делали последние закрутки и затяжки, я совершил маленькую, но любопытную для меня экскурсию по округе. Пошёл вдоль парка по тыловой дороге

посмотреть на окружающую местность: что же там есть? И метров примерно через 150 оказался за границей части на краю высокого и крутого склона. Находясь в дивизии или на аэродроме, невозможно было раньше представить, что находишься на высоте, что совсем рядом есть буквально крутой обрыв, за которым внизу отлично видны сельскохозяйственные наделы и постройки частных хозяйств. А чуть дальше просматривалась оживлённая автомобильная дорога, идущая на север через Кундуз в Союз. При чистом и прозрачном сегодняшнем воздухе отсюда был колоссальный обзор. Хорошо было видно, как внизу копошились в земле афганцы. На самом краю плато наткнулся на наш блокпост охранения, чего сразу даже и не заметил. При моём приближении выскочил из землянки сержант, ошарашенный неожиданным появлением какого-то чужого майора, офицера в очень высоком для него звании, тем более и одетого не как все – не в полевую форму. Я его перепуг хорошо понимал. Поэтому доклад его приостановил, поздоровался с ним за руку и попросил показать своё хозяйство. Пост – крайняя точка охраны в северном направлении. Живут в обстоятельно сделанной землянке, спят на нарах, топят печку по-чёрному. Рядом на дворе кострище для приготовления пищи. Тут же самодельный стол и две скамейки. Кто-то из солдат отдыхал, кто-то нёс службу чуть в стороне от землянки, ведя постоянное наблюдение из окопа за местностью и за склоном. От их службы и бдительности зависит безопасность и благополучие гарнизона. Попросил бинокль и осмотрел округу из него. Естественно, долго мне тут делать было нечего, и через 15–20 минут вернулся к машине. Идём на обед. Пообедали сегодня уже с комфортом, под солнцем, в тепле. Потом с Геннадием, который всё-таки решил поучаствовать в делах, проверили связь с Кабулом прямо из парка. Не выдержал он безделья и пошёл с нами в последний раз. Кругом в парке суета – приводят в порядок технику после рейда. В суматохе даже бабахнули забытым в стволе снарядом из БМП-1. Хорошо, что случайно снаряд пошёл мимо палаток. Сдал свою машину начальнику связи и тут же договорился с Савельевым на 20 часов встретиться для подписания и утверждения документов командиром. Но задержали меня почему-то челябинцы. И только где-то в 9 вечера пошлёпал по грязи в парк, где должен был быть, по наводке, в это время командир полка. Захожу – играют в карты Кравчук с Савельевым, а командира опять нет. Кравчук утвердил акты, и Владимир Николаевич пошёл ставить печати. Пришлось ещё какое-то время подождать. Вот вроде, получив документы, мы всё закончили здесь. Распрощались и даже обнялись, испытывая взаимную симпатию, я вернулся к себе в палатку. Довольно рано сегодня легли по кроватям, и потянулись разговоры впотьмах о завтрашнем отлёте и дальнейшей жизни. Очень дружно все отметили отличную организацию здесь работ.

18

30 декабря. Ура! Утро солнечное, тепло и уже моментально почти сухо. Главное для нас – погода лётная. Организовали всё, что связано с вылетом. Автобус в готовности стоит в парке комендантской роты дивизии, ящики уже там же, а мы все в палатке после завтрака с личным багажом отдыхаем за разговорами в ожидании команды. Но время идёт, а на аэродроме тишина и команд для нас пока нет. Но тут же один слух проходит, или информация, как угодно, или, как у нас говорят, – вводная. Вводная невесёлая. Это был приказ Командующего по группировке для обеспечения порядка и безопасности в дни празднования Нового года. А это означает, что все перемещения по стране с 30 декабря до 2 января запрещены. В это же время будет проводиться плановая пересменка лётного состава из Союза. Так что и реальных лётчиков не будет. Вот и попались мы крепко. Капкан практически для нас захлопнулся. Просто влипли в Кундузе. А ведь, во-первых, по плану работ у нас везде учитывались минимальные потери времени на перемещения, а тут аж до 2-го будет пауза. Во-вторых, в Кабуле все наши вещи, по сути дела дом, и там, естественно, надо быть на Новый 1981 год. Дело дошло до некоторого общего нервоза в моей команде, и, конечно, главным образом в челябинской части её. Я же ушёл в связи с этим решать вопрос отлёта к полковнику Пономаренко. Ему всё это, как говорится и как я понял, до лампочки. Направился на узел связи звонить в Кабул. Нашёл только полковника Лапшина, начальника бронетанковой службы у Журавля. На высоких тонах предлагаю, а потом пытаюсь и требовать организовать нашу отправку: ссылаюсь на ответственность за необходимость строгого выполнения директивы Главкома СВ. Он сразу же расписался в невозможности практически что-либо сделать. Но и марку заботливого и инициативного начальства ему как-то надо поддержать. Предлагает, как единственный вариант, немедленно перебросить нас вертолётом в Пули-Хумри, а там подсадить в любую армейскую автомобильную колонну, идущую на юг в Кабул через известный тяжёлый перевал Саланг. Ничего себе распоряжение! На него весь мой профсоюз, когда я вернулся и доложил о разговоре, моментально ответил отказом и выставил главный аргумент: мы гражданские и мы так не договаривались. Убиваться не собираются и таким методом добираться не согласны. Мне же с Геннадием, как людям военным, в этом деле остаётся только сказать «есть!» и выполнять команду. Опять пошёл на узел и так и сказал в итоге обо всём этом при повторном разговоре Лапшину. Прямо головная боль какая-то получилась. В полном смысле даже не между двух, а между трёх огней оказался. Ещё раз прошу от него, чтобы решили вопрос через Командующего и организовали сюда специальный самолёт. Понимаю, что, конечно, решения такого не будет и разговор наш на этом безрезультатно заканчивается. Как сказал он: будет ещё искать варианты. День же между тем проходит, и погода стоит отличная. Как по заказу: только лететь. Бригада отдыхает, в ходе такого безделья брюзжат как бы про себя. Пережогин с Алексееем обрабатывают меня, а Геннадий находится в нейтралитете, тем более что всё ещё болеет и переживает: не признаки ли это дизентерии? Мы надеемся, что это у него рядовое, касающееся буквально каждого, расстройство желудка от местной воды. Правда, к слову, надо похвалиться: все мы остальные пока лишний раз по туалетам не бегаем. Туалеты, кстати, здесь особенные, основательно обустроены по единой команде сверху и по единому проекту. Сделано сразу на много гнёзд. Всё сооружение сверкает из новейших досок, завезённых до последней из Союза. Это вспомнилось как отступление на тему гигиены в Афганистане.

А вот по-настоящему наше дело сейчас обстоит так: мои бойцы сидят на кроватях и лениво перебрасываются в карты, так себе, несерьёзно. Я же в это время нахожусь в напряжённом состоянии, на постоянном взводе и болтаюсь между ними, телефоном и Пономаренко. Всё пытаемся сообща решить вопрос нашей переброски в Кабул.

Вдруг, часов в 11, слышим звук самолёта. Какой-то борт появился и садится. По виду это знакомый АН-26-й. Значит наш, военный. Быстро уточняю ситуацию у дежурного, благо в этот момент я оказался рядом. Говорит, что, вероятно, борт будет прямо на Кабул: то, что нам и нужно. Бегу в палатку и быстро организую людей. Все потащились с чемоданами на ближайший перекрёсток дорог, а мы с Андреем бежим в парк за автобусом. Захарову же дал персональное задание, как представительному подполковнику, без вещей бежать, именно бежать на рулёжку к самолёту. Необходимо на месте разобраться: чей борт, кто летит и куда летит? И главное во всём этом: заберут ли нашу команду? А я в это время должен взять автобус и по дороге на перекрёстке подсадить всех ребят с вещами, а затем быстро-быстро проскочить на аэродром. Въезд был на этот раз с нашей стороны, и доехали моментально. На полосе полно народу, разных званий и многие с оружием. Геннадий успел разобраться и доложил, что борт пришёл непосредственно за заместителем начальника политотдела армии, полковником, которого, вопреки всем строгим приказам, надо тоже доставить домой, в Кабул, к Новому году. Борт оказался, а это был действительно АН-26-й, всё-таки неплановым. Другого самолёта точно уже не будет. Поэтому, кровь из носа, но надо добиваться посадки. Нахально лезу через толпу желающих со своими полномочиями прямо к этому полковнику, только что появившемуся. Холёный, и с каким-то форсом одет с нарушением формы. Стоит в бриджах, в фуражке и в тёплой лётной кожаной куртке для

шика. Фуражка, конечно, у него красная, пехотная, как фонарь: видна издалека среди зелени разных форм одежды. Сначала он не реагировал ни на что. И ясно сразу было, что он всех взять не сможет. Надо сделать хоть какой-то отбор. Поэтому он своему знакомому майору дал команду всех построить. Сам же прошёл вдоль строя, выясняя, кто тут, зачем и кого необходимо взять. Прежде всего отбирал отпускников и едущих на учёбу. Мне пришлось энергично сунуть ему в руки московское командировочное предписание и даже на словах решительно настоять на отправке. Всё-таки в расчёт на посадку мы попали. Быстро забрасываем имущество и быстро усаживаемся по скамейкам вдоль бортов. Людей, видимо, взяли всё-таки с перебором. Техник самолёта при взлёте прошёл в хвост и попросил всех сидящих здесь перейти в голову и до набора высоты стоять там. Присесть-то ведь негде. Точно так же надо было проделать потом при посадке. Вероятно, для правильного баланса и нашей человеческой безопасности.

19

Наконец летим. Комфорт, конечно, не тот, что был на нашем персональном борту из Челябинска и Ташкента. Но задача дня и всего этапа теперь решена. Если долетим благополучно, а перегруз самолёта определённо волнует, то сегодня будем в Кабуле, дома. О нашем отлёте Князеву, Лапшину дозвониться в той суете не успел, да практически и не мог. Пономаренко, вероятнее всего, без моей просьбы по этому вопросу и пальцем не шевельнёт. Поэтому оказались на аэродроме после посадки нашего вне плана самолёта неожиданно, и, естественно, как всегда, никто нас не встречал. Опять встаёт та же проблема для меня. Моя планида снова идти к коменданту на телефон и по окружным цепям связи, через двое-трое позывных, добираться до нашего управления. Ух, однако, дозвонился. Дальше уже от них последует звонок в рембат, Гребневу, и потом он направит машину за нами. Я понял, что ждать на ящиках придётся долго и, не дай бог, надо будет добираться через весь город уже в темноте. А этого делать тоже не положено и опасно. Стало туманнее и холоднее. Кабул выше, чем Кундуз, и стоит в горах, климат потому несколько покруче. Мне более-менее тепло, я в сапогах, а вот бригада сдала сапоги в полку и опять мёрзнет, хотя и одеты в отличные кожуха, которым я лично страшно завидую. Полтора часа мы ждали, пока за нами не приехал начальник штаба, и всего лишь на УАЗ-469-м. Удивляется, что не так передали распоряжение. Я тоже удивлён и возмущён этой постоянной расхлябанностью. Смех и только, если бы не усталость и голод. Отправил на этой машине всех, кто сумел втиснуться, в том числе и больного Геннадия. Наказал строго Морозову, чтобы организовал к нашему приезду баню и размещение. Я и Федя остались вдвоём со своими ящиками в ожидании грузовика. Ждать придётся долго: пока доедут до рембата и организуют затем грузовик за нами. Так и прождали ещё полтора часа, дотемна. Наконец-то пришла санитарка, забрала ящики и, конечно, нас. Ехали через цивильную вечернюю часть города. Всё кругом сверкает и красиво, всё живёт и торгует.

Приехали, а мои бойцы уже ушли в баню: не дождались нас. С Федей торопимся вдогонку, чтобы застать горячую воду в уже знакомой бане. Но вода была ещё хорошей, душ сильный, и для нас хватило. Отлично смыли с себя всю грязь и получили истинное наслаждение. Для ночлега Гребнев на сей раз выставил нам две давно не эксплуатируемые танкоремонтные летучки. Поставили их в самом центре городка. Но нас семь человек, а в летучках вроде шесть мест. Как тут быть? Опять возник очередной бытовой вопрос. Но благо выручил Морозов: приехав с аэродрома, сразу отправился на приём к врачам, потому что за проволочным забором оказалось инфекционное отделение госпиталя. Его-то там, особо не разбираясь, быстренько прихватили и уложили в палатку, взяв сразу необходимые анализы. Отпустят теперь, лишь при хороших анализах, через несколько дней. Так что места теперь нам хватит, но Новый год мы будем встречать без него.

Наши же машины-общежития – это пока ещё холодные, грязные и без света будки. Командир назначил, как нарочно, нам только-только призванного и неопытного солдатика, которого тоже, как и в Файзабаде, пришлось учить топить печку. Сейчас же обязательно надо протопить, да и потом постоянно топить, так как на улице довольно холодно: градусов семь-восемь тепла. Пока начали топить, напустили дыма так много, что хоть убегай и не заходи долго. Принесли постельное бельё. Простыни все просто сырые. И вот в темноте раскладываем на рундуках свои постели и ложимся в эту сырость. Можно представить себе, что это за удовольствие – после жаркой бани ложиться под мокрые простыни и в сплошном дыму. К утру, конечно, просушили их на себе, а с плохой печкой всю ночь дрожали и плохо выспались. Утром очень хотелось ругать солдата, который заготовил так мало дров и сам исчез на ночь. Даже и подтопить нечем было. Пришёл он поздновато, и мы спустили на него всех собак. Сразу после накачки быстро научился находить дрова и нормально топить. Он даже в последующие дни привык к нам и стал своим, родным в машинах. Как бы хорошо ни устроились, но мы прекрасно знали, что задерживаться здесь не придётся, чуть ли не 1 января надо перелетать на следующую точку. В данном случае был у нас запланирован следующим пунктом Джелалабад, 66-я отдельная мотострелковая бригада, что стоит на юго-востоке страны на границе с Пакистаном. Терять вновь время нам никак нельзя, не позволено свыше,

но до 3-го числа, как я уже говорил, всякие полёты запрещены, а виза у нас до 10-го числа. Явно не успеваем, о чём говорили ещё в Москве, но к нам не собирались прислушиваться.

А утро, как по заказу, стоит солнечное и по-зимнему свежее. 31 декабря, последний день уходящего первого боевого года в Афганистане. К 10 часам утра Гребнев с трудом принял решение и дал мне машину для поездки в «Тёплый стан» к Журавлю. Надо ему лично доложить ситуацию и обговорить дальнейшие действия, а также суметь позвонить в Москву.

В гарнизоне тоже действует новогодний приказ на ограничение въезда и выезда машин. Поэтому посчитал лучше совсем не заезжать в городок, так как можно потом и не выехать. Оставил машину на общей стоянке перед КПП. Надеюсь, не арестуют. Сам же пошёл по глубокой пыли в штаб, где застал на месте всех наших офицеров. Поздравили меня да и друг друга с Новым годом. Генерал Журавель заверил, что, несмотря на запрет, будет организовывать и гарантирует нам вылет в Джелалабад 2 января. Он будет над этим работать, а мы ждать в готовности со своими новыми комплектами аппаратуры в ящиках.

20

Вот пока сейчас я кручусь здесь, в ОРВБ, челябинцы формируют новые комплекты имущества, а Геннадий, видимо, останется в госпитале ждать результаты анализов и долечиваться.

Дозвонился до Юрия Ивановича. Он до сих пор ничего не может сказать о продлении визы и командировки. Докладывал своему начальнику о моём беспокойстве и требовании, но всё решается непосредственно на самом верху, а это требует времени. Ясно одно: при самом лучшем раскладе и работе даже ночью, что в общем-то нереально, на всё времени не хватит и работа в визовой срок не будет закончена. Ведь остаётся ещё три гарнизона, в разных концах страны. Ещё в Москве докладывали о подобной перспективе, но всё это было для ГБТУ где-то далеко-далеко. А теперь надо быстро решать, и Смирнов твёрдо заверил, что где-то 4–5 января решение должно состояться.

Главные дела в штабе закончил, и надо возвращаться домой, то есть в рембат. Подоспел обед, и пообедал с нашими танкистами за общим столом. Заодно занял у Князева 20 чеков, чтобы хоть что-то купить к столу на Новый год и порадовать бригаду, спиртного не надо, да и в военторге не продают. Купил большой, на один литр, пакет заморского фруктового сока, сигарет. А больше ничего путного по таким деньгам и не нашёл. С таким багажом опять по пыли вышел к шлагбауму. Машину не арестовали, и проблемы с отъездом не возникло. Опять через город, но уже по

другой объездной дороге вернулся в рембат. Пережогин работу с имуществом закончил. Ящики в дорогу укомплектовал. Остальные опять закрыл, обвязал и уложил в батальонном складе-землянке. Тут тоже отобедали, и день пошёл к вечеру, к ожидаемому с нетерпением такому специфичному Новому году. Дружески намекнул заместителю по тылу не забыть в честь такого дня и нас, гостей. Он с пониманием пообещал обеспечить чем-нибудь: консервами, овощами, хлебом – всем, что реально есть на складе и может поддержать наш импровизированный праздничный стол. Встал также у нас вопрос и с освещением летучек. Как жить без света вообще и в такую ночь в частности? Опять стал обрабатывать командира. Нужен провод, патроны, лампочки и умелые руки для этого. Со всем этим оказалась бо-о-ольшая проблема. И только уже почти к темноте сами сумели оборудовать одну машину. На вторую не было ни лампочки, ни патрона. Во всём батальоне это оказалось страшным дефицитом. При таких нештатных трудностях к вечернему или ночному новогоднему «бою», таким образом, мы подготовились отлично.

Появился Геннадий, уже в спортивном костюме, побритый и отдохнувший. Но настроение у него плохое, так как взяли анализы и до получения результатов его из-за проволоки не выпустят. Значит, рассчитывать на него в Джелалабаде не придётся. И дело вовсе не в том, что не будет сделана какая-то практическая часть работы, а в том, что будет отсутствовать в команде юридически заинтересованная организация. Геннадий взял свою личную бутылку водки, поздравили мы друг друга с лучшими пожеланиями, и ушёл он к себе в изолятор встречать Новый год с такими же инфекционниками, как и сам.

21

Сама встреча Нового 1981 года в этих необычных для каждого из нас, в чём-то экстремальных для обычного человека условиях чужого Афганистана требует отдельного рассказа, что и попытаюсь я сделать более образно, как сумею, конечно.

В моей летучке организовали главный, но и единственный неплохой стол: все достали по запасённой бутылке водки, была вкусная свиная тушёнка, солёные помидорчики, рыбные консервы, лук, мой сок и много хлеба. В пустой бутылке стояла веточка какого-то местного хвойного дерева. Кто-то из ребят сумел раздобыть эту экзотику. Слабым фоном давал по «Маяку» музыку маленький приёмник – моя «Селга», отсчитывая параллельно точное время. По традиции в 10 часов по местному времени вшестером проводили Старый год. Приняли по первой, и все сразу повеселели, подобрели и почувствовали, как с плеч хоть на какое-то время снялись наши важные текущие заботы. Солдат наш, наконец, хорошо

справился с топкой, в машине стало уже жарко. И он ушёл в свою палатку, к своему Новому году. Мы же, в ожидании нашего Нового года, взялись за карты. Сейчас что-то не помню, во что могли бы мы играть вшестером, чтобы все были заняты. Но, так как свободных не было и все были при деле, то, вероятнее всего, научил всех играть в «японского дурака». Но через какое-то время кто-то из челябинцев смалодушничал и отказался сидеть и ждать полночь. Ушли спать в свою тёмную летучку. В Новый год из тех, кто остался в компании, налили по дозе, крикнули «Ура!» и выпили за здоровье в наступающем году и за успех в предстоящих делах. И вдруг, секунда в секунду, что прозвучали из моего приёмника, вокруг загрохотало. Мы выскочили дружно из будки и видим бесподобную картину: вверху тёмное-тёмное небо, а внизу под ногами красивый ночной Кабул. И практически вокруг всего города потрясающая красота от ракет, трассирующих пуль автоматных очередей. Трассеры выписывают в небе какие-то замысловатые фигуры, в зависимости от того, как ведёт рука стреляющего. И я не приукрашиваю, действительно, стрельба шла ото всюду, где стоят наши войска. А они занимают всё, что только можно, в предгорьях вокруг Кабула.

Через полтора часа встречали Новый год уже по московскому времени. И опять, как будто по единому сигналу, началась пальба, и даже над нашими головами прогремела, пролетела трассирующая очередь из пулемёта БТР, который стоял рядом на охране инфекционного отделения госпиталя. Не приукрашиваю, действительно, прямо низко над нашими головами и в сторону города. Вот дают ребята! А челябинцы даже не проснулись. Мы же втроём: Поляков, Жора и я – допили за праздник и даже продолжили игру, но недолго. Скучно, потому что коллектив распался, а это тоже не совсем хорошо в длительном совместном пребывании. Первые, естественно, выспались хорошо в тёмной будке и рано встали, сходили на завтрак. А мы же в нашей летучке спокойно проспали до 11 часов. Никто нас не беспокоил, даже не пытались топить буржуйку, понимая, что это была традиционно бессонная ночь. Перекусили остатками праздничного ужина, вновь были готовы отдыхать до обеда. Однако появился в гости Генка с жалобой на свою судьбу и сорвал нам отдых. Вроде уже вылечился и всё встало на место, а отпускать его не собираются до тех пор, пока не пришлют результаты исследований, чего раньше 3–4 января не случится. Он хотел было даже уничтожить историю болезни. Вот как! Будто бы как бы его там и не было. Раз не отдыхаем, я зашёл в палатку к Виктору Алексеевичу, и мы поздравили друг друга. Вчера, понятно, весь вечер и ночь он был на ногах в заботах об обеспечении безопасности и по поддержанию порядка. Всё прошло в батальоне спокойно, без происшествий. А раньше у нас для встречи как-то не нашлось времени.

Но к обеду опять стало заметно холоднее. Солдат пока ещё не пришёл, куда-то пропал, и топить некому, точнее, нет дров. В будке неуютно. Стали сами собирать по округе головешки, щепки, и в печке с потугами появился огонь. Чем заняться? Ребята попросили научить их, а точнее, познакомить с основами преферанса. Учил-учил их, но дело шло тяжело, и Жора в конце концов не выдержал, первым бросил и ушёл спать. Ночью нам опять досталось. Печка прогорела: дров нет, солдата тоже нет, и к утру стало так холодно – хоть не высовывай носа из-под одеяла. Такой вот получился у нас выходной день, потому что выезды-вылеты запрещены, о чём я уже упоминал. Сидим, ждём – теряем время.

22

Начинается новый день, 2 января: будем считать его рабочим, но, как получится и сложится обстановка, кто знает? Погода пасмурная, небо заложило, но днём не холодно. Опять настроились на сон. Но через посыльного солдата вызывает к себе Гребнев и знакомит с радиограммой, в которой генерал Журавель из «Тёплого стана» дал команду на выезд на аэродром, где нас ожидает борт на Джелалабад.

Машина у нас готова давно, даже две: одна под груз – ГАЗ-66, другая для нас – всё та же санитарная. Моментально загрузились и окольными дорогами вокруг Кабула мимо наших частей, а потом и по бездорожью, по рытвинам аэродромного поля с тыла въехали прямо на взлётную полосу. Так всё делалось по приказу Гребнева ещё и потому, чтобы не нарваться на комендатуру в городе и не стать нарушителями запрета. Вот так перепугал праздничный приказ. Добрались до нашего уже знакомого аэродромного коменданта. На полосе пустынно и тихо. Выяснилось, что и теперь нас никто не ждёт, в комендатуре о нас не знают. Да и борта сегодня нет и не ожидается. Ведь работает приказ! Вот опять дикая организация в пределах одного гарнизона и самого главного штаба. В связи с этим машины не отправляю и не выгружаю ящики: принял про себя решение ждать до 13 часов, а там опять теми же дорогами буду возвращаться домой. Тут уж главная моя задача: успеть к обеду и накормить и солдат, и своих людей. Прошёл, однако, слух, что вышли из Джелалабада два МИ-6, какой-то служебный рейс. Но и их не оказалось. Шутки, что ли? А время идёт, и, видимо, объездные тропы по дороге обратно в рембат ждут нас снова, и если так и не улетим, то до темноты надо будет этой опасной дорогой возвращаться. Ждём любой вариант. Но, глядим, – по пустой полосе несётся в нашу сторону топливозаправщик. В машине только одинокий солдат и, как курьер, видимо, опрашивает всех встречных: нет ли желающих на Джелалабад? А может быть, и получил конкретную задачу нас искать и привезти к самолёту. Как бы то ни было,

едем повеселевшие за бензовозом на стоянку. Действительно, стоит АН-26-й. Я даже не понял, не уследил, откуда он взялся, – утром его точно не было на стоянке. Уже всё готово к вылету. Осталось только нам загрузиться, и в полёт. Экипаж оказался мне даже знакомым по Ташкенту. Внесли ящики. Нас ждали, и мы были последними. Народу собралось в салоне немного. Взлетели мы быстро, без проволочки. Рембатовцам приказал уезжать только после того, как наши колёса оторвутся от бетонки. А вдруг что-нибудь изменится?

Буквально быстро, через 30–40 минут, самолёт пошёл на снижение прямо над центром города. Значит городской, а сейчас и военный аэродром, по всей вероятности, находится где-то вблизи. Очень красива сверху была центральная, круглая и зелёная, площадь города. Приземлились, вытащили ящики и оставили их пока прямо в центре около полосы. Как будто попали в другой мир, а это ведь действительно прямо настоящие субтропики, как по учебнику. Тепло, сухо, много растительности вокруг аэродрома. Впереди, почти рядом, просматривается канал. Народу везде полно – и на дорожках, и у диспетчерской. Вперемежку ходят афганские и наши лётчики, а также различные представители сухопутных войск. Наши лётчики одеты, по очень жаркой погоде, в специальные комбинезоны голубого цвета. Моя же судьба прежняя: опять идти к телефону. Надо сначала его найти, спросить разрешения войти в святая святых авиации – диспетчерскую и суметь выведать телефонный позывной нужной мне бригады. Всё требует достаточно большого времени. Да и понятно, что на любом аэродроме для хождения пешком концы неблизкие. Дозвонился до бригады. Дежурный по бригаде информацию принял. Имея прошлый опыт испорченного телефона, стал пытаться чётко договориться и объяснить ситуацию о необходимости грузового транспорта. Он вроде всё записал. Однако долго ждём, но никто не приезжает, хотя всего-то семь, как мне сказали, километров до гарнизона по хорошо асфальтированному шоссе. Иду звонить во второй раз, через какое-то время – в третий. И только через два с половиной часа приехали за нами на двух БМП с полными экипажами и вооружением, хотя я предупреждал под запись, что у нас большой груз. Опять бьёт не в бровь, а в глаз, и в этом случае только недобросовестность исполнения, но не «испорченный телефон». Оказывается, что команда затем дублировалась опять сюда, на аэродром, в местный боевой батальон охраны, и от него выделена для нас уже эта боевая техника. Приехал пропылённый, в каком-то ватнике, старший лейтенант. Был очень, мягко говоря, возбуждён этим приказанием. Надо до темноты успеть нас отвезти и обернуться назад, в подразделение. Тем более что всё оказалось для него неожиданным: и груз, и большое количество людей. А БМП к этому совершенно не приспособлены, но и бойцов оставлять нельзя. С великой руганью уложили ящики прямо сверху на

броню. На них посадили солдат, отдав приказ ловить ящики во что бы то ни стало, ну, как в цирке, и здорово рисковал порученным заданием, если бы всё растеряли. Сами мы влезли в родимую БМП вовнутрь. Я устроился у триплекса для наблюдения за местностью, и понеслись по хорошей асфальтированной дороге эти семь километров. Ощущение довольно неприятное: я замурован где-то внутри за бронёй и нет никаких возможностей влиять на свою судьбу. Ехали на приличной скорости, чтобы побыстрее проскочить эту дорогу в «зелёнке», получившую здесь репутацию очень опасной. Приехали быстро и ящики не растеряли. Оказались в зелёном, очень красивом месте. Стоит отдельный каменный домик, особнячок во фруктовом саду. Комната дежурного чуть ли не вся в зеркалах. Вызвали начальника бронетанковой службы этой 66-й отдельной бригады. Имущество сбросили около парадного входа в дом дежурного. А нашего старшего лейтенанта уже в надвигающихся сумерках, недовольного, отправили ещё с каким-то поручением. Появился майор и распорядился ящики отвезти в парк, а нас устраивать на жительство в общежитие. Здесь оказалось всё гораздо приличнее: построен сборно-щитовой модуль для офицеров комнат этак на двадцать, но совсем другой конструкции, чем в Кабуле. Дали нам комнату, где пока были только голые кровати, правда, хорошие – с панцирной сеткой. Заместитель командира полка по вооружению был в отпуске, и нашим хозяином, куратором будет майор Радченко – начальник бронетанковой службы, который нас и встречал у дежурного. Ну а сейчас мы расслабились и дружно сразу почувствовали, что здорово проголодались. Ведь с раннего утра мы в переездах и перелётах, и у нас с собой в этот раз ничего не было из еды. Командир в этот раз позабыл нас и не позаботился о сухом пайке. Пришлось попросить у хозяев что-нибудь перекусить. Пока доставляли нам постельное бельё, раньше успели принести хлеба и нашей знаменитой армейской свиной тушёнки. Зверски набросились и наелись этой вкуснятины до отвала, но свою личную банку я всё-таки осилить не сумел, да и ребята, кажется, тоже поскромничали и не справились. Пока устраивались и заправляли постели, быстро налетела темнота, и нас повели на ужин, знакомя с дорогой туда и заодно с городком. Столовая оборудована в огромном алюминиевом ангаре, таком же, какой стоит и в Кабуле. Столики четырёхместные, обслуживают девушки и моментально. Продукты же, как и везде, тоже все армейского длительного хранения. Уже на следующий день местный начпрод – капитан решил проявить некстати бдительность и начал требовать с меня продовольственный аттестат на всю команду. Пришлось доказывать ему его неправоту со ссылкой на нашу директиву, а также напомнить общее положение по Группе войск об обслуживании всех без исключения советских людей, как военных, так и гражданских, прибывающих в части. Здесь же, в отличие от других частей, нас ещё

удивили сервировкой в столовой. На столах стояла посуда из тонкого и красиво расписанного китайского фарфора. Это был подарок бригаде от афганского местного руководства. Приятно кушать на такой красоте, ничего не скажешь. Будем обживать теперь свою новую квартиру. А меня, хоть и темно уже, естественно, беспокоит работа. Надо начинать завтра с утра без раскачки. Теперь мы в сокращённом составе: нас всего пять человек. В Кабуле вынужден был оставить по его настоятельной просьбе Полякова. У него главное беспокойство о том, чтобы 10 января не промахнуться с отлётом. Мы уже хорошо знаем, что гарантии вовремя вернуться нет никакой. Я с ним согласился и разрешил остаться. У него билет на рейсовый самолёт и стоит больших денег, не как у нас. Несмотря на то, что пришёл вечер, вызвали начальника связи бригады. Втроём, как мы уже успели убедиться, что так во всём Афганистане, по глухой темноте, прошли в парк и провели осмотр рабочего места. Место оказалось удачным, недалеко от модуля, прямо в парке и рядом с размещением роты связи. И вся площадка была прикрыта маскировочной сетью. Кашеэмки наши обе на месте, сварку уверенно обещали завтра сразу подать, и работа должна, по всему, у нас начаться организованно. Ну а сегодня разместились хорошо и после суматошного и трудного дня, в тёплом помещении, а не в холодной летучке, очень и очень хорошо отоспались. Конечно, никакого сравнения с жёсткими рундуками в машинах Гребнева.

23

3 января. Подъём: здесь и ранним утром тоже тепло. Довольно вкусно и плотно покушали на уже привычной за один вечер китайской посуде, и всей командой появились в парке на рабочем месте. Просьбу нашу о комбинезонах хозяева не выполнили, хотя дали тёплые куртки. Даже при том, что молодой командир бригады при беседе заверил меня, что всем будем обеспечены. Технику подали, но крышу-тент так и не сделали. Затем долго пришлось ремонтировать саму летучку для работы. Получилось, по необходимости, так, что работать стали сразу на обеих машинах. Обед у них по распорядку поздний по времени, и мы до ухода успели сделать очень много, как помнится, чуть ли не работали без перекуров. Как признался потом Фёдор, он так и на заводе никогда не работал. Вообще же, к слову, он самый приятный парень из всей челябинской команды. Хорош ещё, как человек, Гриша, но лишь в силу своей рабочей простоты и малой образованности. Пережогин и Алексей – это уже не такие простые люди, это образованные руководители с большим опытом работы на производстве и тёртые в служебных взаимоотношениях. Поэтому только они как бы и отстаивали свои интересы и выставляли передо мной свои «Ф». Но ладно, не надо ломать ход воспоминаний, и продолжу некоторую хронологию о работе и обо всём окружающем. День разгулялся, солнечно и стало жарко. Рядом, в 50–70 метрах, весь в камышах, с трудными подходами, берег реки. Эта река, оказывается, тот же Кабул и добралась сюда из столицы. На берег за всё время ни разу не ходили, как-то не складывалось время, да и опасно, как говорили местные офицеры. После хорошего обеда пошли сразу вкалывать дальше и проработали до полной темноты. А вечером опять, кто хотел, сели ребята за «кинга», и при этом, конечно, рассказывались различные байки. Так закончился первый день. День оказался напряжённым и продуктивным. В модуле тепло, и опять выспались с удовольствием. Не успели приехать, как начались и мои бытовые проблемы. Например, в моей зажигалке кончился газ, а спичек нет. В «Селге» сели батарейки, и наше информационное и музыкальное сопровождение закончилось. С газом получилось удачно, так как у нашего прапорщика из роты связи оказался импортный японский газовый баллончик для автономной заправки, а вот насчёт батареек тут ничего не вышло. Зажигалку заправил, а вот батареек во всей округе нет.

Начался новый день, и всё пошло, как обычно. Приятно, что стоит хорошая, южноевропейская, или, точнее, зимняя субтропическая, погода. Всё идёт пока по плану, живём дружно, и настроение одно у всех: сделать работу качественно и в срок, хотя прекрасно понимаем, что в будущем пара свободных лишних дней ничего не дадут. Торопиться, в принципе, некуда, и начинать работу в новом месте, например в Шинданде, из-за окончания сроков визы уже не придётся. Решения из Москвы до сих пор нет. А на этот гарнизон времени хватит с лихвой.

Однако, как нарочно, всё гладко не бывает, и появились и здесь свои непредвиденные трудности. Сварки отчего-то сегодня нет – надо разбираться, почему не предупредили с вечера. Чтобы не терять время, взялись за сборку кожухов, но и тут неудачно получилось с покраской. Испортилась и погода: сначала стало пасмурно, а потом заморосил и дождичек. Опять закрадывается навязчивая крамольная мысль, как и раньше в других гарнизонах: если так будет и дальше, то сможем ли вовремя улететь отсюда? Оставил ребят работать, а сам ушёл в модуль. Для интереса порасспрашивал дневальных в модуле о здешней службе. Рассказали о местной горячей точке в Асадабаде в 30 километрах отсюда, знаменитой по своим делам 66-й мотострелковой бригаде. До обеда оставалось уже немного времени, и я посвятил его чтению того, что было под рукой. А на улице так до вечера и оставалось пасмурно и дождливо. Несмотря на это, мальчики заработались допоздна, до темноты и так наработались и устали, что играть уже никто не хотел, – решили просто отдохнуть. А Федю же вдруг схватил радикулит. Всё началось неожиданно в парке, и теперь еле-еле ходит, и то по стеночке. Жора тоже в конце дня уже не мог работать. Они легли отдыхать, а мы втроём стали

коротать время за картами. На сей раз в «кинга» в проигрыше оказался Пережогин. В целом скучно: без радио и без информации, что-то и газет уже не видно. Мучились недолго и тоже легли спать. В темноте ночи от реки раздавался долгий и совсем близко вой шакалов. Оказывается, их здесь бродит великое множество и они даже порой добираются до кухонных свалок бригады.

Но 5 января опять началось с отличного солнечного утра. Как уже привыкли, воды снова в модуле нет, умываться нечем. В столовой опять надоевшие консервы в китайском фарфоре. Работа в парке идёт своим чередом. Федя с радикулитом встал на ноги и тоже пошёл. Заканчиваем монтаж первой машины и повели сварочные работы сразу на второй. Работа есть работа. Но и питаться надо. А в столовой уж совсем стало однообразно и невкусно. Что-то в этом гарнизоне попахивает голодухой, а у меня к тому же опять и сигареты кончились. Естественно, для меня это вопрос вопросов. Появились и неувязки на объекте: нет аккумулятора и до вечера во всей бригаде не нашли необходимой заряженной пары.

Как бы там ни было, к концу дня одну машину собрали полностью, и теперь надо обкатать её на связи, но это уже завтра, если поставят аккумуляторы. Сегодня же конец делам, остальное, как и прежде: до ужина есть около часа времени и убили его за картами в «дурака», а после ужина поиграли по-серьёзному уже в «кинга» По игре в этот вечер чувствую, что в пролёте буду я: настала моя очередь продуваться. Так прожили ещё один день. А на завтра день неожиданно начался с маленькой «шутки» с питанием. Рейсов в эти дни в Кабул, оказывается, не было, и с продуктами вышла напряжёнка. А сливочное масло вообще кончилось, и вся еда делалась без него. Оказывается, что, хотя и давали его по норме – немного, пища-то без него получается совсем невкусной. Выручили, правда, выдачей на столы сыра. Но, конечно, никто не голодал: командование такого ЧП не имеет права допускать. На объект, наконец, подвезли аккумуляторы и подготовили машину к работе. У местных связистов возникла, естественно, куча вопросов по нашей технике. Провёл с ними небольшую техническую беседу (лекцию об АЗИ, то есть о принципах доработки). Потом покрутили машину на месте и установили связь всё на той же дежурной межгарнизонной частоте. Радиосвязь получилась устойчивой и на твёрдую четвёрку, как мы единогласно согласились. Всё подтверждает теорию и наше совместное техническое решение.

Только закончил проверку, как тут же поднялся довольно сильный ветер и взметнул вверх клубы пыли. Добавил пыли и появившийся вертолёт МИ-8. Буквально рядом с нами попытался сесть, но поднял такой столб пыли и всякого мусора, что ни сам он не был виден с земли, ни ему

не было видно земли. В таких условиях садиться нельзя. Пошумел где-то над головой, попылил и, так и не сев, улетел в другое место, где почище и безопаснее. Этот неожиданный концерт был некоторым разнообразием для нас. Сделанная нами машина была с боевым дефектом из-за подрыва на мине, но осталась на ходу. У неё был выворочен броневой лист под ногами механика-водителя. По просьбе товарищей с большим трудом выправили этот лист и заварили броневыми электродами. Боеготовая и исправная машина – это ведь тоже в интересах нашей службы связи. Проделать такую работу могли только специалисты, и при наличии нужного материала: специальных сварочных электродов. И то и другое у нас было. Всю работу проделал Жора, за что его и нас тепло поблагодарили местные командиры. А мы в это время готовим элементы к сборке для второй машины. Мне тут, в принципе, делать было уже нечего. Взял чистые бланки актов и ушёл в модуль для их оформления. Пока шёл, увидел, как подъехала и развернулась прямо у модуля автолавка. Сошлись отовсюду солдаты и делали закупки для своего быта: для взвода, роты – по большому количеству. Солдаты толпятся, ругаются и лезут через голову. Мне тоже надо бы купить сигарет. В толпу сам лезть не могу, но и никто не догадается пропустить старшего офицера. Поэтому пришлось всё-таки потихоньку, но настойчиво добраться до борта и взять две пачки «Охотничьих». Этого, конечно, мало, но, как всегда, и денег нет. Вот так обеспечены были условия пребывания в командировке в Советской Армии ответственных и взрослых людей, старших офицеров. Те, которые здесь служат, такого унижения не испытывают. Безответственность, конечно, какая-то, непродуманность и неуважение.

24

Сегодня погода опять очень хорошая и очень похожа на нашу тёплую позднюю московскую осень. После обеда в такой теплыни клонит в сон, и хорошо, что под апельсиновым деревом поставлены скамейки и можно немного расслабиться и развалиться, закрыв глаза, и подремать 30 минуток под тёплыми солнечными лучами. Отсюда потом сразу идём к машинам, работа ещё есть, но Пережогин уже потихоньку подготавливает моё сознание к отлёту на 8-е число, обещая, конечно, все работы закончить. И без него всем ясно, что позднее улетать не имеем никакого права. Федя всё болеет и даже в этот тёплый день оставался дома в кровати и не ходил на обед. Работы надо завтра заканчивать, даже в неполном составе. А сегодня всё обычно, лишь кормёжка совсем надоела из этих китайских тарелок. К вечеру вернулись офицеры из Асадабада, где в те дни сложилась серьёзная обстановка и проводилась операция. Радченко достал один большущий шарообразный фрукт – лимон – и подарил его мне.

Здесь его так и называют: «лимон». Появилось желание довезти, как сувенир, обязательно до Москвы, а там уж попробовать, лимон это или что-то другое. Спасибо за подарок, а ребята немного завидуют. Но спать. Играть уже никто не хочет. Завтра 7-е, и по нашему плану надо заканчивать здесь работу. Как по заказу, утром нам подняли настроение – в столовой на столах появилось сливочное масло. Челябинцы уже вместе с Федей пошли заканчивать дела, а я же к начальнику решать вопрос выезда отсюда назавтра и сделать заказ борта на Кабул. Был по этому вопросу у командира, но он что-то не проявил деловой заинтересованности и элементарной заботы о работающих у него в части командировочных, даже после нашей неофициальной помощи в ремонте объекта. Но заказ мой всё-таки принял к решению. И я удовлетворённый вернулся в парк. К этому времени сделали вторую машину, и я её обкатал по связи. Вот Геннадия здесь уже нет, и эту напряжённую работу приходится делать одному мне. Хорошо ещё то, что в Кабуле я организовал эту работу. Дежурные смены радистов по межгарнизонной сети предупреждены и на моё появление в сети реагировали быстро и толково. Оценку связи проводил на всех направлениях установки антенн. Всё подтверждает, как и рассчитано дома, строгую направленность диаграммы излучения. В целом, связь на 3–4 балла получилась и здесь. Начальник связи бригады всё это время был рядом и наглядно убедился в целесообразности наших трудов. Вот так практическим показом и сдал машину начальнику связи бригады, ну а акты подпишем вечером. Работали-работали вместе, а вот убей – сегодня не помню, как его зовут, его фамилию. Рассуждаю в связи с этим о какой-то странной избирательной человеческой памяти. Встречал в жизни многих людей, работали, пахали вместе и, казалось, сжились до того, что уж фамилии никогда забыть нельзя. Действительно, какие-то многие другие имена остались в памяти до сих пор. Вот Олег Ляшко, например, из Файзабада. И я их раньше местами называл. А вот в этом гарнизоне у меня как отрубило: ни командира, ни замполтеха, ни, к сожалению, начальника связи и ротного не помню. Да и частности всякие по этому гарнизону тоже выпали из памяти. По Кундузу же, Файзабаду всё чётко вспоминается, хотя по времени события были одновременно. Даже любопытно: почему так?

Всё! В бригаде конец работы. Подписал акты, собрали инструментальный ящик и были в готовности в любом случае, на сей раз любым способом и без возражения тому, что предложит командование, добираться до аэродрома и улетать в Кабул. А если уж попадём на аэродром, то возврат назад в городок в случае невылета практически сделать будет трудно. Мы научены этому уже, да и никто не хочет возврата. Завтра 8 января, а 10-го конец визы и срок пересечения границы. И поэтому у нас одна задача – только вперёд!

25

Последний раз побарствовали на китайском фарфоре. Погода хорошая: то, что надо для полёта. По всем командным линиям отлёт мною запланирован и даже продублирован, у нас тоже всё собрано. Но ясности с бортом здесь, вдали от аэродрома, никакой нет. Поэтому решаю в любом случае после завтрака выехать на аэродром. Дали теперь нам нормальную бортовую машину, загрузили единственный ящик и выехали, устроившись «с комфортом» прямо в этом же кузове. Днём, да и ещё сверху, дорога и окружение смотрятся бесподобно. Хорошо видны вдоль дороги апельсиновые сады, увенчанные сплошь оранжевыми плодами. Там, где их много, дерево выглядит очень красиво. Такого оранжевого буйства в Союзе, конечно, нигде не увижу. И везде много работающих на уборке урожая людей. По такой хорошей дороге и погоде доехали очень быстро. Сбросили нас там же, где и брали раньше, – около полосы. Меня оставили на собственное усмотрение, один на один с обстановкой: самому бегать здесь и принимать решения. Хожу между диспетчерской и полем, постоянно терзаю коменданта и все взоры бросаю с надеждой на полосу: может быть, что-то появится. Наконец, комендант-авиатор нашёл меня сам и предупредил, что скоро будет АН-26-й. Я пошёл к своим, которые всё это время добросовестно так и сидели на ящике посередине аэродрома на жаре, под солнцем и караулили. Помучились ребята серьёзно: отойти подальше нельзя, да и, к счастью, необходимости такой не было. А время шло и шло, и так просидели целых три часа. Наконец, борт откуда-то взялся, и комендант лично повёл нас представлять командиру самолёта. Это надо сделать ещё и потому, что борт был афганский, но с нашим, советским, экипажем. Требовалось формально дать список всех русских и распоряжение, или, точнее, просьбу взять нас на борт. А нас таких, рвущихся в Кабул, собралось 10–13 человек. У самолёта толпится уже полно народу. Все остальные здесь – это афганцы. Ведь борт работает по найму на Афганистан. В данном случае они везут отобранных, или, как сказали лётчики, отловленных в ближайших кишлаках, призывников в народную армию. Молодые, молчаливые парни и одеты в национальную бедняцкую одежду: шаровары и длинную рубаху до колен. По своему обычаю, тихо и спокойно сидят на корточках, все как один. Тут же ожидала посадку ещё одна интересная пара. То ли богатый старый муж, то ли отец: седой: чинный аксакал в красивом халате и молодая афганка в парандже. И багаж у них традиционный: огромный дюралюминиевый даже не чемодан, а прямо сундук. Вот такая команда собиралась у самолёта. По прикидке приблизительной, тут были и лишние люди. Всех взять, конечно, на этот рейс не могли. Но в отношении нас, как я уже говорил, личное распоряжение отдал комендант. Так что мы должны улететь не-

пременно. Пилоты разобрались с людьми по списку и минут через 15 сделали посадку в самолёт. Все разместились внутри фюзеляжа на деревянных скамьях чохом: кто где сумел устроиться. Я сидел рядом с каким-то грязным пареньком, плечом к плечу. Ему-то из какого-то горного кишлака из-под Пакистана всё вообще это было в диковинку, тем более что тут ещё посадили на лавку рядом с советским офицером. Чудеса и невероятно для него, да и для других 24 парней. Но это также было невероятно, в общем-то, и для нас самих. Всё это подчёркивает то, что в условиях Афганистана может случиться любое и надо быть бдительным всегда. Долетели, однако, спокойно: 125 километров всего. Посадили на том же аэродроме, но, к нашему несчастью, подрулили к афганскому гражданскому аэровокзалу и встали прямо среди «Боингов». Выбросили свои вещи, осмотрелись, и оказалось, что мы здесь единственные русские на противоположном от комендатуры конце взлётной полосы. В Кабуле уже было просто очень холодно, особенно после тех субтропиков. Мы даже стали замерзать, и главным образом руки. По такому холоду мне опять досталась прогулка до телефона по всей этой более чем двухкилометровой бетонке. И, как нарочно, ни одной попутной аэродромной машины, каких обычно много снуёт туда-сюда по полосе. В комендатуре опять через несколько транзитных позывных дозвонился до нашего управления. На месте, как всегда, был Князев. Это хорошо для дела – знаю, что им всё будет сделано оперативно. Однако ожидание неизбежно. Решил, что назад пешком к ребятам уже ни за что не пойду. Всё-таки больше двух километров. Пусть сидят там, на ящике, в неведении столько, сколько потребуется. Лишь бы афганцы их не «утащили». Я же здесь подожду, посижу и погреюсь в комнате коменданта. Когда придёт машина, смогу также сориентировать сразу без промедления, куда ехать за людьми. В это же время формировался Ил-18 для отправки в Союз демобилизованных срочников. Посмотрю заодно и на процесс отправки бойцов. Несмотря на то, что солдаты появились из полевых условий, все они вычищены, выглажены, в парадках: точно так же, как у меня в полку в Союзе. Дембель везде дембель. Здесь для них для перелёта в Ташкент, действительно, стоит старенький Ил-18. Но солдат ожидает много, и некоторые сидят уже не один день, не говоря уже, что здесь же много офицеров со своими привилегиями на отправку. Будет проверка по списку и жёсткий отбор. Построили метров за 50 всех вылетающих. Сначала запустили офицеров, а потом, сверяя фамилии со списком, гуськом, по одному, солдат. Видел, как счастливые бойцы взлетели и ушли на север. Наконец, пришла за мной та же санитарная машина. Поехали за грузом и заждавшимися и замученными товарищами на тот конец полосы. Загрузились, и вновь езда по вечернему городу. В ОРВБ те же летучки стоят и ждут нас. Правда, на сей раз они прогреты и готовы к проживанию. Постарались об этом Поляков с

Морозовым, успевшим, к счастью для всех, выписаться и на законном основании покинуть инфекционное отделение. Организовали опять добрую баньку, чего не было в Джелалабаде, и, что было нам уже крайне необходимо, затем поужинали. Так с ощущением огромной усталости закончился этот долгий бурный день очередного перелёта. Завтра без перекура предстоит трудный день. Предстоит ехать в «Тёплый стан», к командованию, и разбираться с нашими отъездными организационными проблемами. Переговорить с Москвой. Но как бы за делами «не забыть» и о наших деньгах. Но знаю: челябинцы забыть не дадут.

26

С утра сразу начал подготавливать Гребнева к тому, чтобы дал машину для служебной поездки в штаб. Виктор Алексеевич, конечно, машину выделил. После завтрака взял уже привычную и любимую санитарку, и всей бригадой выехали. На сей раз выбрали другую, уже окружную дорогу, более спокойную в транспортном отношении и ближе к окраинам города. Сначала были глиняные одноэтажные бедняцкие дома за дувалами, затем пошли более-менее приличные городские каменные постройки. Проехали мимо важнейшего городского объекта – элеватора, постоянно находящегося под охраной наших десантников. В центре Кабула объезжали очень достопримечательную гору, по склону которой вверх устремились домики друг над другом с узкими проходами между ними. Вот туда снизу и носят в дома в кожаных бурдюках специальные носильщики воду для жизни. Это у них тоже профессия. Одного такого заметили внизу, готового уже взбираться вверх со своей тяжёлой ношей. Нищета и полное отсутствие санитарии в этом районе города. Дворовая площадка верхнего хозяина служит крышей нижнему. И так до вершины горы.

У генерала Журавля Г. В. всё по-старому и информации о нашей судьбе никакой нет. Дозвонился до Смирнова: он тоже пока ничего не имеет, но вопрос у руководства. Я вынужден был резко поставить вопрос и напомнить о жёстком сроке вылета – 10 января, так как юридически наше пребывание здесь кончается. Все понимают, что задержка может привести к неприятностям на границе: на то и делаются визы и сроки. Мои гражданские настроены решительно закончить работу, рассчитаться и улететь, если продления визы не будет. Тем более что они в обиде на такую неорганизованность в Москве, в ГБТУ, хотя сами понимают всё прекрасно и настроены, как и должно быть, работать столько, сколько необходимо. На этой ноте разговор с Москвой и закончился. Нам же здесь пора получать деньги – свои небольшие суммы чеков, заниматься личными делами и сборами в оставшийся день. Всё очень плотно, без всякого зазора по времени будет теперь у нас. 10-го обязаны мы улететь. В день отлёта, ес-

тественно, никаких личных дел планировать нельзя. Для дел остаётся всего ничего – только вторая половина 9-го, так как первая половина, как я уже рассказал, была посвящена всяким организационным делам, переговорам и получением денег в «Тёплом стане». А личные дела – это получить деньги, а если кто захочет и сумеет сделать покупки, то и их растратить. Кое-что можно купить прямо на месте в магазине военторга. Это будет, однако, дорого, без ассортимента и афганской изюминки. Лучше всего выехать в город и в цивильных магазинах отовариться у афганцев. Но для этого нужны машина, знающий город сопровождающий и, конечно, время. Естественно, все горели желанием побывать в городе и потолкаться живьём в афганской столице, в афганских магазинах. Вообще, все в один голос нам советовали только так и сделать. Как же всё у нас получилось? Возвращаюсь к началу дня. Приехав в «Тёплый стан», сразу получить наши скромные чеки не сумели. Оказывается, существует правило, по которому расчёт делается только в последний день пребывания. Доказывал, доказывал, что уже завтра утром мы будем на аэродроме и даже, может быть, и в Ташкенте. И только когда Журавель вмешался, то этим помог в нашем деле. Получили деньги и тут же готовы были уехать домой. С генералом, в конце концов, пришли к одному и приняли единое решение: больше не суетиться, в Москву не звонить и на 10-е число заказывать через службу перелётов места в самолёте на Ташкент. Назначил в наше распоряжение для организации посадки и отвечающего за отлёт подполковника Евдокимова, офицера его управления, которого я зауважал и особо выделил среди других офицеров за всё время моего пребывания в командировке. Договорились, что завтра, сообразуясь с определившимся временем отлёта, он заедет за нами в рембат, а затем все вместе – на аэродром, где он обеспечит на какой-нибудь борт нашу посадку. Поляков, имея свой переоформленный билет на самолёт афганской авиакомпании «Ариана», к 10 ти утра – времени отлёта по расписанию – поедет самостоятельно. Для него тоже надо организовать транспорт для отъезда прямо с раннего утра. Надежды на то, что придётся нам уезжать из ОРВБ вместе, практически нет.

27

Наконец, расставшись с хозяевами в штабе армии, выскочили через КПП в город и той же окружной дорогой, что и утром, вернулись в рембат. Пообедали и, естественно, стали просить и требовать у Гребнева машину для поездки по магазинам. Дал, скрепя сердце, санитарку и тёртого прапорщика, инспектора ВАИ, знающего, как он заверил, город и все торговые места очень хорошо. Спасибо. Но поездка, в целом, рискованная и является нарушением установленного порядка пребывания

войск в Кабуле. Это то единственное, что в первую очередь и очень беспокоило командира, когда он отправлял нас в город на закупки. До центра, до магазинов ехать 30 минут, но время уже послеобеденное и день неумолимо клонится к вечеру. Много не наездишься. Поэтому на выбор магазинов и всякие прочие рассуждения времени у нас не было. Первый заказ у всех дружно был на дублёнки – советский шик – и парфюмерию. Прапорщик привёз в узенькую торговую улочку восточного типа прямо к частному магазину дублёнок. Вошли с волнением. Товара много, все стены завешаны дублёнками аж до потолка. Появился пожилой афганец и приветливо стал нас обхаживать. Только смотри и выбирай по вкусу, ну и по деньгам. Все быстро ткнули пальцами по стенам, договорились о цене и тут же получили по дублёнке, аккуратно упакованной на наших глазах в целлофан восьми-девятилетним шустрым пацаном. Поехали в другие магазины. У меня, кстати, лично было с собой шесть наших юбилейных рублей олимпийского выпуска. Взял их с собой через границу на всякий случай – может, удастся кого-либо понимающего заинтересовать и продать. Скромно, ненавязчиво объяснял на пальцах и предлагал в двух магазинах. Повертели в руках, но никто из продавцов не понял, что это валюта, и на них не клюнул, не отреагировал. Так и увёз их опять в Союз в собственную коллекцию. А вот с афганями был не совсем выгодный в те дни для нас курс. Расчёт у афганцев был простейший: один чек за десять афганей. И без особой торговли, без всякой выгоды купили себе, точнее нашим жёнам, дорогой и редкий по тем годам и труднодоставаемый в Союзе товар – дублёнки. Ребята все закупки: парфюмерию, джинсы, другую одежду – сделали быстро, ведь денег-то у всех совсем мало. Себя же решил побаловать оригинальной для нас «игрушкой»: не считаясь с деньгами, купил самую дешёвую пьезозажигалку – мечту каждого советского курильщика. Для нас это последний писк моды. Буду теперь везде хвалиться. И вообще, принял решение – чеки домой не возить и растратить их здесь. Стало быстро темнеть, и прапорщик всерьёз забеспокоился. Принялся нас заворачивать к дому. Боялись нарваться на комендатуру. Ехали уже в сторону дома, как Геннадий решил раскрыть свой пакет, чтобы полюбоваться дублёнкой. Пример заразительный, и тут же то же проделали и мы. Он посмотрел и сразу расстроился. Оказалось, что мех его дублёнки здорово облезал при каждом касании. Расстроился так, что стал настойчиво просить, вопреки всеобщему желанию, вернуться в лавку. Пришлось ехать назад, и ему удалось обменять её сразу и без доплаты. Кстати, ребята тоже решили деньги потратить здесь: как я сказал, брали всё. Вернулись в расположение уже затемно. Командир успокоился, и мы тоже с глубоким удовлетворением от того, что получилось в этот последний день так, как хотелось.

Сегодня же нам ещё осталось разобраться с остатками имущества. После ужина опять в темноте с фонариком стали готовить на длительное хранение оставшуюся аппаратуру и инструмент, упаковывать в ящики. Затем опечатал эти ящики своей печатью, и оставили их под честное армейское слово на складе в сырой настоящей землянке на неопределённое время. И уже под ночь в летучках принялись за упаковку своих чемоданов, баулов к отлёту. Естественно, теперь в них у каждого из нас уж живого места не осталось: еле-еле утрамбовались. Мои сапоги теперь оказались принципиально лишними. Даже появилась шальная мысль – продать сапоги здесь, хотя бы символически. Ну не везти же их назад? Решил заняться мелким бизнесом. С поддержкой ротного для храбрости вышли метров на 50 за проволоку ограждения части поближе к афганским мазанкам. Там всегда болтаются афганские мальчишки. Командир роты предложил было им купить, но, естественно, денег у них нет, а у меня нет времени. Поэтому как «бакшиш», что означает «подарок», отдал их кому-то из пацанов на радость. В своё время такой же приятный подарок мне сделал начальник штаба нашего управления, полковник, единственный из начальства, у которого можно было в его отдельном кабинете и посидеть, и покурить спокойно, поговорить неофициально, что я иногда и делал. Правда, в первый день он мне здорово не понравился, потому что демонстративно отмахнулся от решения трудного для меня, как только-только здесь появившегося, вопроса с переоформлением билета Полякову и переложил дело на меня. Не захотел брать на себя эту неопределённую канитель, а может быть, и ответственность за результат, хотя это было его прямой обязанностью. Это, конечно, сразу забылось. А вот, когда как-то сидели с Геннадием у него в наш последний день, он показал нам красивую упаковку набора корейских щипчиков – красивых, модных и абсолютно отсутствующих в то время в магазинах Москвы. Ему же их подарил по случаю окончания совместных дел один афганский офицер. Тоже как «бакшиш». Увидев наши глаза, заблестевшие от зависти, он предложил нам выбрать себе по понравившейся штучке. Выбрали с Генкой и получили, таким образом, теперь сами «бакшиш», очень нужный мне в той командировочной обстановке предмет туалета. Долго потом эта штучка верно служила мне, да и сейчас где-то валяется дома: жалко выбросить. Ну, хватит на сегодня этих отступлений.

28

Уже совсем поздно, сейчас спать, а завтра наш последний день в Афганистане. 10 января. Утром, как последний шанс, вопрос к Гребневу: есть ли информация и распоряжение из Москвы? Но она так и не поступила. Об этом окончательно сказал, приехав за нами, Евдокимов. Приехал, чтобы забрать нас уже в аэропорт и обеспечить отправку. Мы теперь налегке, без ящиков, только с чемоданами. И главное – мы живы и здоровы. Состояние и ощущения очень приятные. Погода превосходная: тёплое-тёплое солнышко. Борт, к которому привёз нас Евдокимов, стоит уже под загрузкой: это аж наша громадина АН-22 («Антей»). Время вылета неопределённо, так как в салон пока ещё загружают неисправные танковые двигатели. Они устанавливаются в специальных каркасах в один ряд на полу огромного фюзеляжа, а остальное пространство самолёта до потолка будет свободно, а это ох как высоко: так что повезём воздух. Но всё-таки борт будет наш личный, бронетанковый и никто нас не ссадит с него. Евдокимов передал нас лично командиру, вроде гражданскому, потому что все в голубой форме Аэрофлота. Мне это что-то не совсем понятно. Но не стоит на этом заострять внимание. Сказал так, к слову, в качестве рассуждения. Главная же задача – улететь. Но народу на халяву желает лететь много, а борт, как я уже отметил, наш и выделен в интересах ГБТУ. В таких случаях народ собирается разнообразный по подчинённости, вплоть до того, что были и гражданские лица от дипломатов и торгпредства. Всего было отобрано 12 человек, по числу мест герметического салона. Среди них шестеро моих. Николая с нами уже нет. Были свидетелями благополучного взлёта его «Боинга» компании «Ариана» в 10 утра точно по расписанию Мы были в это время уже на въезде на аэродром и помахали ему вдогонку. Часов в 12 и мы стали размещаться в герметизированном двухэтажном салоне. На посадке было даже солдат человек 60, но их посадили, конечно, в грузовом отделении около двигателей на скамейках вдоль бортов. Бортинженер для всех нестойких солдат на всякий случай выставил ведро в фюзеляже. Ведь самолёт будет лететь на большой высоте, на девяти-десяти тысячах метров, и будет неизбежно кислородное голодание. Не представляю, как выдержат высоту, хоть и молодые, эти ребята. Лететь ведь не десять минут, а целый час. Ну что ж, солдату положено терпеть и переносить повышенные нагрузки. Мы и терпели, долго ожидая взлёта и сидя в перегретом салоне. Наконец дали команду на взлёт, и затем лётчики через наши ноги и обилие вещей в салоне прошли в кабину. Долго по спирали набирали высоту в зоне аэродрома. На нужной для безопасности высоте взяли курс на север. Прямой взлёт опасен, так как вокруг Кабула горы и могут самолёт сбить. Летим, вид сверху отличный. Идём очень высоко. Облаков нет и хорошо видны величавые снежные горы, как будто они совсем рядом. Перелетаем границу, которая тоже отлично просматривается сверху. Видны чётко Амударья и по ходу полёта много посёлков, ферм, различных строений, чего абсолютно не было видно на афганской стороне. В это время экипаж выдал очень интересную информацию. На подлёте к границе по радио выяснилось, что в ташкентском военном аэропорту нет нужного типа го-

рючего для дозаправки, необходимого именно только для АН-22, и поэтому нас там не примут. Самолёт перенацеливают на другой военный аэродром, в город Карши. В итоге получилось так, что, приземлившись по технической необходимости здесь, оказались «нелегально» в Советском Союзе, без всякого пограничного и таможенного контроля и, естественно, без положенных отметок в наших паспортах. Особенно был рад случившемуся пролёту один товарищ из торгпредства, кем он представился нам раньше. При нём было что-то больше десятка мест ручной клади: это чемоданы, модные сумки, три дорогих японских магнитофона, автомагнитолы. Естественно, граница не пропустила бы весь такой багаж у одного человека. Ещё раньше в Кабуле он нас уже просил помочь – кое-какие вещи взять на себя. А тут подвернулось для него такое везение. Тем более что отсюда после заправки борт пойдёт прямо в Москву, на Чкаловский аэродром, счастливо избавив нас от всяких лишних мытарств в Ташкенте.

29

Что же было дальше с нами, нарушителями закона, с моей группой? Уже 2 часа и время обеденное, а мы на пустом аэродроме. Так как по календарю сегодня воскресный день, то он к тому же ещё под охраной караула. Мы в глубокой неопределённости: где тут город, где военный городок, где нам перекусить? Все уже давно испытывают хорошее чувство голода. Экипаж занялся решением вопроса о заправке самолёта. Стало понятно, что это займёт даже очень много времени: как сказали лётчики, возможно, что до самого вечера. Нам подсказали, как пройти в военный городок, который оказался не так уж и далеко. Там есть военторговская столовая и, говорят, можно пообедать. Решили пройти дорогой покороче, но в одном месте, около стоянки боевых самолётов, вдруг возник часовой и нас элементарно развернул. Пришлось терять время, делать крюк и обходить стоянку стороной по целине через огромное поле. Шли мы, шли, потеряли много времени, но всё-таки пришли в городок и разыскали столовую. Нас не обманули: столовая работала в субботу, но, правда, попали под самое её закрытие. Осталось ли что в бачках и кастрюлях? Это для нас сейчас самое важное. Но девчата оказались душевными и понимающими. Посочувствовали и собрали нам по сусекам столько еды, что мы даже, мягко говоря, объелись. Накормили вкусно, а денег не взяли, хотя нас было 12 человек.

Ещё в самолёте при посадке Пережогин со своими принимает единственное для него разумное решение: в Москве им делать нечего и из Ташкента они самостоятельно будут добираться прямым путём до Челябинска. А теперь всё усложнилось из-за того, что решать проблему надо уже

из Каршей. Теперь для них нужны были ещё дополнительные деньги. Наскребли какую-то сумму: дали все, кто сколько мог дать. Деньги нужны на билеты на поезд до Ташкента. Поэтому они теперь тащились до столовой по этому полю со своим багажом. А после обильного обеда вместе с Геннадием пошли провожать их до главной дороги из городка. Поймали быстро им бортовую попутку, попрощались, и поехали они в город на вокзал. А там уж поезд на Ташкент, если получится удачно с расписанием. А получилось, как они нам потом рассказывали, совсем неплохо. И в Ташкенте также повезло, на этот же день взяли билеты до дома. А так как был выходной, то и доложить о себе и о сложившейся ситуации в штаб округа не догадались. Так и уехали, никому ничего не сообщив. С профсоюзом теперь всё закончилось. Остались только наши собственные проблемы. Нам надо возвращаться к самолёту, куда сразу после обеда ушли другие наши попутчики. Гена вдруг высказывает одну шальную, но дельную мысль: поставить на наши командировочные удостоверения в любом местном штабе круглую печать и штампы прибытия и убытия. Мы же, действительно, застряли здесь. А этой печатью тем самым обеспечим юридическое обоснование нашей остановки и пребывания в Узбекистане. Это поможет потом сделать себе три дня разгрузки и отдыха за счёт выигрыша времени при таком неожиданном перелёте самолётом мимо Ташкента. Ведь теперь уже нам поезд не нужен. Билеты же железнодорожные для отчёта за нужный день он обещал достать потом прямо на Ярославском вокзале у поезда. Я не стал возражать за компанию этому предложению, хотя сразу представил свои возможные трудности в родном военном городке: как это я буду входить в городок, а потом три дня прятаться от окружающих глаз? Практически же это скрыть невозможно. Ну да ладно, не убьют же? Решение мы приняли совместно и пошли искать по подсказкам какую-нибудь воинскую часть. Городок этого авиационного полка показался по-южному очень уютным и тихим, очень тихим в этот послеобеденный, да ещё в субботу, час. По наводке среди зелени и одноэтажных зданий нашли какой-то штаб. Здесь был только дежурный сержант, который просто опешил от появления неожиданно подполковника и майора, к тому же сухопутных. Отошёл от стресса и по нашей просьбе позвонил начальнику штаба домой. Я представился и извинился за беспокойство. Объяснил возникшую у нас командировочную ситуацию и срочность вопроса. Убедительно попросил прийти в штаб на пять минут и оказать нам помощь: отметить наше пребывание здесь и поставить печати в командировочных удостоверениях. Действительно, быстро пришёл молодой майор. Для приличия по-хорошему поговорили об их местной службе и условиях жизни. За разговором он нам всё сделал: штампы прибытия и убытия, печать. Всё, как положено для финансистов. Так мы, как и решили, вооружились оправдательными документами.

Но наши приключения, однако, этим не закончились. Пришли на аэродром к самолёту, а там ещё и не думали начинать заправку. Попутчики наши отдыхают на травке, но время-то уже идёт к вечеру и перспектива вылета совсем неясна. Дозаправлять в эту махину надо 48 тонн: немало. К несчастью, сначала не было нужного начальства – ведь суббота, а потом во всём гарнизоне не нашлось большого топливозаправщика. Стали заправлять одним шеститонным, но позднее подошёл ещё один такой же, и стало всё делаться быстрее и веселее. Но это делалось уже в темноте, с фонариками в руках экипажа. Мы же одурели от безделья. Надо в таких случаях обязательно что-то придумывать. Кто-то из дипломатов подал идею отметить возвращение в Союз. И все дружно согласились. Ведь все мы были оттуда, «из-за речки»: только кто больше, кто меньше, но у всех, конечно, что-то было своё на душе. Как нарочно, подвернулся местный лейтенант на мотоцикле, который проверял службу часовых. Упросили его съездить в город за водкой. Собрали деньги, и он укатил, оказывая нам уважение. Вернулся довольно быстро и привёз какую-то весьма сомнительную узбекскую водку с традиционным названием «Столичная». Для нашей трезвой и уставшей компании всё было хорошим, так как ни у кого спиртного не было. Кто-то даже, смеясь, сказал: попробуем же, что пьют под таким названием в узбекской глуши. Вскоре и попробовали! Время уже давно зовёт на ужин, и, не ожидая конца заправки, по трапу поднялись в салон. Как-никак, а было уже 9 часов вечера. Достали продукты: кто что имел с собой. Конечно, самыми бедными были мы, а уж если быть совсем точным, я и Геннадий вообще ничего не имели. Выставили приобретённое горючее и разложили еду на рундуках-сиденьях. Подняли первый тост за Родину, за пересечение границы. Второй не успели, тут и заправка закончилась. Экипаж прошёл через наш стол в пилотскую кабину готовить прогрев и вылет. За иллюминаторами стоит чёрная южная темнота.

По нашим прикидкам, лёту до Москвы три часа, и теперь в перспективе самое плохое для нас будет состоять в том, что в Чкаловской окажемся поздней ночью, где-то после 24 часов. А это уже ночь и зима родная на дворе после афганского тепла и субтропиков. Не совсем ясно, что будет с нами на голом поле аэродрома. Далеко ли там до электрички? Одна надежда на то, чтобы успеть попасть на последнюю в Москву. Дай-то бог! Иначе придётся куковать непонятно где. Особенно в этом плане переживает мой Морозов, так как его дом от аэродрома в 15 минутах езды по этой же ветке. Если на поезд не попадём, будет обидно, конечно.

Здесь же пока только стали выруливать на взлётную полосу, получив почти 50 тонн специального керосина. Мы же не теряемся, уже пьём за знакомство, за здоровье, за удачу и быстрый, благополучный прилёт в Москву. Все считают, что в этом раскладе нам крупно повезло: обошлось без ташкентской таможни и билетной нервотрёпки на вокзале. О полёте в памяти осталось только то, что все напились и дружно спали, приткнувшись для сна кто куда смог, лишь бы протрезветь к прилёту. Сон сделал своё дело, и приземлились мы уже с открытыми и ясными глазами. Как и просчитывали, прилетели поздно. Здесь уже стояла тихая ночь и было полным полно свежего снега. Вот так из жары и сразу в зиму за какие-то три часа! Выгружаемся и помогаем друг другу, а вернее этому торгашу, таскать багаж. Однако кто-то хорошо здесь подумал и позаботился о нас. Слышу, что нас поторапливают к автобусу. ПАЗик подали прямо чуть ли не к самолёту (хотел сказать: чуть ли не к трапу, но такового здесь не оказалось). Быстрее, нас поторапливают. Около километра дорога до платформы, и мы все тотчас здесь. Как сказали нам, должна ещё быть последняя электричка на Москву, и, естественно, нам её никак нельзя прозевать. И вот всем колхозом выгрузились на платформу, а нам-то нужна противоположная сторона. Обходить? Долго и тяжело с обилием вещей. Да и неизвестно, сколько времени осталось до подхода поезда. Вот и устроили живой конвейер на путях между платформами. Быстро перетащили вещи, в том числе и все места нашего богача. Опять ему крупно повезло. Как уж в Москве он один обернётся – трудно представить. Картинка при перегрузке получилась впечатляющая, особенно когда загружались в пустой вагон поезда и заняли аж четыре секции. Даже наряд милиции, обходящий пустой ночной поезд, широко раскрыл удивлённые глаза, зайдя в вагон. Столько народа и много вещей в последнем поезде, чего на этой ветке им никогда не встречалось! Чкаловская в то время ещё не была аэродромом активной перевозки. Геннадия через 15 минут высадили первым в Мытищах. Я с ним тепло распрощался, и ещё раз обговорили ситуацию с билетами. Заверили друг друга, что только через три дня выйдем на службу, а потом и встретимся для отчёта в ГБТУ. Оставшиеся доехали до Ярославского вокзала и теперь уже удивили таксистов, появившись скопом ночью на площади. Я тоже взял такси и благополучно, но неожиданно приехал на родную Пятницкую улицу. Пришлось в разгар ночи разбудить маму. Радости было много оттого, что вернулся домой живой и здоровый. Мама есть мама. Слёзы! Ведь за всё время информации от меня не было никакой. Лишь только вчера Поляков, прилетев раньше, позвонил по моей просьбе маме и предупредил, что вскоре буду и я сам. Мама говорит, что даже посылала мне туда одно письмо. Куда же туда? Любопытно. Поспал немного до обеда, и мне осталось ещё чуть-чуть, совсем немного в этой эпопее. С первой после «окна» электричкой приехал в Кубинку и, как это ни странно, по дороге и в городке никого не встретил.

30

Наконец-то я дома. 35 дней в командировке. Поездка оказалась очень интенсивной и интересной, со многими встречами, разговорами и массой впечатлений. Удивляюсь только тому, как удалось выдержать физически, без пауз и отдыха, такое разнообразие событий и нагрузок. После всего можно смело высказать одну обобщающую мысль. Многие из тех, кто служили в Афганистане в штабах, в тылу и сидели в местах постоянного расположения, кроме палаток, мало что видели. Положа руку на сердце, надо сказать, что это к счастью и понятно, что безопаснее для жизни. Те же офицеры, прапорщики, солдаты, кто был в боевых подразделениях, выбирались, как правило, только в ближайшие оперативные районы для участия в рейдах и боевых операциях. Нам же досталось за столь короткое время облететь почти весь Афганистан, да ещё предстояло, если бы при организации поездки было всё просчитано и выделено реальное время для выполнения задачи. Мы задержались бы здесь тогда ещё на месяц наверняка и посетили бы ещё два гарнизона: это части в Кабуле и в Шинданде. Вот уже после этого можно было бы сказать о знакомстве почти со всей страной, за исключением северных провинций. В каждом новом гарнизоне новые встречи, разговоры в курилках и перед сном в палатках с массой боевой и прочей информации с реальными различными примерами. Всему надо было, конечно, верить, так как всё это происходило здесь и реально. Та реальная правда о первом периоде, о днях ввода наших войск в дружественный нам Афганистан. Я эти рассказы повторять здесь не буду, некорректно это, да и не имею права. Сам же ведь я не участвовал в этих делах. Всё, что слышал и видел, откладывалось лишь в собственной памяти, в собственных нервных клетках.

Мне же захотелось эту память в голове и в скромных коротких записях превратить для себя в развёрнутую дневниковую форму, отразить, в меру способности, многое из того, что проделали нашей бригадой инициативно и добросовестно и что пришлось пережить в этой быстро организованной, но и проведённой не до конца специальной командировке.

Уже появившись потом в нужное время на службе, в отделе, с сожалением узнаю новость. В день нашего отлёта Москва уже нас искала и в Афганистане, и в Ташкенте, но опоздали – мы в тот момент были на высоте 10 тысяч метров в салоне АН-22. Оказалось, что ГБТУ пробило продление визы и командировки, но, увы, поздно стали нас искать и никто уже тогда не знал, где мы и какова судьба наша. Для них мы как будто провалились в тартары. Вся группа оказалась в Союзе по своим домам, по сути, нелегально, и ни по каким документам, например, я лично до сих пор в страну не вернулся. Должен считаться, видимо, потерянным на той стороне. Это немножко шутка, так как свой заграничный паспорт я, конечно, сдал. Но впоследствии никаких вопросов ко мне не возникало. По всей вероятности, меня «списали» на войну и никого уже такие мелочи в то напряжённое время не интересовали.

Полагал на этом закончить свои воспоминания, но работа получила своё продолжение в виде моих устных и письменных отчётов. Необходимо и об этом в двух словах сказать.

С Морозовым были приглашены для отчёта и разговора к начальству на Фрунзенской набережной. Генералы, хотя особо радости не выказывали от качественно сделанной работы, но и не ругали за невыполнение полной программы. Всё прошло без фанфар. С моими отчётом и выводами согласились: как могло быть иначе? Но перед командованием твёрдо и неумолимо встал вопрос: надо опять начинать организовывать новую эпопею. Забота Смирнова опять сводилась к организации новых виз; по технике же ничего делать уже не надо, за малым исключением только по комплектации расходными материалами. Как уже говорил, все материальные ценности в количестве четырёх комплектов аппаратуры на ещё четыре объекта мною были оставлены на хранение в Кабуле, в ремонтно-восстановительном батальоне, до лучших дней, для всех, кто бы ни поехал в будущем для продолжения работы. И в то же время мне твёрдо было сказано, что надо будет ехать опять. Значит, заработал, видимо, определённо какой-то авторитет. А сегодня окончательно могу сказать: «ВСЁ...». Но продолжение обязательно состоится через несколько месяцев.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вернувшись из Главного бронетанкового управления, где отчитывался бумагой и устными объяснениями, а также в финансовой части за расходы, обо всём подробно доложил и своему руководству. Начальство ситуацию оценивало, как я понял, достаточно объективно: работу надо и наверняка придётся заканчивать. А для этого вновь потребуется оформление заграничных паспортов, виз и новое распоряжение (директива).

Подошёл уже май месяц. Ю. И. Смирнов, наконец, предупредил: на май намечается отъезд. Документы уже готовы. Так как опыта набрались мы достаточно в первой поездке, а некоторые соисполнители отказались от участия, то теперь поедем в сокращённом составе: я как командир и бригада от промышленности из Челябинска. По слухам, у них всё будет без изменения. И все мы опять должны собраться в Челябинске и доукомплектоваться. А главным, как оказалось, положительным делом подготовки было изготовление Пережогиным промышленным способом из толстого дюралюминия десятилитровой канистры для спирта и заполнение её чем положено.

В Челябинск я летел теперь один: Геннадий или отказался, а может быть, и не был послан институтом – не знаю. На этот раз остановился в гарнизонной гостинице, в каком-то небольшом домишке при военной комендатуре. И даже далековато от завода. Но это оказалось совсем неплохо, так как за всё время я только один раз всего-то и съездил туда, набродился по коридорам административного здания и в некоторых интересных ближайших цехах. Затем на заводе погрузили наши ящики с имуществом и отъезжающих челябинцев в машину, за исключением Валентина Анатольевича, и отправили поездом. Мы же вдвоём через пару дней отправлялись самолётом. Билеты уже нам были заказаны заранее. Отправили ребят весело, потому что, если память мне не изменяет, у кого-то дома вечером в день отъезда до отхода поезда жёны организовали проводы. Боевые подруги моих спецов обеспечили ужин, а потом поехали провожать их на вокзал. Стояла отличная летняя погода, был тёплый вечер, лёгкое подпитие, симпатичные женщины и красивый вокзал. Вот и отправили их на двое суток в прокалённом солнцем поезде до Ташкента.

А я же, пока оставался в городе ещё двое суток, был предоставлен сам себе. Пешком побродил по всему городу, а вечером уже запланировал себе быть в театре. Уже не в драматическом, как в первый приезд, а в оперном. Во-первых, посмотреть знаменитое здание оперного театра и, во-вторых, посмотреть первый гастрольный спектакль Московского театра на Бронной. В город приехал наш популярный театр с известными артистами – Броневым и Грачёвым. Давался аншлаговый в те годы спектакль о проблемах производства, борьбе нового со старым. Ещё минута в минуту с началом спектакля, как ни старался и ни крутился, я был ещё без билета и в безнадёжном состоянии. В настроении неизбежно идти в гостиницу и как-то проводить вечер. Но вдруг подкатила «Волга» и у вышедших оказался лишний билет. Повезло! Вот такой театральный ажиотаж в провинции на московскую труппу. От такого удачного вечера получил большое впечатление. И вообще, провёл эти тёплые дни интересно и хорошо, несмотря на минимальные удобства гарнизонного гостиничного размещения. Улетели с Валентином вовремя. Рейс был до обеда, и в Ташкенте приземлились в самый солнцепёк. Встретил нас по-порядочному, на чёрной «Волге», майор из управления вооружения штаба Туркестанского военного округа. Сразу же на аэродроме окунулись в неприятную жару, такую потную, липкую, которую мы даже не почувствовали в первый свой приезд. А сейчас было очень плохое состояние от этой влажности. Разместились также в той же гарнизонной гостинице семиэтажке. Привели себя в порядок и пошли искать вход в штаб округа. Он где-то рядом, но все улицы в густой зелени. Трудно разглядеть. В конце концов с трудом всё-таки нашли это огромное здание. Не помню сейчас, сколько нам пришлось дней ждать, –

ведь поезд идёт двое суток по графику. Следовательно, на следующий день надо уже ожидать прибытия поезда с ребятами. С Пережогиным поехали на вокзал встречать их. Поезд прибывал тоже днём, в эту липкую жару. Ребята эту жару с героическими муками пережили в поезде. Уставшие, небритые и замороченные вагонным пеклом. Привезли их в гостиницу на той же «Волге», отмыли и привели в чувство. Это ещё не Афганистан, а всего-навсего Ташкент. Мы теперь все в сборе. И на следующий день нам надо уже думать о вылете в Кабул. Всё с того же военного Восточного аэродрома. Но это сразу не получилось: сколько времени проболтались мы в городе с отлётом – не помню, так как для решения вопроса вынужден был несколько раз с разных проходных звонить в штаб местному начальству. Наконец, все вопросы с вылетом были решены. В 6 часов утра подъём. Машину подали вовремя. На сей раз пришёл какой-то автобус, который без проблем забрал всех. Разгрузились прямо у таможенного отстойника, а пропуска там ещё не было. Довольно долго просидели в этой клетке, но спасало то, что ещё не стало жарко. А когда проверили наши синие паспорта, то выпустили на волю на аэродромное поле. Там и сели в ожидании самолёта на свои ящики. Планировался в рейс Ил-76-й: на наших глазах он загружался под завязку продовольствием и овощами. Останется ли кусочек места и для нас? Для нас остались жёсткие скамейки вдоль бортов огромного фюзеляжа. Улетающих довольно много и поэтому свободных мест, естественно, не осталось. Нас мало, а ящиков много. После таможни принимаю инициативное решение с переноской нашего груза. Собственных рук у нас не хватало на все ящики – нужна помощь. Ведь до самолёта было порядка 200 метров по полю. Подвернулся взвод солдат с оружием и личными вещами во главе с лейтенантом. Приказал им остановиться, взять в свободные руки наши ящики и доставить их к самолёту. Помогли ребята, и мы не мучились. А сам полёт занял всего 1 час 20 минут, и все взлёты и посадки обошлись нам благополучно.

2

От генерала Журавля Г. В. нас встретил офицер с легковой машиной. От ремонтного батальона бортовая машина для груза не пришла. Командир, как оказалось, не был оповещён и, естественно, машину не выслал. Нам опять ждать. Ждём! Ждём довольно долго, так как оповещение пошло по новому кругу. В расположении батальона сам Гребнев встретил нас, встретил как старых знакомых. Полдень, жарища. Пока определяли нам места для проживания, расположились в очень симпатичной курилке. Сидим, покуриваем, толкуем о Союзе, Ташкенте, газетах. Новости здесь узнают день в день, так как газеты доставляются с необычайной

оперативностью. А мы-то прилетели тёмными, без всякой информации. Виктор Алексеевич приказал принести из погреба холодного кваса, чем решил нас удивить и даже похвалиться. По такой жаре он был кстати и оказался очень вкусным. Раньше в батальоне квас для личного состава не делали. А сейчас он в палатках держится как питьевая вода. Челябинцев разместили по обжитым палаткам офицеров, а мне самому ничего не досталось, кроме дежурной палатки, ничем не оборудованной, с земляным полом, самой крайней в ряду у туалета, у колючей проволоки ограждения да ещё с возможным душманом за ближайшим бугром. Но здесь, однако, уже жила бригада из пяти человек с Волгоградского тракторного завода в ожидании отправки в Союз. Приезжали они с такими же проблемами, но по своему направлению. Работу с неизбежными трудностями и неразберихой достойно закончили.

Как я уже приметил, пол в палатке был земляной, но ножки кроватей стояли всё же на досках. Брезент палатки был внизу не закреплён, не присыпан землёй, так что снизу всегда поддувает и сам он полощется от ветра и сильно шумит. Вообще, впечатление такое – заходи, кто хочет. Тем более что за колючей проволокой в двух метрах, как я уже говорил, могут быть и душманы. Но солдат принёс свежее бельё, я заправил постель и, таким образом, более-менее устроился на ночь. Ребята мои разместились просто хорошо – капризничать не будут. Я же на лучшее претендовать не собираюсь, потому что максимум послезавтра, если не завтра уже уедем в гарнизоны на работу. В какой и куда в первую очередь – пока неизвестно. После размещения организовали нам баньку. Отлично помылись, тем более что столько много времени прошло после моего отъезда из Москвы. Получается так, что для получения такого удовольствия надо лететь в Кабул. А вечером в части даже было показано кино: то есть в рембате появились явные признаки цивилизации. А встреч вот сегодня с начальством никаких не получится. Гостей из Управления не было, а телефонной связи до сих пор не сделали. Вечером и даже в ночь в палатке шёл у меня долгий разговор с волгоградцами. Передавали свой большой производственный и, главным образом, житейский по условиям Афганистана опыт, рассказывали о случившихся с ними историях. И завтра они должны улетать в Союз, так что мне предстоит жить в такой палатке одному. Немного жутковато. Следующий день пребывания – 7 июня – оказался даже выходным в условиях войны. Радиостанция связная не работает – молчит: никому до нас нет дела, и мы отдыхаем.

3

8 июня – это уже понедельник, и надо определяться. Погода очень жаркая, сильное солнце. Пошли в парк и вытащили из подземелья на

солнце своё имущество, сданное ещё в январе на склад на хранение. Занялись переборкой и просушкой аппаратуры и инструмента, а затем комплектацией ящиков по объёмам работ в гарнизонах. Вся техника на месте, ничего не пропало, только здорово отсырело в землянке. Особенно плохо дело для нас будет со сварочными электродами. Они у нас специальные, броневые, и где их теперь брать, если не будут варить, – пока не знаю. Посмотрим на местах, в полках. Наконец всё уложили. Гребнев дал машину, и после обеда выехали, как планировали, без звонка, в 180-й мотострелковый полк к майору Бричкину. Однако здесь, видимо как всегда по афганской традиции, команду не получали. Да и сама наша БМП сейчас воюет в операции в рейде, вторая сегодня уходит на пересмену. Значит, объектов нет, работы здесь пока не будет и надо менять теперь весь план. Но жить останемся пока здесь. Возвращаться в рембат теперь нецелесообразно. Нас разместили в большой палатке офицеров управления полка на свободных в эти дни местах. Полк в Афганистане знаменит, командует им подполковник Высоцкий Евгений Васильевич, будущий Герой Советского Союза. Подразделения полка всегда находятся на операциях, полк имеет большую оперативную зону ответственности, и, как я понял, главное направление у них – на город Чарикар. Полк считается столичным, потому что расположился рядом со штабом армии, где-то всего в 5 километрах в предгорьях Кабула. И главная его задача – в обеспечении безопасности проходящих автомобильных колонн с севера, из Союза, и обратно, от перевала Саланг до Кабула. Трасса оборудована на всём своём протяжении через определённые расстояния боевыми блокпостами. Сам полковой палаточный городок весь утопает под ногами в мучной пыли, особенно тыловая дорога и техническая зона. Эта мука очень неприятна. Сейчас, учитывая, что стоит лето, я сапоги с собой не брал – буду рвать свои туфельки. К делу. Командира пока нет – он на операции. Познакомился с начальником штаба, замполитом, а в палатке – и с другими штабными офицерами. Мы готовы к работе, но её не будет несколько дней. Уже 9-е число – надо переносить работу в Шинданд. Пережогин спорит со мной по этому поводу, бунтует и настойчиво уговаривает за Шинданд. Главное в его доводах – все дела лучше всё-таки заканчивать потом в последней точке, а именно в Кабуле. Чтобы можно было бы спокойно перед отлётом решать личные дела. В чём-то он, конечно, прав. Но приехавший Высоцкий твёрдо обещал завтра предоставить технику.

На следующий день сразу после завтрака, по уже сильной жаре шагаем все в парк боевых машин. Парк – такое же пыльное поле, только организованное по-военному для стоянки и ремонта всей техники полка. По пути туда перемешиваем своими ногами 10–15 сантиметров этой муки. Идти недалеко – метров 250. Но пыли с избытком, и все мигом

перепачкались, и, видимо, уже навсегда. Начали предварительную работу: разобрали аппаратуру, материалы. На хранение свои ящики сложили среди масляных траков и катков в технической палатке склада бронетанкового имущества. Всё складское богатство внутри лежит навалом, серое от толстого слоя пыли. Внутри, естественно, спёртый воздух и ещё более страшная жара. Вот здесь же, в этой специфической обстановке, среди ящиков и спрятали свой знаменитый и бесценный бачок со спиртом. Пока потихоньку занимались размещением железок и организацией рабочего места, как нам и обещали, прибыла в 11 часов колонна. Надо теперь ей разгрузиться, немного привести людей в порядок. Опять, наверняка, потеряем день. Ну что же – надо ждать. Поэтому ушли в городок, в свою так называемую палатку-гостиницу. Ребята до обеда решили полежать, почитать, а я направился в палатку дежурного по полку: может быть, с кем-либо из начальства встречусь. Там попутно выяснилось, почему два дня не мог дозвониться до генерала Журавля Г. В. Оказывается, что всё управление в эти дни на взводе, а сам он в срочной командировке в Баграме, где мне пришлось ещё зимой побывать пролётом. Вчера там случилась беда, ЧП: около самого аэродрома рано утром душманы подорвали артиллерийские склады. Как говорили очевидцы: там всё вокруг летало, свистело, сверкало. Было много огня и шума, но вроде обошлось без человеческих потерь. Генерал Журавель был срочно назначен председателем комиссии для расследования происшествия и убыл туда. До нас, естественно, пока руки не доходят. В полку тоже всё взбудоражено. В штабной палатке на телефоне сидит начальник штаба полка майор Арапина и дозванивается до подчинённых постов: до одних по проводной связи, до других по радио. На одном из постов погибли два бойца. Надо всё дотошно выяснить, и поэтому он лично сидит на связи для надёжности и точности в получении информации. Самое важное при этом состоит в том, чтобы не допустить ошибок в фамилиях погибших, потому что оба солдата оказались из среднеазиатских республик. Нужна особая точность. В последнее время участились вылазки небольших групп афганцев. Но сегодня говорят уже о банде в четыре тысячи человек в ущелье в 20 километрах отсюда. Не до нас, ещё раз говорю, здесь пока всем. Как-то раз даже от парка послышалась какая-то стрельба. Вот такое начало командировки, даже на городок налетели при нас. Ко всему прочему чуть было не остались и без обеда. Налетел традиционный в это время дня сильный местный ветер – «афганец». Спрятались от него в палатку, пригнули головы, закрыли глаза, уши и не дышали. Но всё же муки наглотались. А уж на улице при «афганце» в полутора – двух метрах ничего не видно, да и дышать нечем. А почему чуть не остались без обеда? Да потому, что в столовой все столы и всё, что уже было выставлено на них (хлеб, соль,

закуска), покрылось слоем этой пыли. Ну, как тут кушать с песком? Только выбрасывать. Наконец пошла подвижка с работой. В 16 часов поставили первую БМП. Ребята пошли в парк, а я получил УАЗик и поехал в «Тёплый стан» в управление к полковнику Мичалину. Как нарочно, сейчас все были на месте. Со всеми тепло поздоровался и, сидя в общем для всех кабинете, с Князевым пообсуждали наши дела и скорректировали дальнейший порядок работы. Попросил девушек на узле связи «Опера» подработать мне канал связи с Москвой. И они, как связисты связисту, спустя несколько минут прямо дали мне Смирнова. Доложил ему о состоянии дел, получил ценные указания на будущее. Здесь же не преминул накапать Князеву на низкую организованность дел у майора Бричкина, до сих пор не сумевшего обеспечить сварку. Просил нажать на него сверху и помочь. Бричкин же вообще стал нас избегать, а уж будучи в парке, ни разу пока к нам не зашёл. Какой же это замполтех, или, как сейчас он именуется, – заместитель командира полка по вооружению?

Для решения всех организационных проблем по вопросам связи довольно поздно пошёл во дворец Амина к начальнику связи армии – генералу Иванову, чтобы представиться и познакомиться. Туда надо проходить два контрольных поста и длинную, в 100 ступеней, лестницу. Он меня специально дождался, и мы обсудили предварительно все вопросы организации предстоящих испытаний, которые я буду проводить сам с подчинёнными ему частями. Заверил меня: своей властью всё необходимое по организации обеспечит – и дал мне в кураторы и организаторы майора, специалиста по организации связи, из своего управления. С ним-то я до конца затем всё и уточнил. Ему предстояло подготовить письменное распоряжение во все части по этим испытаниям, а по телефону устно проинструктировать по методике. Это он должен будет сделать за то время, пока мы будем работать в Шинданде. Ему отдал и документы, бумаги по анализу качества связи для будущего отчёта. Ушёл от них поздно, и внизу, в вестибюле дворца встретился со знакомым подполковником Матвеевым, который как раз заступал в наряд оперативным дежурным по управлению штаба армии. Это знакомство помогло, так как выехать через КПП после 18 часов практически оказалось невозможным. Еле-еле выехал, и то только с помощью этого Матвеева, после его личного распоряжения. Помог своей властью. Ехал уже в сумерках, и в поездке сопровождало неприятное чувство опасности. На всех углах улиц группками стояли отдыхающие афганцы, и поэтому закрадывалось невольно это внутреннее беспокойство. Но ничего – добрался до полка уже в полной темноте. Отправил машину в парк и в одиночестве прошагал по пыли через главную полковую площадку к своей палатке. Впереди ужин и дальше всё как обычно.

4

10 июня. В этот день настроение наше также не поднялось. Бричкин сварку всё не даёт, другой электроинструмент тоже не работает без этой летучки, и сам он опять не показывается: продолжает избегать нашего уголка в парке. Пришлось самому расшевеливать командира ремонтной роты полка. Офицер проникся ответственностью и закрутился, решая наши дела. Нашёлся у него в роте толковый прапорщик, который бог знает откуда приволок САК. Его ещё надо было ремонтировать, чем до обеда вместе с прапорщиком и занимался. Полдня прошло, и ещё совсем не ясно, что получится у нас и что, соответственно, делать дальше. Откуда быть хорошему настроению и согласию в коллективе при такой организации? Полное безобразие. Я после обеда муку месить уже не пошёл. Бригада же всё, что можно сделать до сварки, – сделала. Второй машины нет и скоро не предвидится. Так что стоим и сидим без работы. Жара стоит примерно градусов под 30, и в такой печке быть в парке совсем плохо и спрятаться негде. Есть только «непродуваемая», с грязными ящиками и траками палатка. К тому же каждый день, как по секундомеру, часов в 13 с минутами, как раз перед обедом, здесь задувает «афганец». Он бывает сильным или слабым, но дует всегда. В это время надо уже идти на обед, но невозможно практически, и пережидаем стихию в палатке. На столах в обеденной «зале» всё, как отмечал уже, покрывается пылью. Здорово! Вечером распорядок нашей жизни обычный, размещаемся пока на прежних местах – не согнали. Чуток выпили спирта для лечения от пыли, чуток поиграли в карты, немного посмотрели афганскую телепрограмму в маленьком телевизоре. Мало понятного и ничего интересного: почему-то постоянно на экране диктор или дикторша. Откуда у них такой большой объём информации? За все дни ни кино, ни музыки, ни спорта. Конец сегодняшней нервотрёпки. Спать. Но спать плохо, сон не идёт, очень жарко и мучение сплошное. Но рассвет хороший, очень раннее солнце и приятная свежесть. Умываемся по очереди привезённой водой из одного бачка. Завтрак, как и всё тут, тоже плохой, консервированный: кушаем без аппетита. Рабочий день, 11 июня, опять начался с ругани и очередных обещаний сварки. У всех разное отношение к нашему делу. Правда, у каждого тоже своё дело, а мы как болячка у них. Высоцкий при встрече проявляет интерес, что-то спрашивает, зампотех же продолжает нас избегать. А машины-то делать надо. И виза не резиновая. К 10 часам пригнали летучку, но от неё толку опять мало – оказалась той же самой неисправной, что была вчера. Затем подтянули на пробу афганскую сварку, но и от неё толку нет. Прапорщик привёз ещё чей-то САК, и к обеду, наконец, агрегат был к работе готов. Это ж от таких дел можно просто свихнуться! Но при всём этом к концу дня основные подготовительные работы к сварке сделали. До завтра!

5

Вечер опять по-прежнему мы проводим в палатке – деваться ведь некуда. Офицеры из палаточного окружения понемногу постепенно меняются. Кто-то уходит на задание или же едет в командировку, а кто-то возвращается. Появляются новые знакомства. Особенно подружился с начальником артиллерии полка, который к нашему приезду уже перегорел без конкретной боевой работы, ожидая со дня на день офицера по замене из Союза. И поэтому последние дни безвылазно находится в палатке и никуда не выезжает. Вечерами сейчас спокойно, городок большой, состоящий из многих рядов палаток, жилых и служебных. Все живут своей жизнью, как в большом посёлке. Можно и заблудиться. Мы же всегда находимся только в своём общежитии на передней линейке рядом с командиром, штабом и палаткой с дежурным, столовой, женской палаткой. И единственный наш маршрут – это уже протоптанная дорога в парк. Всё проходит однообразно, и впечатления и информация по конкретным дням уже смазываются. Сейчас, через столько лет, события вспоминать становится трудно. Помню, например, что телевизор работал каждый вечер, а вот кино чтобы показывали в этом полку – не помню. Появился, наконец, и представился начальник связи – майор Новиков. Ура! На следующий день опять задержка со сваркой. Что за напасть такая здесь! Теперь хоть толкачом будет Новиков, пускай крутится и обеспечивает работу. К 10-ти движок запустили, и мои ребята разозлились: к обеду все сварочные дела сделали. Даже параллельно стали красить, чтобы побольше было времени до завтрашнего дня для просушки. Ящики стали понемногу освобождаться: первый комплект аппаратуры пошёл на сборку Легче морально, когда видишь, что имущество потихоньку расходится. А это значит, что работа идёт. Краска за ночь высохла. Поэтому на следующий день быстро провели сборку, и к обеду машина была полностью готова. Хотел было по этой причине после обеда поехать в «Тёплый стан». Да и надо было бы, но вдруг почувствовал себя плохо и остался в палатке. И правильно сделал – попал сам в историю с желудком и забегал в туалет. Так как в штаб не уехал, то решил провести проверку связи и сдачу объекта. Что и было сделано мною, сделано в полном объёме и прямо к началу бани. Меня Арапина пригласил ещё днём в парилку, которую в этот день готовило для себя командование. Об этой помывке можно было бы написать целый рассказ, но для краткости я передам только сам процесс омовения и пребывания в этой полевой бане в кругу полковых начальников. Сама банька построена отдельным настоящим домиком из брёвен, которые наверняка привезли из Союза. Устроен большой предбанник, любовно отделанный струганными, пока ещё беленькими досочками. Территорию двора плотно окружили маскировочной сеткой. И всё это сооружение стоит на отшибе,

на взгорке в тылу городка за пыльной тыловой объездной дорогой. В дворике установлены столик, скамейки и штатный армейский резиновый бассейн с водой. В баню я пошёл один, пораньше – часа в 4. Командира и замов ещё не было. Но кто-то из штабных офицеров уже там был. Нам, как первым, досталось чуть-чуть пропарить помещение, хотя камни заранее были хорошо уже прокалены. Нам осталось только поливать их водой из ковшика. Времени попариться хватило вполне, и оставаться на очередное омовение вместе с пришедшим к тому времени Высоцким было уже слишком и даже некорректно. Я вышел в дворик и присел к столику отдышаться. Пока курил и отдыхал, командование по первому разу попарилось и вышло к бассейну искупаться в холодной воде. Голенькими попрыгали с визгом в бассейн, потом подсели ко мне за стол. Тут же был подан хороший чай. И потекли и здесь служебные разговоры, и даже порой возникали споры, хотя командир был тут же. Очень приятная была обстановка в этом непривычном для Афганистана комфорте, и тем более от встречи с интересными людьми. К примеру, вот здесь сейчас рядом со мной сидел будущий Герой Советского Союза, пока в звании подполковника и генерал-полковника в будущем. По ходу разговора упоминали имя другого также будущего Героя, будущего генерала и президента республики Ингушетии, Аушева Р. С., а тогда служившего в полку начальником штаба 2-го батальона. Ругали его за какие-то хозяйственные инициативы, связанные с подвозом камня для мощения дороги. Вокруг имени Аушева в полку уже ходила добрая слава, и по приезде в полк мы буквально сразу и услышали эту фамилию. При нас, как я тогда услышал, стоял уже вопрос о назначении его, старшего лейтенанта, на должность комбата, если действующий успешно сейчас сдаст экзамены в академию и освободит должность. Офицеры ещё сделали, как я сказал, заход в парилку, а мне надо уже идти домой, то есть в палатку. К сожалению, путь сейчас идёт под гору вниз и переходить надо через эту самую пыльную дорогу. Пока дошёл, опять набрался пыли, тем более что перед самым моим носом прошла по дороге пара машин и надолго подняла сплошную пыльную завесу. Ну а затем всё как обычно: ужин и посиделки в палатке за картами. С размещением в палатке всё пока по-старому, но будет, как предупредили, проблема со следующего дня: кто-то уже приедет из командировки. Рассказал челябинцам про баню, про интересное общение и посочувствовал им: отказались от хорошей парилки. В дальнейшем же с Высоцким на дорожках городка и в штабной палатке встречаться приходилось чуть ли не каждый день. Как я уже отмечал, то он поинтересуется состоянием дел, то у меня возникают, как правило, организационные вопросы. Конечно, ставил вопросы и по злополучному сварочному агрегату, и по судьбе машины, находящейся на операции. За второй машиной он поехал сам, конечно не специально за ней, а с выполнением боевой задачи. Взял

нашу уже переоборудованную БМП-1КШ и возглавил двухдневную операцию в Чарикаре. Мы же опять на два дня без работы. Приведя назад колонну, он тут же прямо на дорожке между палаток минут 10 уделил мне, в беседе высказывая свои наблюдения и ощущения от практической проверки того, что мы сотворили. Чётко отметил главное, что мы, правда, тоже сумели уже определить раньше: на большой скорости по асфальтовой или бетонной дороге появляются в шлемофоне сильные шумы и связь пропадает полностью. Объясняя ему природу этого явления, тут же подсказал необходимость уменьшать скорость движения или даже делать короткую остановку для ведения радиосвязи. Это замечание, заверил его, обязательно будет заложено в документацию при эксплуатации в жаркую и сухую погоду и особенно на сухих асфальтах и на песчаных грунтах.

6

Колонна полка вернулась из операции, а с нею, наконец, пришла и наша машина. Чем будет грозить нам завтрашний день? Как бы не прошёл он вхолостую, если опять будут «шутки» со сваркой. Да и собственное самочувствие оставляет желать лучшего. В госпиталь, конечно, как Геннадий не побегу, научены уже, но навещать одинокую будку приходится всё-таки часто. Теперь остерегаться надо всего. Воду из бака, что у входа в палатку, пить уже рискованно, но на дворе-то жара под 35 градусов. Достал где-то и заварил зелёного чая для питья и при этом всё же в 5 часов утра под восходящее солнце и приятную свежесть побежал в нужном направлении. Уже 14 июня. Официально в первый раз пришлось объявить всем выходной день до прихода колонны. Два дня ожидания. Тоска от понимания того, что работа-то стоит. Я теперь на приём пищи не хожу, пью зелёный чай и лежу в палатке: присматриваюсь повнимательнее к окружающей обстановке. За головой между спинкой кровати и брезентом стенки устроена свалка из личного имущества хозяина кровати. Среди вещей обнаружил двадцатилитровую бутыль с уже готовой брагой из изюма, заполненной где-то на одну треть объёма. Вспомнилось тут же: что-то я уже в эти два дня всегда ощущал в палатке запах спиртного, но не придавал этому значения. И тем более не мог даже подумать, что всё это хозяйство стоит в собственном изголовье. Днём подключился к нам Виталий – тот безработный начальник артиллерии. Был он в несколько расстроенном и потерянном состоянии, так как вдруг вместо замены в отличное место в Молдавию предложили ещё повоевать здесь, в другом гарнизоне. Говорит, что тут идёт какая-то тёмная кадровая комбинация. Под такое настроение организовал где-то к столу «кишмишовку» – виноградный местный самогон, и в обед, для лечения, палаточная компания здорово выпила, без удержу. Ребята по такому случаю на обед вообще

не пошли, играют в карты, шумят и бузят между собой. Я же лечился и поэтому был трезв, лежал, от жары завёрнутый в мокрую простыню, и пытался что-то читать. В этой даже очень шумной обстановке сумел проспать до 7 часов. И опять я сознательно без ужина. Вечером досталось редкое удовольствие: по телевизору сумели получить союзный репортаж по футболу. Посмотрел особую и хорошую игру между вечными соперниками – командами «Динамо» (Киев) и «Спартаком». Как ни странно, вечером появился у нас в гостях сам Бричкин, доложил, что колонна придёт завтра, и заверил клятвенно, что тут же машину подаст в работу. На следующий день, кстати, приход колонны мы сами хорошо видели по огромному и плотному столбу пыли над тыловой дорогой. Эта ночь опять прошла по-дурному: плохо в такой жаре и все почти не сомкнули глаз. А вот утро каждый день стоит отличное, так и хочется сбегать на зарядку и размяться. В этот день точно, как заверил Бричкин, машину предоставили для переоборудования. И вновь, как будто нас преследует какая-то зараза, сварки опять нет, и, как оказалось потом, её не было весь рабочий день. Дело не получилось, но до парка, до стоящей машины сходить по пыли надо было обязательно. Тут и увиделся с подполковником Высоцким и услышал о его наблюдениях и мнении. Щажу себя в питании, так как нет-нет, да потянет в тот «домик на окраине». Завтрак проигнорировал, а вот к обеду кушать захотелось всерьёз, хотя жара в 35–38 градусов к этому явно не располагала. Время оказалось опять свободным, и после обеда опять планировал использовать его для поездки к начальству. Только не один, а спарившись с Виталием, который взял УАЗ-469-й. Уазик подвернулся только потому, что его вызвал начальник политотдела на беседу по поводу его сопротивления на замену. А полк обязан был обеспечить доставку офицера. Вот Высоцкий и дал ему свою машину. Так к 16 часам уехали в штаб, переждав предварительно, как и каждый день, основную жару в дремотном сне под мокрыми простынями, отбиваясь от мух, будь они неладны. Виталий ушёл в политотдел во дворец, а я – в здание штаба тыла к полковнику Мичалину и Князеву. Сам Журавель находится всё ещё на расследовании: там всё более чем серьёзно. Мичалина на месте не оказалось, а Князеву мы абсолютно не нужны – не по его столу. Прикинул быстренько объём наших дел при полной удаче в организации и всё-таки через Князева, как он ни отмахивался, заказал самолёт на Шинданд на 19-е число. Обязательно, пока я здесь, в штабе, нужно доложить обо всём в Москву. И я сумел непосредственно из дворца Амина дать закрытую кодограмму на имя начальника научно-технического комитета ГБТУ. Как потом оказалось, сделал совершенно правильное дело. Но для этого потребовалось получить учтённый в секретном отделе бланк, потом написать текст, походить по этажам дворца для согласования с нужными офицерами и, в конце концов, получить разрешение (визу) у заместителя начальника штаба армии. Попутно посмотрел внутреннее убранство дворца: коридоры, ванную комнату, туалеты и т. д. В общем, заскочил туда, куда ещё был доступ. Всё отделано красивым кафелем, на дверях медные или позолоченные ручки. Очень широкие лестничные пролёты оформлены снизу доверху красивейшим нежно-голубого цвета мрамором. Но люстр в коридорах уже нет: висят круглые белые советские стандартные плафоны, ручки местами тоже ободраны, ковров и дорожек тоже нет. Но своё дело сделал: бланк оформил, и теперь по каналам секретной связи донесение пойдёт в Москву.

В кабинете связистов моего куратора тоже не оказалось: он, как мне сказали, в командировке на Саланге. Решает какую-то неожиданно возникшую оперативную задачу. Несмотря на это, все вопросы по организации испытаний по связи в отделе проверил и договорился, что возникающие вопросы будут решать без меня.

Покинул дворец с тайной мыслью получить у финансистов хоть сколько-нибудь чеков под аванс. Но ничего у меня не получилось, не уговорил. С Виталием уезжали опять под сумерки. На обратном пути Виталий с сознанием дела и как хозяин спокойно останавливался около нескольких уличных торговых палаток. У него сейчас много денег, у него сегодня день рождения и у него приятное известие из отдела кадров: замена всё же едет именно к нему из Флорешти, что в Молдавии. Место тёплое, и очень он доволен таким вариантом. Поэтому по дороге домой берёт два пакета кишмишовки, огурцы, помидоры, редиску. От всего подобного я уже отвык. Прямо как подарок. Приехав домой, организовали опять стол. Тут и я уж тоже присоединился и к поздравлениям, и к столу. А потом традиционные карты и телевизор. Что же ещё здесь делать, даже в день рождения? Долго не засыпали, но и по телевизору ничего не было: довольно приличное время стояла одна и та же картинка, с которой монотонно говорил Бабрак Кармаль. Как я сумел понять – выступление было организовано в честь какого-то национального праздника. У нас же всегда один и свой праздник: это вечерняя жара и мухи, мухи. Поэтому опять долго не могли уснуть. А после местного самогона всё утро было не по себе. К утру полегчало лишь с желудком, и я с радостью понял, что «лекарство» помогло.

7

День пошёл по обычному распорядку. После невкусного завтрака мы сразу в парк. Вот сегодня и САК подали сразу, работать стало веселее. Жора варит и отдыхает в промежутках. Мы по очереди прячемся в уже ставшей родной технической палатке. Что-то сегодня совсем уж жарко. Для интереса и истории измерил температуру: 51 градус на чёрной бума-

ге на нашем ящике, а на простой доске – 41. А в парке ни душа, ни обычной воды у Бричкина не организовано. Вот такие условия у нас. До обеда работали в такой жаре, и ведь никуда не уйдёшь. Убедились, что уж лучше, оказалось, просто быть на одном месте и меньше двигаться. В этакой жаре перед самым обедом обратились к нашему «магазину» в палатке – к канистре со спиртом. Естественно, в антисанитарных условиях, из битой алюминиевой кружки, одной на всех, выпили для лечебной профилактики по 50 грамм тёплого спирта, без всякой воды. Ух-х! Скривились и закусили краюхой сухого, пропылённого белого хлеба, найденной нами среди ящиков. Сколько времени провалялась? Ну и что: было нормально! Затем сам бог и распорядок дня велели идти на обед. Не поленились – пошли. После обеда до 4 часов лежали в простынях неподвижно по кроватям, и только едва хватало сил гонять мух. Но в этот день сварочные работы успешно выполнили. Жора у нас герой вообще, а сегодня особенно, ведь ему досталось больше всех. Так можно и концы отдать, тем более что и сам он выглядит очень и очень нездоровым. Вечером, ещё дотемна, опять пыль клубится по дороге из «зелёнки». Вернулась смешанная колонна под командой Арапины. Колонна попутно на всех пустых бортовых машинах с горных выработок везла камень, булыжник для обустройства городка. Во всех частях в Афганистане командиры таким подручным материалом облагораживают и мостят дороги, а местами делают на пикетах и защитные стенки. А командир второго батальона в этот раз после прибытия три машины с камнем, вопреки планам Арапины, завернул на свою территорию для своих целей. Исполняющим обязанности тогда был Аушев, и Арапина, злой за самоуправство, гремел в штабной палатке и спустил на него всех собак, когда узнал об этом. Я как раз тоже зашёл в палатку поздороваться с начальником штаба и был невольным свидетелем этого гнева. Он отдал распоряжение, чтобы всё, что привёзли, опять загрузили на машины и перевезли на полковые объекты, а именно на ту территорию около КПП для мощения площадки стоянки машин, по которой ещё вчера топали с Виталием по пыли, когда вернулись из «Тёплого стана». Дошла ли команда до Аушева, выполнил ли он её – не знаю. Да мне этого и не надо. Всё это просто к слову, потому что был случайным свидетелем обычных армейских взаимоотношений. А вообще-то про себя сейчас думаю – навряд ли её выполнил. Оправдался бы как-либо и логично обосновал это.

У нас вечером, как всегда, свои 50 грамм тёплого спирта и карты. Нового придумать здесь ничего не можем, просто невозможно. Но на одной из кроватей у старожилов вдруг обнаружил лощеный толстый афганский журнал. Журнал художественно-политический, старый, ещё выпущенный до революции. Текста почти нет и только фотографии и различные иллюстрации. И цветные, и чёрно-белые. По сути, всё об Афганистане. Очень

много познавательного и исторически интересного о тех временах и о природе страны. После просмотра принял решение реквизировать журнал в свою пользу. И, как бакшиш, увезти его домой. До сих пор лежит он дома на полке и показываю, если возникает разговор об Афганистане, всем гостям. Смотрят, надо сказать, с неподдельным интересом.

8

Вечером размышляем коллективом всё о том же: дело двигается медленно, хотя все, несмотря на жару и ежедневный «афганец», крутятся самоотверженно. Завтра ребят отправлю на работу: это будет 17 июня, а сам же поеду в армию окончательно решать вопрос нашего перелёта в Шинданд. Пошёл для этого в штабную палатку потереться около Арапины и Жукова, его помощника по машинам, с целью вынюхать возможность насчёт машины на завтра. Повезло, собирается ехать сам Арапина, и действительно, с утра, организовав дела, с начальником штаба удалось уехать. На сей раз дозвониться до Москвы не удалось. Серёжа, старший лейтенант у Князева, как ни старался, уговаривая девушек-телефонисток, не получилось. Все каналы, как они объясняли, перегружены. Зато сумел получить немного денег (чеков) под предлогом крайней необходимости в связи с вылетом в другой гарнизон. От такой радости купил даже в военторге бутылку заморского сока, что, по моим малым деньгам, было просто баловством. С сигаретами у меня сейчас хорошо, поэтому о них пока и не упоминаю. Походил по ангару-военторгу, посмотрел цены с прицелом на будущее. У нас в магазине всё здорово дороже, чем в магазинах Кабула. Номиналы на товары установлены под союзные цены из расчёта один чек за рубль. А это, мягко говоря, нечестно. Дублёнки – 800–900, «недельки», к примеру, – 28 чеков и так далее. Всё, что спланирую, буду покупать потом непосредственно в городе, когда возвращусь в Кабул. В конце у меня будет достаточно времени для этого мероприятия. Вернулись с Арапиной ещё до обеда, но идти в парк никакого желания нет. Жарко, и очень, – 44 градуса на брезенте. Куда это годится, ведь даже в этих горах, на этой высоте от жары становится душно! Не обедали, остались дома, в парке совсем невмоготу. Пью теперь только зелёный чай и лежу под простынкой. Собрались к 7 часам было идти на ужин. Но только сделали шаг из палатки, как закрутил опять «афганец», и глотаем вместо ужина тучи пыли уже внутри палатки. Соответственно, на ужин теперь шагать нам бесполезно, ведь там тоже всё в пыли. Остались без ужина – это уже хуже, так как и обеда сегодня у меня лично не было. Кто же знал, что будет шуметь «афганец»?

Однако вечером ко мне зашёл майор Новиков, начальник связи этого полка, и пригласил к себе в гости: угостить самогоном, вкусным ужином,

да посмотреть на их житьё. Забрал я свою последнюю бутылку советского НЗ и, никому ничего не говоря, пошёл в гости. Палатку ещё надо ведь найти: стоит где-то в задних рядах, но ориентир у нас, связистов, всегда чёткий – развёрнутые мачты антенн узла связи. В палатке уже был его ротный – боевой, как я сразу понял, старший лейтенант. Очень был заботлив и обходителен. Им был организован стол, и даже угостили редкостью: жареной картошкой. И консервы разнообразные, это уже в обязательном порядке для афганского застолья. Налили по первой моей водочки. Для них нормальная водка – настоящая редкость и поэтому ценность. Военторг торговлю ею не ведёт, и купить можно только контрабандную в кое-каких дуканах, завезённую отпускниками. Уж здесь-то можно увидеть чуть ли не всю географию Советского Союза. Пили, как положено, за армейскую дружбу, а я, как представительное «начальство», да ещё из Москвы, был в некотором почёте. Ну а позднее взялись уже за их местный продукт, тоже от душманов. Опять были рассказаны местные истории: боевые и житейские. Также говорили и о завершении наших работ. В палатке у офицеров были японские магнитофоны. Для Союза эти аппараты с их высоким качеством были ещё редки и, конечно, дороги. Именно из Афганистана хлынул первый поток в комиссионные магазины страны. Новиков запустил музыку, и зазвучали записи современных, популярных песен под гитарное сопровождение, модных в те годы у народа, но не на эстраде исполнителей: Северного, братьев Жемчужных, к примеру. Я послушал и расчувствовался. Решил переписать эти ленты для себя, для дома. Новиков обещал сделать, если я достану чистую кассету. Но где её взять? Ведь специально за такой мелочью ехать в город просто нелогично, а в военторге в продаже нет. А до вылета переписку надо обязательно сделать. Догадался поспрашивать кассету у местных офицеров. Ведь в Афганистане каждый первым делом старается завести себе «Шарп», «Сони», хотя и здесь магнитофоны тоже дорого стоят – 20–24 тысячи афгани. Почти год такую сумму надо зарабатывать. Вечер оказался хорошим и не потерянным. Хозяева и напоили, и накормили за весь голодный день. Поздно вернулся к себе в палатку, в какой-то степени, но не явно, с виноватым видом. Ведь нарушил правило товарищества: покинул всех и гулял один. Объяснил это производственной необходимостью. Ничего – поняли, промолчали. Не стал мешать им играть в карты и завалился спать: точнее, сначала принялся гонять назойливых мух.

9

Наступило 18-е число. По всем планам и по сделанной заявке на самолёт это последний день, и обязаны заканчивать дела. Стоит такая же жара. В парке стало побольше народу и веселее. С одной стороны, афган-

ский полковник по личной дружбе и боевому содружеству нашими запасными частями и силами ремонтирует свой танк, И с ним приятно и интересно пообщаться. А с другой стороны, вчера появился целый батальон новейших даже для Союза, испытанных нами в Кубинке боевых машин пехоты БМП-2. Машина новейшая, отличная, с мощным вооружением. Они своим ходом пришли из Термеза через перевал Саланг. Сейчас стоят красавицы ровным строем в парке. Подполковник Высоцкий тут же организовал быстрое обучение солдат и попутно снаряжение боеприпасами орудийных лент. Среди бойцов преобладающее превосходство узбеков, таджиков, туркмен. Но ничего: копошатся, учатся. Планируется быстро подготовить машины, проехать пару кругов вокруг парка и через два дня отправить батальон в Чарикар для приобретения уже настоящих навыков, а может быть, и боевого опыта. Действительно, через пару дней колонна убыла на операцию. Мы тоже в этот день, худо-бедно, машину сделали, и мне надо было её сдавать полку. После сдачи, к вечеру, мы должны собрать свои инструменты, упаковать последние два комплекта, чтобы быть готовыми к отлёту. А для этого надо опять сидеть, ждать команду от полковника Мичалина.

Новиков БМП-1КШ взял без особой проверки на связь. Да и с кем проверять связь: Кабул с Кабулом что ли? Оставляю это дело до официальных испытаний. Но проинструктировал его, что, возможно, будет мною организована всё-таки проверка из Шинданда на дальности в 650 километров. Это уже интересно и показательнее. Теперь мы всё, как и планировали, сделали. Ящики готовы и до отлёта оставлены в парке. А как будет дальше – неясно. Знаю только одно, что вечером опять будет по 50 грамм и карты...

Пришло такое же хорошее утро 19 июня. После надоевшего в этом полку завтрака командир собирался в штаб армии и разрешил мне присоединиться. Если уж утром борта нет, то, значит, и не предвидится сегодня вообще. Теперь всё так же точно переносится на завтра. Решил остаться и переночевать в городке. Расположился на ночь в щитовом модуле, в комнате на 12 человек. Здесь живут офицеры нашей службы вооружения. Точно так же по комнате в девяти других модулях выделено другим службам, обеспечивающим всё руководство 40-й армии. Живут, точнее ночуют, здесь очень тесно.

В комнате один стол, один шкаф на всех. Зато день и ночь всегда все вместе. Я бездельничаю: сижу, лежу, читаю, что нашёл в комнате, потом пошёл знакомиться с местным окружением и обстановкой. На приём пищи офицеры, гражданский персонал ходят в большую, как я уже говорил в первой части, столовую-ангар. Здесь уже цивилизация и совсем неплохо. Центр всё же. На столах белые скатерти, обслуживают официантки. После полка впечатление совсем другое, лучшее. А Пере-

жогин в полку тоже скучает с ребятами и ждёт моей команды на выезд. В этот вечер «Тёплый стан» переполошился. В зелёной зоне на окраине нашего городка вечером появились нападающие душманы. И кому было положено – хватали оружие и бегом или на машинах выдвигались туда отбивать эту атаку. Со стороны дворца хорошо была слышна перестрелка. Но всё довольно быстро закончилось. Было что-то или нет – никто из моего окружения сказать не мог. Да и разговоров в комнате больше не было. Им, видимо, привычно. Пережили ночь. На следующий день с утра после завтрака опять выясняем насчёт самолёта. Всё управление работает на меня. Ничего до 11-ти нет, значит, и сегодня вылета не будет. Прошу у Мичалина машину и убываю в полк к своим балдеющим от безделья ребятам.

10

Пока отсутствовал, в полку ничего примечательного за вчерашний день не было, если не считать того, что вечером 19 июня прилетел в Афганистан на гастроли и разместился, как на базовой опорной точке, в этом полку ансамбль песни и пляски Туркестанского военного округа. Только приехали и тут же, в ночь, успели споить привезённым с собой товаром неустойчивую часть полка. Всё это, естественно, за любимые чеки, да притом недёшево. Бизнес и в ансамбле бизнес. Ночью дело приняло такой оборот и размах, что на следующий день замполит только и занимался его разбирательством. Даже с грустью и глубоким сожалением со мною поделился, когда встретились в штабе.

Был ещё один смешной случай в эти дни. Он произошёл прямо со мной. Случай любопытный и пикантный: поднявшийся, как всегда, в обед «афганец» наконец-то свалил скворечник женского туалета, а мужской же остался стоять целёхоньким. И это впереди главной линейки далеко в поле. И вот, как только ветер стих, а мы уже дружно отдыхали после обеда, мне потребовалось резво ринуться в этом направлении. Вышел из палатки и тут же увидел, что впереди в 20 метрах уже шли две наши местные дамы в ту же сторону и, конечно, с той же целью. Шли они не спеша, разговаривали и смотрели только под ноги в землю. Я тоже потихоньку топаю за ними, обгонять вроде бы неприлично. Подойдя почти вплотную и подняв, естественно, глаза, видят, что их будки-то нет и лежит она в стороне на боку. И само очко демонстративно и вызывающе открыто. Пришли! Во-первых, конечно, громкий смех раздался, а, во вторых, что-то надо делать. Идти в другое место, или как? Тут ещё усмотрели мужчину, который подпирает сзади. Да и другого места для женщин во всём городке не оборудовано. Иди хоть в поле дальше. Смех – смехом, но проблему, ради которой шли, надо решать. Вышли из положения вполне демократично: по очереди посетили оставшийся под крышей наш мужской скворечник. Конечно, всё затем отремонтировали быстро, но сам этот бытовой случай, виновником которого стал знаменитый «афганец», был любопытен.

В этот же день, уже ближе к вечеру, встретился со старшим лейтенантом Аушевым. Я уже говорил, что он в полку исполнял временно обязанности командира батальона и будущее его, конечно, пока никак не просматривалось. Но человек в полку по своим делам был уже известен. Его здорово уважали. И у меня к нему возник интерес и даже практический вопрос. В плане покупок у меня было задумано купить для моих «Жигулей» японскую магнитофонную вертушку. Ну, а что брать, чтобы и цена удовлетворяла, и аппаратура была бы стоящей, да и где покупать, этого я ничего, естественно, пока не знал. Вот Володя Калепко, мой новый появившийся сосед по кровати, майор, только вчера приехавший с задания, и посоветовал поговорить с Русланом, как с человеком, имеющим какой-то опыт на местном рынке, а также и по этой технике. К тому же в его палатке есть несколько действующих аппаратов, которые можно посмотреть и послушать. Добрый совет этого Владимира, человека шустрого и большого местного начальника – заместителя начальника штаба полка, всё знающего и по характеру, и по должности, оказался кстати. С ним сразу подружились, оказывали доверие друг другу, и он опекал меня до конца, используя свою власть. Вот поближе к вечеру настроился навестить Аушева, благо кто-то видел, что он сегодня на месте. Нашёл его батальон, солдаты показали его палатку, из которой раздавалась музыка. Как полагается, спросил разрешения войти и, войдя в палатку, увидел Аушева. Он был совсем один. В старой полевой форме, без портупеи, по-домашнему в тапочках. В общем, комбат отдыхает от дел. Оказался молодым и красивым, выше среднего роста, человеком. Густые чёрные усы и приятное мягкое обращение с незнакомым человеком. Поздоровались за руку; рассказал ему, кто я и что делаем. Он слышал о нашей бригаде. Хоть и незнакомого майора и аж из Москвы, но очень дружелюбно пригласил сесть, предложил чаю, который как раз только настоялся. Вот попал, как бы специально, прямо к чаю. Было очень вкусно и кстати. Да и пошёл разговор наш под чаёк свободнее. Вполне естественными получились мои вопросы о магнитофоне-вертушке для легкового автомобиля. Ведь мне хотелось купить прежде всего что-то японское, а затем и подешевле. Он сразу посоветовал купить «Океан» и подсказал, где это можно в городе сделать. А именно в нашем микрорайоне для дипломатов и торгпредства. Я там, вспоминаю, уже бывал зимой. А его собственный магнитофон постоянно в это время работал. Минут 40 за разговором слушали популярные во всём Афганистане под гитару бардовские и военные песни. За всё время никто в палатку не сунулся и не посмел нам помешать.

Я не забыл о своих попытках сделать запись для себя. Поэтому попутно спросил его о чистой кассете. Есть ли у него и сможет ли продать? Чистой не оказалось, но любезно предложил уже студийно записанную кассету с каким-то французским певцом. Продал по дешёвке – за шесть чеков. Спасибо за то, что выручил и теперь нет необходимости где-то искать. После этого с Аушевым по-доброму распрощались, пожелали друг другу всего самого хорошего. Я ушёл в хорошем настроении, так как стало уже темно и надвигался ужин. Сразу же спланировал вечером посетить и Новикова, чтобы, не откладывая в долгий ящик, сделать на приобретённую кассету интересующую меня запись. Но в этот вечер сделать это не удалось. Заняты были плотно сбором и подготовкой к вылету, так как вечером вызвали меня к дежурному по полку на связь с Мичулиным. Он приказал на завтра, 21 июня, быть в полной готовности. Бричкин для этого с вечера выделил УАЗик, который мы загрузили и оставили около КПП готовым по первой команде к старту.

11

21 июня. Для нас ранний утренний подъём в 5 часов 30 минут. Отличный и какой-то звонкий рассвет. Без завтрака, но всё-таки бодрые, загружаемся в санитарку и по тихому городу едем на аэродром. Но нас здесь никто не ждёт. Вот так руководит у нас в управлении вооружения Мичалин. Какие-то борта АН-12 стоят, но ни один в Шинданд не собирается. Зла на это, как говорится, не хватает. Начинается теперь моя беготня по полю за каждым прилетающим самолётом, как в Москве за такси в час пик. Вопрос первый к лётчику: куда летишь? И уж, если ответ командира удовлетворяет, то следует второй вопрос: командир, возьмёшь? Всё зависит, таким образом, от лётчика каждого конкретного самолёта. Опять немного иронизирую: вся суета и неорганизованность происходит под непосредственным руководством самого штаба армии. Может, в низах будет более организованно – при личной инициативе нас самих. Но сейчас в полк возвращаться ну никак нельзя. Я в это время решил, имея уже хороший прежний опыт, проскочить на другой конец аэродрома, в комендатуру. Надо доложить о бардаке и срыве вылета генералу Журавлю, слегка поругаться с ним с надеждой, что перепадёт и Мичалину. Но это оказалось невозможным: через три коммутатора дозвониться просто не удалось. А тут уже становится всё жарче и пыльнее. К тому же, когда двинулись назад, в конце взлётной полосы нам не дали проехать и направили в объезд, по грунту. Оказывается, что улетал куда-то командующий со свитой и охраной на трёх вертолётах. Вот-вот ожидали его прибытия и полосу, где стояли на прогреве его вертолёты, перекрыли для движения.

Сразу навалилось на нас очередное несчастье: пока объезжал этот эскорт, прокололась и быстро спустила камера заднего правого колеса. На ободе вернулся к бригаде и ящикам на афганскую часть аэродрома. Буквально рядом находились стоянка и рулёжная площадка, а также здание гражданского Кабульского аэропорта. Вот теперь возникли заботы о ремонте камеры в полевых условиях, так как запасного колеса, как всегда, не оказалось. В машинах, по традициям Афганистана, запасных частей не бывает. Машину руками стащили с бетонки на газон, чтобы никому не мешала, подняли на домкрат и остались вообще не на ходу, без колеса. Водитель самым примитивным кустарным способом сам принялся заклеивать камеру, а это значит – надо иметь огонь и какую-нибудь тяжесть. Развели костёр, на котором разогрели резину и клей. А камеру после разогрева положили под другое колесо своей же машины. Это тоже, конечно, будет называться вулканизацией, только в боевых условиях. Я же отошёл метров за 150 к одному только что появившемуся борту, чтобы уточнить, куда дальше пойдёт этот АН-12. Он оказался почтовым, идёт по установленному кольцевому маршруту и летит сейчас на Кандагар. Нам не по пути, и сам извозчик не имеет права по инструкции, везя секретную почту, брать пассажиров на борт. Вылет наш пока не получается, но ещё есть какое-то время подождать: а вдруг кто-нибудь нужный «упадёт» с неба. Но в то же время к обеду надо вернуться в полк: святое дело – людей надо кормить. Это всё будет означать, что сегодня операция не получилась. В это же время зашёл на посадку какой-то огромный иностранец. С этим-то самолётом приключилась другая любопытная история, о которой считаю, для смены настроения, нужным рассказать. Он приземлился и оказался большим американским лайнером Д-10. На своей рулёжке к аэровокзалу для высадки пассажиров маршрут его как раз проходил через ту площадку, где стоял на домкрате мой бесколёсный УАЗик. Стоял в стадии склеивания резины. «Дуглас» вдруг заворачивает к нам, и оказалось, что расположение двигателей по высоте как раз соответствует уровню крыши нашей санитарки. Точнее, мы ему мешаем, а убраться, понятно, не можем – стоим без колёс. И ему уже не проехать, но рейс-то капиталистический, у них строго: расписание никак не должно нарушаться. Пилот притормозил свой лайнер и гневно сверху, высунувшись из кабины, машет кулаком, требуя освободить дорогу. Я, как это ни странно, сообразил, что это касается меня. Включил пятую скорость и побежал к своим эти 150 метров. Но здесь ребята уже догадались – подхватили машину без колеса и оттащили подальше в поле. Дорогу освободили, но уже тут же рядом оказался вызванный по радио специальный тягач, готовый волоком столкнуть помеху с пути самолёта. Оперативно, ничего не скажешь! У нас тоже вышло нормально, камера уже успела проклеиться. Всё обошлось. «Дуглас» покатил дальше на разгрузку, а нам ос-

талось только собрать колесо и поставить на место. Затем, не солоно хлебавши, через весь город вернулись в полк. Успели к обеду и людей накормили. Потом, до завтра, опять угнетающий всех режим ожидания. Владимир, Виталий смеются над нами. Нас не ждали, и мы вновь вынуждены искать свободные кровати, где можно будет сегодня переспать. Только я остался на прежнем месте, рядом с Калепкой. А кому-то из моих товарищей за всё время пришлось трижды менять своё место.

Воспользовавшись свободным временем, после обеда и недолгого отдыха пошёл искать Новикова, начальника связи. Надо ведь сделать задуманное: организовать перезапись тех одесских песен, которые слушает сейчас весь Афганистан. Естественно, записать столько, сколько уложится в одну аудиокассету. Спокойно разобрался на сей раз в палатках и нашёл Новикова быстро. Тут же приготовили два японских магнитофона и записали полностью кассету в режиме стерео. Ещё был материал, который страшно понравился, и хотелось бы взять его, но плёнки у меня другой уже не было. Эта кассета до сих пор у меня в порядке и у моих гостей очень популярна. Это наглядный образец хорошего качества зарубежного изделия, редкого по тому времени в Союзе, – кассеты фирмы «Сони». Ну а наши неудачи с вылетом повлияли на коллектив. Помнится, уже раньше мы переживали и говорили о плохой подаче сварки. И уже тогда началось нытьё товарища Пережогина, резкие разговоры между нами. Опять даже ставил ультиматум о выходных днях. А сейчас как раз подвернулись выходные – пользуйся. Теперь его бурчание, и за компанию Алексея, по поводу нашего вылета в Шинданд. Фёдор и Георгий – ребята попроще и ведут себя без выкрутасов. Они, правда, и не начальники, что объясняет их спокойное отношение к сложившейся обстановке. Но нам-то, как бы то ни было, кровь из носа – надо вылетать. Сижу опять на телефоне то с Князевым, то с Мичалиным. Заверяют, что завтра борт будет обязательно и даже будет кто-то на аэродроме из штаба армии выталкивать меня из Кабула. Это тоже результат моего активного давления. Вечером команда получена на готовность на завтра и также на ранний выезд.

12

22 июня. Что получится в этот день? Опять, в который уж раз, подъём в 4 часа 45 минут утра. Но теперь уже не санитарка, а ГАЗ-63 стоит в готовности у ворот, а для людей командир полка дал свой командирский УАЗ. Снова через весь город предстоит поездка на аэродром. Вообще-то, даже полк замучился с этой моей командировкой, но терпит. Наконец-то на стоянке борт есть: АН-12. Борт целевой – в интересах нашей бронетанковой службы и для нас, естественно. Но и к посадке чужого народу стремится много: местные командировочные и даже из Союза. Все просятся

на борт. Пока мы загружали и размещали имущество, пассажирский герметизированный салон этой публикой уже был занят. Нам же, хозяевам самолёта, пришлось усаживаться в транспортное отделение. По своей неопытности мы этому моменту не придали никакого значения и со многими другими офицерами, солдатами разместились по боковым скамейкам. Если бы Евдокимов хоть предупредил раньше, намекнул, что этот борт наш. Но нет – не сказал. Иначе был бы у нас приоритет в занятии салона. О последствиях такого прокола узнали мы только потом в воздухе и после посадки в Шинданде, когда, измученные из-за полёта на высоте 6 тысяч 100 метров без кислорода над вершинами Гиндукуша с востока страны на запад, вылезли из самолёта. Наверху, через 15 минут полёта, без кислорода все сначала дружно примолкли, а потом автоматически погрузились в сонливое состояние. Один Пережогин из всех сидящих в салоне посчитал это какой-то усталостью и принялся усердно заниматься гимнастикой в тесном проходе. Но и он сразу притомился, так что до самой посадки весь отсек сидел притихшим. Отходить и приходить в себя стали уже только на поле аэродрома после посадки. Здесь плотная мелкая аэродромная травка, а не пыль. Встретили нас также жара, но ещё и дующий не сильно, но приятно более чем тёплый ветер. Пролетели полтора часа в воздухе и не заметили этого. Встретили здесь нас, наконец, нормально: команда по связи прошла. У трапа уже встречал подполковник из отдела вооружения 5-й МСД, куда мы прибыли. К сожалению, и он хорошо не запомнился, хотя много нам помогал в дальнейших делах. Даже помню, что в одном из разговоров выяснилось, будто он брат одного из знакомых офицеров нашего института. А это, естественно, общая тема и определённый контакт. Но главное для меня в том, что он оказался толковым парнем и хорошо помог в устройстве, а потом и при отлёте. Так как борт был наш, то подполковник разгружал ещё и бронетанковый груз для себя. Поэтому мы некоторое время ожидали на травке, до полной перегрузки его в машины. Пока ожидали, я высказал свои претензии лётчику за то, что уморил в полёте нас – своих личных пассажиров. Претензии, конечно, беззлобные, между делом. Поэтому посмеялись мы только дружески, но и он сожалел, что не предупредили его раньше, перед отлётом. Тогда бы он распорядился и мы бы в полёте не страдали. Ну а наш хозяин повёз нас в мотострелковый полк, если память не изменяет, в 329-й гвардейский, что стоял раньше в Кушке. Это был один из двух полков, размещённых в этой местности на западе страны. Но работать мы будем только в нём. В городок нас почему-то сразу не допустили. Что-то выясняли и уточняли. Разгрузились около пропускного пункта парка и минут 20 ждали решения непонятно каких вопросов. Наконец, что-то решили, и мы со своими вещами пешком пошли через весь городок к сборно-щитовому модулю. А машина с ящиками прошла в парк к месту размещения роты

связи, где будем работать, и там, без нас, её разгрузили. В этом городке, как я успел разглядеть, расстроились уже пошире и стоят четыре одинаковых одноэтажных отштукатуренных снаружи домика. В одном из них нам выделили пустую и грязную комнату. В ней не было даже самих кроватей. Тут же сами своими руками малым количеством воды помыли пол (вода здесь, оказывается, дефицит). Солдаты поднесли кровати, матрасы, бельё, бачок для воды. До обеда более-менее устроились. Жара стоит серьёзная. Нас приглашают на обед. После 180-го полка здесь оказалось очень вкусно, и сама столовая сделана симпатично – современная «стекляшка». Столовая стоит в центре, и ходить надо мимо солдатских казарм – палаток метров этак 150. Штаб же был совсем рядом, в соседнем модуле. Это хорошо, да и парк тоже близко. Плохо другое: только к вечеру разглядели, что почти под носом стоит общественный туалет. Правда, нам жить здесь не вечно, но 10 дней – это точно. После обеда устроились окончательно, все впятером в одной этой приведённой в порядок комнате. Вечером стали появляться офицеры, живущие в модуле. Не так много их, но кое-какие комнаты заняты постоянными жильцами. Подходят, интересуются – откуда гости и зачем. Даже стали приглашать к себе в комнаты к столу и поговорить. Им это свет в местной жизни, да и было что нам рассказать. За эти несколько дней даже подружились с некоторыми офицерами, но это получилось потом. Показали свой быт, научили бороться с жарой и другими местными трудностями. А главная трудность здесь – полчища мух и та же жара, особенно в дневное время. Жара стоит такая, что работать до примерно 4 часов очень и очень трудно, практически невозможно. Попросил в полку, как научили офицеры, хоть какие-нибудь занавески, блестящую плёнку, и закрыли окна. Поближе к вечеру был у командира полка. Вызвали заместителя по вооружению, начальника связи. Всё спланировали и получили полное взаимопонимание. Для нас ведь осталась в памяти плохая подготовка работ у Бричкина. Поэтому мне надо быть здесь более конкретным, требовательным и решительным, и сразу же.

Где же мы оказались? Уже на аэродроме можно было осмотреться. Шинданд – это запад страны. Город, как и Герат, стоит на огромном плато между предгорьями Гиндукуша и Ираном. Через плато с помощью Союза в своё время была проложена прямая бетонка из Кушки в Кандагар. Отличная дорога по тем условиям и единственная обеспечивающая связи и снабжение по югу и западу Афганистана. Горы здесь – отроги Гиндукуша – практически уже не видны. Рядом с дорогой прямо в поле разместились наши военные городки, в том числе и тот, в котором мы будем работать. Казармы и службы размещены тоже в палатках. Колючей проволокой обнесён только парк боевых машин. О сборно-щитовых домиках я уже немного сказал. Здесь, как и везде, воды нет. Только сплошные мухи и пыль. Воду подвозят каждый день водовозки по всем углам городка. Вот в таком мотострелковом полку мы расположились. В соседнем танковом полку работы не запланированы. В этот день, конечно, мы ещё ничего делать не будем. Как сказал уже – мы обустраивались, а после первого местного обеда, в тридцатичетырёхградусную жару, при мухах, вынуждены были, как и все в полку, кто не при службе, лечь на свои кровати: спрятаться, по сути, и отдохнуть. Но отдохнуть от трудного перелёта так и не смогли. Повалялись, покрутились и только измучились. На улице тоже несладко. С юга дует очень тёплый ветер, ровным потоком, как будто создаваемый постоянно работающим вентилятором. Тепло, как у камина. Ветерок вроде горячий, но, как ни странно, очень освежающий. И этот поток гонится круглые сутки без всякого перерыва из пустыни Регистан на север.

Штаб этой дивизии обосновался где-то севернее нас, в районе даже какого-то оазиса. Там мне придётся бывать позднее. Это прямо по дороге на север, но отсюда не просматривается. Далековато, значит, будет. Зато там есть водоём с холодной и свежей водой в арыке. Такой водой прямо, однако, здесь не пользуются. Вода очищается штатной очистительной станцией, и вот эта вода развозится по всем окружающим городкам. Только этим живут городки, от столовых до личных питьевых бачков. Такую воду здесь пьют все, и мы приняли это как должное и неизбежное

13

Наступил первый рабочий день здесь, 23 июня. Вчера обговорили всю технологию дела, и командование обещало сразу с утра обеспечить фронт работ. Утро сегодня хорошее, свежо, но тёплый ветер продолжает дуть. Умылись из бачка и на завтрак. Столовая в этом полку приятная: не палатка, как в других местах, а лёгкий домик, «стекляшка». Вроде поначалу и пища пришлась по вкусу, нормально приготовлена. Перекурив, пошли в парк. В первый раз решили пойти официальным путём, через КТП (контрольно-технический пункт). Законно, но в обход парка, и потому получается долго и нудно. Уходя из комнаты на завтрак, по совету старожилов, все окна закрыли от солнца и дверь от мух, а потом разбрызгали чуть ли не полфлакона «Дихлофоса». Посмотрим, что получится из этого совета. А в парке, хотя ещё и утро, но чувствуется, что солнце сегодня своё возьмёт. Ближе к обеду стало совсем здорово печь. Сразу организовали рабочее место. Самое деятельное участие приняли и ротный, и один его пожилой прапорщик. Он оказался очень заботливым – ну прямо отец родной. Нам удалось даже соорудить навес из брезента над кормовой частью машины. Хоть будет какая-то тень. Старшина молодец, учтя нашу пролетарскую бедность и из гостеприимства, в первый же день

достал в магазине военторга местный дефицит: один ящик воды «Боржоми». Притом, спасибо ему, за свои деньги. Это нас спасло в этот первый тяжёлый день. Наша БМП была на месте, тут же подошла и сварка. И, как ни странно, агрегат к тому же оказался исправным. Поэтому настроение у всех хорошее, для всяких там внутренних коллизий поводов ещё не могло быть. Жора опять героически варит, а мы вытаскиваем его за ноги после трёх-четырёх тычков электродом в броню. Дожили до обеда. Но уже приличная жара, и поэтому лениво плетёмся гуськом в общежитие. Сейчас пошли уже коротким путём, через обнаруженную у туалета дырку в заборе. А он, как я уже говорил, поставлен прямо рядом с нашим модулем. Надо же умыться перед едой, и для этого идём в свою комнату. С большим интересом открываем дверь, потом чуть-чуть приоткрываем уголок одеяла на окне для света. Летающих мух практически не увидели. Но, бог мой, на полу, простынях – везде лежит великое множество погибших. Всё стряхнули на пол, потом подмели и целый совок вынесли на двор. Значит, «Дихлофос» помог. Будем знать! Умываемся из бачка, воду в который мы залили ещё вчера. Жара! Обедали уже без аппетита, и, когда вернулись домой, никакого желания что-то делать уже не было. Намочили простыни, закутались в них, оставив снаружи только носы, чтобы дышать, и залегли спать. Как получится. Вот так, почти без движения, провели самое жаркое время, отбиваясь от непонятно откуда опять взявшихся мух. Так до 4 часов, и потом это обязательно вошло в наш режим на все последующие дни. В 4 часа, закрыв опять плотно дверь, пошли в парк: объект-то стоит, ждёт. Работаем в таком режиме до 6 часов. Можно бы и дольше, ведь темнеет поздно и жара спадает, но не будем выходить из распорядка: успеем и так. Тем более что и ужин ограничивает работу в вечернее время. Это же для солдат, а значит, и для нас тоже. Сегодня же надо обязательно доложить в Москву о перебазировании, устройстве и состоянии дел. Поэтому оставил ребят доделывать, а сам ушёл пораньше, чтобы отыскать здесь узел связи и успеть по московскому времени доложить до ухода Смирнова с Фрунзенской. Дозвонился, как ни странно, легко и около 6 часов доложил всё Юрию Ивановичу. Вернулся в наше общежитие – челябинцы уже на месте и усердно гоняют мух. Хорошо бы справиться и после ужина выгнать их всех, чтобы ночью можно было спокойно выспаться и не потерять работоспособность. По ходу возник вопрос жизни: когда будут привозить воду и как её заливать в наш бачок, если нас не будет в комнате в рабочее время? Завтра разберусь, тем более что приметил с торца нашего модуля вход в отдельный отсек, где, как оказалось, проживает всё командование полка. Сюда же воду подвозят в обязательном порядке. Значит, и нам будут заливать в бачок, лишь бы он был выставлен из комнаты. Вечером зашёл к ним в отсек и наладил в неофициальной обстановке отношения с начальником

штаба, а у заместителя по тылу решил выклянчить положенное нам дополнительное питание к офицерскому пайку. Ведь, если мы стоим на довольствии, значит, положено и нам. Майор не стал вникать в нетрадиционный для него вопрос и решил посопротивляться. Ну ничего, добьюсь, ради принципа, через дивизию и получим – заверил я его. Рассказал об этой своей инициативе товарищам. Они радостно одобрили, и мы зажили ожиданием тушёнки, печенья и сгущённого молока. Кстати, нам это явно не помешает. В добром таком настроении, пока был свет, сели поиграть в «кинга», ставшего, как уже отмечал, нашим основным командировочным развлечением. Вроде удачно закончили свой первый рабочий день. Выгнали, по возможности, мух, перекурили на тёплом крыльце и спать, спать.

14

Сегодня мухи нам спать дали, хотя несколько самых вредных сумело как-то пробраться в комнату. Федя с утра признался, что у него сегодня, 24-го числа, день рождения. Я его поздравил как бы от Министерства обороны, челябинцы от себя, и мы его, как именинника, нарядили гонять мух перед уходом из комнаты. По возвращении после завтрака в общежитие в комнату из-за мух, естественно, уже не заходили. Весь перекур провели за разговорами, сидя на нашем крыльце. А ветер всё дует и дует, всё такой же тёплый и ровный. Пришёл за нами старшина с солдатами, и мы дружно направились на рабочее место. Но мы уже научены и опять прошли через дыру в заборе, в проволочном ограждении. С утра уже было жарко, но заканчивать сварку по броне надо. К сожалению, здесь переодеться в рабочие комбинезоны нам не удалось. Так и хожу в брюках навыпуск, но уже галстук и фуражку оставляю дома. В этой пыли продолжаем пачкаться, и насчёт постирушки в этом гарнизоне ничего не ясно. Сварочные работы до обеда сумели закончить. Почему-то получилось быстро? Понятно, конечно, организация-то превосходная. Даже, как говорил, с подношением «Боржоми». По жаре, разморённые предельно, пошли домой. В общем коридоре поутру солдаты делали обычную влажную уборку, и в оставшейся маленькой лужице на бетонном полу собралась пить, купаться огромная чёрная, как будто со всей округи, куча этих самых мух. Страшно такое видеть. Разогнали их, умылись и пошли трапезничать. В честь рождения Фёдора после обеда работу проигнорировали, тем более что до того работали ударно. Остались отдохнуть от гнетущей жары, завёрнутые в мокрые, как всегда, простыни. А вечером спланировали отметить его день рождения. Благо нашу канистру теперь всегда возим с собой. Плохо, конечно, что приличной закуски нет. И я к вечеру пошёл вновь искать заместителя по тылу: выбивать пайки. Он решения, пе-

рестраховщик, опять не принимает. Придётся звонить в штаб дивизии, нашему куратору. Переговорил по телефону и с ним. Обещал сейчас же решить вопрос на уровне заместителя командира дивизии по тылу. Подождём!

Вечером опять все поздравления Феде. Жаль, что нет подарков. Посидели, выпили спирта. Денег для посещения магазина нет. Поэтому коекакую закуску организовали в столовой. Услышав в коридоре наше шевеление, постучался и зашёл из комнаты напротив нашей местный старожил, майор. Поздравил Федю и тоже принёс свою бутылку. Ему просто надо было выговориться. Рассказал о своей жизни и об её неустроенности в связи с командировкой на два года в Афганистан, о семейной жизни и разладах. Парень молодой и красивый, уже в большой должности. И жена, говорит, красавица и кандидат наук. Говорил об этом со слезами на глазах. Военная служба держала поначалу в Марах, а теперь вот на эти годы ещё сюда. Особенно переживает за то, что дочка не получает всего того, что он хотел. Вот такой тон, к сожалению, задал он нашему вечеру. Так и кончили этот день, погоняли мух и отошли ко сну. При всё не спадающей жаре спать, однако, приходится с закрытыми окнами.

15

Душно и мучительно. И на следующий день всё идёт по порядку. Погода ровная и одинаковая с утра до вечера. Только к полудню становится невыносимо жарко, а к вечеру, естественно, отпускает. Днём просто печёт, и этот поток воздуха при такой жаре уже почти не помогает. Заканчиваем обрабатывать первую машину и к обеду даже покрасили всё металлическое, что положено по технологии. Пускай сохнет, а с утра будем делать сборку и монтаж, электрическое подключение. Сегодня, из интереса, проделал технический эксперимент наподобие того, что делал в Кабуле. Умного ничего в этом нет, но для моего рассказа, как факт, это просто очень и очень любопытно. Даже как бы для истории. У нас есть технический градусник в инструментарии. Вот и взял под контроль температуру окружающего воздуха. Посмотрим, каков результат в этот обычный жаркий день. Под брезентом на рабочем месте, в тени, естественно, целый день держалось 39 градусов, на солнце с наружной стороны брезента было уже 48. А вот когда вставил термометр в какую-то технологическую дырку в броне объекта, он показал аж 53. За такой металл и приходится хвататься голыми руками при работе. После обеда в самую жару опять отдыхали. Ребята ушли в парк, а я договорился с начальником штаба о том, что он заберёт меня с собой в дивизию, благо он как раз планировал поездку. Мне же там необходимо было найти племянника моего начмеда – лейтенанта и передать ему посылочку, которую вожу с собой

из самой Кубинки. В первый день прилёта я уже искал его по телефону через оперативного дежурного. Лейтенанта на месте не было, и я попросил передать ему о моём приезде. Но до сих пор от него ни звонка, ни собственного визита. Повезу колбасу сам. В 16 часов у модуля встретились, подошёл УАЗик, и быстренько по этой главной дороге западного Афганистана домчались до расположения штаба дивизии. Штаб и жилые домики стоят в одной группе под общей охраной. Рядом за забором арык с небольшим, метров в 40 по диагонали, водоёмом. Внутри уже есть зелень, ухоженные дорожки, и хорошо смотрятся аккуратные, ровно поставленные модули. Узнал у дежурного, где живёт мой лейтенант. Его опять не было. Единственный в комнате товарищ говорит, что он в командировке. Пришлось положить пакет под подушку и просить об обязательной передаче хозяину. Мне же надо, в конце концов, от упаковки освобождаться. Но надо отдать должное ему. Позднее он нашёл время и приезжал в полк специально ко мне, чтобы представиться и поблагодарить за труды. Мы поболтали немного для приличия, И я свою совесть окончательно успокоил. Я же обошёл штаб, полюбопытствовал вывешенными документами. Затем на улице: расположение служб, магазинов. Посетил официально начальника тыла, и он тут же дал в полк команду обеспечить нас положенными продуктами. Требования мои оказались правильными, а начпрод – хитрецом и непорядочным. Выходит, спасибо мне. Под вечер, к ужину, вернулись в расположение. Своих работников нашёл сидящими на крыльце и перекуривающими. Тут же, как по взмаху моей волшебной палочки, идёт боец и несёт коробку с продуктами. А там сгущённое молоко, тушёнка, рыбные консервы, печенье, сахар – у нас теперь целое богатство. Вот так быстро и отлично отреагировали в дивизии. У ребят в глазах неподдельное удивление. Можно гулять и праздновать день рождения Феди и всё что будет ещё впереди. Так говорю потому, что продуктов оказалось даже много. Это слегка после ужина мы и проделали в нашей уже уютной комнате.

В этом городке, оказывается, вечером можно даже посмотреть кино. Оборудован приличный открытый клуб с большим количеством скамеек. Скамейки капитально вкопаны и сделана небольшая сцена. Удобный получился клуб. Что в этот день смотрели – не помню, но дождались темноты и сеанс проходил под чёрным южным небом в комфортном тепле. По дороге в кино встретились с возвращающейся с «работы» группой спецназа. Оказывается, они живут в соседнем подъезде. А так как они очень рано уходят на задание и поздно приходят, то мы их раньше и не видели. А сейчас вот и посмотрели на этих мужественных ребят. Оружие, чувствуется, находится под одеждой. Вид у них был очень уставший, и они молчаливо подходили к домику. Видимо, пешком оттопали довольно много километров, решая свои оперативные задачи. Хватит о них,

у нас куча своих проблем. Завтра предстоит сборка первого объекта. А вот сегодня у нас своя проза жизни: после кино опять борьба с мухами и духота, духота при закрытых окнах. Да и соседи офицеры зашли после просмотра и пригласили меня в гости, посидеть и поговорить. Пришлось зайти в их комнату. Посмотрел их обстановку, но быстро ушёл к себе, так как было уже поздно и ребята давно уже спали.

16

26 июня. Получился немного льготный, разгрузочный день.

Спокойно до полудня собрали машину: установили аппаратуру и подключили все кабели. Включив бортсеть (электропитание), я сделал полную проверку работоспособности. Параллельно рассказывал и учил местных связистов работе на объекте. Вторая машина будет только завтра, и, естественно, после обеда у нас опять появится свободное время. Но жара, жара! Ребята просят меня, несмотря на это, организовать поездку в магазин, который мы усмотрели на аэродроме. Я пошёл теребить с этой просьбой начальника штаба. Челябинцы захотели вообще посмотреть округу, а может быть, и купить что-либо.

Командир выделил для нас бортовой открытый ЗИЛ-164 и прапорщика. В самый солнцепёк после обеда договорились встретиться у ворот парка, что мы организованно и проделали. Но из-за неисправности машины сразу выехать не удалось. Просидели некоторое время в этом пекле на улице в ожидании ремонта. Наконец выехали и через восемь-десять километров, за штабом дивизии, который проехали мимо, оказались в афганском военном городке при аэродроме. Здесь же увидели несколько нормальных кирпичных зданий: в одном из них размещена у афганских лётчиков казарма. Тут же устроен и маленький магазинчик. Ребята в магазин, а я один из всех проявил любопытство и зашёл посмотреть казарму. Как ни странно, интерьер казармы вполне современный и даже, как у нас, оборудован наглядной политической агитацией. Но магазин в этот день, к нашему несчастью, был закрыт, и это сразу всех ввело в уныние. Ведь нам нужен магазин, а не экскурсия. Свободное время получилось, как мы понимаем, возможно, в первый и последний раз. Но отступать никак нельзя. Прапорщик предлагает отъехать дальше, ещё на 15 километров, в какую-то действующую мечеть. Там, говорит, тоже есть магазинчик. Решили рискнуть: едем, хотя уже подпирает фактор времени. И вот поехали чёрт знает куда. Даже по времени, потом показалось, что далековато. Солнце уже ложится к горизонту, жара стихает. В кузове хорошо: обдувает ветерком. Степь слева, справа, но справа вдалеке хорошо видны отроги Гиндукуша. Дорога пустая, вокруг в степи ни одного строения, какого-либо сарая, и наша машина одна-единственная. У меня это настроения не поднимало. Впору уже возвращаться, а мы всё ещё едем вперёд. И вдруг впереди, наконец, появился на фоне неба голубой минарет мечети, нашей сегодняшней мечты. В прозрачном воздухе этот нежный бело-голубой цвет минарета так красиво смотрелся, особенно при нашем постепенном приближении. Это впечатляющее зрелище длилось долго, так как мечеть возникла ещё издалека. Вот в степи так и стоит комплекс построек мечети с возвышающимся надо всем этим высоким минаретом. И ещё раз хочу отметить эту красоту – всё бело-нежно-голубого цвета. Приехали, наконец, и нам повезло. Внутри мечети всего одна небольшая, вся в камне площадь. В маленьком-маленьком помещении устроен магазин предметов первой необходимости. И он работал.

Совершенно пусто и на площади, и в магазине. За прилавком всего один продавец – хозяин. Где народ? Кого он обслуживает? Вокруг не видно ну никаких жилых построек. Интересно просто. Федя сразу пытался что-то присмотреть себе, кажется, дефицитные тогда у нас джинсы. Я лично ничего заранее покупать себе не планировал. И сейчас не помню, купил ли кто-нибудь из ребят что-либо себе. Лишь помню только, что Пережогин прицеливался к мятому кожаному пиджаку, крику тогдашней моды. Но даже в такой глуши оказалось не по нашему карману. Реально было только то, что прокатились. А теперь вот и ехать надо скорее обратно в часть – у меня уже появилось чувство беспокойства, так как до дома далековато, а солнце всё ниже и ниже. По дороге домой прямо у той же казармы наша машина опять сломалась. Крутили, вертели – все давали хорошие, как всегда в таких случаях бывает, советы, но запустить машину так и не смогли. Уже почти вечер, у меня, естественно, беспокойство прежде всего за своих людей и за их безопасность, в конце концов. Пешком ещё не дойдёшь, далеко, и оставаться на ночь никак нельзя. Что делать? Но повезло нам. Неожиданно подъезжает бортовой ЗИЛ-130, вповалку заполненный на борту солдатами. В кабине лейтенант-строитель. Прошу нас забрать и подвезти. Оказалось, что нам по пути. А прапорщика, с его согласия, бросаю с машиной: он опытный, разберётся с неисправностью и доедет самостоятельно. Сажаю свой профсоюз среди солдат, сам тоже там примостился у борта, и поехали, как сказал лейтенант, сначала в штаб дивизии, а уж потом будем проезжать мимо нашего перекрёстка в гарнизон и он нас высадит. Отлично! Так всё у нас и получилось. Сначала побывали в дивизии, где лейтенант быстро согласовал свои служебные и производственные дела. И уже под самые сумерки выехали в сторону полка. Я попытался уговорить его подвезти нас прямо к городку. Но не получилось, и высадил нас на перекрёстке. Он ведь сам торопился попасть домой до темноты куда-то дальше на юг по этой бетонке. Мы же теперь неорганизованным строем по пыльной дороге метров 300 идём до нашего общежития. Но настроение ничего, весёлое: всё-

таки сегодня как-то разнообразили свою жизнь. Хотя я напереживался и все здорово устали, но прогулка получилась. А под такое настроение и дома у нас всё было: паёк был, содержимое в канистре тоже ещё не перевелось. Впечатлений хватило на долгий разговор до самой ночи. Уставшие, после ужина мы мечтали только об отдыхе и, придя в комнату, сразу же залегли на кровати и разговоры вели уже лёжа. Можно, а кстати, и нужно, почитать что-нибудь, пока горит свет. Хочу немножко рассказать о нашей информированности и способах получения информации здесь, в Афганистане. Моя «Селга» принимает только одну станцию – Москву – и слабенько. А сегодня вообще сели батарейки, несмотря на то, что питание ещё дома усилил, привязав снаружи две батарейки КБЛ. Это была наша информация. По линии части тоже неплохо: газеты поступают в гарнизон очень и очень чётко, регулярно, день в день, как в Москве. «Красная звезда», «Правда», окружная газета уже всегда к обеду были в руках. Однако общей же радиотрансляции в палатках не было. А ведь нужно и можно это было бы сделать. Остальное в укладе жизни всё было однообразно, шло, как по заведённому кругу. Комната, столовая, парк и вновь то же самое.

17

Следующие дни прошли в активной работе на второй машине. За три дня её успешно переделали. Вот и дошёл в своих воспоминаниях до такого состояния, что события и дела нескольких дней стали умещаться в примерно пять-семь строчек в тетрадочке. В принципе, мне это не особо нравится. Но и поделать ничего не могу, потому что, действительно, больше ничего выдающегося пока не происходит. С испытанием объекта здесь ничего не вышло, так как дозвониться до Кабула ни разу не удалось. В связи с этим заинструктировал начальника связи на будущую комплексную проверку. Чтобы он был сам готов и все операции делал правильно. «Сервис» в обеспечении работы закончился. Воды больше не было в магазине, да и кто ещё захочет платить свои кровные деньги. Но при такой жаре пить неизбежно всегда тянет и даже просто необходимо. На рабочем месте обязательно надо что-то иметь. Подсказали мне, что в 24-м танковом полку командир в целях борьбы с дизентерией принял простое и деловое решение. У столовой поставил для личного состава баки с чаем. В обязательном порядке подходи, наливай во фляжку и отправляйся на своё рабочее место или на задание. Это узаконено приказом командира полка, и все обязаны это исполнять. Я тоже в эти дни с чайником стал направлять кого-нибудь за чаем. До обеда мы всегда были с водой. Но и работу пора заканчивать, а мне ещё опять организовывать отлёт. Имущества у нас мало. Всё раздали по частям, всё запланированное сделали. Остался ящик с инструментарием и свои личные вещи. Практически налегке мы готовы были возвращаться в Кабул, а там и для челябинцев сразу вставал вопрос об отправке в Союз. Но мы пока ещё здесь, в жаре, в мухах и, что казалось невероятным, – даже без бани. Действительно, если я раньше говорил с удовольствием о бане в других гарнизонах, то здесь сказать абсолютно нечего. Полк как полк, а бани нет. Объясняют тем, что сделаны по батальонам, ротам душевые колонки для офицеров. Всё за счёт воды, нагретой солнцем в баках. Вот пришлось искать такой душ, и по наводкам нашёл в первом батальоне. Комбат хорошо и дружелюбно принял мою команду и дал помыться. Отмывались впервые за столько жарких дней. А потом он организовал нам послебанный чай. Посидели за чаем, поговорили, а тут подоспел и ужин. Питание в полку также не совсем: среднее по вкусу. Вообще на наш приезд, слава богу, пришлась размеренная, без всяких событий, приездов и выездов жизнь. Только слышали разные байки, рассказы о прошедших делах и, как это ни плохо, даже о некоторых чрезвычайных происшествиях. Передавать это на страницах не буду – такое происходило не с нами непосредственно, не при нас, а в моём пересказе, естественно, могут быть неточности. Поэтому лучше не надо, незачем передавать неприятное, тоскливое. А вот в полку уже есть свой Герой Советского Союза и много военнослужащих, награждённых боевыми орденами и медалями. О Герое сделан большой стенд на территории. А для отражения славных дел полка политработниками организована отдельная палатка – Ленинская комната. Молодцы! В палатке размещены наглядные агитационные материалах о делах полка на хорошо выполненных стендах. При нас как раз поступило в полк молодое пополнение. Смотрю на строй – одни узбеки, туркмены. Поставлены в строй и привыкают жить в коллективе. На это важное дело работает и такая Ленинская комната.

Сегодня же удалось дозвониться до Кабула и поставить Князева в известность о том, что планирую скоро вылетать. Получаю добро, а это значит: надо начинать терзать местное дивизионное руководство, которое регулирует полётное движение по аэродрому Шинданд. Планирую вылет на 29 июня, и мы сами уже практически готовы к этому. Профсоюз отдыхает, а я пишу технические акты на сделанные работы и общаюсь с различным начальством. Работы уже нет, и от безделья челябинцы начинают снова высказывать своё мнение по давно решённым вопросам. Недовольны тем, что в Кабуле у них совсем времени для устройства личных дел после получения оставшихся в финчасти чеков. В этом они правы, но забывают тут же, что главное дело, из-за которого мы тут страдаем, сделано чётко и своевременно. Это ведь главное, и я в этом стараюсь их убедить. Тем более что такой порядок установил генерал Журавель. В то время такие частные неудобства так ясно не вырисовывались, правда,

и мы могли бы об этом подумать. А на деле с утра следующего дня, спасибо дали позавтракать, уже потребовался срочный выезд на аэродром. Из штаба дивизии для нас об этом поступило распоряжение. Сказано: будет пролётом борт из Москвы, целый ТУ-134. Действительно, пока ехали вокруг, объезжая посадочную полосу, на неё очень красиво садился серебристый лайнер. Сразу про себя подумалось: всё совпадает, всё так, как говорили в дивизии. Значит, будет полный порядок и мы улетим без всяких сомнений, как я тут же подумал. Приехали на аэродром. На взлётной полосе самолёта уже не было. Машину отогнали на самый конец полосы, и мне пришлось своим ходом долго добираться до красавца. Ведь известно, что аэродромные масштабы всегда большие. Экипаж оказался ещё на месте. Отходил от долгого полёта, сидя в полной отрешённости в салоне. Ребята приходили в себя. У меня те же вопросы: когда в Кабул и возьмут ли мою команду? Командир же сразу ошарашил, сказав, что борт этот личный маршала авиации П. С. Кутахова. Когда полетят дальше – одному богу известно, а именно Павлу Степановичу. Да и брать на борт посторонних не имеют права. Я их понимаю и поэтому возвращаюсь, естественно пешком, в диспетчерскую, где выясняется, что другого ничего сегодня не будет. Надо ехать домой. Вновь размещаться нам в уже родной комнате и ждать очередной команды. А ведь так можно просидеть долгое время в ожидании случайного самолёта. Это, конечно, не дело для нас, у которых не служба, а конкретная работа и сроки. Одно утешает – что всё сделано и за нами в Кабуле долгов нет. У нас же опять и, естественно, поневоле отдых. Полнейшая бездеятельность до следующего утра. Утром, говорят, опять будет борт. Всё это предположения, и никакой уверенности и точности. Принимаю самостоятельно решение и, упреждая возможные вводные, всем колхозом снимаюсь и еду на аэродром. Действительно, стоит живой, «под парами» АН-12-й. Откуда такой? Пошёл немедленно разбираться. В диспетчерской полно народа. Выясняется, что самолёт опять не наш – работает в интересах армии Афганистана. Везут в Кабульский госпиталь тяжело раненных бойцов, человек 15, и что-то под самую завязку мобилизованных в армию. Вероятность нашего отлёта, да ещё с ящиком, почти нулевая. Ответ один – загрузим афганцев, а там, если места останутся, то милостиво подсадят кого-нибудь из советских офицеров. В это время подъехали три полных автобуса с афганцами. В первую очередь по крутому штатному трапу через переднюю дверь стали загружать раненых. Многие из них сами двигаться не могли. На руках в муках вносили их через узкую дверь в салон. Особенно плохо было одному страшно обожжённому. И мы всё это с волнением наблюдали. Затем из толпы по какому-то списку стали пропускать афганских гражданских лиц: делегацию партийных и комсомольских работников. И уж только потом по задней аппарели из автобусов потянулись на посадку будущие воины. Нам в самолёт явно не удастся загрузиться. Лишь пять-шесть наших офицеров при личной энергичной настойчивости штурмом по переднему трапу пробрались в самолёт. А когда трап убрали, сбросив с него в последний момент пару офицеров, и винты закрутились, один смелый лейтенант уцепился за кромку люка и повис на ней. Это был последний счастливчик – его из салона за руки втянули внутрь и назад, конечно, выбрасывать не стали. Такой героизм должен поощряться, и он улетел. Всё! Борт перегружен, но нормально пошёл на взлёт. А нам опять домой, ждать следующего дня. Вот эпопея! Опять безделье по распорядку дня. Даже карты в руках не держатся. Вечером, однако, приглашают меня через посыльного к начальнику штаба полка. Приходится одеваться по форме и идти. Опять есть сообщение. Нам распоряжением из дивизии предлагалось завтра к 6 часам утра вновь быть на аэродроме. Это уже в третий-то раз. Будет специальный борт, и мою команду приказано взять. Указание твёрдое, надежда реальная. Можно спокойно ложиться спать. Дневального, конечно, предупредил, чтобы в 5 часов нас поднял.

Утро. Встали точно. Наступило уже 30 июня. Консервами, которых у нас много, и чаем быстро перекусили. Подошла машина, и по свежему воздуху в это солнечное, ясное утро приехали на аэродром. Но не на взлётную полосу, как раньше, а на специальную сборную площадку. Оказывается, что есть и такое место. Уже собралось большое количество старших офицеров. Мне не совсем понятно: что-то очень подозрительный состав сбора. Узнаю втихаря у людей, что всё командование и начальники служб управления 5-й МСД во главе с самим комдивом летят в Кабул на армейское совещание, а может быть, на партийный актив. Появился тут же УАЗ с командиром дивизии. Поздоровался со всеми общим приветствием. Молодой полковник, фамилию которого так и не узнал или сейчас не помню. Пошутил с офицерами на предмет возможно забытых галстуков: здесь разболтались, а сейчас летим-то, говорит, в парадные коридоры дворца, к большому начальству. Все, кто был тут, загрузились в самолёт и сели по боковым лавкам в фюзеляже. Борт оказался транспортным, без герметизации. Нас это немного сразу заволновало: помним предыдущий перелёт. Но бог с ним, мы-то уже привычны, налетались. Полетели, но не на Кабул, а, как оказалось, на юг, в Кандагар. Летели в самое пекло, в самое жаркое место Афганистана, на границу знаменитой пустыни смерти – Регистан. Оказывается, этим рейсом надо было забрать и отсюда командование местной бригады на то же совещание. В итоге в одном салоне самолёта в небе воюющей страны вместе оказались два оперативных руководства наших войск: Западное и Южное. И я с ребятами между ними. Умно, конечно, получилось, но экономия, видимо, важнее, чем безопасность. Пока ожидали местного командира, самолёт стоял прямо перед знаменитым своей архитектурой зданием аэропор-

та. Двери самолёта открыли, но мало кто решился выйти в пекло. Я, правда, по своей любознательности вышел на пять минут оглядеться вокруг, чтоб потом мог сказать, что и тут я бывал, стоял на далёкой земле. Было ощущение сильной сухой жары, очень обжигающей. Даже в салоне было свежее, хотя и постоял самолёт некоторое время на земле. Тут же нас предупредили о скором вылете. Действительно, подъехали офицеры и тоже разместились на борту. Собрались все, судя по разговорам и репликам. Вот-вот будет команда на взлёт. Даже задраили дверь. Так как из Шинданда вылетали очень рано и многие не кушали, то тыловики дивизии по долгу своих обязанностей организовали на борту лёгкий завтрак из взятых со склада продуктов. Мы поблагодарили начальника тыла за приглашение и воздержались. До поры до времени все сидели спокойно. Но становилось совсем жарко уже в самом салоне. Даже те, кто раньше здорово шумел и балагурил, приутихли. Ко всему прочему запустили двигатели, и вот мы уже полагали, что полетели. И наверху всё с нашим микроклиматом образуется. Но время потихоньку идёт, винты крутят, но борт на том же месте Непонятно! Стало настолько жарко, что некоторые офицеры стали молчком раздеваться. Но моторы молотят уже 30 минут, а мы всё стоим. Люди, уже почти не контролируя себя, приуныли совсем. А мы-то раньше надеялись, что быстро взлетим и на высоте в полёте всё выдует и будет прохладно. Наконец через 30 минут самолёт задвигался и наш АН-12-й пошёл на стартовый конец полосы. Форсаж двигателей и плавный взлёт прямо на север в сторону гор. Но что-то случилось с самолётом. Вдруг крутой наклон влево, небольшая дуга и с ходу прямо по курсу делаем посадку навстречу нашему взлёту и своим ходом катим к концу, или, вернее, началу, взлётной полосы. У всех недоумение, даже у командиров. В чём дело? Видим в иллюминаторе, как параллельно с нами мчится по бетонке УАЗ. И, пока мы в конце полосы разворачиваемся на месте, подъезжает чуть ли не под хвост, к аппарели. Пилот открыл закрылки сзади, но саму аппарель опускать не стал. А это будет довольно высоко. Снизу к нам полетели сначала чемоданы и фуражки, а потом появились чьи-то руки, уцепившиеся за жёсткий край фюзеляжа. Кто-то догадался подхватить эти руки, и в салон подтянули подполковника и прапорщика. Тут же в самолёте всё закрылось, и опять делаем взлёт по той же прямой в обратном направлении. Теперь-то уж точно полетим на Кабул. Вот и думаешь тут после такого, что для голубых фуражек все перевозки воздухом, как на такси в Москве, и лётчики, как таксисты, сами себе хозяева в небе и делают что хотят. Даже пренебрегая армейской субординацией. Мы, оказывается, их и ждали полчаса и только из-за них вернулись на аэродром и сожгли столько керосина. Даже высокое командование в самолёте не помешало этой задержке. Я думаю, что с ними и не посоветовались. Но, как бы то ни было, летим. Высота опять большая

и снова все притихли без кислорода. Стало свежо, и даже очень. После жары Кандагара на борту уже отлично. И так до Кабула полтора часа лёта над горами. Красивое зрелище предстало перед нами, этот величавый Гиндукуш. В Кабуле, однако, тоже жарко. Сам город, глядя с аэродрома, весь в какой-то дымке. Почему-то с этого момента память напрочь отказала во всех мелочах, что происходило с нами после прилёта. Странно, и почему так? Кто забирал нас с аэродрома, куда повезли: то ли в рембат, то ли в «Тёплый стан»? Скорее всего, разгрузили своё имущество в рембате, потому что там надо было разбираться с остатками, которые лежали в землянке на складе. И самым убедительным подтверждением этому было то, что командира – Гребнева Виктора Алексеевича – уже не было в части. Пока мы были в Шинданде, он по замене вернулся к себе в Ташкент и пошёл с повышением – прямо в Управление вооружения округа. Новый командир ещё не прибыл на место. Командовал замполит. Хотя на сей раз также разместились по палаткам, но уже сразу основательно, то есть более комфортабельно. По традиции, в батальоне квас продолжают делать, и я попросил сразу принести графинчик. С удовольствием утоляем жажду вкусным квасом после такого жаркого перелёта.

18

Командировка для моих челябинцев на этом заканчивается. На днях, минимум послезавтра, надо обеспечивать им вылет. Я же останусь здесь в гордом одиночестве для организации и проведения испытаний всего того, что мы наделали. Для всех нас сейчас стоит на первом плане задача уехать в штаб армии и получить оставшиеся денежки. Затем отоварить их в городских дуканах, кому захочется. А потом для челябинцев ожидать команду на вылет. После этого я, в конце концов, точно останусь один, сам себе командиром. Этот день до конца провели в батальоне за сортировкой и переборкой имущества. Что-то из инструментария, самого ценного и отчётного, обязательно надо взять назад. Все же расходные материалы оставить местным ремонтникам для пользы дела. Но уж свою канистру Пережогин намертво держал в руках. А потом сделали отдых за весь такой ранний и бурный день.

Уже 1 июля. Вот время летит! Дали машину, и уехали в штаб к финансистам. Денег же опять сразу получить не удалось. Даже пришлось в глубоком тылу гарнизона, где-то в предгорьях, поискать финансовую службу. Туда шагать надо было метров 400 по этой мучной пыли за какой-то разрешающей подписью. Но вот, наконец, челябинцы получили свои кровные, честно заработанные чеки, а я ничего, так как ещё остаюсь со своей работой, и мой расчёт будет в конце моего пребывания. Использовал время для дела: был в батальоне связи местного полка, который будет

выделять технику для испытаний, затем в Управлении связи. Заместитель начальника связи армии, подполковник, разрешил мне разместиться в модуле в комнате своих связистов. Сейчас я уже к танкистам не пошёл: другие совсем теперь у меня дела и другие начальники. Матвеев лично сразу отвёл меня для определения места и знакомства. В комнате стоят вплотную порядка 12 армейских кроватей и тумбочек, два шкафа и два стола на всех. По-военному скудно, но минимум боевой есть. Это всё для 12 старших офицеров – связистов штаба 40-й армии, части высшего руководства Ограниченного контингента Советской Армии. Одно окно на всю комнату, одна лампочка по центру и все удобства общие в конце коридора. Вот отправлю челябинцев и сразу переберусь сюда. Рембат мне уже не нужен, а испытания по связи буду проводить отсюда, из парка батальона связи. Сегодня интересов у ребят здесь уже нет, я тоже вроде всё согласовал, и этой же санитарной машиной тронулись в рембат. Деньги у ребят появились, и, естественно, по дороге стали заглядывать в палатки и дуканы. Из всех нас только один Федя решился сделать покупку. В каком-то задрипанном и грязном ларьке выбрал и купил модный в те времена чёрный дипломат с алюминиевой окантовкой. Остальные на покупку не решились, приберегая деньги для специального выезда. Пережогин подталкивает уже меня скорее обратиться к командиру и попросить машину, так как ему самому командир, перестраховываясь, отказал. Пошёл лично просить, ведь ребятам всё же надо съездить за покупками. Командир дал добро на следующий день после обеда. До обеда опять продолжали разбираться с имуществом. Много чего оставили в наследство в рембате, например: очень ценные всегда броневые электроды и асбестовые кошмы. Мне в качестве презента была выделена ножовка по металлу. Как я уже успел отметить, за канистру Пережогин крепко держался и, несмотря на мои попытки уговорить, категорически отказался мне подарить, оценивая её как изделие авторского исполнения. Можно с ним согласиться.

19

Дождались обеда и после него получили машину для поездки. Мне эта поездка не нужна, но любопытство есть любопытство, и я, конечно, тоже был в машине. В этот раз всё на той же санитарке где мы только не были в городе. Застревали в узких торговых улочках, но побывали и в нашем Советском микрорайоне, в наших магазинах. Один раз где-то на окраине стало даже страшновато, «мягко говоря». Окраинная улица с широкими пустыми придорожными территориями. Чуть подальше глинобитные домики за дувалами беднейших жителей. А у дороги торговые палатки-«стекляшки», ну как наши газетные киоски. И также с пёстрыми журна-

лами, жвачками и всякой мелочёвкой для жителей и афганских пацанов. Водитель с кем-то из моих ребят тоже подошёл посмотреть к одной палатке. Тут же появилась, ну прямо налетела откуда-то, приличная группа мальчишек и с весёлыми обращениями, попытками поговорить и просить «бакшиш» плотно окружила их. Окружила так, что ребят даже не стало видно в толпе. Закралась мысль: как бы чего не случилось плохого. В такой тесноте могут и специально ножик сунуть в спину. Из-за таких мыслей сам не выдержал, вылез из машины и ринулся в эту кучу-малу, вытягивая ребят оттуда, буквально приказывая немедленно сесть в машину и всем подобру-поздорову убираться с этой далёкой улицы. В итоге по возможности всё купили, деньги растратили, и к тому же уже стало темнеть. После этой палатки сразу поехали домой и уже при всех включённых фарах и прожекторе въехали в расположение. У собственного шлагбаума у ворот, как всегда, тоже крутится куча мальчишек, но уже свои и стая поменьше. Через них надо тоже продираться. Желание своё челябинцы выполнили, и я исполнил свой долг начальника – помог им это сделать. Пока упаковывались, стали делиться впечатлениями от такой экзотической поездки, хвалиться товарами и более внимательно рассматривать их. По принципу – что же понакупали второпях?

Вечером по радио требует Евдокимов. Иду к радиостанции на связь. Он объявляет на завтра готовность номер один челябинской бригаде для отлёта. Отправка поручена ему. Возвращаясь, радую этим сообщением и прошу собраться и быть завтра в полной готовности.

Ночью в палатке, в которой я пристроился, произошла неожиданная встреча и интересный разговор. Один чужой офицер вдруг вошёл в палатку и спросил о знакомом друге. Ему ответили, что тот в командировке, а для того, чтобы ему отдохнуть, предложили свободную кровать. Это был старший лейтенант из проходящей с юга через Кабул автомобильной колонны. Колонна остановилась где-то неподалёку прямо на трассе на ночлег, а он подъехал навестить друга и заодно уютно переспать. Колонна у них состоит из бензовозов-наливников. Этот батальон, эти ребята мотаются по всему Восточному Афганистану, вечно в дороге, в опасности и под обстрелом. Вообще, как сказали, это самые знаменитые ребята в Афганистане. Долго ещё в потёмках (я его так и не увидел) рассказывал о боевых историях их батальона сопровождения. Такие вот колонны успевают по два раза в месяц с постоянными трудностями, часто с боями и прочими мелкими приключениями обернуться по стране, пересекая каждый раз высокогорный перевал Саланг. Рассказывал много, и всё это на слух было очень интересно. Вот и печальное вынес из его рассказов: он остался пока единственным в живых и даже без ранения из первого офицерского состава этой роты. Утром рано ушёл к своей колонне, и я его, как уже сказал, так и не увидел. Хотелось всё-таки пожать ему руку. Ноч-

ные дорожные встречи – ну прямо как из рассказов классиков. Мои челябинцы жили все вместе в другой палатке и ничего этого не слышали, естественно. У них были темы свои, свои разговоры. Подобное случалось у нас практически во всех гарнизонах, где мы бывали и ночевали за всю командировку.

20

30 июня. День их отлёта. Подполковник Евдокимов дал нам нормальное время готовности: после завтрака. Собирались вполне спокойно. Погода стоит отличная. И сегодня, по всему, будет очень жарко. Как сказал, без суеты, хорошо позавтракав, взяли вещи и к машине. Попрощались с отзывчивыми офицерами рембата, которые захотели подойти попрощаться, и поехали в последний раз через город на аэродром. У коменданта, как всегда, столпотворение на Союз: и солдат много, и офицеров. Некоторые уже сидят под навесом не первые сутки. Стоит Ил-76, с помощью Евдокимова челябинцы получили места и быстро загрузились, вне очереди, в салон. Тепло попрощались, сказав друг другу, чтоб не поминали того, что было плохого за это время в работе между нами. С богом! Удачного им полёта! Полетели, чтобы через полтора часа в Ташкенте самим начинать устраивать свою жизнь до отъезда в Челябинск, уже без меня. Дал им, конечно, все телефоны ташкентского начальства. Проводил их взглядом до тех пор, пока самолёт не скрылся за горами. С Евдокимовым поехали домой, теперь уже прямо в «Тёплый стан» Место у меня уже было забито, и я сразу с чемоданом направился в модуль, в свою комнату, на свою койку. К вечеру стали собираться офицеры. Несколько кроватей пустовало. Ребята, а здесь их представили геройскими, были сейчас где-то в деле. Остальные мне уже знакомы. Все тут уже обжились, у каждого сложилось своё небольшое индивидуальное хозяйство. У Матвеева, например, под кроватью стоит фанерный ящик со «Столичными» сигаретами. Учтя мою бедность, допустил меня к этому «складу» и разрешил им пользоваться при необходимости. Естественно, я скромно не отказался от предложения и делал регулярно это в дальнейшем без зазрения совести. Спасибо ему, конечно, и меня такая помощь здорово выручила. Ведь сигареты здесь дают на паёк, и живые чеки, соответственно, не тратились. Тем более что он сам даже не курил. Мне повезло на халяву.

Теперь все оставшиеся дни только для дела и в моём собственном распоряжении. Дел будет, конечно, много. Последовательное ежедневное описание – это уйма материала, но и довольно однообразно во всём. Чёрная работа, а не перелёты. Подъём, умывание в модуле, завтраки, обеды, ужины в общей офицерской столовой. Но это будет явным нарушением последовательности изложения событий и, естественно, пропуском чего-

нибудь интересного. Общее, что осталось неизгладимо в памяти, – это ежедневная жара за 40 градусов и без капли дождя. Облегчает существование только одно то, что Кабул стоит высоко в горах. Это даёт людям некоторую свежесть. Вот при такой жаре проводил я комплексные испытания своих машин, разбросанных по всему Афганистану, на связь. Во всех гарнизонах, где я был, в единое время выставили свои машины и развернули антенны. Сначала пришлось первые целые сутки (и днём и ночью) лично проводить сеансы связи для аналитики со стационарной радиостанции, выделенной только для меня для испытаний в батальоне. Она работала в постоянной межгарнизонной радиосети связи и стояла довольно высоко на ближайшей горке. Вот я и лазал по ней то на сеанс, то на приём пищи и кое-когда – на короткий отдых в модуль. Получил в результате таблицу качества связи со стационарными антеннами. То есть то, что уже сделано промышленностью, стоит на вооружении армии и даёт как бы нормальную рабочую картинку. Вроде – идеал для сравнения. А потом, на следующие сутки, повторил всё со штатной гусеничной машины уже с территории парка на её бортовые антенны. Этот весь мой замысел проведения эксперимента пришлось выполнять мне одному и днём и ночью. И в это время в гарнизонах экипажи, радисты были также, естественно, в постоянной готовности и напряжении. Организация дела была на высоком уровне. Сеансами, как сказал, практически занимался только я, а мой майор был занят своими делами и подходил иногда посмотреть днём. Но всё проходило довольно организованно и обращаться к генералу Иванову за помощью необходимости не было, да и было бы некорректно. Так обстояло дело, правда, несколько позже.

21

А вот на следующий день после моего переезда надо было привыкать сначала к местному туалетному ритуалу, приёму пищи в большом ангаре на весь штаб и так далее, то есть к быту. После завтрака сразу пошёл в караулку оформлять временный пропуск. Каждый день по разовому пропуску во дворец Амина не набегаешься. Караульное помещение – внизу холма у большой асфальтовой площадки, дворец – наверху. А между ними 120 ступенек временной крутой лестницы. Это очень и очень ощутимо физически. Автотранспорт забирается на верхнюю стоянку к парадному входу по дороге-петле вокруг холма. Сверху чётко виден и просматривается Кабул. Сразу побывал у Иванова и представился ему в связи с началом уже связистских испытаний. Затем зашёл к операторам, уточнил сегодняшнюю обстановку с точки зрения наличия техники в частях. Если же машины где-то задействованы в операциях, то необходимо распорядиться об их возможном возвращении. Подготовил и отправил ещё одну

кодограмму в Москву о состоянии дел и об отлёте бригады в Союз. Сижу у связистов в их общем кабинете, и целый день с майором дозваниваемся до частей, уточняя те сведения, что получили у операторов. Организуем, таким образом, день начала проведения испытаний и назначаем после всех согласований время «Ч». Для интереса могу вспомнить и символическую встречу в предбаннике командующего. Экипаж маршала Кутахова нас на борт не взял. Поэтому добирались в Кабул каждый по-своему. Кто-то с трудностями, как мы, а у кого-то всё было просто и спокойно, как положено по рангу. А вот равенство только в одном: встреча через день в одном и том же холле одинакова для всех. Во дворце живьём встретился как-то с маршалом. Опять пришла в мою голову дурная мысль. Ведь, летя в Кабул, мог бы он забрать нас с собой, если бы я тогда решился найти его и осмелился обратиться с такой просьбой? Мне, кажется, что не отказал бы, тем более представителям центрального аппарата. Долетели бы быстрее одним бортом и гораздо раньше приступили к выполнению задания.

В этот день пришлось пообедать в главной столовой гарнизона, во дворце. Небольшой зальчик на пять-шесть четырёхместных столиков. Уютно, чисто и гораздо вкуснее, чем в ангаре. Однако отдохнуть после обеда здесь негде. Ведь в комнату в общежитие не пойдёшь – далеко. Так вот и передохнул немного, сидя на стуле в кабинете. Часа в 2 дня пронёсся очередной «афганец». Интереснейшее зрелище сверху из дворца! Город уже не виден и закрыт сплошным коричневым слоем пыли поверх ближайших всех городских домов. Минут через 30 это кончилось, пыль села и опять открылась чёткая, ясная панорама города, вернее, ближайшей внизу глинобитной части его. Крупных зданий в этой правительственной части города нет. Сам центр города далеко за горой и не виден отсюда, из окна третьего этажа. Вот появился и генерал Иванов. Повозмущался, побурчал насчёт этого «афганца», в который только что попал по дороге сюда. С большой долей беспокойства, но и иронии рассказал, между прочим, о только что виденной им в бригаде десантников захваченной где-то в качестве трофея американской «базуке». Вот и смеётся при этом – дескать, подходить к окну больше не будет, потому что такая пушка стреляет на два с половиной километра и запросто из неё можно врезать по окнам из-за ближайших дувалов. Но пока за всё время обстрела дворца не было. Дай-то бог и дальше, чтоб так было!

Доложил генералу о проведённой подготовке. Принял всё без особых замечаний, и я ещё раз получил добро и поддержку. После этого у меня дел в штабе уже не было, надо убираться домой и отдохнуть за весь трудный день. В этот день появился у меня новый знакомый, тоже связист нашего отдела, вернувшийся из командировки майор Ковалёв. С ним за эти дни сошёлся очень тесно. Во многом помог мне по своей линии. Позднее

свёл меня с офицером спецсвязи, и с его помощью я относительно свободно общался с Москвой. Наконец, добрался до кровати, где с облегчением прилёг, и до ужина можно было и отдохнуть, и почитать прессу. В комнате постоянно есть газеты или ещё что-нибудь для чтения. Рассказали мне также, что во дворце есть кинозал и регулярно, как в Домах офицеров, показывают кинофильмы. В этот вечер демонстрировался как раз какой-то очередной фильм. Имея пропуск, опять полез в гору по ступенькам. Интересно было посмотреть обстановку, в которой шахи или короли смотрели кино. Действительно, во дворце был оборудован очень комфортабельный и уютный зал. В таком виде он был и при афганских правителях. Мероприятие внутреннее, вход бесплатный и каждый раз, при свободном, естественно, времени бывает кто-либо из командования. В общем, закрытый свой зал, и тем самым давался как бы закрытый сеанс для имеющих пропуска. С удовольствием посмотрел какой-то фильм, а главное, что отдохнул в мягком кресле. Но потом в темноте по щиколотку в пыли, не видя дороги, возвращались большой группой в модули. Это теперь касалось всех, так как офицеры и служащие живут в семи одинаковых модулях. Так гуськом и шли друг за другом, чтобы не сбиться с дороги. А перед сном обязательный последний перекур. Прямо перед входом сделана удобная общая курилка со скамейками. Посидел, покуривая, с офицерами различных служб. Невольно прислушивался к их разговорам о том о сём. Получил кое-какую, но самую свежую информацию о делах в войсках армии. Собственные мысли о деле не оставляли и меня в покое. Теперь эти несколько дней будет всё однообразно, но трудно физически. Хронологию в изложении теперь соблюдать, как мне кажется, не имеет смысла. Видимо, надо вспомнить только о том, об особом, что должно характеризовать в какой-то степени нашу работу, проделанную по улучшению технических и боевых возможностей техники. В таком подходе попытаюсь вспомнить всё самое любопытное, что было со мной в последующие дни. А их, по расчёту, должно быть 12–15. Времени хватает. Дней много, а быт, хоть и в штабе армии, совсем никудышный и не облегчающий их проживание. Телевизора в модулях нет, нет и в нашем Управлении. В этом плане оказалось совсем плохо – провал в информации. И, как оказалось, только кино спасало, хотя и не каждый день оно демонстрировалось, да ещё газета «Красная звезда». За эти дни рассчитался с ещё одной мучившей меня обязанностью, задачей, постоянно висевшей надо мной. В свободное после обеда время пошёл в военную прокуратуру, чтобы наконец-то передать ещё одну посылочку сыну полковника Монахова – моего бывшего начальника и сейчас старшего товарища по работе в институте. Помещение прокуратуры оказалось буквально рядом, в одном здании с управлением тыла, но только с другого, отдельного входа. У них тоже пусто – офицеры в разъездах по гарнизонам.

Солдат-дежурный проводил меня в кабинет прокурора, как представил его – полковника Малевича. Того тоже не было, но за него выполнял обязанности майор – тоже офицер прокуратуры. Он очень сожалел, что Игоря также не было на месте. Видимо, так его и не увижу. Поэтому посылку отдал майору и просил лично передать. Как уж там у него получится – не знаю. Надеюсь, что к концу работы я зайду к ним ещё, тем более что после пятнадцатиминутного разговора и знакомства с майором по-доброму расположились друг к другу. Визит мой закончился тем, что прокурор самолично пообещал позднее, ближе к моему отъезду, дать машину и тем самым помочь съездить в город за покупками. А такая помощь многое значит в условиях Афганистана. Спасибо ему за предложение и помощь. Я такого, в принципе, даже и не мог предположить. Поблагодарил его и заверил, что обязательно обращусь в конце. Да и что мне ещё оставалось делать? При всём этом самое главное в том, что разделался с посылкой, которую вот уже полмесяца не мог передать. Так и доложил потом по приезде Монахову.

22

Пришёл и мой день работы. Сразу после завтрака с моим куратором отправились в полк связи знакомиться с командованием и получать выделенную в моё распоряжение технику: стационарную с узла связи и на бронеобъекте. А жара всё усиливается, но надо лезть в гору где-то на окраине военного городка. На склоне горы вписалась небольшая площадка, на которую сумели затащить аппаратную Р-142 для обеспечения постоянной межгарнизонной связи. Вот её-то и выделили в моё распоряжение. Посидел какое-то время у солдат-радистов, поинтересовался их навыками, послушал качество связи с различными по дальности и направлениям гарнизонами. Ещё раньше взял в штабе топографическую карту и прикинул длины радиотрасс моих испытаний. Есть, конечно, и очень длинные трассы: например, до Шинданда 700 километров, в то время как до Джалалабада на востоке – всего 125. Вот и необходимо тут ожидать различных нюансов в прохождении радиоволн и в оценке качества радиосвязи. Посмотрим, что получится при испытаниях. В этом и состоит главная задача. По записям в журнале радиста, что ведётся в аппаратной, худо-бедно в течение всех суток моего наблюдения связь была постоянно. Солдаты поработали, надо отметить, добросовестно и чётко. По крайней мере, в телеграфном режиме обмен запросами осуществлялся всегда. А вот телефонный режим надо исследовать тщательнее. Когда прихожу в аппаратную, понемногу начинаю брать инициативу на себя. Сам веду обмен и делаю по итогам протокольную запись. Вот так и просидел целых два дня и один вечер до 12-ти ночи. Информацию получил, запротоколировал,

и теперь можно организовывать работу по проверке своих модернизированных машин. Для этого отдал распоряжение протянуть служебную телефонную линию связи между парком и горой, где стояла аппаратная. В случае непрохождения связи по радио необходимо было иметь всегда работающий обходной канал. То же приказал сделать и в частях. Но там это всё проще: машины располагались рядом и достаточно было голоса для управления. Раньше расписал методику испытаний для всех, а на практике это вылилось в моё собственное одиночное дежурство в машине в течение суток, правда в строго назначенные часы суток, для обеспечения испытаний и в дневные и в ночные часы. Конечно, были и незапланированные трудности. То возникали сложности с прохождением радиоволн, то вдруг заканчивался бензин в бензоагрегате и тогда терялось время на его дозаправку. Ну а в дальнейшем принял меры, чтобы промахов с горючим у нас не случалось. А уж днём сидеть и работать в объекте, когда за бронёй 38–40 градусов, совсем невыносимо. Рубашку, конечно, снял с себя, оголился до пояса. А вот брюки мои единственные пострадали здорово. При работе в скрюченном состоянии руки неизбежно лежали на коленях и весь пот ручьём стекал на брюки, расплываясь жировыми пятнами на пропылённой материи. Жалко, как помню, было – брюки единственные, стирке, видимо, они уже не подлежат. Так у меня и получилось на самом деле: ехал потом до самой Москвы в таком затрапезном виде. Здесь-то ещё ничего, а впереди будет Ташкент, аэропорты двух столиц. Как помню, дошло до того, что, вернувшись домой, тут же без сожаления отнёс их на помойку. Но по дороге домой мне было, конечно, очень стыдно за свой внешний вид. Мы же люди военные. Это вот такие были реальные материальные потери и расходы по командировке. Ещё раз можно вспомнить и оставленную в самолёте электробритву, и подаренные афганским ребятам почти новые сапоги. Да и командировочные деньги в рублях не восполняют необходимые траты на жизнь. Это я отметил только для того, чтобы был повод дальше немного побрюзжать. На фоне наших больших дел это, конечно, мелочи, но позднее стало немного обидно, что, кроме обычных командировочных сумм по Союзу и чеков за Афганистан, никаких «премиальных» или хотя бы поощрений не было.

Такое небольшое отступление навеяла работа в такой вот жаре, исходя потом, когда проводил сеансы связи на дневных частотах. Подготовка и работа занимала много времени, так как надо было устанавливать радиосвязь с каждым своим корреспондентом отдельно и обмениваться для статистики необходимым объёмом информации. А корреспонденты у меня сидели по всей стране: в Кундузе, в Файзабаде, в Шинданде и в Джалалабаде. 180-й кабульский мотострелковый полк был рядом, под боком, и поэтому в испытаниях не участвовал. В бронеобъекте работу делал

вдвоём с сержантом – начальником радиостанции, а точнее – командиром командно-штабной машины. Сержант выполнял подготовку аппаратуры: развёртывал антенны и обеспечивал безотказную работу бензоагрегата. В ходе испытаний со всеми гарнизонами хочу с удовольствием сказать, что всегда удавалось быстро связаться и получить допустимое по требованиям руководящих документов качество связи, несмотря на различные дальности радиотрасс. Удалось моим корреспондентам даже очень чётко выполнять команду по изменению направления излучения антенн. А проще говоря, по моей команде крутили объекты на одном месте то носом, то кормой в моём направлении. Старались делать так, как и были мною проинструктированы в своё время. Работа, в целом, получилась, и вроде бы ни разу не приходилось обращаться к помощи межгарнизонного узла связи. А это, естественно, говорит о надёжной и устойчивой связи во всё время сеансов, а значит, и о подтверждении теоретического замысла нашей совместной разработки и её исполнения заводчанами. За столом на обеде как-то неожиданно наконец увиделся с моим майором. Всё-таки попытался предложить ему помочь мне и подменить на некоторое время для получения собственного мнения. Чтобы, в конце концов, у нас была объективная коллективная оценка. Ему, видимо, где-то и не хотелось втягиваться и работать по-чёрному, да и вообще некогда, как сказал, по службе. Дипломатично разрешил довести дело до конца мне одному в том же очень и очень напряжённом режиме. Прокрутили машины и обеспечивали радиосвязь, захватив ночные часы, до 23 часов с перерывом на ужин. Затем записал результаты и оформил черновик протокола. Дал по всем концам Афганистана общий отбой и со спокойной душой отправился на отдых сам.

23

Я заработался до того, что запутался в днях. Какой же пошёл день недели? Все здесь, правда, тоже особо не различают дней, работают по необходимости, а необходимость такая случается каждый день с утра до ночи и опять до утра. Но в воскресенье, чувствуется во всём, офицеры делают себе поблажку и стараются отдохнуть. Уже ведут в общежитии активные разговоры о бане. Кое-кто сумел достать спиртное, или же что-то было в запасе, и сумел слегка принять даже с утра. В штабах народу, видимо, очень мало, так как по модулю чувствуется, что многие подъём себе делают несколько позже, чтобы только-только успеть на завтрак. Да и в коридорах и около модулей, в курилке я вижу много явно не спешащих офицеров. Я тоже принял своё решение. После такой жаркой работы надо и себе организовать баньку. Мой новый местный друг от связистов майор Ковалёв по первой же моей просьбе обещал организовать

помывку и сводить в какие-то будочки, в стороне от модулей, где организована общественная гарнизонная баня. Вот после обеда, по относительно небольшой жаре, и пошли с ним. Оказывается, что это вполне прилично сделанные душевые для всего городка. В этот день, к счастью, они работали. Но необходимо было выстоять небольшую очередь. С удовольствием помылся и сделал обязательную постирушку. В очень хорошем настроении, не спеша, с Ковалёвым вернулись в модуль. В нашей комнате кое-кто из офицеров уже был. Намечалось, судя по всему, застолье в честь дня рождения и будущего ордена одного подполковника, тоже нашего связиста. Как проживающий в этой комнате и состоящий в коллективе, я был тоже приглашён к столу. Вечер, с отличной по военной обстановке выпивкой и закуской, прошёл хорошо, в боевой настоящей компании. Ведь мы даже обмывали орден Красной Звезды этого подполковника. В этот первый год войны такое награждение случалось очень и очень редко. Перекуры, по местным порядкам, делали в курилке перед модулем. Здесь, как потом убедился, до поздней ночи всегда кто-нибудь сидит и обсуждает самые животрепещущие темы. Самая свежая информация сегодня была о смерти майора-финансиста, только два дня назад прибывшего в Афганистан для дальнейшего прохождения службы. В новинку для своего организма, по такой жаре вместе с другими офицерами полез в гору в дворцовый бассейн, чтобы провести красиво выходной день. Для этого надо долго и высоко идти вверх. Вот с непривычки перегрелся на такой жаре. Стал назад спускаться – сердце не выдержало и умер на склоне. Вот так бывает. Я же до этого президентского бассейна, к сожалению, за всё время пребывания так и не добрался. Интересно, конечно, было бы посмотреть. Ведь это богатое сооружение сделано для отдыха царствующих особ. И мы туда же! Снизу, из городка, архитектура бассейна на фоне голубого неба смотрелась превосходно, ну прямо как что-то настоящее античное в воздухе. Один раз в курилке оказался и главный похоронщик в Афганистане – старший лейтенант. Заметил в разговоре, что в этот день зарегистрировал самого молодого погибшего – первого солдатика аж 1963 года рождения. Вот такие мальчики попадают сюда выполнять свой воинский долг и служат в этих сложных условиях. А ведь большинство и воюет, становясь участниками героических, а порой и трагических событий.

Ещё вспоминается один вечер: это уже происходило после окончания активной работы. Вспомнилось небольшое приключение в этой южной, азиатской экзотике, памятное для меня, как человека нового в таких условиях. Вот в этой большой комнате почему-то в тот вечер я был совсем один. Лежу поверх одеяла, читаю газету и кругом – тишина. Горит наш верхний свет в одну лампочку в 60 ватт. За открытым окном южное чёрное небо, и, как всегда, очень жарко, даже вечером. Поэтому-то окно

и открыто. И как-то совпало по времени, что я бросил невзначай взгляд на окно. И в это самое время через раму снаружи появляется сначала одна мохнатая лапа, затем другая и потом полностью вылезает на подоконник ядовитая настоящая фаланга. Ещё секунда, и она падает внутрь комнаты на пол под первую кровать. И я это случайно увидел. А если бы не посмотрел в то время? Так и уползла бы в какую-нибудь постель или ещё как-то проявила бы себя. Опасно! Коль я её увидел, надо было принимать меры и бороться. Стал искать, ползая на коленях. Нашёл её в темноте где-то под кроватью и слегка прибил. А уж потом выставил на всеобщее обозрение на столе. Моих местных хозяев этим, конечно, не испугаешь. Но интересно то, что всё-таки на полном серьёзе благодарили за бдительность. За это заработал даже сверхнормативную пачку сигарет «Столичные». Это было кстати, потому что с куревом у меня опять стало совсем плохо. Хотя и занял у Князева 20 чеков, но тратить их просто так не хочу, только при крайней необходимости. Стрелять из ящика под кроватью становится совсем уж как-то неудобно. Но, однако, всё-таки иногда потаскиваю.

После проведения испытаний каждый день хожу, как на постоянное место службы, во дворец. Здесь поработал над «Отчётом» и «Актом проведения испытаний». Ну и просто здесь моё место до тех пор, пока не уеду. Поставил на документы гриф секретности. Завизировал у заместителя начальника штаба армии и отдал машинисткам на перепечатку. С майором подписали документы и пошли на утверждение к генералу Иванову. Пришлось свою работу и похвалить скромно. Да и цифры подтверждают хороший результат. Генерал утвердил наши бумаги и от себя ещё заверил, что даст своё короткое положительное заключение. Офицерами управления связи это было сделано ещё при мне. Отзыв был бы довольно весомым кусочком в дальнейшем проведении и написании нашей ОКР (опытно-конструкторской работы).

Так вот и закончились все мои заботы. Даже стало как-то неудобно быть без дела. Но дни без забот, конечно, не проходят. На следующий день стал наступать на начальство, чтобы помогли получить пораньше деньги и организовать мне поездку в Кабул по магазинам. Тут же встал, естественно, вопрос и об организации моего отлёта в Союз.

24

Сегодня уже 6 июля. Выходит так, что целую неделю посвятил испытаниям. Со спокойной душой звоню в Москву полковнику Смирнову и докладываю о сделанном деле и об общих результатах. Разговор шёл по ЗАС из кабинета Иванова, то есть с самого верха группы войск. Получил добро на сборы и отлёт. А чего мне собираться? Я один и при мне также

всего один чемодан. Плюс будет то, что удастся прикупить. На крупные покупки денег, конечно, нет. Это я имею в виду, прежде всего, ценные магнитофоны «Шарп», «Сони», «Аива». Единственное и главное, что давно запланировал и на что получил добрый совет от старшего лейтенанта Аушева: это буду покупать фирменную для моих голубых «Жигулей» магнитофонную вертушку. По совету Руслана – модель «Океан». Подсказал место, магазин и даже нарисовал план, где можно купить подешевле: а именно, на торговой площади Советского жилого микрорайона. Это уже известный в Союзе симпатичный аппарат. Цена ему, по-моему, приемлемая: 2200 афгани, что в переводе составило по курсу 220 наших чеков или рублей. На такую же цену и ориентировал меня Аушев. Остальные мои небольшие деньги пойдут на всякую мелочь: посмотрю по обстоятельствам. Но прежде всего надо заранее выбить деньги. Ведь с этой целью не раз ходил в финчасть. Наконец, уважили меня и рассчитывают по 15 июля, то есть немножко пораньше. А вдруг улечу до срока? Что тогда? Будет переплата: драма, беда для государства? А если говорить точнее, то ни черта я не помню ни в отношении получения этих чеков, ни по мелочам других дел в те последние дни. Деньги получил и сразу побежал к Князеву в модуль отдавать свой долг, 20 чеков. Отдаю бумажку, а он на полном серьёзе отказывается, считая это несущественной мелочью. Для него это действительно мелочь, но я всё-таки не польстился и сумел насильно отдать долг. Мелочь для него: старший офицер, служит долго и получает по 360 чеков в месяц. В результате получается много, тем более что кадровые стараются здесь чеков не тратить, приберегая их для дома и семьи.

Как раз подошло воскресенье, и у всех офицеров определённая разрядка в работе. У связистов договорился о машине для поездки в город. Солнечно, хорошо, но с утра ещё не жарко. Давали нормальную машину, УАЗ-469-й, и часов в 10 мы спланировали выехать. Назначили встречу у женского модуля, так как кто-то из женского персонала тоже настроился ехать за покупками. За компанию взяли и меня. А в итоге у нас получился полный экипаж, потому что ещё одна подруга пришла к машине. Вот я и оказался в приятной тесноте, зажатый между двумя девушками на заднем сиденье. К этому мероприятию и одеться надо было соответственно. Взял у офицеров напрокат джинсы и какую-то застиранную футболку. Моё военное всё страшно грязное, ну и для безопасности тоже, хотя русскую физиономию видно издалека. Вся особенность пребывания здесь состоит в том, что невоенным (дипломатам, торговцам, инженерам и всяким другим гражданским специалистам) на улицах города безопаснее. Помните тот разговор в агентстве «Ариана», когда оформлял билет Полякову? Ну и я под этот внешний вид переоделся. За главного с нами едет старший лейтенант. Поехали. Он знал, куда ехать, куда нас везти. Снача-

ла той же широкой и длинной главной улицей в город, затем по набережной безводной реки Кабул. Прежде всего заехали в торговый центр, где порой улочки были шириной около пяти метров от дома до дома. Многие товары лежали прямо на асфальте или висели снаружи на вешалках, крючках. На крючках, как правило, свежие открытые туши мяса, рыбы. Народ ходит прямо по коврам, и вообще идёт активная торговля. Даже наша маленькая машина в такую улочку практически въехать не может. Я же хочу только в микрорайон, но мои дамы имели свой план и туда не собирались. А мне-то надо туда, куда советовал Аушев! Приходится подчиняться коллективу, так как времени хватит, конечно, только объехать магазины на центральных улицах. Ещё одна маленькая, но принципиальная деталь нам здорово мешала: военным машинам по городу без дела болтаться запрещено, тем более длительное время стоять где-либо. И наш старший лейтенант серьёзно опасался нарваться на комендантскую службу. Поэтому, высадив нас у дверей какого-либо магазина, не оставался нас ожидать и для маскировки продолжал ездить по ближайшим улочкам круг за кругом, пока мы торговались в дукане. Маячить у магазина ему ну никак не хотелось. Прежде всего мы посетили магазины европейского типа: красивые современные витрины, реклама и услужливые продавцы. А я даже не побоялся и в одиночку зашёл (отлучился) в специализированный магазин радиоаппаратуры фирмы «Сони» с натуральными японскими продавцами. Полно техники: вижу, стоит мой желанный «Океан», но гораздо дороже, чем я планировал. Попытался японца уговорить, поторговаться, но магазин не частный: не получилось. Мои дамы купили всё, что планировали. Я тоже немного потратился на косметику, но главное придётся покупать в другой раз: организовывать ещё одну, теперь личную, поездку. Кстати, маленькая справка: оказалось, что для таких покупок прямо у афганцев надо иметь в кармане афганские деньги – афгани. А у нас лишь чеки Внешторгбанка. Надо их где-то менять по рыночному курсу. Но ведь в банк специально не поедешь, где его искать, да и времени нет. Но эта проблема решается здесь, оказывается, элементарно. Наши старожилы уже знают точку в одной из узких улиц, где прямо у прилавка маленькой лавчонки оборотистый афганский торгаш с большой пачкой денег в руке тут же делает в уме перерасчёт и осчастливливает русских афганями. Видимо, всем это выгодно. Я тоже часть чеков поменял, и, как потом понял, не совсем удачно. При знании обстановки в других местах можно было бы договориться повыгоднее. Но это для меня выяснилось лишь во второй моей поездке, именно в торговый центр в Советском микрорайоне. Но чеков у меня тогда уже не было. Об этой поездке чуть ниже. Но, в принципе, об этом можно сказать уже и сейчас, так как идут мои последние дни пребывания в Кабуле. Особых деловых событий, как мне кажется, никаких не предвидится.

25

Вот для второй поездки мне пришлось вспомнить о личном приглашении прокурора и идти к нему в гости. Кровь из носа, а машина же мне нужна. На следующий день пошёл в прокуратуру, к Леониду Шкоде. Леонид ведь обещал машину и просил запросто обращаться. И надо бы воспользоваться таким расположением ко мне. В конце дня иду в этот уважаемый, непопулярный орган власти. К счастью, начальник был на месте. А вот Игорь Монахов ещё не приехал, а то бы с ним мне было гораздо проще. Он бы сам вывез меня в город. Но ничего, и сам Леонид оказался очень порядочным человеком и слово своё сдержал. Однако оказывается, что у него всего одна-единственная машина. И это огромный «Урал». Её-то он мне и дал на завтра. С его помощью всё получилось вполне хорошо и организованно. Только плохо лишь то, что для таких узких местами улочек огромный «Урал» – техника неподходящая. Но что тут поделаешь: надеюсь справиться без приключений. Дело моё, правда, могло и сорваться, потому что поздно вечером на окраине «Тёплого стана» было совершено вроде бы нападение и слышалась далёкая стрельба. Кое-кто из офицеров нашего модуля бегал на место перестрелки. Но быстро всё закончилось. Подробностей не знаю, так как разговоров потом особых не было. Поэтому в собственной голове возникли свои сомнения по поводу поездки: не закроют ли въезд-выезд через КПП на этот день. Но запрета не последовало. Шкода вписал мою фамилию в путевой лист, и я, опять в этих джинсах, в совершенно несолидном виде, самостоятельно в одиночку поехал в город на этой громадине. Вообще, веду себя так, как будто давно служу здесь и всё досконально знаю. Как мне потом говорили товарищи, это был смелый и наглый поступок. Я и солдат – водитель машины ринулись через весь город в Советский микрорайон, на торговую площадь. Едем, газуем бензиновыми выхлопами. Вокруг машины все мелкие. Больше легковых, И, как всегда, на улицах много афганцев. В связи с такими трудностями у меня только одно теперь желание: ехать только в микрорайон и никуда более. Торговая площадь – это как у нас ярмарка: лотки, открытые палатки, палатки с закрытыми встроенными торговыми помещениями. Продают продукты, овощи, фрукты и промтовары – всё на одной площадке. Людей очень много, и все в постоянном движении. Настоящий базар. С большим переживанием и тревогой в душе оставил солдата одного в машине в ближайшем переулке и сам, такой же одинокий, без всякого оружия, начал бродить от палатки к палатке в поисках своего «Океана». В предыдущей поездке, ещё зимой, мне один магазин как магазин радиотоваров издалека показали. Сейчас с трудом, но всё-таки нашёл его. Афганец встретил очень учтиво и быстро выставил на прилавок товар. В магазине просто, как в палатке, но всё цивили-

зованно. Сделали проверку работоспособности, упаковали красиво и всё. И даже договорились о более низкой цене, за 2000 афганей. Покупка состоялась, надо торопиться к машине. Но какая-то мелочёвка в кармане ещё осталась. Купить по плану времени уже в обрез. Надо ухитриться сегодня торговые дела закончить либо организовывать с такими трудностями ещё одну поездку. А машину уже окружили пацаны. У всех товары, и совсем задёргали моего солдата. Налетели теперь на меня. Громко галдят, дёргают меня, предлагая товар. У одного была модная, симпатичная курточка, праздничная на вид: выходная, голубенькая, и с массой железок и молний. Привязался ко мне, почувствовал, должно быть, что я заинтересовался ею. После небольшого препирательства и торговли пацан сбросил цену точно в половину от начальной. Это меня доконало окончательно. И я всё-таки купил её, хотя и в этом случае, как я позднее понял, он без навара не остался. Но куртка, к слову сказать, очень пришлась мне по душе. И я, и сын ещё долго носили её по очереди. Но, однако, потом прицепился и понял, что купил довольно дорого – за 500 афганей. Надул мальчишка, но это ведь восточный базар! Деньги же ещё тратить надо: опять оставил машину и вновь ринулся бродить по палаткам в поисках чего-либо оригинального. Наткнулся случайно и сразу решил купить чистое горное необработанное мумиё. Правда, какое оно – неизвестно. Но дёшево: какие-то копейки. Надо брать, может быть, когда-нибудь пригодится для лечения. Главное заключается в том, что мумиё настоящее афганское: прямо в кусках с гор. К этому меня подтолкнул пример Виктора из Файзабада. Того, который строитель. Он при мне активно лечил свою язву и снабдил меня машинописными листами с рекомендациями по применению и дозировке. Так что покупку делал со смыслом и далёким прицелом. А в качестве подарков взял несколько авторучек с золотым пером и ещё кое-что. Чётко прикинул – есть кому дарить. Помню, что хотел также взять рубиновые бусы – национальное ювелирное изделие и гордость афганцев. Но торговец принципиально не стал снижать цену, даже символически. Но и я упёрся «рогом» и трижды ещё заглядывал в эту палатку. Вдруг сбросит цену? Поэтому такую красотищу из принципиальной своей дурости и упрямства так и не купил. Зато не пожадничал и взял комплектную двойную вещь: кулон с перстнем с профилем Нефертити. Какой-то металл с полным глубоким чернением. Превосходная оказалась вещь и до сих пор радует супругу. Все эти заходы и покупки делались практически бегом по палаткам, так как чувство опасности и беспокойства было всегда. Увлекаться не надо и пора возвращаться домой. Тем более что главную задачу выполнил и денег практически не осталось. Про себя решил оставить примерно только чеков 40–50 для Москвы, чтобы был повод посетить «Берёзку». Возвращаясь, проскочили через весь город благополучно. Никого не помяли. Сдал в парк машину, солдата. По-

жал ему руку и купил в подарок сигарет, печенье. Ведь даже оказался символическим земляком, так как был направлен в Афганистан из Кантемировской дивизии, которая стоит в 20 километрах от моей части и дома. На том мы, довольные, и расстались. Это было уже 13 июля. Теперь уже можно считать, что все дела здесь сделаны. Оставил только 20 афганей на всякий случай на последнюю дорогу. Потом оказалось, что на них можно выпить только одну бутылочку «Фанты». Этой суммы даже не хватало на то, чтобы взять бутылку с собой в самолёт. Посуда дороже. Так что за такие деньги надо было пить на месте. Поэтому привёз эти две бумажки в Москву на память об Афганистане. Вечером полюбовался купленной игрушкой, упаковал вещи и приготовился к отлёту. А Ковалёв вечером принёс маленькую передачу для знакомой подруги, чтобы я из Москвы, для полной гарантии, отправил ей как презент. Наконец всё уложил, сборы закончились. Осталось завтра провести только организационный день: уточнить вопрос с отправкой меня на аэродром. А сейчас, наконец, можно хоть немного отдохнуть. Проводы без денег делать не буду, но доброе слово и спасибо связистам скажу за гостеприимство. За это время, естественно, совсем мало контачил с танкистами. Завтра зайду представиться с отъездом и к ним. А также договориться о машине на аэродром. Мой вылет назначен на 15-е число, как обещал начфину. Но как и на чём – никто пока сказать не осмеливается. К вечеру зайду ещё раз к Князеву: ведь за меня отвечают танкисты. Если ясности к тому времени не будет, поеду, как говорится, «на ура», рассчитывая на какой-нибудь регулярный рейс на Ташкент. Евдокимову было поручено отвезти меня на аэродром и обеспечить от имени командования, если потребуется, посадку в любой самолёт. И на этом закончить наши боевые дела.

26

Вот и наступило 15 июля. Конец, по визе, моего пребывания здесь, в Афганистане. Спокойно собравшись, после завтрака отправился в управление к танкистам, где, как и договорились, встретились с Евдокимовым. Тут же подошёл за нами и УАЗик. Заехали в мой модуль за вещами, а затем – прощай, гостеприимный «Тёплый стан», дворец Амина! Едем на аэродром по уже знакомой Центральной авеню. Приехали на наш сборный пункт, к комендатуре. Сбросил меня Евдокимов, убедился, что самолёт стоит на старте. Пожали друг другу руки, и он спокойный убыл домой.

Желающих улететь в Союз оказалось, как всегда, много. И, конечно, традиционно народ совершенно разный. Много гражданских. Пришлось зарегистрироваться у майора-коменданта. Потом, как всегда, надо ждать, ждать. Обещают, по слухам, дать самолёт Ил-76, который мы сейчас ви-

дим на полосе. Борт транспортный. Ничего, больше возьмёт пассажиров. Погода сегодня очень хорошая, но, как всегда, жарко, за 30 градусов. Многие прячутся в тень под специальными навесами со скамейками для отдыха. Заботливо сделано в комендатуре. Отъезжающие сидят, гуляют вблизи, перекусывают чем бог послал. Но все терпеливо ждут. Ведь каждому надо только вперёд: в Союз. А на аэродроме идёт своя бурная жизнь. Интересно наблюдать, особенно длительное время, за этой жизнью: взлёты, посадки самолётов различных гражданских иностранных авиакомпаний, наших боевых машин. Вообще, шуму много. Ил-76 действительно готовится к вылету, и где-то часам к 12-ти начинают организовывать какой-то порядок посадки: сначала всех офицеров, гражданских, а потом, по возможности, солдат и сержантов. Кому не хватит места – ждать отлёта до завтра. Такие, оказывается, уже есть и среди сегодняшней группы ожидающих солдат. Наконец, борт укомплектовали, взлетели и пошли на Ташкент. Сверху, как всегда, очень красиво. На сей раз, вроде, не одурели от высоты. Посадка прошла благополучно на тот же аэродром «Восточный», мне уже хорошо знакомый. В Ташкенте сильная жара, но уже своя: липкая, мокрая. Поместили в отстойник пропускного пункта ожидать таможенного и пограничного контроля. Сегодня долго ждать не пришлось. У таможенников кое-кто имел неприятные минуты с провозимыми вещами. Я же прошёл всё быстро. Меня, с синим паспортом, даже не досматривали, ограничившись общим дежурным вопросом, и впустили в Союз на все четыре стороны. Что делать мне теперь, отвечающему только за себя, на площади перед аэродромом? Что лучше? Быть здесь и ждать какой-либо служебный транспорт? Но это ведь не оборудованный никаким сервисом военный аэродром. Или же искать частника, такси, автобус до города? Бог знает, что предпочтительнее и быстрее. Тут же захотелось пить. Вопрос: а где? Таксисты хамят нагло: всех, кто оттуда, из Афганистана, везут только за чеки, да притом обдирают втридорога. Подсказали добрые люди: доехал за госцену на рейсовом автобусе, по случаю проходящем как раз по улице, где размещается штаб округа. Очень удачно вышло для меня. Место мне давно известно: штаб округа знаю, а рядом должна быть гостиница. Но сегодня оказалось даже проще: проходная штаба рядом с остановкой. Прямо с вещами позвонил в Управление, доложил о прилёте и просил помощи для устройства в гостиницу. Опять случай: на проводе оказался сам Виктор Гребнев и организацию моего размещения взял под личный контроль. Пока дошёл до неё, команда туда уже поступила. Меня приняли сразу, и я хорошо разместился. Номер двухместный. Кто будет в соседях, это другой вопрос. А первый: сколько придётся просидеть в Ташкенте? Пока это вообще неизвестно. Люди уже говорили, что уехать или улететь сейчас проблема. Народ по несколько дней сидит в аэровокзале, и в Европу нет би-

летов. Для левой оплаты за билеты здесь работают также лишь чеки. Мне же, конечно, улетать надо как можно быстрее, но, естественно, не за чеки. К тому же в моём просаленном и пропылённом обмундировании стыдно даже просто показываться в город. А мне необходимо ездить в аэровокзал за билетами, в таможню за оставленными там деньгами, заходить в Управление за документами и для решения организационных вопросов. Да и, простите, просто хочется побывать в городе. Это же красивейший Ташкент! Ещё когда улетал в Афганистан, у меня на таможенном пункте приняли на хранение за перебор 90 рублей. А провозить можно до 30-ти. Негусто для офицера. И вот на них пока и живу первый день после прилёта. Только гостиницу хватило оплатить и покушать – не более того. Вопрос встаёт ребром: срочно надо ехать в таможню.

27

Вечером, приличия ради, позвонил Зинаиде Андреевне, чтобы передать привет от мамы. Она была дома и тотчас стала настойчиво требовать, чтобы я перебирался к ним на житьё. А уж заехать в гости – это понималось безоговорочно. Русская родня ещё никогда не была в этом Узбекистане. Живьём хоть поговорить со своими далёкими родственниками. Пообещал, конечно, если будет время, навестить их дом. В зависимости от получения билета на самолёт.

Как же я прожил все эти дни в Ташкенте? Попытаюсь вспомнить подробнее, так как походить и поездить по городу пришлось достаточно и впечатлений получилось много. Я всегда люблю новый для меня город, по возможности, обойти пешком. А уж на транспорте объехать обязательно.

Во-первых, вечером поехал в аэровокзал и окунулся в толпу пытающихся уехать, точнее, улететь. Встретил многих с моего афганского самолёта. Просидели, бедняги, целый день на чемоданах в зале ожидания, не имея возможности отойти даже по срочным своим делам. И всё без толку. Рассказали мне обо всей неприглядной и неопределённой обстановке. Сам тоже немного потолкался у касс. Убедился, что всё очень глухо. Официально до среды уже на Москву ничего нет. Вот теперь мне надо крепко думать, как убираться отсюда. Не только думать, но и шевелиться для этого. Пока на вокзале нахожусь и хожу здесь, надо сегодня же решить вопрос со своими 90 рублями, теми, что забрала таможня по квитанции. Но время вечернее. Кто сейчас работает? Пошёл в таможню, вернее, еле разыскал эту «контору» в огромном зале аэровокзала. Двери у них, естественно, оказались закрытыми. Решил проявить настойчивость и разобраться с этими таможенными делами всё-таки сегодня. Добрые люди подсказали, что деньги можно получить в зале контроля иностранных

граждан. Нашёл и этот зал и, как белая ворона в своём грязном обмундировании, стал искать работников таможни. И всё это происходило среди чистых иностранцев. Здесь тоже сразу не получилось. Но потом опять по чьей-то доброй наводке нашёл нужного начальника, и мне из какой-то текущей кассы выдали, наконец, деньги, забрав, естественно, квитанцию. Пока крутился, заодно пришлось наблюдать, как небрежно и, кажется даже презрительно, наши контрольные службы обращались с афганскими пассажирами. А ведь их по числу было большинство в зале. Меня увиденное отношение в определённой степени покоробило. Для меня же всё это закончилось часов в 9 вечера. Но мне же ещё предстоит через весь город ехать домой, в гостиницу. Опять долгий троллейбус, затем метро до «Лермонтовской», и в темноте, но спокойно, дошёл до своего нового дома. Погода же стоит превосходная. Тёплый, мягкий вечер и тёмные-тёмные улочки, довольно страшные и неуютные в этом районе. В номере уже был мой сосед, капитан пехоты, добирающийся после ранения и госпиталя опять в Афганистан, в свою часть. И у него тоже проблема номер один с отлётом, но, как ни странно, с отлётом даже туда, на войну. Уже несколько дней рано утром уезжает на «Восточный» для переклички по списку в очереди на отлёт. Долго уже здесь сидит, и перспективы будут только через несколько дней. Это уже хорошо, хотя накопилось у него большое опоздание. Это-то его беспокоит больше. Кое-что рассказал вечером о своих делах в Афганистане, о ранении. Конец разговору. Ему опять к проверке рано на аэродром. А я же смогу спокойно поспать в своём «отдельном номере». Вот и быт подпёр: на завтрак заготовить вчера себе ничего не успел. Но в коридоре говорят, что здесь есть какой-то буфет, который, однако, работает только рано утром. Про себя прикидываю, что всё-таки будет лучше по-хорошему выспаться.

На следующий день, сразу после кое-как организованного завтрака, отправился в бюро пропусков штаба округа. Наивно полагал, что я им нужен и сразу же пройду в Управление для решения вопроса о моей отправке. Но там принять меня посчитали нецелесообразным и для встречи на проходную отрядили опять майора Гребнева, того самого Виктора Алексеевича, который хорошо принимал нас в Кабуле и всегда организовывал крышу над головой и питание. Я уже говорил как-то, что, пока я работал в Шинданде, он заменился и получил должность в Управлении вооружения округа. Тепло встретились, как старые знакомые. Рассказал мне о том, с какими трудностями пробирались домой челябинцы. Я доложил о своих делах в аэропорту, о практически нулевой обстановке с билетами на Москву. Выслушал меня, и отправился потом по начальству докладывать и решать, как быть со мной. Сумеют ли выделить (вырвать) билет из брони командующего? Понятно, что дело не быстрое, но надо ждать. Я остался ожидать тут же на проходной. А на

КПП, оказывается, работает парикмахерская. Успел за время ожидания привести в порядок голову и был этим очень доволен. За столько-то дней ведь совсем зарос. К тому же говорил уже, что и по обмундированию вид был тоже потрясающий. Для окружающих смотрелся как какой-то абориген в погонах, неизвестно откуда объявившийся. С одеждой же, главное с моими просаленными брюками, прекрасно понимаю: решения в Ташкенте не будет. Надо терпеть до Москвы.

Но вот опять появился Гребнев и сообщил, что распоряжение и заявка на мою фамилию сделаны военному коменданту по телефону. У того всё записано, и я могу ехать оформлять билет. Опять добираюсь трамваем через весь город в аэровокзал. У окошка коменданта, естественно, полно жаждущих. Но уже обед: святое дело для чиновников. Все в ожидании начальника. Появился майор, и, вроде, выясняется, что заявки-то на меня нет. Спорить и что-то доказывать ему бесполезно. Но я всё-таки стал качать права, ссылаясь на выделенную броню. Пригрозил звонком прямо командующему. Майор что-то, видимо, имеет своё на этот счёт. Но это на него повлияло, и сразу куда-то стал звонить. Решение в отношении меня прояснилось довольно быстро, но раньше 20-го числа билета всё равно нет. Остаётся соглашаться с этим. Получаю талон на рейс утром 20 июля и быстро-быстро перехожу рядом в кассу. Теперь уж всё идёт, как по маслу, – билет в руках. Сразу прикинул, что я, оказывается, буду предоставлен сам себе и, по сути дела, получил маленький отпуск. Уезжая из аэропорта, а это было уже в полдень, решил сразу же начать поближе знакомиться с городом. Прежде всего, поехал на колхозный рынок, о котором мне сказали, что находится где-то рядом. Думалось, что это старинный знаменитый восточный, южный базар со своей экзотикой и я куплю что-нибудь себе из фруктов. А также похожу, посмотрю на хвалёную экзотику. Действительно, рынок обнаружился в трёх-четырёх трамвайных остановках, в районе старых улиц из одноэтажных частных домиков с закрытыми внутренними двориками. Как ни странно, на рынке были уже дыни и арбузы. Но в целом пусто, потому что в другом месте города есть тот настоящий среднеазиатский базар. Если удастся, заеду туда обязательно. Ведь любопытно.

В рядах увидел какую-то длинную очередь. Народ стоит за красивым цветным индийским постельным полотном. Это было то, которое в Москве в дефиците. Цена приемлемая, и сразу захотелось сделать подарок семье и жене. Пришлось постоять в очереди, и вот обзавёлся приличным пакетом, неудобства из-за которого сопровождали меня потом до самого дома. Сейчас же с таким грузом я вынужден прямым ходом ехать в гостиницу, а потом уж надо было соображать где-то пообедать. Но я это прикинул на ходу и, приведя себя в порядок, пошёл в наше кафе, где зимой пережили землетрясение. Остаток дня провёл в гостинице у телевизора и отдыхал от хождений.

28

Что придумать на завтра? Конечно, надо побродить по городу со свободными руками и, может быть, что-нибудь вкусненького покушать из местной кулинарии. Так и сделал. Целый день провёл в городе. Но первым делом с бюро пропусков с утра позвонил в Управление и доложил о времени моего отлёта. На городском канале увидел симпатичную чайхану-шашлычную. Столики стоят прямо у воды. Есть большой выбор покушать и выпить. Шашлык всё-таки куриный. Но есть плов, манты. Так что можно выбирать по желанию. Аппетит разгорелся нешуточный. Глаза разбегаются. И для этого пришлось некоторое время простоять в очереди. И это утром в рабочий день! Взял несколько палочек шашлыка. Оказалось, что куриное мясо в виде шашлыка очень вкусно. Покушал и был готов к продолжению экскурсии. Затем оказался в каком-то современном микрорайоне. Потом в центре города, где землетрясение было самым сильным. А сейчас здесь разбита, на месте снесённых домов, огромная площадь в фонарях, фонтанах и с массой зелени. Тут же грандиозное здание Государственного музея Ленина. А я к вечеру, прилично уставший, возвратился в гостиницу. Видимо, вечер снова будет у телевизора в холле.

На следующий день тот же распорядок: сосед едет на аэродром, а я – в город. Вынужденно бродил почти до вечера. Причина этому оригинальна и красива. Ещё утром из афиши узнал о предстоящем в этот день календарном футбольном матче на первенство СССР. Да ещё какой матч предстоял! Мне посчастливилось свою команду ЦСКА увидеть на выездной игре, чего бы никогда в жизни специально не получилось. Кстати, могу сказать, что у меня есть любовь и привычка в городах, где приходится бывать, интересоваться местным футболом любой лиги и стадионом. А тут популярный в стране стадион и его команда – знаменитый «Пахтакор». Ну как можно такое пропустить! Начало игры в 18 часов, и к 5 часам, порасспрашивав людей, приехал к стадиону. Билет достал довольно легко, хотя матч для Ташкента был из разряда престижных. Болельщиков очень много. И, как всегда, красивый футбол на свежем воздухе, на ревущем стадионе создал хорошее настроение. Да и игра всех удовлетворила, кроме меня, потому что получилась боевая ничья – 1:1. Народ расходился со стадиона довольный. А тут и мне ещё пришлось прогуляться пешком до метро. Прямо, как у нас в Москве: везде у стадиона перекрыто движение транспорта. По дороге даже зашёл в магазин и кое-что купил себе на холостяцкий ужин. Поздно вечером из гостиницы, решив проявить уважение и тактичность, снова позвонил тёте Зине и тут же получил хороший выговор за то, что живу где-то на стороне, когда есть где можно остановиться, тем более у родных. Пообещал быть хорошим и завтра, 19 июля, в воскресенье, перебраться к ним домой, на бульвар Хмельницкого.

29

С раннего утра с тяжёлым чемоданом и новым пакетом с определёнными трудностями добирался до нового места пребывания, потому что ехать надо было далеко, в самый центр города. С гостиницей рассчитался, получил нужные отчётные квитанции. Моему капитану тоже удалось сегодня улететь, и я пока в номере был один. Ну а в моей поездке к тёте Зине ориентировался только на её объяснения. Однако вспомнил свой приезд в 1967 году и дом нашёл быстро. Только во дворе дома немного поискал нужный подъезд. Бабуля сама открыла дверь и тут же крепко меня расцеловала. Бодрая, сухонькая, маленькая, но крепкая старушка. Она даже постарше мамы. Впоследствии убедился, что она ещё большая умница. Дома можно было увидеть ещё и Олю, её дочку, но пока дома её не было. Остальные дети разъехались по разным городам страны. Ольга даже в воскресенье была на работе. А работает она ответственным редактором на своём Центральном телевидении. При встрече тётя Зина сразу с любовью заговорила о маме, о том, что рада видеть меня, дорогого москвича из давно ею покинутой столицы. Тут же погнала меня освежиться в ванную. Квартира у них большая, старой сталинской постройки, с высокими потолками и очень удобная. Пришёл в себя и даже вздумал постирать брюки, но от этой мысли сразу же отказался, так как всё равно завтра самолёт. А уж дома выброшу в первый же мусорный бак в Кубинке – другого применения им уже нет. Самолёт у меня завтра утром, в 7 часов с минутами. Автобус на аэродром уходит от вокзала, что оказалось почти рядом, по прямой по нашему бульвару. Бульвар Хмельницкого тянется непосредственно к району аэровокзала. Вышло после переселения для меня всё гораздо удобнее, нежели в далёкой гостинице. Ну а сейчас будем праздновать встречу. Тётя Зина уже готовит праздничный обед, а я с её разрешения вышел на улицу посмотреть округу, а заодно необходимо купить положенный торт и бутылку сухого. Тем более что Олечка, а я с нею ещё не был знаком, тоже твёрдо обещала вернуться к обеду, часам к 4-м быть дома. Пишу о последнем моём дне пребывания в Ташкенте и поймал себя на мысли о том, что перешёл уже на описание разных мелочей. Конечно, это мелочи по сравнению с тем, что мы делали, что было. Но сейчас только это заполняло последние мои дни в командировке. Дни проходили спокойно, в совсем другом ключе. И тоже были в чём-то для меня интересными. Такие встречи на другом конце страны с дорогими мне людьми многого стоят. Тем более что время идёт быстро, и вот дяди Бори уже нет, а в предыдущий мой приезд все были на месте. Думаю, что надо коротко рассказать и о том, что было в этот последний день. Собственно говоря, и без этой ссылки я уже почти весь «ташкентский период» рассказал с так называемыми мелочами и подробностями. Поэтому,

преодолевая нетерпение возможного читателя, продолжаю о мелочах. Часа два – это время, на которое меня отпустила тётушка, – гулял по их округе. У них старая, но не древняя, и красивая современная часть города. Улицы московского и ленинградского типа. Дома, как в любом городе, стоят впритык, и почти в каждом различные магазины. В одном из магазинов купил всё, что планировал. А вот уж потом на лотке, развёрнутом около рыбовозки, увидел распродажу свежего карпа. И так страшно захотелось жареной рыбки. Купил одну большую рыбину и торжественно за хвост принёс домой и преподнёс тёте Зине. При уже приготовленном обеде это было немного лишним. Она стала сопротивляться, но я настойчиво попросил ещё и пожарить рыбу в нагрузку. Уж очень хотелось, и я тут же сам стал её чистить.

Пришла Оля. Познакомились! Обед получился на славу, и закончили его чаепитием зелёного чая по-узбекски из фарфоровых пиал. И хотя чай был круто горяч, в пиалах этого не чувствовалось. Сам зелёный чай здорово облегчал самочувствие в такую влажную жару. Так, оказывается, и положено его пить – маленькими глотками, постоянно доливая пиалу до половины. В комнате у них стоит кондиционер, и от него при высокой влажности было очень и очень свежо. После такого вкусного обеда, и тем более свежей рыбки, состояние моё было отличное, но немедленно требующее отдыха. Однако часов в 7 раздался телефонный звонок. Звонили лучшие Олины друзья и просили срочно к ним прийти. Ольга забрала к ним и меня с хорошей целью: спокойно пешком прогуляться по городу, посмотреть его и поговорить спокойно. Друзья её живут не так уж далеко, и прогулка через зелёный парк вдоль большого канала вышла отличной. Всё у них в доме было очень мило. Люди в таком же возрасте, открытые и доверчивые русские интеллигенты. Очень хорошо за бокалом местного вина и опять же с чаем пообщались, поговорили. Это был такой же малогабаритный, блочный дом, каких в то время много понастроили в Москве и в других городах. И Ташкент не избежал такого бума. Вот и я сижу в квартире, ну прямо как в Москве. Часов в 10 распрощались, и Оля, держа меня крепко под руку, опять пешком повела домой. Стояла уже чёрная, южная темнота, особенно в совсем неосвещённом парке. Справа – заросший частым, густым кустарником крутой обрыв в канал. Громко шумит где-то внизу вода, даже стало страшновато. Ведь Ташкент очень известный в неблагополучном, криминальном плане город в СССР. Да мне и в гостинице какие-то страсти порассказывали. Вдруг слева сбоку за деревьями открылось какое-то солидное строение. Особняк за очень серьёзным забором, мощными воротами и весь в красивых фонарях внутри на территории. Оля поведала мне по секрету, что это правительственный особняк – резиденция самого Рашидова. И, естественно, находится под серьёзной охраной. Пока выбирались на уличный свет, мне лично в душе что-то было довольно неприятно. Держался за Ольгу или уж она за меня – трудно сказать. Но виду никто не подавал. Оля бодро и за разговором вела меня, и вскоре вышли на свет, на центральную улицу. А там уже было рядом и до дома. Тётя Зина беспокоилась, ждала нас, и потом уже в который раз сегодня пили вкусный чай. Разговоры разговорами, но пора мне и на боковую: ведь завтра очень рано утром вылет. Уложили меня спать культурненько в мягкую постельку в отдельной комнате. Было уютно и хорошо мне. Даже подумалось ещё раз перед засыпанием: дурак, ну чего же сразу не принял приглашение и не приехал к ним.

Утром, как и обещала, в нужное время зашла Оля и разбудила меня. Так уж очень не хотелось уходить из этого уюта. Накормили завтраком, напоили. Тётя Зина проводила до дверей и в который раз просила передавать привет маме и поцеловать её. Всё. Оля в эти 6 часов утра вышла со мной на бульвар ловить такси и проводить. Ожидание машины получилось очень коротким. Распрощались мы тепло, даже со слезой на глазах, поцеловались, как положено, и я понёсся в аэровокзал, до которого на такси оказалось ну совсем, совсем близко.

Теперь, после того как прошёл регистрацию и занял место в самолёте, твёрдо могу сказать: улечу отсюда, командировка закончилась и конец моей личной эпопеи в Афганистане. Впереди через три с половиной часа будет приземление в Москве.

Внуково приняло меня мягко. Весь день ещё впереди, и спокойно через Одинцово добрался до Кубинки. Радости дома было много, что вернулся живой и здоровый. Жена дома, подарки к месту. Целых 53 дня отсутствовал. Завтра же выйду на службу, доложу полковнику Белякову А. А. Осталось только отчитаться за все дела в Управлении. Надо собрать документы и потом ехать в Москву, в ГБТУ. На службе, в отделе моё непосредственное начальство заинтересованно заслушало меня, большое же даже не только не вызвало, но, видимо, не придавало особого значения поездке. А ведь задача была всё-таки ответственной и первый офицер нашего института так много времени провёл в Афганистане. И, как я понимаю теперь про себя, к стыдобе всеобщей, как говорили некоторые товарищи, никто не догадался разрешить мне небольшой отдых и дня три побыть с семьёй. Ну что ж, таковы у меня начальники. Отдохну морально по ходу работы в лаборатории над текущей научной тематикой, которая ни на мысль, ни на букву не подвинулась, пока совершал перелёты над Афганистаном. Следует сказать, что и ранее установленные сроки исполнения этих тем тоже не изменились. Вот так!

По данной работе: нашу общую разработку усилиями всех соисполнителей предстоит довести до уровня государственных испытаний с возможной перспективой приёмки этого варианта модернизации техники связи на вооружение Сухопутных войск Советской Армии. И такое завер-

шение дела в будущем, возможно, опять и меня коснётся. В ближайшие сроки буду ожидать поступления из 40-й армии моих секретных материалов по испытаниям, отзыва генерала Иванова. Вот тогда можно будет сказать: всё, конец делу. Конец окончательный.

МОЙ АФГАНИСТАН

Андрей Мамонтов,
полковник запаса,
кавалер ордена Красной Звезды

В 1985–1987 годах проходил службу в Афганистане. Председатель Ковровского отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство». Лауреат Всероссийского конкурса «Спасибо тебе, солдат».

У каждого участника афганские события оставили свой след, свои воспоминания. В моём сознании Афганистан ощутимо возник задолго до его реального посещения, когда в 1979 году узнал о вводе войск. Для нас, курсантов выпускного курса Новосибирского ВВПОУ, новость была ошеломительной. С одной стороны, мы за мир во всем мире, с другой – всегда готовы прийти на помощь народам, борющимся за демократию. Такое было воспитание. Сразу вспомнилась трагическая страница истории, овеянная героической романтикой – республиканская Испания. Преподаватели, которым довелось понюхать пороху в Великую Отечественную, участвовать в боевых действиях в Венгрии, Чехословакии и других зарубежьях, реагировали на наши вопросы как должно. На гуманитарных дисциплинах призывали для пользы дела тщательнее постигать азы марксизма-ленинизма. На занятиях по тактике, стрельбе и т. д. стали гонять нас – «дембелей», что называется, в полный рост. Не раз потом я добрым словом вспоминал науку преподавателя тактики подполковника Зыбкина: «На практике никто не будет отдавать боевой приказ, как написано в „букваре“ (боевом уставе). Но чтобы под обстрелом, писая впопыхах под колесо БТРа, спокойно и моментально оценить ситуацию, дать команду подчиненным, где и какую занять позицию, вселяя своим видом уверенность в победе, надо знать боевой устав назубок». «Почему именно писая?» – спрашивали мы. «А потому, что потом будет не до того, а то ещё хуже – перед подчинёнными со страху обдуетесь».

Суворовское «тяжело в ученье, легко в бою» обрело второе дыхание. В своих же оценках случившегося и прогнозах были осторожны и прагматичны. В одном все были едины: война это испытание и государства, и человека. Чтобы выжить и победить, надо уметь воевать. Многие из нас писали рапорта с просьбой досрочно отправить на выполнение интердолга, но командиры были мудрее: учитесь, погеройствовать успеете.

После выпуска служил в 26-й учебной танковой дивизии, дислоцирующейся в г. Коврове Московского военного округа. В конце 1980-го в «мотострелецкий» полк прибыли первые «афганцы» – командиры взводов Абдыгул Чотбаев и Серёга Окунев. На мундирах ордена Красной Звезды, нашивки за ранения. Короче, орлы на зависть. В душе где-то ёкнуло – а вот я не успею! Но тут же и первое недоумение. Никто из ротных не захотел брать их к себе! Типа мы тут титаны учебного процесса, а они со своим уставом… А мой ротный, Вася Зимин, взял. Конечно, трудно ребятам было настраиваться на учебный процесс, но мастерство, как говорится, не пропьёшь. Оба быстро стали любимцами полка. Ни одно торжественное мероприятие в городе не проходило без их участия, но и в службе выкладывались по полной. Я многим им обязан. Между нами год разницы, но какой! Солдаты их боготворили.

Случались и казусы. Суточный полевой выход. Лейтенант Чотбаев за командира роты и отдаёт приказ: офицерам фуражки снять, пилотки надеть. В целях маскировки, а то снайпера отстреляют. Вооружиться автоматами, так практичнее. Вне графика устроили пару действительно внезапных засад и проверок бдительности. Даже на время из связи вышли – создали непредвиденную обстановку. Потом доложили наверх: связь восстановлена, продолжаем выполнять задачу. Были и снятие часовых, и взятие языка, и внеконкурсный марш-бросок, чтобы «спасти окружённую роту». Несмотря на измотанность, в расположение вернулись вовремя, в выбрито-подшитом виде, торжественным маршем и с песней. Жители окрестных домов выбегали на улицу и хлопали в ладоши. Солдаты чувствовали себя героями. Курировавший нас офицер штаба доложил об итогах занятий наверх, и мы вместо похвалы «за инициативу и смекалку» получили по полной «за самовольство и разгильдяйство». Честь мундира опозорили, фуражки офицерские сняли и т. д. и т. п.

Зато именно благодаря своим сослуживцам я научился принимать решения и брать ответственность на себя, как называлось потом в Афгане, «по обстановке», когда действительно остаёшься один на один с ситуацией и только от твоего решения зависит жизнь подчиненных, да и твоя собственная.

Был и другой афганец, который по прибытии заявил: «Оружие в руки брать не могу, в наряды ходить не могу, солдат если учить, так только в шахматы играть. Всему причиной психика расшатавшаяся – тлетворное влияние войны»… Зарплату, правда, получать не отказывался. Поначалу даже с сочувствием к нему относились. И в наряды, и на полигон вместо

него. Комбат не выдержал, зачитал на совещании выдержки из боевой характеристики. Одной фразы «на поле боя неоднократно бросал подчинённых» хватило, чтобы этот человек перестал для нас существовать. Спустя 17 лет, когда создавали свою ветеранскую организацию, он пришёл одним из первых, выказав желание «порулить» и поучаствовать! Это было уже выше ватерлинии!... Больше его на наших мероприятиях не видели.

Чуть позже «за речку» и оттуда пошли потоком. Замена за заменой. Труднее было не попасть, чем попасть. Были такие, кто кидал партбилеты, срочно заболевал. Лишь бы пронесло. Не хочу бить себя в грудь, но я боялся не попасть, не успеть. Причём не из-за геройства или обуревающих интерчувств, а проверить себя. Да и наличие в родословной дедов-фронтовиков и отца, пережившего немецкую оккупацию, а позже, в мирные годы, заслужившего орден «За службу Родине», сделали своё дело. Короче, написал рапорт. НачПО дивизии предложил альтернативу – Афганистан или Венгрия. К его удивлению и облегчению одновременно, выбрал первое. Родители и жена отговаривали, но смирились. Бывший однокашник просто обозвал му… (надеюсь, понятно без расшифровки), но было много таких же, как я. Не знаю, плохо это, хорошо ли. Просто факт.

В мае 1985 года поступила команда «вперёд!». До последнего жене ничего не говорил, расстраивать не хотел, но, как водится, нашлись доброхоты-радетели. Сообщение об убытии жена восприняла внешне спокойно. Потом призналась, что уже давно знала о дате отъезда. Только напомнила, что через пять месяцев у нас родится дочка и лучше геройством не увлекаться. Почему дочка? Это как-то само собой подразумевалось, потому что сын уже был. Об этом я ещё скажу позже.

Штаб МВО, штаб ТуркВО, инструктажи, напутствия, предостережения. Слушал вполуха, потому что самые ценные напутствия получил ещё в Коврове. Полковник Попель, уже побывавший там, был краток: «Жри больше чеснока и мёда, тогда зараза не пристанет, и думай, прежде чем делать». Школьный друг Серёга передал потёртый портмоне со вшитыми под подкладку помочами – четыре поколения с ними служили, пусть и тебя сберегут.

В ожидании своего борта несколько дней поизнывали от ташкентской жары и безделья. Каждый уверен, что уж в ту сторону уедет сразу. Деньги в распыл, прощальные гастроли и оба-на… Оказалось, попасть на самолёт туда – как на курорт в разгар сезона. Сутки, двое, трое – не предел. Опять же некоторые умельцы сидели неделями, преднамеренно не являясь на контрольные переклички. Вообще, кто не побывал на ташкентской пересылке, много потерял. Но вот свершилось, мы включены в списки. Проходим таможню. Глядь, одного завернули, второго. В чём дело? Водку не пропускают! Что делать??? Не врагам же оставлять! И понеслось…

Из «горла» да под занюшку. Нам повезло, мы свою давно допили. Страху нет, но тревожно, у меня остался запрещённый груз – дежурный червонец, спрятанный под обложку блокнота. Так учили бывалые – на обратный путь. Таможенники народ тёртый, приглашают в смотровую кабиночку: «Отдайте сами, что прячете, а то найдем». Раздели до самого некуда. Всё осматривали и пропускали через «жужжалку». Начинаю снимать слегка несвежий носок и спрашиваю обиженно так, но с издёвочкой: «Дальше продолжать?» Тут стражи границы сломались: «Одевайтесь, проходите, но ведь всё-таки везёте что-то?» С видом победителя, молча, следую в отстойник. Вот, наконец, мы на борту. Самолёт взлетает. В душе и в мозгу происходит что-то непонятное. Воспоминания, тревога, ожидание. Начинаешь осознавать – всё, обратной дороги нет. Военный «бортстюарт» возвращает в реальность: «Здравствуйте. Вы на борту ВВС, поэтому предупреждаю – сортир не работает, но через час-полтора будем на месте. Услышите хлопки, не дёргайтесь, это отстрел, да и парашютов всё равно нет». Как ни странно, монолог летуна привёл всех в дикий восторг.

Время пролетело в мыслях и полукемаре, и вот посадка. Глаза ослепило яркое солнце, вокруг песчаная пыль и жёлто-коричневый пейзаж. В воздухе стрекочут «вертушки». Прибыли на кабульскую пересылку в ожидании распределения. Короткий инструктаж, как спасаться от солнца, что делать при обстреле, как уберечься от расстройства желудка. Потом ознакомительная беседа, агитация «за Советскую власть». Не посрамите мол, а то в 24 часа, с позором… Кто-то грустно пошутил: «Штамп, что были, уже есть, может, сразу посрамим да назад?» Кстати, обстрел был, и было страшно. В первую очередь от мысли, что вдруг вот так бездарно, хлоп, и всё.

На следующий день в казарму влетел майор: «Мамонтов кто? Собирайся, поехали. Я заменщика уже какую неделю встречаю. Куда? Чего? Всё по пути расскажу». Загрузились на БТР, двинулись. Кругом экзотика. Дувалы, мечети, редкие деревца и солнце. Это площадь такая-то, это район такой-то, рассказывал новый знакомый. Короче, это Кабул, столица Афганистана. Видя окрестные, уходящие в горы глинобитные хижины, с нетерпением ждал, когда же будет сама столица. Оказалось, мы её уже проехали. Несколько попавшихся по пути трех-пятиэтажных зданий, похожих на цивилизованные строения, и есть центр.

Всё происходящее воспринималось с восторженно-романтическим налётом. Мозги ещё работали на рельсах мирного учебного процесса, хотя это быстро прошло.

Попал в ОРВББТ – отдельный ремонтно-восстановительный батальон, расположенный на окраине Кабула, в «Тёплом стане». Жили в модулях – фанерных домиках. Личный состав занимался эвакуацией, ремонтом

БТ-техники и её совершенствованием. Наваривали, например, «брови» на Т-62М, делали противокумулятивную защиту. Условия быта, по меркам Афганистана, цивильные. Сборные группы привлекались для участия в боевых операциях. По горам и долам моталась в основном эвакорота. В общем, далеко не ДШБ или спецназ, но корявые щупальца госпожи смерть доставали и нас, причём порой очень банально и до обидного глупо. Бывало, вмешивался его величество случай, а иногда человек сам определял свою судьбу, проявляя, как лакмусовая бумажка, самые лучшие или низменные человеческие качества.

Батальон готовится к армейской операции, все крутятся сутками. Объявлен выход. Утром вытягиваем колонну. Две реммашины разукомплектованы, на двух отсутствуют запаски. Вроде мелочь, если в масштабе мировой революции, а на войне может стоить дорого. Два шустрячка, стоя в боевом охранении, решили толкнуть ходовой товар афганцам. Они-то сами в батальоне остаются, а на боевых, мол, выкрутятся как-нибудь, спишется всё, зато к дембелю подготовимся. Потом на коленях у своих же парней прощенья вымаливали. Оба пошли под трибунал. Жестоко, но справедливо. Так один потом писал письма с просьбой дать возможность вернуться в свою часть и искупить кровью, а второй – с призывами следовать его примеру, рекламируя дисбат как верное средство откосить от войны. Типа сволочь, зато живой. Туда мы от имени батальона «маляву» отправили, чтобы помогли парню с жизненной ориентацией.

Можно было бы об этом умолчать, но не хочу, чтобы мой рассказ превратился в мыльно-героический сериал, где все одинаково мягкие и пушистые. Самое страшное, что вот такие подонки могут махать сегодня своим удостоверением и рассказывать, как мешками кровь проливали и писали прощальные письма на плече убитого друга. В том-то и суть, что все были разные, поэтому и память о них разная. Для меня иначе быть не может. Ведь такие же парни водили свои МАЗы и КрАЗы по афганским дорогам, каждую минуту рискуя подорваться или сорваться в ущелье на узком горном серпантине, где один борт скрежещет по отвесной скале, другой нависает над пропастью, а в кузове ёрзает 40-тонная «раненная» махина. На операции под Пандшером колонна нарвалась на засаду. Тогда мы потеряли четверых парней, ротный был ранен в голову, но залитый кровью, практически ничего не видя, держался, пока не вытащили всех своих.

Как раз тогда в Кабул приезжали писатель Юлиан Семёнов, поэтесса Фазу Алиева и секретарь Союза писателей Ким Селихов. Конечно, вся их поездка была расписана. Нам, как «не особо боевой части, есть подостойнее», как выразился один из сопровождающих гостей штабной офицер, их визит не грозил. Мы, на свой страх и риск, решили по-другому. Главное, как говаривал Наполеон, ввязаться в сражение, а там посмотрим.

Несмотря на комендантский режим, в 23.00 взяли фельдъегерский БРДМ и метнулись в кабульскую гостиницу, где, как предполагали, могли разместиться гости. Уж не помню, на каком языке разговаривали с афганцами, обеспечивающими безопасность снаружи, потом убалтывали своих внутри, но в номер попали. После некоторого недоумённого замешательства и бутылки коньяка наши быстрота, решительность и натиск сделали своё дело. Мой напарник объяснил высоким гостям, что в боевые части они ещё успеют съездить при свете дня и в парадной колонне, а по ночному Афганистану, да с адреналином вместо сопровождения, – навряд ли. И после того как я добавил, что сие самовольство грозит нам высылкой в Союз за 24 часа, а очень хочется исполнить свой долг до конца, согласились. Ребята такого подарка не ожидали. Обычно вся культурная программа разнообразилась просмотром «Белого солнца пустыни» или «Семи самураев», выученных наизусть. Когда Фазу Алиева, увидела четыре аккуратно заправленные кровати с траурными ленточками, на глаза выступили слезы и она попросила прощения за слова сопровождающего. Потом читала свои стихи и посвятила одно из них нашим «не особо боевым парням». Произвела впечатление на гостей и «ромашка» – подорвавшийся на фугасе танк. Не было показухи, было живое человеческое общение. После такой тяжёлой операции ребята воспрянули духом. Короче, игра стоила свеч. Все остались довольны. Звезды в Афган приезжали разные, но, уверяю вас, не многие решились бы на подобное. До сих пор на книжной полке лежит журнальный вариант «Семнадцати мгновений весны» с короткой надписью: «Андрюхе на память. Ю. Семёнов» и томик стихов поэтессы, в котором одно стихотворение посвящено НАМ!

Через несколько дней на совещании в штабе армии рассказывали о происшествии – пропаже в ходе визита писательской делегации. Контрики в кулуарах расспрашивали, не знаем ли мы чего-нибудь. Не удержались, сдерзили: представления не имеем, но солдаты остались довольны. Может, и не имел я права на подобные действия, а может, из таких, безрассудных на первый взгляд, поступков и складывается настоящая жизнь, за которую не стыдно. Ни нам, ни им.

По осени дали строгую команду – блюсти форму одежды. Всем переодеться в ПШ и чтобы всё по уставу, а то, по мнению проверяющих из Союза, мы здесь разболтались и честью мундира не дорожим. Буквально через неделю летит команда – в связи с участившимся отстрелом офицерского состава срочно снять ПШ.

Война войной, но не могу не сказать о своеобразии, красоте природы Афганистана. С эвакоротой выдвигаемся из Кабула в Джелалабад. Горные дороги, где едва могут разойтись встречные машины. Бесконечные серпантины, когда бросаешь с верхнего кольца вниз гранату, а её разрыва уже не слышишь. Только маленькое облачко внизу. Контраст между из-

нуряющей жарой пустыни и леденящим холодом гор. Вокруг песчаная пыль, безжизненная желтизна песка и вдруг зелёный оазис с тропическими пальмами и диковинными растениями. Если бы не постоянное напряжение, ожидание засады или подрыва, изнуряющая духота от раскалённого железа машины, – красота. Да ещё сожжённые наливники вдоль дороги и мёртвые кишлаки возвращают к реальности. Я уж не буду вдаваться в подробности о прелести оправления естественных надобностей «с борта» да на ходу. Да, бывало и такое. Кто-то скажет: стыдно, господа. Это не стыд, а инстинкт самосохранения, продиктованный жизнью. Хотя иногда и дозволялось осторожненько сбегать на бахчу за арбузами или виноградику набрать. Десертами нас не баловали. Но, даже предпринимая все меры предосторожности, каждый раз, давая такое «добро», я внутренне сжимался и уповал на Всевышнего, чтобы всё обошлось. Отвечать за самого себя проще, чем за жизнь других.

Я уже говорил про его величество случай. Кто-то намотал по закордонью сотни километров, а другой поехал первый раз, в безопасную, казалось бы, поездку, и попал. Прибыл молодой лейтенант, командир взвода. Бодрый, жизнерадостный, уверенный в своём бессмертии. Так и рвётся повоевать. Отправляем с колонной в Шинданд имущество получить. И засады не было. Так, слепой обстрел. Пуля – дура. Тяжёлое ранение, всё – отвоевался. Зам. ком. роты стоял дежурным по части. Вечером возвращается эвакогруппа. Перед КПП остановка. Через дорогу обычный жилой квартал. Несколько афганцев облепляют машину. Обычная картина. Один предлагает «чарльз» – анашу, водку, какие-нибудь безделушки, а другие в это же время пытаются что-нибудь спереть или купить. Продуктами и так иногда делились, но в машинах оружие и боеприпасы. На улице темнота. У них методика действий сродни цыганской: не удалось выпросить, выменять – хватают первое попавшееся под руку и врассыпную. Солдаты, охраняющие колонну, пытаются отогнать незваных гостей, но те уже привыкли, что, кроме угроз, опасаться нечего. Силовые действия могут привести к скандалу, в котором виновата всегда одна сторона – шурави. Ведь советский – друг, обидеть не может. Лейтенант делает предупредительный выстрел вверх. В ответ наглые усмешки и предложение сторговать пистолет. Многие местные, кстати, здорово болтали по-русски. Когда один из нападавших попытался вытащить из машины автомат, офицер открыл огонь на поражение. Убитый оказался сыном высокопоставленных родителей. Дознаватели, прокуратура, трибунал. Парня еле удалось отстоять. Мы поручились за него всем батальоном. В довесок к извинениям родители потребовали компенсировать потерю ребенка продуктами. Это может показаться циничным, но такова реальность. Афганские семьи, как правило, многодетны, а прокормить проблема. Из-за болезней и всякой заразы высока смертность. Поэтому и

отношение такое: выжил – хорошо, нет – так Аллаху угодно. В похожей ситуации на марше под колеса пехоты попал «бачонок». Несколько мешков муки, крупы и коробок с тушёнкой исчерпали инцидент. Родители искренне радовались и благодарили за щедрый дар. Для них это одна из обычных норм поведения, компенсация за убийство, прописанная в «адате».

Вообще, Афганистан – страна контрастов. Здесь перехлёстываются Средневековье и цивилизация. Отношения, по сути, родоплеменные. Исповедуют ислам, регламентируемый догмами шариата. Пять ежедневных молитв и пост в месяц Рамазан – святое. Женщины ходят в парандже. Открытое лицо и джинсы на даме можно увидеть разве что в районе Кабульского университета, среди молодёжи. На весь город два светофора, которым разруливать обычно помогают регулировщики. Соблюдение дорожных правил – понятие условное. Двухъярусный автобус – это значит, что пассажиры располагаются в салоне и на крыше. По дорогам снуют «барбухайки», наши ГАЗ-51, японские иномарки далеко не первой свежести и верблюды. Через Кабул протекает одноимённая река. Вот женщины стирают белье, метрах в 50-ти купается детвора, а чуть выше по течению кто-то справляет естественные надобности. В дуканах (магазины на манер наших лотков) тьма импортных товаров, совершенно никчёмных для местных жителей, но являющихся пределом мечтаний для некоторых советских. Зашёл, не поторговался – тебе просто отказывают в услуге. Там, к примеру, я впервые увидел видеомагнитофон. Как только в Союзе развернулась борьба за трезвость, водку стали продавать исключительно в литровых бутылках с предостережением: «Командор, Горбачёв сказал: тебе нельзя». Если ты чайный гурман, предложат ассортимент от настоящего «Липтона» до самопальной бурды. На бакшиш (в подарок) обязательно всучат цветастую пачку презервативов, ногтегрызку или ещё какую-нибудь мелочёвку. Деньги к оплате принимаются любые, но особенно в цене советский червонец. Слово «канализация» для них неведомо, за исключением нескольких правительственных зданий и района пятиэтажек, построенных нашими строителями. Основное жилище – глинобитное строение. Много мечетей, с которых с утра начинает раздаваться пение муллы, часто записанное на магнитофон. Очень ревниво относятся к своим устоям, порядкам и заповедям, подвержены суевериям. Мистический смысл, например, имеет «правило правой руки»: здороваться только правой рукой, входить в дом с правой ноги. Сделал не так, всё – ты враг. Но это всё так, для общего понимания. На военном лексиконе Кабул – часть зоны «Центр».

Не могу не сказать о тех, кто остался ждать дома. О родных, близких, знакомых. Пока все под боком, чувства порой притупляются, и только находясь вдали, понимаешь им истинную цену. Когда любая весточка,

письмо на вес золота. Начинаешь осознавать, что им там не легче, а во много крат тяжелее. Ждать, ждать и бояться. Поэтому в письмах всегда и писал о чудной природе, погоде и т. д. Служба службой, а на дворе октябрь. Жду сообщения о рождении дочери, а тут ни телеграммы, ни писем. Мысли разные в голову лезут. Уже в декабре сразу куча писем. У нас всё нормально, дочка уже поднимает голову, ну и всё такое. Я в шоке. Оказалось, кто-то где-то телеграмму, а потом и корреспонденцию придержал. Чтобы не волновать и не отвлекать по мелочам. Раньше думай о Родине, а потом о себе. Тут Остапа понесло. Дошёл до командующего армией генерала Дубынина. Тот, к его чести, среагировал мгновенно. Вызвал кого-то, и передаю дословно: «Это действительно так? Так какого ж вы…!?! Всё, капитан, езжай!». Так оказался в краткосрочном отпуске. Вбегая в дом, уже представляю себе маленькую лялечку. Быстрее к люльке. Вижу здорового спящего карапуза, укутанного одеялом. Так, это сын, а где дочь? Нет, отвечает жена. Это дочь так успела вырасти, тебя ожидаючи, а сын в яслях. Вот такой курьёз получился, но это ещё не вся басня. Вечером собрались родня, друзья. Стол, закуска. Отдыхать бы, радоваться, а меня колотит всего. Смутные предчувствия одолевают. Закрылся в ванной, на наличие симптомов провериться. Кто знает – поймёт. На всякий случай от гостей подальше. Те в недоумении жмут плечами, мол, странный какой-то Андрюха. Утром температурища и глазки в желтизну подались. Приплыли, гепатит. Чтобы не подвергать опасности своих, бегом в медсанбат, ну и, естественно, загремел в госпиталь. Пришлось вместо бокалов за здравие капельницами потчеваться. 40 штук, будьте добры. Оказалось, что заграничный вирус повреднее доморощенного оказался. Добрый доктор на мне эксперименты ставил. Даже на Новый год не отпустил, вредина. Но, спасибо ему, своё дело сделал добротно. Обошлось средней тяжестью. Выписался, попрощался и уехал. Хотя, опять же, предлагали под это дело остаться. В части меня уж в уклонисты записывать собрались.

Завертелись боевые будни. Готовимся к очередной операции. Близость к вышестоящим штабам сказывается. Проверяющие, контролирующие один за другим. Строевые смотры техники, людей и всё такое. Приезжает зам. командующего по вооружению и обнаруживает вопиющее безобразие: у одного из бойцов на семь суток запланированных боевых в вещмешке подшивы – всего на пять. Всё! Выполнение боевой задачи под угрозой. Собирает офицеров и объясняет взаимосвязь между подворотничком и боеготовностью. А если б этот факт представители Генштаба узнали? Идёт вдоль строя, тыкая каждого в грудь. Подходит ко мне, хватает за грудки: «Это ты дисциплину разболтал?». Про дисциплину ладно, а вот за грудки зря. Ответил ему тем же. Погорячился, конечно… Короче, через неделю отправился в «ссылку», в солнечный Кандагар – 70-я отдельная мотострелковая бригада, танковый батальон. Забегая вперед, скажу, что ни разу об этом не пожалел. Там, в провинции, кстати бывшей столице Афганистана, и жизнь, и война, и отношения были несколько другими, меньше лоска и показухи.

Майор, которого прибыл менять, сначала наотрез отказался уезжать. Потом, после «сдачи-приёма дел» и прощания с батальоном, хлопая по плечу, резюмировал: «В принципе, я за год уже навоевался, теперь давай ты». Поначалу меня приняли за прибывшего из Союза свежачка и тщательно опекали. Впрочем, так поступали с каждым вновь прибывшим и солдатом, и офицером – традиция и жизненная необходимость. Это не задевало и воспринималось естественно, хотя за плечами уже был некоторый опыт, поездил по Афганистану, видел смерть. Поэтому и благодарен по сей день всем, кто вовремя помог, подсказал, научил, предостерёг. А там уж сама обстановка и жизнь всё расставили по местам.

Вот лишь несколько совершенно не геройских, но жизненных примеров. Приезжаем на одну из точек охранения. Танк стоит окопавшийся, лабиринт окопов, маскировка. Из блиндажика выбегает сержант, доложил и прыг в окоп обратно. Ну, говорю, показывай сектора обстрела, рассказывай обстановку, а сам хожу по брустверу, в бинокль обозреваю окрестности. Тот всё толково объясняет, но то и дело оборачивается на меня. Вижу, нервничает. Сзади подходит боец и без обиняков наставляет: «Вы бы, товарищ капитан, пригнулись или в окоп лучше. Мы на этом форпосте уже полгода у „духов“ на прицеле сидим, и пристрелялись они конкретно». Вразумить «нахала» не успел. Раздался противный свист. Вместе с бывалым слетаю в окоп, автоматически откатываясь в сторону. Одна за другой шлёпаются две мины, сливаясь в один разрыв. «Не обижайтесь, – миролюбиво начинает сержант. – Мы не из трусости так, а по необходимости. По первости все проверяющие так, а нам уж скоро на дембель. Их в „зелёнке“ хрен засечёшь, а мы как на ладони». Благодарю солдат за науку. Вопрос исчерпан.

Сколько наших солдат вот так, круглосуточно под прицелом, изо дня в день, буднично выполняли свой долг. Вроде всё просто. Один наблюдает, один отдыхает, двое «на хозяйстве». Постоянная опасность становится обыденной бытовухой, но в этом и коварство. Враг только и выжидает удобного момента. Расслабился, притупил бдительность – получи скандал, подстрелят или вырежут. Никакая самая оперативная подмога не успеет.

На первую операцию определили в техзамыкание. Не дойдя до места назначения, колонна расположилась на ночлег на каком-то плато. Подошли «Грады» и под наши восторженные возгласы дружно отработали в сторону гор. Минут через 20 расположились на запоздалый ужин, но не успели поднести ко рту первую ложку, как прилетел ответ. Обстре-

ливали фосфорными снарядами. На фоне ночи взрыв – загляденье, прямо фейерверк новогодний. Даже не верится, что такая красота может убить. Когда один РС угодил в капот ЗиЛа, гружёного боеприпасами, поняли – может. Все сразу прозрели и давай ховаться. Юркнули под первую попавшуюся машину. Наблюдаем светопреставление. Вдруг от МТЛБэшек бежит майор. Размахивает руками в нашу сторону, периодически крутя пальцем у виска. Чего шальной выскочил? Мы молодцы, спрятались. Оказалось, сидим под бензовозом. Один шальной осколок, и не только нас – всё стойбище снесло бы подчистую. Обошлось, но подкалывали друг друга ещё долго. Тот рейд вообще запомнился. Механик-водитель просто орёл. «Не волнуйтесь, товарищ капитан, не впервой, всё будет в ажуре». Выдвигались обычно в ночь. Чтобы по тихой и внезапно. Колонна около сотни машин. Идти стараешься колея в колею. Пылища забивает глаза и все возможные отверстия. Впереди, как в тумане. Мигают только габариты впереди едущего. В связь входить нельзя. От монотонности движения убалтывает в сон. Уверенный в опытности «руля», позволяю себе чуть-чуть расслабиться. Из полудрёмы выводит стрельба. Продираю слипшиеся от пыли глаза. Стоим. Впереди, сзади – никого. Метрах в двухста справа, со стороны пустыни, зарево от вспышек выстрелов и трассеров. Прямо передо мной ужас в расширенных глазах механика. Что за фигня? Где колонна? «Не знаю, товарищ капитан, – дребезжащим голосом отвечает Витёк, – заснул». Рвануться в эпицентр сражения? Хрен его знает, кто там и что. Принимаю решение двигаться вперёд по колее. Отправляю второго бойца прокладывать путь, иначе ничего не разберёшь. Стрельба стихает так же внезапно, как началась. Вхожу в связь. Отвечают: двигайтесь вперёд к высоте 507, русло реки обходите слева, квадрат такой-то. Карта вещь хорошая, но иногда бесполезная. Провожу рекогносцировку, чувствуя себя Ильёй Муромцем на распутье. Направо пойдешь – пустыня, налево – сопки да горки, все на одно лицо. Кругом темень. Вспомнился анекдот училищного тактика. Как ориентироваться в пустыне? Надо сесть и сделать кучу, а потом ждать, какая сторона мхом зарастёт. Там север. В это время прокладывающий путь сообщает: куда дальше – не знаю. Оказалось, едем уже не по трассе, а по высохшему руслу реки. Слава Богу, русло нашлось! Минут через 20 добрались до своих. Тут механик на радостях безапелляционно заявляет, что не сомневался в успехе нашего безнадёжного дела, а просто решил своих товарищей на вшивость проверить. Через пять минут, отведя меня в сторону, нервно похихикивая и размазывая слезы, признался, что на таком марше впервые, и чтоб о случившемся никому, а то танк больше не доверят. Чего тут объясняться, самому стыдно. Зато сколько потом мы поколесили с ним, проблем не было, да и самому кемарить расхотелось. Шум со стрельбой устроили разведчики, раздолбив пулемётное гнездо «духов». Повоевать в

тот раз не пришлось, душманский лагерь оказался пуст. Ушли, хотя провиант и схрон боеприпасов забрать не успели. Мы даже надыбали спрятанные в ущелье две «Тойоты».

Батальон, как и пехота, выполнял триединую задачу. Одна рота стояла в пустыне, вторая – в охранении вокруг бригады и по точкам, третья ходила на войну и обеспечивала сопровождение колонн. Условия жизни попроще, чем в столице: обычные палатки да несколько глинобитных самопальных пристроек. Обычным было обнаружить поутру в своей постели незваного гостя типа какой-нибудь фаланги или ради потехи отлавливать тушканчиков, проникавших между палаткой и внутренним пологом.

Коллектив был, как на Ноевом ковчеге, – 12 национальностей, и ни разу на этой почве не было никаких заморочек. Экипажи комплектовались исключительно по степени надёжности и профессионализма. Причём полученная в учебке специальность – понятие условное. Закидной мог стать командиром, механик – наводчиком и наоборот. Каждый делал то, что умеет лучше. Были и такие, кто всю службу провёл на камбузе или в банно-прачке. На них не обижались. Просто на другое они были не годны. Боевая обстановка быстро учила ребят, да и нас, ответственно относиться к своему делу. Экипаж танка, как и всё подразделение, должны быть слаженным, взаимозаменяемым механизмом. Здесь, как в подводной лодке, один не сработал – проиграли все. Поэтому степень ответственности за свой кусок дела и доверия друг к другу были на высоте. Показательный пример. Приехали артисты – группа «Москвички», а в 4 утра выход на операцию. Комбат строит батальон. Поставив офицерам, а потом и всему личному составу задачу, завершает: «В 3.00 колонна должна стоять там-то, в полной боевой. Желающие могут спать. Кто чего не докрутил, не заправил – в парк. Доклад о готовности в „…дцать“. Кто готов, вперёд, на девок глазеть, полморсос поднимать». Для несведущих расшифрую: политико-моральное состояние значит. Никто ни над кем не стоял, свечку не держал. Каждый командир и боец осознанно понимали, что через несколько часов надо будет выполнять БОЕВУЮ задачу и выжить.

Артистки работали по полной. Вдруг пауза. Звучит команда: «Разведрота, на выход». Несколько рядов дружно, тихо встают и выходят. Остальные ждут своего часа, надеясь захватить ещё номерочек. Девчонки молодцы, они пели и плясали до тех пор, пока импровизированный клуб полностью не опустел. Колонна тронулась точь-в-точь, в полном составе. Представляю, какой был бы «концерт» при подготовке техники к выходу на ученья в Союзе.

Хотя иногда русская надежда на «авось» брала верх. В пустыне 300-й, надо эвакуировать в госпиталь. Комбат вызывает – сопровождения завтра нет, но время не терпит. С утра берёшь БРДМ, стрелка на всякий случай,

и вперёд. Понял. Вызываю водилу, ставлю задачу. Машину подготовить, пулемёт проверить, боекомплект затарить. Понял? Без стрелка справимся? Без базара. Надо отметить, что дело своё Олежка Чернышов знал, но было у него две непреодолимые слабости: поесть и поспать. В 5 утра докладывает: «Всё готово». Садимся в машину, вижу загруженный цинк с патронами, пол-ящика тушёнки. Куда столько еды? На всякий случай. Хвалю за инициативу. Вперёд! До пустыни недалеко, минут 50, но без сопровождения, хоть и стоят наши точки вдоль дороги, очень неуютно себя чувствуешь. Места больно неспокойные. С одной стороны «зелёнка», там вдоль дороги делали искусственные стены из подбитой и сожжённой техники, чтобы хоть как-то прикрыть от обстрелов. Мы их называли Великой кандагарской стеной. С другой – сопки с лабиринтами троп и распадков. Ну, вроде всё пучком. Две трети пути позади, проскочить бы Нагаханский поворот, и, считай, приехали. Видно, не наш день был… Раскатистая очередь со стороны гор нарушила спокойствие. По броне застучали пули и перед БРДМкой брызнули фонтанчики пыли. Бросаюсь к пулемёту, дёргаю тросик – патрон в патронник не идёт. Только песок из казённика ссыпается. С добрыми словами в Олежкин адрес хватаю автомат, высовываюсь в люк и полощу в сторону выстрелов. В мозгу одна мысль: если бахнут из гранатомёта, каюк. Пронесло. Только тут, медленно оседая на сиденье, понимаю, что мы не едем, а уже практически взлетаем. Поворачиваюсь к Чернышову. Глаза шире бойниц БТРа, пот градом. Пытаюсь оторвать до синевы вцепившиеся в руль руки – бесполезно. Долблю по ноге, вжимающей газ до полика, – аналогично. Пролетая первое КПП, мы едва не снесли шлагбаум. Хорошо, тогда не было антитеррористических бетонных плит. Затормозить лихача удалось в аккурат перед входом в палатку. Примитивным ударом по лбу. Надеюсь, сие действие не будет воспринято как неуставняк. Хотя первым желанием было объяснить парню, что он не прав, именно таким способом. Начинается отходняк. Иногда в критической ситуации не думаешь ни о геройстве, ни о смерти. Просто включается какой-то автопилот. Осознавать происшедшее начинаешь только спустя какое-то время. Сигарета в подрагивающей руке не хочет зажигаться, в голове появляется рой мыслей, сквозь который пробиваются объяснения Чернышова, что пулемёт на «последней войнушке» исправно строчил, поэтому он всю свою энергию направил на пополнение запасов провианта и т. д. и т. п. Выкурив в пару затяжек термоядерную «приминy», сказал просто: «Я выполняю свои задачи, ты свои тоже знаешь. Утром возвращаемся». Просыпаюсь от стрельбы. 4 утра. В чём дело? А это ваш водитель пулемёт испытывает!!! Через несколько минут счастливый Чернышов влетает в палатку. «Товарищ капитан! Пулемёт разобран, смазан, собран, опробован. Вы должны посмотреть, как я чётко стреляю». «Кто научил?» «За три банки тушёнки, ночью, уговорил спеца с пехоты». «Я ж тебе спать разрешил». «Какой тут спать, вы что?» По достоинству оценив инициативу без пяти минут дембеля и понимая, что добровольно недоспать и отдать тушёнку для него воистину самоотверженный поступок, соглашаюсь понаблюдать, как в темени ночи освоена смежная специальность. В БРДМе спотыкаюсь о цинки с патронами и снаряженные ленты. Раз, два, три! Куда столько? «Вы чё, товарищ капитан? А вдруг обстрел?» Стреляя во всё, что только можно, на импровизированном стрельбище, боец бил все рекорды меткости. «А где тушёнка?» «Да фиг с ней, я её на патроны у пехоты обменял!» Вот уж, как бы ни верна была русская пословица «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится», наша, афганская, «Лучше быть голодным и живым, чем сытым, но мёртвым» вернее. Обратная дорога тоже оказалась не из приятных. Ночью было нападение на «точку». Завязался бой. Когда мы подъезжали к КПП, ещё раздавалась стрельба. Колонну не выпускали. На помощь ребятам отправили БМП с десантом. Минут через 10 всё стихло. Подбежал взводный из пехоты. Капитан, выручай. Наши нарвались на засаду. Пока «духи» отошли, надо вывезти раненых. Трудно передать словами ощущение. Несколько минут назад бравые парни, подпитые по тревоге, подтрунивая друг над другом, садились в машину. Перед глазами ещё стоит улыбающееся лицо румяного гренадера, вертящего пулемёт, как пушинку. Теперь мы затаскиваем его окровавленный труп с вывороченными наружу костями в БТР. Парня срубили из гранатомёта, в упор…

Наш солдат, без сомнения, лучший! Это признали даже сами душманы. За многовековую историю Афганистан пытались покорить и Александр Македонский, и англичане. Уже после вывода советских войск бороться с Аль-Каидой пришли американцы, но высшей оценки за доблесть удостоен только советский солдат.

К русским, в отличие от прочих, даже как к врагам, относились с большим уважением, признавая их героизм и верность своим идеалам, а не денежному мешку. Нам от этого не легче, но оценка сильного противника всегда имеет вес и значение во все времена.

После возвращения из Афганистана супруга удивила. Я понимаю, говорит, что это ты, но какой-то незнакомый. И не потому, что загар негритянский. Чувствую, в мозгу что-то изменилось. Взгляд не тот и движения не те… Насчёт движений и восприятий сразу вспомнился прикол. Замена. Со взводным идём по ташкентскому аэропорту, балагурим ни о чём. Короче, балдеем от осознания, что та жизнь осталась позади. Вдруг раздаётся громкий, резкий хлопок. Не сговариваясь, как по команде, бросаем шмотки и рыбкой в окрестный газон. Распластались, лежим. Через мгновение смотрим друг на друга, ржём, ловя на себе недоумённые взгляды прохожих. Понимаем – лохонулись. Это просто взлетающий самолёт из-

дал звук, воспринятый как разрыв гранаты. Мы уже в Союзе, а мозг ещё думает и реагирует по-тамошнему. Встали, отряхнулись и, как ни в чём не бывало, двинулись дальше. Но это проходит, а вот несколько иное восприятие жизни остаётся надолго. Раньше казавшиеся серьёзными и законными требования и наставления воспринимаются с ухмылкой, потому что за ними пустые фразы. Когда начинают загружать никчёмными инструкциями или убеждают, что в бою невозможно победить без походной ленинской комнаты, чувствуешь себя как в театре абсурда. Тщетные попытки некоторых сослуживцев казаться знатоками военного дела вызывают лишь горькую иронию и раздражение. Причём скрывать это не считаешь нужным. Просто невольно демонстрируешь – я понял твою суть, рамки армейской субординации обязывают, но я тебя презираю. Другие, наоборот, вырастают в твоих глазах. Они просто не смогли, не захотели освоить науку «где лизнуть, где гавкнуть», чтобы по праву занять должное начальствующее положение.

Кто много послужил, наверняка, хорошо помнят, что такое итоговая проверка, инспекция или работа комплексной комиссии. Бесконечные совещания, инструктажи, «помощь» вышестоящих штабов, всеобщая нервозность и одно желание – скорее бы всё закончилось. Расположение перекрасить! Так ведь только красили? Надо! Приезжающий начальник любит, чтобы с другим оттеночком. На войсковом стрельбище все газончики передерновать, травка посвежее должна выглядеть. А ведь по плану роту на стрельбу надо вывезти? Вы что, некогда! Комиссия едет...

Тут многое зависит от командира. Помните «Поединок» Куприна? В день смотра все командиры подняли роты в 4 утра, кроме пятой. Людям суетливо вбивали в голову всякие наставления вместо того, чтобы просто дать выспаться. Результат закономерен, 5-я – молодцы, остальные «людей завертели, лишь бы начальству угодить». Мне в этом плане с командирами везло. В Кандагарскую 70-ю ОМСБр приходит депеша. Завтра ждите проверяющих – итоговая проверка. Готовьте план-конспекты, внешний вид и т. д. Команда «Все ко мне!». В ожидании озадачивания собираемся у штаба. Слово «конспект» звучит не иначе, как ругательство. Выходит улыбающийся комбриг и объявляет: «Гости приедут отрабатывать командировочные завтра к вечеру. Оставить самых надёжных и достойных, ну, кто в санчасти и на обслуге. Чтобы политподготовку, строевую, уставы на „ура!“ сдали и отчитались, как положено. А бригада в ночь уходит на реализацию разведданных». Снялись и ушли. Пока мы мотались по горам да пустыням, в ППД (пункте постоянной дислокации) по всей строгости рихтовали сирых и больных. Подозреваю, командиру потом досталось на орехи, но по возвращении «с полей» все дружно смеялись, зачитывая итоговый акт о проверке. Командиры не смогли представить на занятия 100% личного состава, в 5-й роте строевые приёмы на месте не отработаны, в 6-й политконспекты плохие и, о ужас!, перед штабом газончик засох, что явно говорит о халатности командования. В местах выполнения боевых задач никто из ревизоров так и не появился. Зато в Москву, наверное, вернулись с дырочками под ордена, и, кстати, не сомневаюсь, что их получили. За героизм, так сказать, и мужество. Да и удостоверения участников теперь носят с гордостью. Не обобщаю за все Вооружённые Силы, но из песни слова не выкинешь.

Почему всё-таки, возвращаясь оттуда, мы становимся несколько иными, по-другому относимся к людям, обычным, вроде бы, явлениям нашей жизни? Большинство из тех, кто был «за речкой» или в других горячих точках, соглашаются со мной в том, что ощущаемый контраст – это не разница между своей страной и местом пребывания. Это разница в отношениях между людьми и обострённом понимании, что белое, что чёрное. Там сама обстановка заставляет, учит быть реальным, а фальшь прорывается, как гнойный нарыв. Хорошего и плохого хватает везде, но воспринимаешь их «ДО» и «ПОСЛЕ» по-разному. Так вот, если это называется «афганским синдромом», а некоторые чинуши величают нас не иначе как «безбашенными» или «с пулей в голове», пусть будет так. Не стану их разубеждать, много чести. Но пусть, прежде чем навешивать ярлыки, зададут себе банальный вопрос: «А судьи кто?».

Конечно, не единичны случаи, когда у людей действительно не выдерживала психика. От вида крови, пережитой смерти товарищей, непреодолимого страха или нервных перегрузок. В спецназе, стоявшем по соседству, командир группы, кавалер четырёх орденов, заслуженных по чести и совести, вернувшись из очередного рейда, честно заявил командиру: «Всё, больше не могу». Другой офицер дважды переболел гепатитом и тифом. По возрасту – 30-ти нет, а выглядел на 60. Ослабленный организм физически не мог справляться с нагрузками, но заменяться досрочно отказался. Командира танкового взвода после трёх подрывов списали подчистую, несмотря на его возражения. Парень просто начинал терять рассудок при приближении к своей 62-ке. Но согласитесь, это несколько иная тема, другой аспект проблемы.

Кстати, наши научные умы работали и в этом направлении. Приезжали в Кандагар медицинские светила из столицы. Проводили психологические тренинги, учили управлять собой в адреналиновых ситуациях. Демонстрировали разрабатываемые таблетки от страха и стрессов. Заглотнул перед боевыми – и море по колено. Порошочек жахнул по возвращении – и спокоен, как удав. Как же в таком состоянии принимать здравые решения, объективно реагировать на обстановку? Вопрос! Над достижением этого консенсуса они и работали. Честно признались, что пока без должного результата. Когда начальство оставило нас пообщаться тет-атет, обменялись, так сказать, практическим опытом и наблюдениями.

От нашего скептического настроя и ироничного отношения к проблеме один из медполковников так сильно разнервничался (видимо, забыл таблетку выпить), что согласился продолжить беседу под рюмочку шнапсу, где в приватной обстановке и резюмировал, что лучше водки и для храбрости, и для расслабления средства пока ещё не придумали. Исторический факт, ветеранами Великой Отечественной многократно подтверждённый. Только нет, к сожалению, медицинской статистики, сколько из них в результате такой героизации продолжили прибегать к спасительному средству до конца своих дней. То есть всё хорошо в меру. Действие же таблеток очень трудно проверить. Если снадобье дают втихаря, особых всплесков героизма не наблюдается. Когда в открытую, вроде бы есть!?! Никак не могут добиться чистоты эксперимента, определить, по каким параметрам оценивать повышенную степень мужества. По докладу командира об успешном выполнении задачи или по количеству героических проявлений? Короче, народное, проверенное веками средство и интеллектуальная беседа со светилами медицины всем очень помогли, благотворно сказавшись на психологическом состоянии. Расстались, обоюдно удовлетворённые результатом.

О грянувшей перестройке узнали из сообщений командования и СМИ. Что это такое, представляли смутно, да и ни к чему было. Вроде как у них своя свадьба, у нас своя. Вернёмся домой – разберёмся. Примерно так же и с Чернобылем. Казалось, всё происходит где-то на другой планете. Чтобы попасть на эту планету, иногда приходилось напрягаться. В отпуск, например, всем хочется сорваться побыстрее, а тут то борта нет, то погода не та. Идём к вертолётчикам. Братья, выручайте! Надо до Кабула. Вон видите «вертушку» у края полосы? Они вроде собирались. Подходим. У колеса лежит оголённый по пояс организм (не в обиду сказано, просто очень большой). Какие проблемы у пехоты? До Кабула надо. А сильно надо? Позарез, мы отблагодарим. Сейчас проверим, какие вы орлы для полёта. Бортовой, нацеди пехоте по кружечке… Жахнули по полкружки голимого спирта под «курятину» (под сигарету, значит) за содружество родов войск, потом за безоблачное небо и мягкую посадку. Командир резюмирует: «Мужики вроде нормальные, заводи! А благодарность свою лучше жене вези». Прочитав на наших лицах лёгкое недоумение, командир успокаивает: не боись, мы привычные. Только давайте шустрее, по времени всё расписано.

Запомнилось 1 мая в афганской провинции. Революционно настроенные жители праздновали даже День международной солидарности трудящихся. Как-то помогали мы проводить такой праздник в одном кишлаке, Кишкинахуд называется. Помощь – это советские танки, обеспечивающие безопасность проводимого мероприятия. Сначала приём у местного главы, уважаемого человека – Джабара. Ради этого для нас даже нашли

что-то вроде стульев. На столе, читай на полу, фрукты, овощи, плов. Если шурави пожелает, спиртное пожалуйста. Мужественно отказываемся от последнего, в ходе дружеской беседы поглощая плов. Соблюдая этикет, со своей стороны преподносим подарок – несколько махровых полотенец. Принимающая сторона искренне радуется. Обсудив план мероприятия и порядок взаимодействия, покидаем дом радушного хозяина. Расставляем танки на позиции и ждём начала действа. Вокруг уже вьются стайки «бачат» с неизменными просьбами поделиться едой и всем, чем можем. Угощаем их сухпаем, в ответ получая согласие вместе сфотографироваться. Вдалеке, возле здания администрации, собирается солидная группа народа, человек 50. Одни мужчины. Вот они группируются в некое подобие колонны и выдвигаются к месту проведения праздника. Картина несколько несуразная. Здоровые бородатые мужики с кумачовыми транспарантами, плакатами и разноцветными шариками. Ещё больше удивляемся, когда при ближайшем рассмотрении шарики оказались надутыми презервативами. Интересно, кто их надувал? Но это деталь, а так всё по взрослому: суровые лица, революционные речи, поздравления. Даже военный парад был. На двух зилках проехали представители афганских вооружённых сил. Если бы не чёрные лица и бороды – один в один солдаты образца 1945 года. Форма, плащ-накидки, каски, ППШ – всё в тему. Зрители размещаются прямо вокруг на лужайке. После речей концерт силами местной художественной самодеятельности и кульминация – Джабар выходит на поляну, мужчины встают в круг и под собственное устрашающее пение не менее устрашающе танцуют. Ритуал длится целый час без перерыва. Причём тональность и движения идут по нарастающей. Исполнители как будто в трансе. Сильное зрелище, скажу я вам, не для слабонервных. Хочется или пуститься с ними в пляс, или бежать куда подальше. Всё прошло гладко, «духи» не беспокоили. Возвращаемся назад. По пути следования, по совету старейшин, обращаем внимание на развалины крепости, построенной, если верить их словам, чуть ли не во времена Александра Македонского. Эти руины символизируют свободолюбие афганского народа. На границе их зоны влияния прощаемся, как друзья, и домой, в бригаду.

Осталось в памяти и базовое ущелье «духов» – Шинарай. На совещании получили задачу, обговорили вопросы взаимодействия. Поскольку действовать должны были совместно с афганской армией, прибыл ихний генерал. Верный признак того, что о замысле операции будут знать все. Поэтому после убытия коллеги комбриг просит задержаться и срочно вносит коррективы в маршрут движения и план действий. Колонна вышла в заданный район. Ночь, темень и вдруг на сопках яркие вспышки. То ли огонь, то ли блики от зеркала. Это душманские лазутчики передают сигнал о направлении нашего движения. Отвлекаться на них некогда,

да и бесперспективное занятие. Дорога петляет между гор. Колонна вытянулась в змейку. Мы во главе колонны. Впереди танк с тралом торит дорогу. Периодически раздаются глуховатые разрывы и из-под трала разлетаются ошмётки земли и самого трала. За ними БМП пехоты, танк комбата, следом мой. Перед нами почти отвесная скала. Кажется, что дорога упирается прямо в неё, хотя по карте знаем – должен быть поворот. До него остаётся метров 100–150, и вдруг на скале одна за другой яркие вспышки. Вокруг от разрывов начинает дыбиться земля. Слышу команды комбата «Стой!», «Огонь!», ну и дальше упоминание какой-то матери. Даже не понял, в наушниках команда прозвучала или так по ушелью разнеслась. Короче, жахнули практически залпом, прямой наводкой. Команда «Отставить!» была услышана последним стреляющим, как водится, минут через пять. Тишина воцарилась какая-то нереальная. Вокруг тихо, а в ушах ещё гром выстрелов. Оказалось, прямо в скале были установлены две безоткатки с прикованными смертниками. Как «духи» умудрились их туда затащить, до сих пор не пойму. Колонна двинулась дальше, но уже с опаской.

Прибыли в район. Рассредоточились. «Духовское» ущелье пусто, но ещё тёпленькое. Смогли ретироваться буквально перед нами, ничего не успев захватить. Это подтвердили и жители из окрестного кишлачка. Через пару часов разведка группу «духов» всё-таки засекла. Танки придаются пехоте и частенько работают в качестве тарана при входе в ущелье. Пехота, насколько позволяет местность, заходит в ущелье, спешивается – и в горы, занимать господствующие высоты. Остальные рассредоточиваются в боевом охранении, в готовности прикрыть остальных или двинуться на помощь. Получаем команду «пробить» боковую дорогу. Куда ведёт, какая проходимость и окрестная обстановка. Двинулись двумя танками. Всё вроде в ажуре. Едем по пустыне, вдруг вдоль дороги зелёное поле. Оказалось, «лепестки», разбрасываемые нашими с «вертушек». Ехать по ним танком сплошное удовольствие: «Хлоп!», «Хлоп!», но не дай Бог наступить на эти, безобидные с виду, игрушки ногой. Минут через 15 наткнулись на какой-то кишлачок, не обозначенный на карте. Оказалось, мы уже в Пакистане. Пришлось быстро ретироваться восвояси. Бесплатная турпоездка в ещё одну заграницу получилась. Переночевали. Утром с командиром взвода пошли к горной речушке умыться. Попросили сфоткать нас за мирным занятием, дабы домой потом отчёт отправить. Только расплескались, бах, сзади взрыв. Ясно, «духи» решили по мелочи подпакостить. Не дабы воевать, а так, из вредности. Такие парадоксальные ситуации иногда случаются. Если всерьёз, ударили бы по танкам. Мы переглянулись, с целкостью у них не ахти, сейчас в вилку брать будут. Наши орут: давай быстрее назад, а нам вроде как в падлу слабинку дать и в бегство обратиться. Дурь, конечно, бравада, но договорились: если второй разрыв – недолёт, ещё две секунды неустрашимо плещемся – и тикать. Зато наши успеют засечь место выстрела. Бах! Так и есть, второй лёг, и перед речкой. Тут уж инстинкт самосохранения берёт верх, хватаем одежду и ретируемся. Разрыва сзади не услышал, но по какому-то наитию оба обернулись. На месте недавнего пребывания фонтан брызг. Взводный что-то рассказывает про русскую рулетку, испытание судьбы, но его запыханное щебетание перешибают громовые раскаты ненормативной лексики комбата. Зато гнездо шутников засекли. И тоже бахнули. Уж не скажу, насколько удачно, но больше нас не беспокоили. Потом в этой речушке маринку ловили. Рыба такая. Слегка ядовитая, но, если с умом приготовить, вполне съедобная. Сухпай, знаете ли, приедается. Командир роты, Сашка Вевдюк, всегда испытывал слабость к сапёрному делу. У него была душманская сумка подрывника, с содержимым которой и проводились эксперименты. Детонирующий бикфордов шнур – мечта браконьера. Да простят нас природолюбы, но крючков да удочек с собой не было. Но это лирическое отступление.

Пехота вернулась с трофеями и без потерь. Собираемся сниматься, вдруг подкатывают «крокодилы» (БТР-57) с афганским спецназом. Те деловито располагаются. Привели в восторг выгружаемые армейские кровати для обустройства ночлега. Спецназ! Для них это показатель крутости. Комбриг объясняет через переводчика: вы, мол, опоздали слегка. Операция закончилась. Командир зелёных объясняет, что тогда будет выполнять спецзадачу, и просит поделиться трофеями. Для отчёта, так сказать, перед начальством. Начальник штаба даёт им примерные координаты нахождения недобитых боевиков, ушедших в сторону Пакистана. Группа афганских спецов быстро экипируется и уходит. Совершенно в другом направлении… Желаем братьям по оружию успеха и расстаёмся.

Афганские вооружённые силы вообще организация оригинальная. Воинские звания, если верить словам одного из её представителей, присваиваются независимо от занимаемой должности, по сроку службы. То есть начальник склада может быть генералом. То, что у нас называется мародёрством, у них норма жизни. С операции возвращаются увешанные коврами, кастрюлями и прочими трофеями. Всё в дом, в семью. Несмотря на обстановку и место нахождения, настало время молитвы – ружьё в сторону, коврик расстелил и давай поклоны отбивать. Совместно с ними воевать не любили. Всё время ждешь подвоха, да и чувствуешь себя неуютно. Офицеры вели себя, как маленькие феодальчики. Об этом же говорили и наши советники. Хотя были и среди них лихие рубаки, воистину уверовавшие в революционные идеалы добра и интернационального братства.

На полпути к дому из Кабула поступает новая задача. В одном из ущелий боевики, и там надо перехватить караван с оружием. Объяснения, что

надо пополнить боекомплект, не воспринимаются. Выдвигайтесь в назначенный район. БК подвезут. Не спавши, не евши, из огня да в полымя. «Духи» нас ждали и встретили агрессивно. Уже перед входом в ущелье головной танк подорвался. Дорога заблокирована. Вытащить его «духи» не дают, сапёров тоже не допускают. Шмалят перекрёстным огнем. Пришлось разворачиваться. Сзади заняли позицию нонки, перед ними, на сопочках, мы. Короче, остатки БК ушли влёт. Вызываем для поддержки «грачей». Из Кабула ответ: извините – облачность. Комбриг прямым текстом отвечает: «Какая на х… облачность? У нас же авиация всепогодная!». «Грачей» так и не дождались, но свои «вертушки» не подкачали. Отработали по ущелью душевно. Только когда выходили для отстрела, что называется, на прямую наводку, аж дух захватывало. Рискуя собой, они позволили спасти наш подорвавшийся экипаж. В подобных ситуациях мы винтокрылых смертниками называли.

А дальше началось… Почему-то вспомнились рассказы фронтовиков о Великой Отечественной. Кругом всё взрывается, осколки стучат по броне, очереди из крупнокалиберных пулемётов полосами режут песок. От жары, духоты и пороховых газов режет глаза и пересыхает во рту. Ротный, чей танк стоял неподалёку, по рации орёт: меняем позицию, нас обложили. Чтобы осмотреться, высовываюсь из люка. Лицо обдаёт удар горячего воздуха вперемешку с песком и скальным грунтом. Снаряд разорвался прямо у гусеницы танка. Шлемофон съехал на сторону. Командую механику, куда ехать, и съезжаю в люк. В мозгу прямо торнадо какое-то. Во лбу жжёт что-то инородное, а физиономия почему-то мокрая. Выковыриваю из головы кусок чего-то наполовину красного. В подсознании идиотская мысль – красивая штучка, цветная. Начинаю понимать, почему она мокрая. Цветовую гамму придала кровь. Оказалось, осколок скального грунта. Мозг констатирует – это хорошо, могла быть железяка. В ушах голос ротного: «Борисыч, тебя сильно жахнуло?». Всё нормально. Потом он рассказывал, как видел эту картину со стороны. Жалко, говорит, фотоаппарата под рукой не было, эффектное зрелище. Ну, значит, Бог миловал. А высунься я секундой раньше? Хотя это уже домыслы и предположения. Было как было. Нас, танкистов хоть броня спасала. Наша старуха с косой в фугасах, минах да гранатомётах больше пряталась или вот так: вылез по бестолковке – получи. А пехота-матушка в глаза смерти более откровенно смотрела. Им, как и в иных баталиях, всегда больше всех доставалось.

Иногда поражала деятельность некоторых соответствующих надзирающих органов, вернее их отдельных представителей. На марше подрывается зилок, гружёный какой-то утварью. Ситуация вполне обыденная, но загвоздка в том, что машина парализовала движение. Участок дороги, как горная тропа, – ни развернуться, ни разъехаться. Билет в один конец

называется. Попытки приспособить её к передвижению успехом не увенчались, а колонна двинуться не может. После обсуждений и согласований самое ценное и необходимое оставшееся «в живых» перегрузили, развороченные взрывом остатки – в пропасть. Колонна двинулась и в назначенное место прибыла вовремя. Тут поступает команда от тех самых органов. Решение было принято правильное, но не забудьте фотографии того места привезти, да чтобы на скинутой в пропасть машине номера видны были. Понимаем, что ночь, что далеко уже от того места, но иначе документы на списание утвердить не сможем. Придётся расследование проводить, виновных наказывать. Свидетельств 50 очевидцев оказалось недостаточно. Дабы соблюсти требуемые формальности, высылали на место подрыва бронегруппу. Мощности фототехники, чтобы номерок заснять в глубине ущелья, так и не хватило, но бумажки, видимо, оформили на «ура!», собрав объяснения всё с тех же очевидцев. Представитель органов, вяло укорив командование за недоработку, сообщил – проблема снята с повестки дня. А ведь сколько жизней подвергали опасности, по сути, ради улучшения отчётности!

Или вот моментик. Вечереет. Стоим лагерем. Вдруг перед нами, метрах в 200, медленно нарисовывается стадо баранов. Первая мысль, естественно, – подвох. Наблюдатели, разведка изучают округу. Кроме мирно пасущихся баранов, никого. Даже пастуха. От консервов (их прямо по ходу движения забрасывали на трансмиссию танка, для разогрева) или кенгурятины с клеймом 1947 года – подарка щедрых американцев – уже подташнивает. Страшно хочется свежатинки. По рации идёт команда «Не сметь». Однако солдатская смекалка берёт верх. По-пластунски, вокруг сопок, лазутчики вползали в гущу стада, подсекали добычу и назад. Живность запихивали в десантный отсек, и всё о'кей. Представитель соответствующих органов обходит войска, строго предупреждая и вынюхивая запах жареного. Народ тихо трескает «завтраки туриста» и согласно кивает головами. Темнеет и над лагерем повисает стойкий запах жареной баранины, хотя ни одного костра не видно. Комбриг собирает командный состав на уточнение задач. Рядом у костерка два часа назад бдительно надзиравший товарищ с удовольствием обгладывает баранью ногу. От предложения присоединиться отказались. Я своим запретил нарушить «облико морале» советского солдата, поступил по инструкции, но и сам жевал с ними пустой сухпай. После увиденного было очень противно от своего послушания. Хочу лишь сказать, что иногда можно, взяв на себя ответственность, дать слабинку, или уж, будь добр, сам выполняй то, чего требуешь от других. При условии, конечно, что уважение сослуживцев для тебя дороже куска баранины.

В диком восторге все пребывали от политики мирного сосуществования. Едешь по трассе, навстречу летит «Тойота» с группой бородатых му-

жиков и нацеленными в лоб стволами. Открыто смеются, изображая «пух-пух!», а ты сидишь, как дурак, и думаешь, шутят или нет. Поди их разбери: «духи» или царандой революционный. Первым выстрелить нельзя, нарушишь перемирие. Ощущение не из приятных, но на кабульских улицах это как-то ещё объяснимо. Под Кандагаром выполняли задачу по очистке «зелёнки» путём «по возможности мирного вытеснения „духов“!». Красиво звучит, не правда ли? Но когда в полусотне метров перед танком вырастают, словно из-под земли, два гранатомётчика и точно знаешь, что не с благими намерениями, ситуация патовая. Тут всё решают доли секунды, а тебе ещё надо получить разрешение на открытие огня, убедительно объяснив, что это враг. Получается как в психологическом практикуме. На тебя падает бетонная плита, а тебе говорят: «Сейчас будет больно, не хочешь поговорить об этом?». Я тогда оставался за комбата. Мне предстояло только принять решение – согласовывать или дать отмашку. Комсорг батальона докладывает: прямо передо мной два гранатомётчика. После секундных колебаний даю команду «Огонь!». И всё равно промедлил. Один из гранатомётчиков успел выстрелить, развернув соседнему танку гусянку. Благо все остались живы, а если бы ещё согласовывать? Можно было бы считать подобную ситуацию невозможной, «враками», но она испытана на собственной шкуре.

Надо отдать должное мастерству и бесстрашию воинов «джихада». Местность прочёсывали афганские вояки, за ними наша «царица полей». Те парни с гранатомётами спокойно отсиживались в схроне и вставали в полный рост, наверняка понимая, что идут на верную гибель. Для них умереть в бою, во имя веры – благо, но всё же смерть.

Большое дело на войне чутьё, интуиция. Механик-водитель азербайджанец Джабаров не пропустил ни одного выхода. Трижды подрывался, но ни разу не согласился лечь в медсанбат. У нас, говорит, в роду все честно служили. А тут: «Что хочишь дэлай, не поеду. Плохо будет, а минэ месяц до дэмбеля». Пора колонну вытягивать, нет парня. Посадили другого. В последний момент появляется, вытаскивает из люка заменщика. Сам поеду, но предупреждаю, вах-х-х будет. Всё как обычно, пехота уходит в ущелье, часть танков с ними, остальные на подтанцовочке. Попали удачно, нас не ждали. Спустя время комбат выходит на связь. Пехота выходит, но одна машина подбита, срочно ко мне, надо прикрыть. Надо так надо, вперёд. Дорога между гор одна, не промахнёшься. Навстречу летит БТР начальника политотдела. По возможности уступаю дорогу, давая возможность разъехаться. Поравнявшись, тот подробнее вводит в обстановку и уточняет задачу. Возвращаемся в накатанную колею, проезжаем метров 500. Впереди в сумерках уже видны очертания подбитой машины. БАХ! Ещё ничего не соображаю, но чувствую, как меня одновременно подбрасывает и осыпает фонтаном земли. Танк со скрежетом замирает на месте. Так и есть, подрыв. Еле удержавшись в люке, ору механику: «Джабар, ты как?». Через мгновение, которое мне показалось вечностью, ответ: «Я же, билят, предупреждал!». Ну, слава Богу, жив. В общем, есть такие мины, срабатывают после нескольких нажатий. Более 30 машин проскочили, а тут здрасьте, пожалуйста. Оставили нам прикрытие, благо ходовая подлежала ремонту, основные силы до дому. В темноте, да под дождём, починились наскоряк и вперёд, догонять колонну. Подъезжаем к развилке дорог. По правой – прямо к «ридной Кандагаршине», по ней колонна сутки назад выдвигалась на боевые и по ней же возвращалась двумя часами ранее. По левой – вкругаля километров 10, да вдоль «зелёнки», да ночью, да на «раненом» танке. Вроде бы снос ясен, но нужная дорога перегорожена, завалена чем-то, похожим на сено. Фугас, засада, свои сигнал оставили или враги по ложному пути направить хотят, хрен его знает. Командира пехоты оставляем с бронегруппой, со взводным выдвигаемся на пешую разведку, которая, впрочем, мало что проясняет. Возвращаемся, собираю совет в Филях. Командир мотострелков за длинную дорогу или вызов сапёров, мой комвзвода за короткую или бросать «решку». Брошенная монетка тоже высказалась за длинный путь. Пауза затягивается, все смотрят на меня. Как говаривал Наполеон, лучше плохой командующий, но один, чем хороших, но два. Принимаю решение со мной во главе проскочить на скорости по короткой. Почему, сам не знаю. В бригаду прибыли без происшествий. Утром сапёры обезвредили на другой дороге фугас. Верите – нет, но тогда я больше всего боялся подвести людей. Иногда ответственность за них давит сильнее, чем страх, но и придаёт решительности. Одни говорят, что это ангелы-хранители, другие – что дело случая. Не знаю, но что-то движет человеком, кроме логики. Ведь чутье не обмануло Джабарова. Да и мне в лотерею никогда не везёт, но в той ситуации, с Божьей помощью, сделали правильный выбор.

После Афгана вместо запланированных центральных округов попал в ДальВО. Приехал член Военного совета армии и заявил: «Понимаю, вы имеете право выбрать место службы, но партия считает, что ваш боевой опыт нужен на Дальнем Востоке. Туда надо влить здоровую кровь. Сроки службы в заменяемых и незаменяемых районах соответственно 5 и 10 лет, но считайте, что вы в краткосрочной командировке по обмену опытом. Обещаю, все будете через год-полтора заменены согласно ранее заявленному желанию». Как у нас водится, судьба распорядилась несколько иначе. Приморский край: Уссурийск, Смоляниново, Владивосток – стали родными на 11 лет. О чём, собственно, не жалею. Хотя бы потому, что судьба свела с достойными людьми, среди которых К. Кутуев, В. Ефимченко, И. Казимов и многие другие. Безусловно, особое место в этом ряду занимает Герой Советского Союза Р. С. Аушев. В первый раз

судьба свела с этим человеком ещё в Афгане и довольно забавным образом. Привезли нас в 181 мсп опыт перенимать. Руслан Султанович был начальником штаба полка и проводил занятие. Я в перерыве заскочил проведать сослуживца по Ковrову – Димку Каплуна. Он командовал одной из рот и только недавно вернулся с боевых, где пришлось несладко. В боестолкновении с «духами» дело дошло до рукопашной схватки, но задачу выполнили.

Не успели присесть на лавочку и обменяться новостями, он шепчет: «Линяем отсюда». В чём дело? Вон Аушев идёт. Увидит, что сидим без дела, сразу озадачит. Короче, Димку озадачили. Такое вот первое знакомство. После Афгана, как уже говорил, попал в Уссурийск. 5-я армия, Хасанский (с лёгкой руки Аушева) мотострелковый полк. До его прихода он именовался не иначе, как «румынский», в смысле разгильдяйский. Рассказываю не дабы прильнуть к лику Героя, а потому, что события оставили в жизни добрый след. Представляют полку нового командира, Героя Советского Союза подполковника Аушева. Брюки «на выхлоп», без портупеи. Молва народная понесла по рядам: «Теперь заживем вольготно, отметится и пойдёт на повышение». Памятуя о прошлой мимолётной, но достаточно характерной встрече, молча усмехнулся. Наутро полк разбудила тревожная команда «Азимут 555» – тревога. После построения и проверки новый командир коротко довёл своё кредо. Учить будем тому, что необходимо на войне. Спуску не дам, но кто будет служить «в полный рост», пойдёт вверх. Кто надеется отсидеться, лучше пишите рапорта о переводе, помогу. И слово сдержал. С этого дня и завертелось. Утренняя зарядка, стрельба, занятия, учения – командир всегда с нами, всегда впереди. Гонял до седьмого пота, мог взгреть по полной, но и в обиду своих подчинённых не давал. Словом, всё честь по чести. Каждому воздавалось должное. Поэтому, когда узнал о приезде Руслана Султановича в Ковров, искренне обрадовался. Просто хотелось поздороваться, пожать руку и поблагодарить за науку. Тем паче, нам было что показать председателю Комитета по делам воинов-интернационалистов стран СНГ. Закалка Хасанского полка не прошла даром. Визит состоялся, и ковровчане оценили его по достоинству. Аушев, как всегда, был подтянут, по-деловому настроен, конкретен в оценках происходящего и открыт для общения. С удовольствием вспомнили уссурийские будни и сослуживцев. Не часто у нас бывают гости такого уровня и приятно, когда, несмотря на своё положение и статус, они остаются нормальными земными людьми.

Закончив службу, вернулся в Ковров. Начал искать собратьев по интердолгу. Оказалось, ранее существовавшая городская общественная организация инвалидов войны в Афганистане, мягко говоря, развалилась, не успев осуществить намеченных планов. Собрались с мужиками и решили сдвинуть дело с мёртвой точки, продолжить начатое. Государство

уже приучило, что никто, кроме нас самих, наши проблемы не решит. Ясно одно – этим делом можно заниматься только по убеждению и по велению души, а не по команде. Как результат работы – мемориальный комплекс, посвящённый ветеранам «горячих точек», книга о земляках – участниках локальных войн, мемориальные доски погибшим землякам. Уверен, что медленно, но верно и дальше будем двигаться вперёд. Открыли Ковровское отделение Всероссийской организации ветеранов «Боевое братство», которое мне доверили возглавить. В 2011 году стал делегатом 4-го съезда этой организации. В надежде встретить однополчан подошёл к штандарту 70-й отдельной гвардейской мотострелковой дважды Краснознаменной, орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого бригады. Собралось человек 15. Обнялись, поговорили. Подошёл пожилой мужчина. Его сын погиб в Афганистане, и отец уже несколько лет подряд приезжает 15 февраля в Москву, надеясь встретить его сослуживцев. Разговорились. Оказалось, с сыном Анатолия Ивановича, Игорем Хромовым, мы служили вместе. Узнав об этом, мужчина прослезился и коротко сказал: «Наконец дождался». На прощание обнялись, обменялись адресами. Ради таких минут стоит жить и делать то, что делают «Боевое братство», Комитет по делам воинов-интернационалистов СНГ и все ветеранские организации в России и ближнем зарубежье: помогать живым ветеранам локальных войн, нести через годы память о погибших и заботиться об их семьях. Нас с этого пути не свернуть, потому как наше дело правое!

СПЕЦУРА В АФГАНЕ: ОРУЖИЕ СЛОВА

Сергей Небренчин,
полковник в отставке

Совместная операция советских и афганских правительственных войск в провинции Кунар, что находится на границе с соседним Пакистаном, была в самом разгаре. Шёл третий день активных боевых действий. Эта операция должна была сдержать боевую активность вооружённой оппозиции в приграничной с Пакистаном зоне.

Бронегруппа из трёх бэтэров и двух беэмпэшек, которую возглавлял Пашин, прибыла в назначенное время к месту расположения полевого штаба. Фёдор доложил старшему начальнику о своём прибытии. Полковник, поздоровавшись с ним, посмотрел по сторонам и попросил подойти старшего лейтенанта Русака.

– Знакомьтесь, – сказал полковник ему и Пашину.

Фёдор представился первым. Он протянул руку подошедшему офицеру. Сергей Николаевич Русак, так звали командира отряда спецпропаган-

ды, оказался выпускником спецфакультета прославленного Военного института, более известного, как Военный институт иностранных языков Красной Армии – ВИИЯКА. Поступить в этот вуз было заветной мечтой многих советских мальчишек, бредивших романтикой путешествий в дальние страны, мечтавших о карьере, полной опасных приключений.

Спецпропагандист Сергей Русак был высокого роста и крепкого телосложения. Бросалась в глаза ладно сидящая на нём полевая экспериментальная форма. В руках он держал небольшой чёрный чемоданчик. Его открытое лицо украшали пышные усы. Добродушные глаза весело глядели на Пашина. Между тем полковник спешил закончить разговор с офицерами.

– Познакомились?

– Так точно.

– А «дипломат-то зачем тебе, старлей Русак? Мы же на войне, а не в институте благородных девиц.

– Товарищ полковник, мое главное оружие – слово, а не автомат Калашникова. Общаться с афганцами и призывать к миру лучше без оружия. А в дипломате у меня топографическая карта, Коран, граната и бутылка водки.

– Странный набор, а Коран тебе, политработнику и коммунисту, зачем нужен?

– В Афгане без него никуда. Аяты и суры* из Корана здесь цитируют чаще, чем у нас классиков марксизма-ленинизма.

– Ну, ладно, всё, политзанятия закончили! Товарищ старший лейтенант Русак, рота Пашина придаётся твоему подразделению для обеспечения охраны. А ты, Пашин, поступаешь в распоряжение командира отряда спецпропаганды на правах начальника штаба и его заместителя. Есть вопросы?

– Никак нет!

Оставшись наедине, офицеры разговорились. Русак достал сигареты, протянул пачку своему новому «энша». Пашин вежливо отказался.

– Я тоже до Афгана не курил, а здесь начал баловаться. Закон жанра иногда требует, поскольку приходится много с афганцами общаться. А они либо травку типа чарса** жуют, либо сигарету мусолят. Теперь ещё и на водку падкие стали. Быстро учатся, способные ребята!

Пашин усмехнувшись, перевёл разговор на другую тему:

– Какая перед нами поставлена задача?

– Политическая работа в освобождённых кишлаках предполагает встречи со старейшинами, проведение собрания или митинга, оказание

* Сура – глава (раздел) Корана, аят – стих.

** Чарс – растительный наркотик, трава.

материальной и медицинской помощи населению, показ кинофильмов, раздачу листовок и литературы на языке дари с целью убедить афганцев, что мы не захватчики, а помощники в деле наведения порядка в стране.

Фёдор немного оживился:

– Значит, просвещать будем неграмотных мусульман.

– Нет. Бороться будем за их настроения и мысли оружием слова! – возразил спецпропагандист.

– А что собираетесь показывать?

– «Белое солнце пустыни».

– Отличный фильм, я бы его и сам посмотрел. А листовки-то зачем? Афганцы ведь неграмотные.

– Как новичку в нашем деле, докладываю: листовки у нас все с цветными иллюстрациями. Текста в них минимум. В основном цитаты из Корана. А что касается литературы, то там у нас тоже иллюстрированные журналы о Советской Армии, жизни наших мусульманских республик и брошюра «СССР: сто вопросов и ответов».

– Грамотно.

– А что у тебя в подразделении? Какая имеется техника?

– Предлагаю пройти и на месте всё посмотреть, – Пашин показал рукой в сторону дороги, где на обочине расположилось несколько единиц боевой техники.

Сосредоточив авто- и бронетехнику в одном месте, выставив охрану и разместив на ночлег подчинённых, старлеи, прежде чем самим завалиться спать, поговорили немного о жизни.

Выяснилось, что Русак ещё во время учёбы дважды побывал в военно-политическом училище, которое в своё время закончил Пашин. Там он работал в качестве переводчика на спецфакультете, где учились афганские военные. Старлеи с удовольствием вспомнили время, проведённое в старинном западноукраинском городе. Им даже показалось, что они могли видеться в этом училище.

Ещё поговорили о личном. Сергею было чем похвастаться. В Союзе его ждала любимая жена, которая воспитывала двух мальчиков. Фёдор по-хорошему завидовал своему новому товарищу. «Мальчики – это здорово!» – уже засыпая, бросил он.

Наутро Пашин и Русак проснулись почти одновременно. Умылись. Фёдор, прочитав про себя короткую молитву, ушёл к своим подчинённым из боевого охранения. Сергей заглянул в штабную палатку. Вновь встретились в батальонной столовой.

– Фёдор, ты «энша», так что вникай во все вопросы! – бросил Русак, не отрываясь от тарелки. – Мне приказано оказать помощь командиру одной части – организовать звуковещание.

– Что-то случилось?

– Батальон напоролся на засаду. Есть потери. «Духи» блокированы со всех сторон. Уходить им некуда. Сопротивляются ожесточённо. Командование предлагает предъявить ультиматум. Я направил БРДМ с диктором-переводчиком. Ну и ещё майор-стажёр напросился, я не стал возражать.

– Наши действия?

– Выстраивай колонну, проверяй людей и технику, и выезжаем в уездный центр. Там заберём афганцев, которые нам будут помогать, и к 10 часам доставим их на место.

В 9 часов утра спецпропагандистская колонна миновала пределы небольшого уездного центра и направилась в близлежащий кишлак.

Их здесь уже ждали. На небольшой деревенской площади возле одноэтажного здания, над которым развевался государственный флаг Афганистана, собралось человек 500 местных жителей. Преимущественно старики, женщины и дети.

Русак первым спрыгнул со своего бэтэра. На ходу отдал все необходимые команды и направился к встречающим их афганцам. Пашин приступил к размещению бронетехники. Два бэмпэ он отправил на внешнюю сторону кишлака для обеспечения охраны со стороны гор. Два бэтэра съехали с дороги на противоположную сторону от кишлака и направили стволы в сторону высоких камышовых зарослей, которые начинались в 200–300 метрах от дороги и тянулись до предгорий. Ещё один бэтэр занял боевые позиции в непосредственной близости от деревенской площади. Здесь должны были происходить главные события в афганском кишлаке.

Расположив технику и проверив связь, Пашин с интересом наблюдал за действиями спецпропагандистов. Из звуковещательной станции, смонтированной на базе бэтэра, полились восточные мелодии. Кишлачная жизнь сразу оживилась. Любопытные мальчишки перебегали от одной техники к другой, стремясь на неё забраться. Они весело переговаривались с шурави*, коверкая русские слова. Советские солдаты и офицеры с улыбками отгоняли назойливых мальчишек, не забывая снабжать их брошюрами, журналами и листовками. Когда заработал полевой автоклуб, на специальном экране которого стал демонстрироваться фильм о жизни советских мусульманских республик, от желающих посмотреть его не было отбоя. Много афганцев толпилось возле пункта выдачи материальной помощи. Раздавались мука и сахар, а в придачу к ним опять же листовки и брошюры. Вместе с советским офицером-переводчиком находились представитель местного парткома и заместитель старейшины кишлака. Афганки, одетые в паранджи, столпились возле врачебной машины – «таблетки», внутри которой афганка-переводчица помогала советским женщинам вести медицинский приём.

Агитационно-массовая работа в кишлаке продолжалась около часа. Неожиданно музыка стала стихать. Из главного кишлачного здания вышло много людей. В центре был Сергей Русак, который разговаривал с окружавшими его людьми. Только что успешно прошло собрание старейшин этого и ещё двух соседних кишлаков, представители которых были заблаговременно доставлены сюда. На встрече было решено принять совместные меры по недопущению в кишлаки членов бандформирований, минирования дорог и обстрелов советских колонн. Договорённости планировалось обнародовать на митинге перед всеми жителями кишлака. Микрофон, который был подключён от размеренно работающего походного мотора, уже стоял в центре площади.

Периодически проверяя по связи бдительность своих подчинённых, Пашин продолжал наблюдать за происходящим с высоты боевой машины пехоты. И вдруг он заметил сначала одного, потом другого странных бородатых афганцев, которые неожиданно появились на площади. Он перевёл взгляд на Русака. Тот в это время о чём-то говорил с работником службы безопасности – ХАД*. Их лица были напряжены и взволнованны. Работник афганской спецслужбы делился агентурной информацией о том, что некоторые душманы, спасаясь от точечных ударов советской авиации и реактивной артиллерии, скрылись в кишлачной зоне.

Почему сильно взволновался Русак, Пашин понял уже через пару минут, когда прозвучал гранатомётный выстрел. Он угодил прямо в гусеницу бэмпэ, стоявшего на левой стороне внешней охраны кишлака. Следом прогремел ещё один выстрел. От него взорвался небольшой автобус, на котором приехали старейшины. На площади началась паника. Пашин тут же дал команду подавить огневые точки душманов. Прицельный огонь советской брони обрушился на глинобитные развалины прямо за кишлаком, откуда велась стрельба. В ответ «духи» дружно ударили по шурави из пулемётов и автоматов. Площадь в центре кишлака мгновенно опустела.

Ситуация принимала серьёзный оборот, появились убитые и раненые. Пашин, понимая, что действовать надо быстро и решительно, дал команду одному бэмпэ и двум бэтэрам двинуться к развалинам. При виде грозной техники полдюжины душманов стали стремительно покидать развалины. Их замысел был понятен. «Духи» стремились поскорее укрыться в «зелёнке», а потом и затеряться в горных расщелинах. Преследовать их по пересечённой местности было бессмысленно.

* Шурави – советские (пер. с афг.).

* ХАД (хедамат-е амният-е доулят) – служба безопасности государства (пер. с афг.).

К полевому штабу отряд спецпропаганды вернулся, когда уже стало темнеть. На следующий день он остался на месте. Надо было «залечить раны». После обстоятельного разговора в штабе, где состоялось оперативное совещание, Русак сказал Пашину:

– А знаешь, Фёдор, наши умелые действия по нейтрализации душманской засады были отмечены. Кстати, и твоя фамилия прозвучала. НачПО* сказал, чтобы всех, кто отличился, представить к наградам. Так что с тебя причитается! А вообще-то банда, на которую мы напоролись, совсем не простая. Она столько уже бед наделала. Мне поставлена задача собрать об этой банде информацию по всевозможным каналам. Надо поговорить с официальными властями, потолкаться на базаре. Базар на Востоке – это ценнейший источник информации. Похлеще Би-би-си будет!

В провинциальный центр Русак поехал под охраной Пашина. Взяли один бэтэр со звуковещательной станцией и бэмпэшку. В городе обошли пару десятков дуканов. Пашин не переставал поражаться искусству Русака общаться с самыми разными людьми, спокойно переходя с дари на пушту, а когда надо – и на английский язык. С оружием слова он обращался виртуозно. Со всеми Сергей-джан**, как называли его афганцы, был весел, благодушен и тактичен. Информации набралось немало. По имеющимся сведениям, банда, скорее всего, пришлая, но опирается она на местное подполье.

Проголодавшись, Фёдор и Сергей решили перекусить. В забегаловке, выпив по бутылке чешского пива, набросились на вкусную афганскую еду. Неожиданно к Русаку подошёл мальчишка лет 12-ти и на ухо что-то сказал ему. Сергей-джан внимательно посмотрел по сторонам. Не обнаружив ничего подозрительного, встал.

– Я сейчас, Фёдор, жди меня здесь.

Пашин доел обед и расплатился. Прошло уже около получаса. Обеспокоившись длительным отсутствием своего товарища, вышел наружу. Русак сидел на улице за столиком возле соседнего магазинчика и о чём-то беседовал с незнакомым афганцем. На столе стояли бутылка водки, банки с соками, шашлыки и ещё что-то. Заметив ещё одного «шурави», собеседник Русака засуетился. На восточный манер попрощавшись, он ушёл. Спецпропагандист тоже встал и направился к Пашину.

– Тут такое дело… Человек, с которым я беседовал, из той самой банды.

– А почему, ты его отпустил?

– Мы с ним давно знакомы...

– Агент? – улыбнулся Фёдор.

* НачПО – начальник политотдела.

** Джан – душа, дорогой (пер. с афг.).

– Может быть, может быть… Так вот он предлагает мне прийти в их банду на переговоры. Говорит, есть возможность склонить часть душманов к сотрудничеству и даже переходу на нашу сторону. Сейчас много «духов» понимают, что Советскую Армию одолеть невозможно. А правительство Афганистана с помощью наших советников формирует из числа сдавшихся душманов специальные национальные батальоны. Они вместе с афганской армией принимают участие в боевых действиях против непримиримой оппозиции.

– Так ты что, собрался в банду идти? Перебрал, что ли? – укорил Сергея Фёдор, видевший его сидевшим за бутылкой водки с незнакомцем.

– А что! Смелость города берёт! Я чувствую, что надо идти. Можно будет значительно сократить наши потери, если уговорить душманов покинуть зону операции. А там, глядишь, может, удастся уломать их на сотрудничество с афганскими властями.

– Это, конечно, хорошо, но сначала надо начПО обо всём доложить!

– Он же всего боится и потому даже обсуждать этот вопрос не будет, пошлёт куда подальше. Слушай мою команду. Я же командир! Ухожу на задание! – Сергей весело подмигнул Фёдору.

– А какие гарантии, что твой знакомый не лжёт? Откуда ты его знаешь?

– Он у нас в Союзе учился, политработник. Вернулся в Афган, а его дом шурави разбомбили. Его брат ушёл в горы. Из-за этого его уволили из армии. Вот он и ушёл к брату в банду. Мой знакомый утверждает, что его брат ищет пути к сотрудничеству с афганской властью. Дело серьёзное, надо идти!

– Может, и я с тобой?

– Нет, ты здесь останешься за командира. Если меня завтра к 6 часам утра не будет, обо всём доложишь руководству. Считай – это мой приказ! Понятно тебе, товарищ старший лейтенант?

– Так точно! – невесело ответил Пашин.

По прибытии в штаб Пашин не находил себе места. Всю ночь он так и не сомкнул глаз. Однако всё обошлось. Утром Сергей вернулся, и не один. Вместе с ним пришла почти вся банда, которая, оказавшись зажатой со всех сторон, восприняла советского парламентёра как возможность избежать уничтожения и сдаться. Уйти попытались только человек 10 из числа непримиримых, которые были тесно связаны с иностранцами. Но им этого сделать не удалось. Наши спецназовцы сработали чётко. Главным трофеем был целёхонький новенький переносной зенитно-ракетный комплекс – «Стингер» американского производства.

В штабе об этом узнали от хадовцев*. Усталого, не спавшего всю ночь, ещё не протрезвевшего Русака доставили к начальству к 8 часам ут-

* Хадовцы – сотрудники ХАД.

ра. Допрашивали его сам начПО и два особиста*. Главный политработник больше всего был озабочен самовольством и самодеятельностью подчинённого. Офицеров военной контрразведки прежде всего интересовали прежние и нынешние отношения старшего лейтенанта Русака с его знакомым афганцем.

Несмотря на то, что Сергей всё взял на себя, Фёдору тоже досталось. Заместитель старшего начальника предупредил: «Готовься к худшему! За такие вещи без погон можешь остаться».

Когда Пашин увидел Русака, тот был сам не свой. Не выспавшийся, с бледным вытянувшимся лицом, Сергей устало посмотрел на Фёдора и сказал:

– Всё хорошо.

– Расскажи, что там в банде было.

– Да ничего особенного. Водку пили, плов ели, суры из Корана им читал. С ними можно договариваться. Нормальные ребята! Поспать бы сейчас.

Победителей, как говорится, не судят… Начальник политотдела армии быстро сообразил, что за нейтрализацию опасной банды, захват большого количества подрывной литературы и оружия, в том числе такого уникального, как «Стингер», надо не наказывать подчинённых, а поощрять их. Поэтому, когда сам генерал Варенников по телефону заслушал главного армейского политработника, тот чётко доложил об успешных действиях по ликвидации крупной банды и оппозиционного подполья.

Старший лейтенант Русак и старший лейтенант Пашин были представлены к ордену Красной Звезды.

ВХОДИМ В АФГАН

Александр Малков,
из с. Целинное Целинного района
Курганской области

В учебке мне нравилось водить бронетранспортёр. Интересная машина, послушная и сильная, мягкая на ходу. Учился хорошо. Может, потому и оставили служить здесь же, на Урале, в Свердловске. Только начал втягиваться в армейскую жизнь, как вдруг нас командировали на совместные учения с частями Туркестанского военного округа. Погрузились в эшелоны – и в Среднюю Азию, аж до самой государственной границы, города Термеза. Здесь узнали, что учения будут проходить на территории Афганистана, совместно с войсками этой страны.

В душе возникло беспокойство: всё-таки чужая земля и люди не свои. Как они нас встретят? А потом подумалось: что тут особенного? Со многими социалистическими странами совместные военные учения проходят. Афганистан тоже дружественная нам страна. Раздумывать особенно тогда было некогда: получали технику, боезапас, сухой паёк.

26 декабря походной колонной перешли границу и направились по известной теперь всей стране дороге от Хайратона через перевал Саланг. Куда идём, точно никто не знал, разве только большое командное руководство. Задача водителя в походной колонне – держать строй и порядок. Проезжали кишлаки и городки. Спешили. Мальчишки бежали вприпрыжку целые километры рядом с машиной, улыбались, просили бакшиш (сувенир, подарок).

Трудности встретились на перевале. Никто из нас в условиях высокогорья боевую технику не водил. Это оказалось непросто, даже очень сложно. А тут ещё снег, обледенение, дорога, как ленточка, – ни свернуть, ни разъехаться. Многокилометровая железная колонна зелёной змеёй стала вползать в тоннель Саланга. А он почти три километра длиной! На высокогорье в воздухе мало кислорода. А тут ещё столько техники! Едем, как в тумане, от выхлопных газов нечем дышать. Никто не стрелял, а смерть уже находила свою добычу. Начали задыхаться бойцы. По колонне дали команду – надеть противогазы и двигаться дальше. Ломался график. Нервничали командиры. Нервозность мешала здравомыслию и делу. Здесь я впервые увидел, как сталкивали в пропасть забарахлившие в пути машины, чтобы они не мешали общему движению. Это видел – и становилось не по себе. Как же так? Когда в стране каждая машина на счету! Но приказы выполнялись безоговорочно, как на войне.

За Салангом снова кишлаки. Остановились передохнуть. Местные жители смотрят на нас с тревогой и любопытством, пытаются говорить, некоторые понимают и даже говорят по-русски. Видимо, работали вместе с нашими специалистами на строительстве этой беспримерной дороги и тоннелей. Часто слышалось: «Шурави – хорошо». Мы раздавали значки, безделушки, у кого что было. Знакомились быстро.

На вторые сутки, к вечеру, были в Кабуле. Разместились на окраине, устроились на ночлег. Измотанные переходом, уснули как убитые. А в час ночи – подъём по тревоге. Получили наскоро сухпаёк на трое суток – и в обратную дорогу, по тому же маршруту. На броне пехота. Хотя страна и южная, но холодно. Самый конец декабря. Дома бы ёлку украшали. А тут холод, ночь и неизвестность.

* Особисты – работники особых отделов Советской Армии, подчинявшиеся руководству КГБ.

Утром остановились у развилки дорог Кабул – Баграм, близ города Чарикара. Командир роты капитан Маковский отдал команду обосновываться капитально, ставить палатки. Здесь будет сторожевой пост.

– Наша задача, – говорил он, – обеспечить на участке нормальный проход транспортных колонн. Вчера здесь обстреляли наши машины. Есть убитые, сожжена техника. Всем быть начеку, оружие и технику держать в полной боевой готовности. Без команды не стрелять.

Вот тут я понял, что «учения» оборачиваются новой стороной. Игра в войну окончилась. Придётся, видимо, стрелять не по мишеням и макетам. Стало как-то не по себе. В душе смятение, неуверенность. Стрелять в живых людей! Хотя они и душманы, но люди же! Стало просто страшно. Подумалось, что я этого сделать не смогу.

На третьи сутки нашего дежурства, как раз под Новый год, близ Чарикара душманы снова обстреляли колонну. Мы прибыли к месту происшествия. Но в колонне никто толком не мог сказать, откуда был обстрел, показывали в разные стороны. Мы открыли огонь по близлежащим горам и кустарникам. Стреляли наугад, для острастки. Это уж потом мы научились определять опасные места, выставлять там заслоны, делать прочёсывание, прикрывая при этом друг друга.

Служба началась беспокойная. Почти ни дня без стрельбы. То «духи» напали на царандоевский (милицейский) пост, то сожгли школу и застрелили учителя. То обезглавили девушку, снявшую с лица паранджу, то экспроприировали у дехкан скот и зерно в пользу исламской революции, то забрали деньги и товары у едущих на базар местных жителей. По первому сообщению афганцев мы садились на технику и неслись на помощь. Но чаще всего не успевали. «Духи» будто испарялись. И, куда они ушли, никто не хотел указать. Люди боялись возмездия. На Востоке свои законы жизни. К сожалению, мы долго этого не понимали. Всё мерили на свой аршин, на свой характер: открытость и прямоту. Здесь же человек делает одно, думает совсем другое, а поступает по-третьему. Вот и разберись.

Часто даже наши успехи не вызывали восторга у местных жителей. Почти всё давалось с боем. А пуля – дура. Она не ведает, что творит. Одна ударила в душмана, а десятки – в виноградную лозу, которую ценят здесь, как и саму жизнь. Ведём прочёсывание местности, бронетранспортер идёт через арыки и нередко по полям. А как иначе? После таких рейдов арыки требуют ремонта, а у нас не всегда есть время возиться с этим и обстановка часто не позволяет. После каждого рейда радио из Пешавара трубило на весь Афганистан, что оккупанты из банды Маковского... и рассказывало такие небылицы, что и ушам своим не поверишь. У афганцев что-то копится внутри. Даже в глазах уже знакомых жителей не видно той радости при встречах, что светилась раньше.

Удар в спину

Первый коварный, предательский удар всех нас ошеломил. Случилось это в Чарикаре. Вчетвером мы поехали за водой в город, где уже много раз бывали. Набираем термосы и канистры. Валера Жицких говорит:

– Ребята, вы пока воды наберёте, я на маркет (базарчик) загляну. Может, фотоплёнки куплю, пофотографируемся.

Автомат за плечо и пошагал. Отошёл метров на 50. Мы, видимо, делом увлеклись, его из-под наблюдения выпустили, хотя ротный постоянно твердил – не выпускать из поля зрения товарища, в одиночку не отлучаться.

Вдруг яростный крик заставил нас содрогнуться и окаменеть от ужаса. Безоружный Валера бежал к бронетранспортёру с запрокинутой назад головой. Кровь фонтаном била из горла в разные стороны. Он пробежал мимо машины ещё метров 20 и упал замертво. Горло его было перерезано от уха до уха.

Мы схватились за автоматы. Но в кого стрелять? Ярость клокочет внутри. А вокруг такие же изумлённые лица местных жителей. Мальчишки, старики, женщины в паранджах... Автоматные очереди полоснули в небо. Приказали всем стоять. Подоспели наши на технике. Прочёсывание маркета ничего не дало. Виновника смерти Жицких и его автомат не нашли. Никто не указал нам убийцу, хотя, наверняка, многие его знали.

Ротный тогда перед всем базаром поклялся, что оружие и убийцу всё равно найдёт. И слово сдержал. Но для этого потребовалось несколько месяцев. А в тот день мы поняли, что враги не только те, кто пришёл с оружием из Пакистана или спустился с гор из банд. Они есть и среди тех, кто живёт с нами рядом. Поняли, что выстрел в упор или удар ножом в спину мы можем получить в любую минуту. После этого сам собой появился мучительный вопрос: кого мы здесь защищаем? И от кого?

С УЧЕНИЙ В АФГАНИСТАН

Марат Шаймардинов,
подполковник запаса из г. Шумиха

Среди выпускников военных училищ, когда заходил разговор о распределении, была поговорка: «Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют». И вот в 1979 году, после трёх лет службы в Германии, я был назначен в Кушку, а в январе 1980 года был уже в Афганистане.

А происходило это так: 11 декабря 1979 года нашу дивизию (командовал ею тогда генерал Шаталин) подняли по боевой тревоге и вывели в запасной район. Началось её отмобилизование до штатов военного времени. Ко мне в роту (тогда я служил в ремонтно-восстановительном батальоне) призвали из запаса 12 человек – это одна треть от численности по штату мирного времени. Среди них были разные по подготовке люди в возрасте от 25 до 48 лет – бывшие инженеры, шофёры, колхозники. Их переодели, вручили оружие, посадили на технику и начали готовить к каким-то особым событиям. Мы не знали, что нас ждёт, куда мы двинемся или от кого будем защищаться.

Кстати, ребята, призванные с гражданки на 20-дневные учебные сборы, с честью выполняли возложенные на них обязанности. Но только возвратились домой не через 20 дней, как планировалось, а через три месяца.

Дело в том, что в то время в Иране тамошние революционеры захватили американских дипломатов и длительное время удерживали их в заложниках. Среди нас бытовало мнение, что боевая тревога и вся наша подготовка проводятся в связи с этим. Об Афганистане не было даже слухов.

И вот 28 декабря 1979 года наша мотострелковая дивизия, почти на одну треть состоявшая из военнослужащих, призванных из запаса, пересекла государственную границу и вошла в Афганистан.

Первые и навсегда запомнившиеся впечатления: горы, камень, песок, песчаные бури – «афганцы». Железных дорог нет. Глинобитные, в основном убогие, дома. Нищета. Все от мала до велика торгуют, меняют, выпрашивают «бакшиш». Агрессивности среди населения не чувствовалось. Нападали редко, и в основном из засад, на одиночный транспорт. По крайней мере, в Шиндандской провинции, где мы дислоцировались, было так весь 1980 год. За другие провинции говорить не берусь. Страна очень разная. И отношение к «шурави» было разным.

Доставалось больше всех вертолётчикам и разведчикам. Они были обязаны обнаруживать базы «душманов» (так мы звали афганцев, воевавших против нас). Когда базы обнаруживались, направлялись силы для их уничтожения. Операции проходили чаще всего успешно. Но уже были и потери.

МЫ ПОМНИМ БРАТСТВО БОЕВОЕ

Сергей Петров,
уроженец Кургана

Службу в Афгане я начал не как все: ребята – в полк, а я – в госпиталь. Перед отлётом из Союза утаил, что наколол сильно палец и у меня образовался опасный нарыв. В Кабульском госпитале мне полпальца отрезали. А почему? В Союзе смекнул, что, если узнают про нарыв, – оставят, а я хотел в Афганистан вместе с дружками, хотя мне предлагали остаться сержантом в учебке.

Сделали мне операцию. Очухаться ещё не успел, а в палату заходит девушка с букетом цветов. Спрашивает: «Кто из Кургана?» Сердце у меня ёкнуло от неожиданности.

– Я, – говорю.

Она кладёт цветы на мою тумбочку. Улыбчивая вся.

– Земляк, – говорит. – Я тоже из Кургана.

Поговорили с ней душевно о городе своём, о людях наших. Только она ушла – парень заходит. Глазами ищет кого-то. Подходит ко мне.

– Узнаёшь, земляк?

Смотрю во все глаза, что-то припоминаю.

– Сергей Бесунов я... В одной школе учились, я постарше на пару классов шёл. Борьбой ещё занимались в секции. Помнишь? Если что, земеля, я тут, при госпитале, на пазике службу несу.

Дружим с Сергеем с той встречи до сих пор.

Там, в госпитале, ещё одного земляка встретил – Сергея Колотыгина. Он шадринец, но земля-то всё равно наша, курганская. Ему ногу ампутировали. Геройский десантник. Орденом Красного Знамени награждён. Я пока в госпитале был, в его палате добровольно пол ежедневно мыл. Когда помоешь пол, то некоторое время в комнате какая-то прохлада стоит. А в Афганистане очень важно, когда прохлада, – человеку успокоение и облегчение приходит. Вот я и старался для земляка.

Пришёл в полк. В нём до меня наш курганец служил – Николай Анфиногенов, Герой Советского Союза. Его подвиг осенил славой само слово КУРГАНЕЦ. Конечно, и я соответственно себя поставил. Чести не уронил. Наш полк 181-й стоял в «Тёплом стане». Его почти все ребята знают, кто от Кабула на Саланг ходил. Наши посты на этом маршруте до Баграма стояли. Комбат был у нас просто легендарный – майор Циркулов. «Духи» за его голову большие деньги обещали. Умел он их вокруг пальца обводить и добиваться победы. Жаль, он вскоре после моего прихода в Союз вернулся, но все ребята, кто при нём служили, и сейчас помнят геройского комбата.

А мне повезло со взводным. Он из училища – и в Афган, но парень с характером, поставил себя в батальоне так, что с ним считались. Ребята из других рот, наслышавшись о нем, приходили на нашего взводного Юрия Мартиновича посмотреть.

Первая операция по проводке колонны на Гордез была для меня просто ошарашивающей. Все обочины дороги были в буквальном смысле завалены сожжённой и искорёженной взрывами техникой. Прапорщик, что был со мной рядом, более 200 единиц угробленной техники насчитал,

а потом считать бросил. Я такого навала машин больше нигде не встречал, хотя побывал во многих огнедышащих точках.

Сначала, увидев это, перепугался. Что уцелею – даже и не рассчитывал. И действовал не умом, а очертя голову, как в народе говорят. Бояться стал, когда до Приказа, как говорят, считанные копейки остались. Захотелось очень домой вернуться. А тут Пандшерская операция. И перед самым дембелем отчаянный бой у Чарикара, в «зелёнке». Охотились с «духами» – кто кого: то чалма из виноградника высунется, то наша выгоревшая панама. Каменную крепость штурмом брали. Уцелел. Красную Звезду за этот бой получил. А так за полтора года более двух десятков серьёзных схваток с моджахедами пережил. Такое не забывается и люди, с которыми шёл плечом к плечу, – тоже. К моему взводному в Гомель на свадьбу слетал, пригласил он меня, как боевого товарища. И к Николаю Анфиногенову в Обухово съездил, хотя с ним раньше никогда не встречался; в школу зашёл, у могилы постоял. Он всем нам навечно боевой товарищ и брат.

БОЕВЫЕ ТОВАРИЩИ МОИ...

Сергей Потапов,
уроженец Кургана

Я вспоминаю Афганистан, в первую очередь думая о своих боевых товарищах. Помню, как около полугода следил за БТРом с дорогой мне надписью на броне: «Курган». Промчится он мимо, а я в догадках: «Кто бы это мог быть?». И вот однажды в Хинжане у штаба батальона, смотрю, тот БТР стоит. Подхожу, с волнением спрашиваю у солдата, что сидит на броне:

– Ты из Кургана?

Он смотрит на меня равнодушно.

– Нет, – и замотал головой. – Серёга курганец, вон он от штаба идёт.

Смотрю, незнакомый парень. Подходит не торопясь.

– Так это ты из Кургана? – спрашиваю.

– Я. А что?

– Да я тоже из Кургана – Сергей Потапов. Смотрю, а у тебя визитная карточка на броне.

– Вот здорово – Серёга! Меня тоже Сергеем зовут! А где в Кургане живёшь? Где сейчас служишь?

И пошло-поехало... Общие знакомые нашлись. Оказывается, мы в одной части служим. Я в первом батальоне, а Сергей Шумков, за БТРом которого я столько наблюдал, – во второй роте нашего батальона. Мы ведём наблюдение от Хинжана в сторону Саланга, а они – от Хинжана в сторону Пули-Хумри. И завязалась дружба, продолжающаяся и по сей

день. Серёгу, правда, вскоре здорово на фугасе тряхануло. Колесо БТРа в сторону отбросило, а Шумкова контузило. Но он не растерялся, вызвал подмогу, оборону держал. До самой демобилизации в батальоне у нас говорили, как начальник штаба майор Санталов со своей груди депутатский знак снял и перед строем Сергею на гимнастёрку прицепил, сказав: «Самое дорогое, что могу». Такие награды больше ордена стоят, когда от всего сердца и принародно.

К боевой награде Шумкова представляли, но он её так и не получил. Это часто в Афганистане случалось. Так что, если у солдата-афганца наград нет – это ещё ни о чём не говорит.

Служили в моём взводе Володя Пузырный и Валера Мельник. Отличные пулемётчики и водители БТР. Часто приходилось им по тревоге выезжать на устранение диверсий на трубопроводах горючего. Их так и звали – «трубачи». Служба была у них нелёгкая. Как диверсия, так ожидай засаду. Много раз они рассеивали огнём из пулемёта засады моджахедов. А как-то раз при замене трубы «духи» устроили мощный налёт, шквальный автоматный и гранатомётный огонь. Разорвало трубу, горючее струёй ударило по броне – и БТР вспыхнул. Бойцы стали спасать машину: вывели «бронник» из-под огня, выбросили боезапас, чтобы БТР не взорвался. Сами получили много ожогов. А бронетранспортер тот в батальоне на постамент поставили как память мужеству моих бойцов. Разве такое забудешь?

Служил в моём взводе Сергей Титовский из села Киселёвка, что на Черниговщине. При устранении диверсии на трубопроводе он погиб. Осколок гранаты пробил комсомольский билет и сердце Сергея. Очень мы все переживали о потере замечательного товарища и бойца. Несколько раз я брался за ручку и бумагу, чтобы сообщить о горе его маме Ольге Николаевне, и не мог. Ведь это матери письмо. О награде его – ордене Красной Звезды – писал в разные инстанции. И как был рад, когда, приехав через полтора года на Родину героя вместе со своей женой Таней и сынишкой, чтобы положить цветы на могилу боевого товарища, узнал, что орден сына вручён Ольге Николаевне.

И мать, и односельчане боевого нашего товарища с огромным уважением отнеслись к нашему приезду. Да и не должно быть иначе. Святое дело – память однополчан, а наш приезд жители села так и расценили – сердечностью.

Об афганских пацанах сердце болит, красивые ребятишки. С каким восторгом носились они вслед за нашими колоннами! И ещё запомнился садовник в Хинжане. Какие прекрасные розы цвели у него в саду! Он, проходя мимо, уважительно раскланивался с нами, проводил ладонями от глаз к подбородку, как бы совершая намаз. Но никогда не разговаривал. Позднее я узнал, что у него душманы отрезали язык, но за что это было сделано, я не знаю. Помню только его печальные глаза и выращенные им прекрасные розы.

НА ОГНЕННОМ ПЕРЕВАЛЕ

Ришат Сайфутдинов,
из Альменево

Кто водил автомашины и колонны «наливников» через перевал Саланг по афганской дороге жизни Кабул – Хайратон, тот, конечно же, видел, сколько там вмуровано навечно в скалы водительских штурвалов от наших КамАЗов и «Уралов». Наверное, и сейчас по откосам дорог и в горных ущельях лежат груды искорёженного взрывами металла от наших автомашин и бронетранспортёров. Это следы многолетней и жуткой «работы» душманских банд. Здесь, на Саланге, в 3-м горнострелковом батальоне, проходила моя служба с февраля 1985 года по охране высшей отметки перевала – тоннеля, прорубленного строителями через самое сердце мощнейшей скалы. О, какой это тоннель! Каких человеческих сил, ума и рук он потребовал, чтобы соединить наши страны.

Моджахеды-бандиты тайными тропами забирались высоко в горы и оттуда подкарауливали наши автоколонны, наносили по ним свои злобные удары.

Буквально через несколько дней, как я прибыл на заставу Камень, чуть пониже тоннеля на Уланге, душманы расстреляли из гранатомётов колонну «наливников»: более 50 машин. Представьте море огня и вы поймёте, что такое дорога на Саланг. На эту операцию по ликвидации банды моджахедов я не попал, хотя бойцы заставы Камень, где я начал служить, выезжали. «Дедовщина» в нашем батальоне проявлялась в том, что послужившие ребята не брали необстрелянных, молодых на такие операции, пока они не «оботрутся» в службе, не поймут суть службы в горах, в условиях личной ответственности за жизнь товарищей: зачем терять «несмышлёнышей». И «дембеля» были правы. Жизнь на заставе, даже без боёв, учила многому. Сами разговоры старичков были своеобразными уроками. Каждый из нас позднее оценил, что значит братство боевое, когда можно полагаться на любого, кто вместе с тобой идёт на операцию. За полтора года службы на Камне я много раз убедился в этом. И всегда по-особому понимал слово «дембеля».

Особенно горячим был в Афгане 1985 год. Настрелялись мы вдосталь, до дрожи и тошноты: «духи» объявили его решающим. За участие в одной из операций я был награжден орденом Красной Звезды.

А демобилизоваться пришлось на четыре месяца позднее, лежал в госпитале после подрыва на мине. Металл от неё живёт во мне и не даст забыть никогда – и бои, и друзей!

ДОРОГИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Андрей Макаров
из поселка Варгаши, кавалер ордена
Красной Звезды и медали «За отвагу»

Честно сказать, я хладнокровно принял известие об отправке в Афганистан, хотя знал, что там идёт война, есть жертвы. Был спокоен, потому что «слабаком» себя не считал, со спортом всегда был на «ты», а преодолевать трудности жизнь уже научила.

Правда, в то время я ещё не знал, что война с душманами особая. Там легко берут на «мушку» даже самых подготовленных и выносливых ребят. Со временем я осознал эту опасность. Если душманам удавалось вывести из строя одну машину в середине колонны, то движение за ней моментально прекращалось. Вся колонна попадала под шквальный огонь «духов». В такой момент надо было убрать горевшую машину с дороги, вытащить из кабины водителя, если он ранен, перенести в другую машину и продолжить движение. На всё это отводятся секунды, так как «духи» могут в любой момент подбить следующую машину.

До Анавы, где дислоцировался наш второй батальон 345-го полка, дорога была шириной проходившего по ней КамАЗа. Поэтому направление движения грузовых машин регулировалось по чётным и нечётным числам. Скорость же на всём протяжении обычно не превышала 10 километров в час. Машины шли, одним боком прижимаясь к скалам, с другой же стороны зияла пропасть, готовая в любой момент поглотить машину и зазевавшегося водителя. Пристальное внимание за полотном дороги было необходимо и для обнаружения её заминирования. Неосторожность часто могла закончиться и заканчивалась смертельным исходом.

На всём протяжении дороги по обочинам осталось много памятников нашим погибшим ребятам. Среди погибших были и те, с кем я вместе служил, преодолел не одну тысячу километров афганских дорог.

Однажды в составе колонны я вёз продовольствие в Анаву. Колонна состояла из 40 машин. Сверху нас сопровождали вертолёты. Без приключений добравшись до Анавы, разгрузились, переночевали и собрались в обратную дорогу. Однако афганские соединения (мы их называли «зелёные») вышли раньше наших машин и были обстреляны душманами. Наша колонна вышла позднее, поэтому мы уже знали, что ехать придётся и ночью. В горах темнота наступает мгновенно, буквально за считанные минуты.

Едва вошли в зону гор, «духи» начали обстрел. Мой КамАЗ из-за перебитой электропроводки оказался без света. Хорошо ещё, что машина не потеряла ход и могла двигаться.

Впереди идущая машина оказалась подбитой. БТР взял её на буксир. Мне из-за полной темноты пришлось почти вслепую двигаться след в след за БТРом. Когда машина, следующая за мной, на время оказывалась за поворотом, я ориентировался только на тёмный силуэт ползущих впереди машин. Чтобы не потерять их из вида, пришлось выбить лобовое стекло. Машина шла, вплотную прижимаясь к горным выступам, ведь малейшее отклонение в сторону могло сбросить её в пропасть. Пришлось выбить и дверку, чтобы успеть выпрыгнуть в случае опасности.

Так на протяжении 15 километров, скрежеща кузовом по скалистым выступам, моя машина ползла в составе колонны. Только добравшись до Баграма, я увидел, как была искорёжена вся моя машина. Вечностью показалась мне эта поездка. До боли в пальцах сжимая баранку, я ловил себя на мысли, что, если доеду до Баграма, домой обязательно вернусь живым.

Сильный обстрел пришлось пережить мне в момент вывода нашего полка с территории Афганистана. В то время наши блокпосты в горах уже были сняты. Это давало возможность душманам свободно передвигаться в горах и без опасения вести шквальный огонь по колоннам.

Слава богу, отделение, которое я выводил, в полном составе вернулось на Родину.

БЫЛ ПРЕДСТАВЛЕН К ОРДЕНУ, НО НЕ ПОЛУЧИЛ

Виктор Лёгостев

Начало лета 80-го года. Где-то под Кабулом. Я шёл со своим отделением впереди или в левом боковом дозоре в ущелье гор. Впереди аул, засохшее русло реки, светит солнце, недалеко строчит пулемёт, непонятно, наши бьют или «духи». Неожиданно пули легли рядом с нами. Мы присели, начали наблюдение, откуда бьют, и тут впереди за засохшим среднего размера каменным руслом, примерно в 70 метрах от нас, я заметил, что в тени редких деревьев копошатся «духи» и стреляют по нам. Насчитал их около десятка Фиксе, такая была кличка у Александра Демидова – пулемётчика (жалко было парня: до этого дембеля его сильно чмурили). Я сказал ему, чтоб из пулемёта со всей дури поливал пригорок с «духами», и остальным тоже, а потом – чтоб за мной пошли. И я рванул вниз по камням засохшего русла. Не помню, как добежал до места, откуда по нам стреляли. Сам стрелял на ходу, но там уже никого не было, только остатки разного барахла. Не зная почему, я пошёл вперёд не по удобной тропке, а через мелкие деревья. Там впереди был длинный каменный забор с метр высотой. Подкравшись, недалеко от забора приподнялся и увидел «духа» в белом одеянии – ползёт, зараза, к забору. Меня он не видел, я дал очередь по нему и бегом приблизился к забору,

заметил ещё одного, снял и его очередью. Тут с шумом передо мной встал, разворачиваясь на меня, бородач с пулемётом. Только успел через забор навалиться на него, почувствовал очередь у себя над головой. Тут мы и закрутились под забором, дед оказался жилистым, а может и не дед, но борода большая, сверкнуло лезвие ножа перед моим лицом, но я оказался сильней и его же ножом перерезал ему горло. Когда было кончено, я в него выпустил из автомата со злости остатки своего магазина. Почувствовал сладковатый запах жаренного от трассирующих пуль. Недалеко от меня упало тело. Успел заметить подбежавшего Демидова, который кричал, что «дух» целился в меня и он его убил. Не помню, сказал я ему спасибо тогда, что он меня спас.

Посмотрев, какая хорошая засада была у «духов», я понял, как досталось ребятам со второй роты, а если бы пошёл по тропке, меня бы сразу завалили. Забрал оружие (пулемёт, два автомата, пистолет), бинокль, документы. Мимо проходил Борщ (не помню, как его звали), командир 2-й роты, что-то пробурчал типа: спасибо и как самочувствие, я ему тоже что-то ответил. Автоматы передал ребятам, а сам с пулемётом пошёл вперёд. Зашли по пути (не помню уже с кем, но кто-то из моего отделения) в один дом, если можно его так назвать, – глиненка, но добротный. В одном из помещений был тёмный проём, аж жуть, швырнул туда гранату. Кто-то там в глубине заохал, вдогонку швырнул вторую, так рвануло – мы еле из этого дома вылезли, задыхаясь, в пыли и в обломках глины. Похоже, был склад, но повезло, что небольшой (если вспомнить все случаи, мне очень везло, как будто кто-то охранял меня). Впереди были ещё небольшие стычки, пока со 2-й роты одного не ранило в шею. Положив его на плащ палатку, мы двинулись назад, к ближайшей по видимости БМД.

Вышли мы к БМД к комитетчикам: на раненого ноль внимания, но, похоже, пока несли его, он скончался. Они буквально на меня набросились, снимая и забирая трофеи. Тут же стреляли из трофейного пистолета и смотрели в бинокль, залитый кровью. Вот тогда я осознал, какой вид был у меня: сам был по локоть в крови и весь комбез перепачканный, а умыться было нечем. Кровь засохла и стягивала кожу, так и пробыл до вечера. В БМД услышал по связи, как ротный Калинушкин с волнением запрашивал про нас: все ли живы. Вышло со мной пол-отделения, остальные, похоже, ушли вперёд. Представляю, какая ответственность лежала на командире роты собирать нас. Тут я пожалел, что у меня отобрали морской бинокль, он ротному подошёл бы для обзора гор в рейде (а бинокль, похоже, был морской, очень большой). Но больше всего было обидно, что забрали нож «духа», которым он меня чуть не прирезал, хороший был клинок. Впоследствии на гражданке во снах я чуть не убил свою жену. Снилось, что, после того как перерезал горло «духу», отходя от него, оборачиваюсь, вижу, как он встаёт, и я всё время возвращаюсь, дорезая ему горло.

ГИБЕЛЬ НА ВЗЛЁТЕ

Вячеслав Ларюшкин,
подполковник запаса ВС Украины

Проходил службу в Афганистане с октября 1983 года по декабрь 1985 года. Принимал участие в боевых операциях, в том числе и армейских, а именно: в Панджшерской операции в апреле 1984 года в должности начальника штаба артиллерийского дивизиона 122-го МСП 201-й МСД, в Панджшерской операции в июне 1985 года в должности начальника артиллерии 191-го ОМСП. За время прохождения службы происходило очень много событий, некоторые из них – потери боевых друзей – лежат тяжёлым грузом в душе.

В феврале 1985 года я был назначен на должность начальника артиллерии 191-го ОМСП в Газни. К тому времени я уже имел хороший боевой опыт и, исходя из этого, уделял много времени тренировке офицеров в стрельбе и управлении огнём артиллерии. Артиллерийские подразделения полка стояли в боевом охранении, и тренировки проводились на месте.

В марте я начал проводить интенсивные занятия с офицерами всех артиллерийских подразделений по стрельбе и управлению огнём. Все они являлись артиллерийскими корректировщиками при командирах мотострелковых подразделений, и уметь эффективно применять огонь артиллерии в бою было их обязанностью, но это требовало знаний и умений. Поэтому эти вопросам я уделял особое внимание. Мы стреляли каждый день, и иногда командир дивизиона обижался, что через три дня ему приходится отправлять машины на склад боеприпасов для пополнения боекомплекта. Я его успокаивал: начальник службы РАВ Сашка Каргашилов – мой друг и для таких дел, как тренировка офицеров в стрельбе, он даст нам боеприпасов сколько угодно.

– Они потренировались, а я потом ещё часа три боекомплект пополняй, – возмущался, в свою очередь, Сашка, но дело делал.

– Твои расчёты стреляют, будь доволен, – отвечал я.

Тренировки продолжались каждый день, кроме субботы и воскресенья, суббота – это парково-хозяйственный день, после чего баня, а воскресенье – выходной. В воскресенье мы обычно проводили время в бассейне на заставе противотанковой батареи. Бассейн – это, конечно, роскошь, и поэтому по его периметру была надпись: «Пожарный водоём». Вопросов у начальства не возникало. К великому сожалению, воскресенье проходило очень быстро.

С понедельника всё начиналось сначала – тренировки, стрельба, подготовка техники, чистка оружия.

Очень хорошо помню 20 марта 1985 года, в этот день погиб Сашка Каргашилов. Произошло это всё очень нелепо и неожиданно, а впрочем, всё на войне именно так и происходит – неожиданно.

День начинался, как обычно, мы с Сашкой позавтракали и пошли к себе в комнату, чтобы экипироваться. Сашка достал свой дипломат и начал складывать в него документы, а потом сел на кровать и сказал:

– Ну, дружище, давай прощаться: улетаю в Кабул.

– В Кабул? По каким таким делам? – спросил я его.

– Отчет по трофеям надо отправить, да и «бакшиш» («бакшиш» – подарок) руководству обещал, так что прощай.

– С какого перепугу прощай, ты же не по замене едешь. Передашь свой «бакшиш», и привет, сегодня же дома будешь, – возразил я ему.

– Не знаю, наверное, не буду, – тихонько пробормотал он, потом подошёл ко мне, обнял, похлопал ладошкой мне по спине и на ухо прошептал: – Тогда пока.

После этих слов он сразу вышел, а я ещё несколько минут стоял и не мог понять, к чему такое прощание. Только значительно позже я понял, что Саша, видимо, чувствовал опасность, но изменить ничего не мог.

Я вышел из комнаты, сел в машину и поехал во взвод управления дивизиона. Всё было готово к проведению тренировки по стрельбе и управлению огнём.

Командно-наблюдательный пункт находился на высоком холме, и на него нужно было подниматься в пешем порядке, так как техника на крутой подъём выйти не могла. Подъём занимал около 20 минут, но для всех офицеров это было привычным делом, они неоднократно десантировались в горах и свою работу выполняли хорошо. Мы успешно поднялись, заняли свои места на КНП и приготовились к стрельбе. Перед началом стрельбы я доложил командиру полка о начале занятий, получил разрешение на открытие огня от оперативного дежурного и начал тренировку. Всё проходило в штатном режиме, офицеры выполняли задачи, проводили пристрелку целей, умело действовали по вводным. Примерно в 10 часов 30 минут от оперативного дежурного последовала команда по радио: «Артиллерия, стой, „вертушки“ на подходе, прекратить стрельбу».

Я продублировал команду и объявил перерыв. Во время перерыва мы наблюдали за перевалом Рабат, через который всегда прилетали «вертушки» из Кабула. Минут через 10 над перевалом появилось две точки и послышалось стрекотание винтов, это были они, два вертолёта МИ-8 приближались к расположению полка. Делать было нечего, и все наблюдали за полётом. Пара зашла на круг, и один начал снижение для посадки на площадку за штабом полка, а второй продолжал кружить над полком в ожидании взлёта первого.

Прилёт «вертушек» – это всегда радостное событие: они привозят почту, а это самое главное и самое ожидаемое.

К вертолётам у нас вообще особое отношение, эти «грузовые лошадки» всегда нам помогали, на них мы десантировались, они доставляли нам грузы, продовольствие и эвакуировали раненых. Если сказать точнее: вертолёт МИ-8 – наш боевой друг. Мы очень часто наблюдали за посадкой и взлётом и всегда восхищались этой прекрасной машиной.

Во время перерыва все взоры были обращены на взлётную площадку. Мы наблюдали за выгрузкой почты, за посадкой пассажиров и конечно ожидали взлёта.

Я увидал Сашку, он шёл с дипломатом, и мысленно помахал ему рукой. Загрузка почти заканчивалась, и «вертушка» готовилась к взлёту.

Перед самым взлётом на вертолётной площадке появился БТР и направился к вертолёту.

Это были наши советники афганского полка, что стоял за боевым охранением. Они частенько пользовались нашим транспортом для поездок в Кабул и всегда находили весомые аргументы необходимости взять их на борт. Так и в этот раз, они практически с БТРа сели в вертолёт, и БТР уехал с площадки.

Винты мощно загудели, и «вертушка» начала взлёт. Мы все наблюдали за её полётом с большим интересом, это красивое зрелище – пролёт над полком на низкой высоте. После второго круга «вертушка» поднималась всё выше и, продолжая набор высоты, взяла курс на Кабул, догоняя ведущего. Внезапно на борту образовалась огненно-красная вспышка и послышался звук взрыва. Машина судорожно вздрогнула и, объятая пламенем, устремилась к земле. Нас охватил ужас.

Понимая происходящее, я отдал приказ всем разведчикам вести наблюдение за падением и засечь точку встречи с землёй. Все понимали, что это будет точка гибели. Я знал из опыта десантирования, что парашютов на десант в вертолётах не было, и мы всегда десантировались с зависания над землёй, а вертолёты сразу уходили. У меня промелькнула мысль о пуске ПЗРК с земли, но все признаки этого отсутствовали. Шлейфа пуска, как и самого звука схода, не было, небо было совершенно чистым. Я понял, что взрыв произошёл внутри машины. Вертолёт, тем временем, как огненная комета, стремительно приближался к земле, оставляя за собой чёрный шлейф дыма.

До земли оставалось метров 20, как мы увидали отделяющиеся от вертолёта точки – это выпрыгивали люди, пытаясь таким образом спастись. И вот на земле прогремел взрыв, взрыв, который оборвал все наши надежды и жизни наших друзей. На командном пункте стояла тишина, тишина, пронизывающая всех болью утраты. Это понимали все.

Я стоял в оцепенении, сердце тревожно стучало в груди, к горлу подкатился ком горечи, и я хриплым голосом произнёс:

– Доложить угол и дальность.

Разведчики доложили результаты засечки, и я нанёс точку на карту – удаление от полка было семь километров. Через минуту я доложил командиру полка по радио о катастрофе и внёс предложение о немедленном выходе в район силами дежурного подразделения. Командир отдал распоряжение мне возглавить группу поиска и отбыть немедленно.

Все силы и средства поиска были оповещены, и колонна через 15 минут проследовала за боевое охранение. Командир дивизиона Саша Чернель занял моё место на пункте управления огнём и был постоянно со мной на связи. Дивизион был готов поддержать огнём боевую группу в любой момент при столкновении с противником на марше, а этого исключать было нельзя.

На точку мы вышли за 20 минут. При подходе к точке падения я вызвал огонь артиллерии по двум вершинам гор, прилегающих к району поиска. После пристрелки я записал их как плановые цели для дивизиона. Снаряды ложились на склоне гор, обращённых к нам. Я знал, что десант на вершины мне не удастся высадить, и поэтому прикрытие со стороны гор обеспечил огнём артиллерии. После артиллерийского обстрела мы блокировали район поиска боевой техникой, с задачей охраны и обороны. На броне остались только водители и пулемётчики для поддержания связи и ведения наблюдения в секторах обороны. Остальному личному составу была поставлена задача собрать все тела погибших. Правила войны для нас были неизменны – своих не бросаем. Командир полка, по моему запросу, передал список пассажиров. Их оказалось 11 человек вместе с советниками и три члена экипажа. Поисковой группе необходимо было найти тела 14 погибших. Картина района падения вертолёта была настолько ужасной, что мы не сразу приступили к сбору тел погибших, а некоторое время пребывали в состоянии шока.

Остов вертолёта ещё догорал, и подойти к нему было затруднительно, но в этом огне просматривались обгоревшие тела погибшего экипажа. Весь экипаж сгорел вместе с машиной, их останки мы извлекли из пожара и уложили на брезент. Остальные тела всех пассажиров нашли неподалёку от места падения, и стало очевидно, что все они покидали вертолёт, как мы и наблюдали. Острые камни скал порвали тела в клочья и изувечили до неузнаваемости, всё было залито кровью, части тел разбросаны повсюду. В процессе поиска я неожиданно наткнулся на «дипломат», зажатый в руке, и понял – это Саша. Я громко вскрикнул, опустился на колени, и слёзы покатились из моих глаз. Это был тяжелейший удар. Состояние стресса длилось недолго, видимо потому, что необходимо было продолжать поисковые мероприятия.

Спустя три часа после начала поисковых мероприятий, а может четыре, над перевалом Рабат появилась пара «вертушек». Ведущий попросил

по радио обозначить площадку для посадки. По моему приказу командир сапёрного взвода выбрал площадку и зажёг шашку оранжевого дыма для обозначения места посадки. «Вертушки» сели и заглушили винты, я понял, что это комиссия из штаба армии, о которой говорил командир полка по связи. Комиссию возглавлял генерал из штаба армии, но при этих событиях фамилию его я не запомнил. Он выслушал очень внимательно мой доклад и несколько раз переспросил о том, что, может быть, был пуск ракеты с земли. Я повторял ему то, что видел, многократно со всеми подробностями.

Генерал внимательно посмотрел на меня, закурил и предложил сигарету мне. Мы молча стояли, и после непродолжительной паузы он сказал:

– Ищите чёрный ящик, в нём все ответы.

– Знать бы, как он выглядит, этот ящик… – пробормотал я и направился к месту поиска.

– Обыкновенно он выглядит, это оранжевый шар чуть больше баскетбольного мяча, – крикнул он мне вслед и добавил: – Смотрите внимательно.

– А чего тут смотреть, этот мячик мы нашли сразу по прибытии, вон он на «броне» лежит, – ответил я ему, останавливаясь на полпути.

– Ну и дела! Срочно грузите в вертолёт, теперь мы узнаем всё, – сказал генерал и снял головной убор, отдавая почести погибшим.

Через некоторое время комиссия улетела, а мы остались завершить свою работу по поиску жертв катастрофы. Действуя согласно приказу генерала, мы упаковали все тела в смертные пакеты и до утра следующего дня организовали охранение района.

Вертолёты за «грузом-200» прибыли на следующий день рано утром. Загрузка прошла быстро, вертолёты поднялись в небо, а мы молча проводили их взглядом. Это был путь наших боевых друзей – домой. Только вот дома этому грузу не будут рады, он принесёт слёзы и печаль родным и близким.

После завершения всех мероприятий мы покинули район. По прибытии в полк я доложил командиру полка подробно о наших действиях и передал акт об отправке «груза-200» в Кабул.

ПАМЯТИ СЕБЯ СЛОМАВШИХ

Михаил Киселев,
рядовой

Руха. Серое осеннее сумрачное утро. Небо затянуло густой плотной дымкой, спрятав горные вершины, которые окружали наш полк. Афганское солнце изредка пробивалось сквозь чернеющие облака, резкие порывы ветра сгущали тучи, и небо в предчувствии беды вот-вот готово было разрыдаться.

Наш второй батальон пробудила грустная весть. На самой окраине, за общественным солдатским туалетом, нашли молодого солдата – самострела! Как потом выяснили, из гранатомётного взвода.

Объявили общий батальонный сбор.

Прапорщик Молодец, заглянув в наш «спальный район» (место расположения хоз. взвода), беглым взглядом мысленно пересчитал нас. Убедившись, что все живы, с облегчением выдохнул. И грозно сказал:

– Выходи строиться!

Мы, замученные бессонными ночами и непрекращающимися «духовскими» делами, выползали на маленький плац, который был окружён афганскими дувалами, напоминая маленькую крепость, – место дислокации батальонного управления. Туда же выходили строиться и другие подразделения: миномётная батарея, связисты, часть рот и гранатомётный взвод. Построившись в шеренгу, напоминавшую извилистую тропинку, стали ждать приговора. Многие шептались, не понимая, ради чего такое ранее построение.

На возвышавшееся крыльцо перед мини-плацем вышел наш комбат майор Пазин, замполит к. Орленко, начальник штаба к. Савинов и представитель управления полка части. Все сразу поймали тишину и стали вопросительно ждать.

Вдруг со стороны туалета солдаты из батальонного разведвзвода внесли на санитарных носилках тело солдата и положили его посередине образовавшегося пятачка так, чтобы всем было видно. Всеобщему взору предстала ужасающая картина. На земле лежало, неестественно скрюченное, застывшее в предсмертных судорогах, окоченевшее тело молодого солдата.

Голова была сильно запрокинута назад, как будто у него отсутствовали шейные позвонки, со стороны гортани были видны окровавленные отверстия от пуль. Но самым жутким зрелищем была верхняя часть головы, вернее её отсутствие, она напоминала пустую разорванную консервную банку, а на светлых коротко постриженных волосах запёкшая кровь с жёлто-зелёной слизью. Челюсть со страшным оскалом отвисла, обнажив жёлтые зубы, сохранив последний ненавистный крик души. Глаза, когда-то выражавшие настроения человека, были полузакрыты и черны от крови. Но то, что меня поразило, – это были руки! Они говорили, нет, кричали о мучительно радостных минутах расставания с жизнью. В кровь истёртые мозолистые ладони были обращены вверх, напоминали о его вечном солдатском труде, сильно сжатые пальцы отображали его последние минуты, они как будто цеплялись за жизнь, только указательный палец правой руки торчал, сохраняя след от курка автомата, который так и остался на нём. Его х/б (гимнастёрка), видавшее не одну сотню стирок, бы-

ла размером 56, не меньше, и свисало балахоном. Сам же он был очень худощавого телосложения. Чтобы не смотреть на обезображенную голову, я тупо упёр свой взгляд в его ноги. И только сейчас заметил, что его ботинки были разного размера, один 46-го, другой 40-го. Зрелище было очень жалким.

Я подумал: «Как же страшно человек выглядит в смертном облике!»

Комбат начал свою речь:

– Посмотрите все на этого урода! Он трус, чмо! Решил легко избавиться от своей нелёгкой солдатской службы, а он подумал о своей матери, о своём командире? Смотрите, у него нет мозгов и, видимо, никогда и не было! Если каждый из вас надумал такой же чмошный поступок, так идите и умрите лучше в бою! Умирать нужно достойно, как мужчины!!!

Тут взял слово замполит:

– Да, как мужчины! И я обязательно напишу его матери, отцу, напишу на его прежнюю работу, как он погано умер! И пусть каждый из вас знает, что не будет таким поблажки и посмертных наград! Этот случай, к сожалению, не первый в нашем полку. Я внимательно буду теперь присматриваться к каждому из вас, и если кто-то во мне пробудит сомнения, то я сразу же его отправлю на боевые в сапёры. Пусть там умирает, а не за сортиром!

В строю прошло шевеление, кто-то стал открыто поддерживать и говорить, какой же он плохой солдат, были даже такие, кто сплюнули в его сторону. Всё общее настроение было практическим единым (никто не хотел в сапёры!).

Разбавить всю эту агитацию решил майор из особого отдела полка:

– Солдатики, поймите, что сила обручального кольца в крепком мужском яйце! И если даже вас не дождалась ваша любимая девушка, это не ваша беда, а её! И не стоит она таких жертв, нужно вернуться домой целыми и невредимыми, с наградами и почестями! – высказал он свою версию самоубийства.

Молчали только молодые, на чьих плечах был всеобщий армейский быт.

Сам того не замечая, я сначала полностью согласился с этой версией и с этими домыслами, но потом вдруг во мне тихой бурей возродилось возмущение. Как это вообще возможно, как же так, почему такая несправедливость??? Почему? Молодой, зелёный солдат, не покладая рук и ног, пашет и днём и ночью за себя и за того парня! Недоедая, недосыпая, терпя все жестокие, фашистские издевательства «дедов», а также порой и офицеров! Где и у кого искать защиту, поддержку? И невольно мысль сама произнесла слово «у смерти», только она – спасение!

А что вообще он чувствовал и кто мог довести его до этого состояния, кто-нибудь задумался? А вы обратили внимание на то, как он одет? И почему его форма одежды не по размеру, а? Кто её выдавал ему?

Я стоял и еле сдерживал своё возмущение. В моих мыслях пробежала воображаемая картина его смерти.

«Сюда иди! Бегом, воин! Ты почему опять котелки не помыл, совсем оборзел, а? – говорил Дед. – Так сейчас получишь фанеру».

И со всей силы ударил его в грудь, роняя на землю. Он, задыхаясь и корчась, хотел встать, но ноги не слушались, хотел что-то сказать в своё оправдание, но перехватило дыхание, было очень больно! Слёзы сами брызнули из глаз.

От этого «дед» ещё сильнее разозлился и стал что есть мочи куда попало пинать его ногами.

Ночь, никому не нужный пост охраны своего подразделения… «Только бы не уснуть, а то опять будут бить и издеваться. Как же я хочу домой, когда же всё это прекратится? Сколько же мне это терпеть? Надо попроситься в горы, хоть там отдохну. Нет, меня не возьмут, я же один молодой в этом взводе, скажут: чижара ещё, не готов, да и кто будет им прислуживать? А впереди целая вечность нескончаемой службы, один день длится как целая неделя. Ох, как болит тело, особенно грудь. Если бы я знал, какая она, Советская Армия, в жизнь бы не пошёл!» Сразу же вспомнился родимый дом. Мать сидела у околицы и ждала своего сына с Афгана. «Дядя Фёдор из районного военкомата предлагал за два литра коньяка отсрочку. Дурак, надо было согласиться. Хотя отец, узнав, грозно погрозил кулаком: „Мужиком становятся только в армии, сынок!“ Если бы он меня сейчас видел, сказал бы: „Клоун!“». И тут сразу же заныла натёртая нога. Хотелось заплакать, но слёз уже не было, сильно пересохло в горле. «Пить, нет, сейчас уйду и кто-нибудь из «дедов» выйдет, а меня нет, ладно, потерплю…»

Дул сильный осенний ветер, гул в ушах отбивал ритм сердца, на душе была пустота, полное безразличие к себе и к своей жизни, не было ни жалости, ни скорби. Мысль пришла сама собой.

«Всё, я понял, не хочу я жить!

А зачем она мне, жизнь, всегда был неудачником, чмом. Светка, первая страшилка на селе, и та бросила! Написать предсмертную, нет ни бумаги, ни ручки, где искать?.. нет!»

Ноги сами понесли на окраину батальона.

«Темно, очень темно. Автомат, затвор, надо передёрнуть, не получается, ах да, предохранитель, так где же он? Вот он, всё, я сейчас, это быстро, больно не будет, я знаю!? Скорей, а то заметят, кто-то идёт, нет, это ветер?!

Так, как же лучше – в сердце? Нет, не достаю до курка автомата, опять нет, ну как же лучше?

Руки сводит, вот в горло, быстро и всё!»

Сквозь ущелье ветер эхом пронёс душераздирающий крик, и только неприступные горы мрачно молчали, величаво смотря в небо.

А где-то там, далеко за речкой, по сельской тропинке шёл домой с войны белобрысый мальчишка…

IV. СЕРИЯ РАССКАЗОВ О ВОИНАХ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТАХ*

БАТУХТИН ВАСИЛИЙ АЛЬДИНОВИЧ

СВОЯ РОДИНА

Все мы родом из огромной страны, имя которой – Россия. Но у каждого из нас есть малая Родина – место, где мы родились, и большая Родина – Отечество. Каждый человек, живущий в России, должен знать её историю и свой родной язык. Вспоминаю слова великого русского писателя И. С. Тургенева: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без неё не может обойтись» и слова древнеримского философа Сенеки о том, что «Родину любят не за то, что она велика или мала, а за то, что она своя». У каждого государства, у каждого народа есть свой образ идеального Отечества, идеальной Родины. Он помогает каждому человеку, каждому народу делать свой выбор в трудных случаях жизни. Он помогает решать, как нужно поступить в тех или иных случаях. Так, например, англичане называют свою Родину «добрая старая Англия», французы – «милая Франция», а россияне – «Россия-матушка». Велика и необъятна наша Россия. И каждый уголок, каждый район имеет свою историю возникновения. В знаменитой песне о Родине на стихи М. Матусовского есть такие слова:

С чего начинается Родина?
С заветной скамьи у ворот,
С той самой берёзки, что во поле,
Под ветром склоняясь, растёт.
А может, она начинается
С весенней запевки скворца
И с этой дороги просёлочной,
Которой не видно конца…

Может быть!

Каждый человек, произнося такое тёплое, доброе слово, как «Родина», видит за ним всё лучшее, чем сильны его страна и народ. И каждый из нас понимает, что это лучшее нужно беречь, защищать, приумножать своим трудом, своей любовью. Само слово произошло от древнего слова

* Подготовлена Раисой Ивановной Родионовой, прошедшей через Афганистан и издавшей в 2011 году двухтомник об «афганцах».

«род», которое означает группу людей, объединённых кровным родством. Каждый из нас – потомок какого-либо древнего рода. Само слово «род» обозначает древнейшего бога славян Рода. И очень много слов с корнем «род»:

– родить – произвести на свет потомство;
– родители – отец и мать, у которых рождаются дети;
– родня – родственники;
– родословная – перечень поколений одного рода.

И все люди на свете гордятся своим родом.

Так и родные из рода Батухтиных гордятся своим Василием Альдиновичем. Родился он 12 июня 1968 года в городе Калининграде Московской области. В удивительном и интересном месте. В XII веке на территории нынешнего города по берегам реки Клязьмы располагались поселения славянских племён. Через этот район проходил древний торговый путь из Московского княжества во Владимиро-Суздальское. Здесь было организовано одно из первых промышленных предприятий России – полотняная и суконная мануфактура. В 1918 году в существовавший здесь дачный посёлок Подлипки был переведён артиллерийский завод, в деятельности которого с 1920 по 1930 год принимал активное участие государственный и партийный деятель М. И. Калинин. В память об этом завод в 1922 году получил его имя, а в 1928 году и посёлок стал называться Калининским. Статус города и имя Калининград он получил в 1938 году. В 1960 году в состав Калининграда был включён город Костино.

Здесь в 1968 году и родился Василий Батухтин. В семье его появлению на свет очень были рады. Пока он подрастал, в его родном городе происходили новые перемены. В 1992 году из состава Калининграда был выделен город Юбилейный, а в 1996 году Калининград получил новое имя. У наших руководителей есть манера – играть с переименованием местности, объясняя это необходимостью «восстанавливать историческую справедливость» или «избавляться от наследия прошлого». Вот они и решили, что город нужно переименовать в Королёв. А 12 апреля 2001 года указом президента России город получил статус наукограда Российской Федерации. Город Королёв – один из крупнейших научно-производственных центров Московской области. В нём расположено одно из ведущих предприятий российской ракетно-космической промышленности… В этом городе родились многие талантливые и известные люди нашей страны: поэты, композиторы, спортсмены, киноактёры и многие другие талантливые люди. Например, Ирина Викторовна Назарова, известная легкоатлетка, олимпийская чемпионка, – уроженка этого города. Здесь же родилась народная актриса Валентина Титова, сыгравшая главных героинь в 38 кинофильмах. Многие известные лётчики и космонавты, рождённые в этом городе, тоже прославили его наследие. Именно в этом городе предприятие НПО «Прогресс» приступило к практическому осуществлению государственной программы ресурсосбережения. Предприятие было аккредитовано Энергетической комиссией Московской области. Здесь осуществляется широкий спектр исследований, разработок на установку измерительной аппаратуры, монтаж и обслуживание приборов учёта. Продолжает город развиваться во многих аспектах научных разработок по многим вопросам. По уровню образования населения город занимает одно из первых мест в России. Город находится в зелёном массиве и занимает территорию 196 га, поэтому родители Василия, положив малыша в коляску, ходили гулять по этим живописным местам. Вокруг тишина и благодать. Тишину нарушает только птичий гомон. Ветер играет в листве деревьев. Мирное голубое небо над головой, в просторах которого медленно плывут причудливые белые облака. Дышится легко и спокойно…

За ясные зори, умытые росами,
За русское поле с колосьями рослыми,
За реки разливные в пламени синем
Тебя по-славянски назвали Россия.

Россия… Россия… Раздолье… Равнины…
Берёзы босые, седые осины.
Всё дорого с детства. Всё памятно с детства.
И всё же не можешь никак наглядеться…

Из-за служебной необходимости родителей семья Батухтиных переезжает в другой район Московской области, где такие же прекрасные зелёные леса с грибами и ягодами, с первыми предвестниками весны – подснежниками, прорастающими сквозь талый снег, с ароматом весны и белоснежной чистотой.

Полноводные воды реки с манящей водой – это Можайский край Московской области. Детство и юность Василий провёл в воинской части. Рос он вместе с детьми военнослужащих, которые ведут кочевую жизнь. Друзья менялись, потому что военнослужащие переезжали из одного гарнизона в другой со своей семьёй, с детьми. Удивляла Василия одна деталь – дети военнослужащих быстро и уверенно вливались в новые коллективы и учились всегда хорошо. Редкие исключения бывают в каждом правиле. И ещё Василия удивляла их целеустремлённость – дети военнослужащих с детства знали, кем они хотят стать в будущем.

Василия этот вопрос ставил в тупик, потому что он хотел стать и лётчиком, и хорошим поваром – угощать родных и близких ему людей изысканной едой и вкусно приготовленными блюдами. Хотел лечить людей и помогать им в трудную минуту. Хотел создавать новое оборудование,

облегчающее труд людей… Он хотел строить великолепные дома, чтобы людям в них было тепло, уютно и комфортно…

Хотел стать ландшафтным дизайнером и украшать города и селения красивыми цветочными проектами, мечтал выращивать самые красивые деревья, под кронами которых отдыхают семьи и влюблённые пары… Хотел стать учителем, чтобы помогать первоклассникам делать первые шаги по освоению вековой мудрости всех поколений, начиная с азбуки. Читал много книг, любил смотреть приключенческие фильмы, фильмы о подвигах военных, которые готовы ценой собственной жизни спасти и защитить жизни других людей, защитить свою Родину.

Если скажут слово «Родина»,
Сразу в памяти встаёт
Старый дом, в саду смородина,
Толстый тополь у ворот,

У реки берёзка-скромница
И ромашковый бугор…
А другим, наверно, вспомнится
Свой родной мальчиший двор.

В лужах первые кораблики,
Над скакалкой топот ног.
И большой соседней фабрики
Громкий радостный гудок.

Или степь от маков красная,
Запылала вся она…
Или горная вершина,
Дух захватывает всегда…
Родина бывает разная,
Но у всех она одна!

Так и не решив вопрос, кем же он в самом деле хочет стать, решил вначале отслужить в Советской Армии. Он был призван в армию в мае 1987 года. Проводы были скромные, но запоминающиеся.

– Неси службу достойно и честно! – напутствовала его мама, обнимая перед посадкой в автобус.

– Ну, сын, я в тебя верю! – коротко, по-мужски, сказал отец и крепко обнял сына.

Потом была посадка в самолёт. Приземлились в жарком южном городе. Сначала находился в учебном подразделении в Ашхабаде (1-й городок), там же был очень важный день в его жизни – принятие присяги на верность Родине. После окончания учебного подразделения направили в ДРА. Рапортов туда не писал. Как сам теперь вспоминает, просить – не просился, но и увиливать, стремясь переложить перевод на когонибудь другого, не собирался. С ноября 1987 года находился в 66-й отдельной мотострелковой бригаде, дислоцированной возле города Джелалабад, провинция Нангархар, в/ч 93992. Интернациональный долг требовал от него большой выдержки, воинского мастерства и такта в обращении с местным населением. Василий видел радостные лица афганцев, встречавших их караваны с продовольствием, товарами первой необходимости.

Они, афганцы, благодарили «шурави» за братскую помощь. Но были и другие афганцы – душманы. Они злобно выжидали, чтобы как-то омрачить радость общения советских солдат с дружественным народом, навредить афганской народной власти. Под покровом ночи стреляли из-за угла, убивали мирных жителей, бесчинствовали на дорогах. Опасность подстерегала повсюду.

Эпизод из афганской жизни В. А. Батухтина

Уже несколько часов боевая группа лежала, затаившись в засаде. По разведывательным данным, сообщалось о том, что по этой тропинке банда головорезов должна пройти для проведения террористического акта на аэродроме. Лежали тихо, боясь пошевелиться, потому что обнаружить себя не должны. Это большой риск, даже можно сказать смертельный риск. Находясь в одном положении, тело начинало затекать, мурашки по телу бегают, да и курить очень хочется, но мы смотрим на командира, который лежит тихо, весь в напряжении, и смотрит внимательно вокруг в бинокль, разглядывая каждый куст, каждый камень.

Вдруг он поднял одну руку. Это был условный знак на готовность. Примерно минуты через две в кустах появилось несколько голов в чалмах. Они, крадучись, выползали на тропинку. Подпустив их ближе, командир дал знак и первым открыл огонь. Длинная очередь его автомата была сигналом для атаки. Шквал огня обрушили мотострелки на душманов. От первых же очередей люди в чалмах попадали, вскрикивая, другие были обращены в бегство, но там их поджидали остальные мотострелки из подразделения. Операция прошла быстро, без потерь с нашей стороны. Мужество и бесстрашие показали в этой смертельной и скоротечной схватке все подразделения. Про таких ребят говорили просто: «Я готов с ним идти в разведку».

Наконец, наступило 25 мая 1988 года. По мосту через Амударью в составе своего взвода возвратился на Родину. Мирные афганцы были

очень расстроены тем, что руководство подписало Женевское соглашение о выводе советских войск. После армии волею судьбы оказался в Москве.

ИВАНОВ АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ

В БАМИАНЕ…

Биография у Андрея Петровича ничем не отличается от биографий многих тысяч его сверстников и сослуживцев. Родился он 5 января 1963 года в простой и дружной семье Ивановых в поселке Косино Люберецкого района Московской области. В семье он был долгожданным ребёнком. Родители гордились им, а отец всегда говорил, что есть кому Родину защищать.

Рос смелым, скромным и жизнерадостным парнем. Когда у его родителей, Петра Васильевича и Нины Павловны, в 1966 году родился второй сын – Валерий, Андрей, как старший брат, очень помогал родителям. Младшего брата он любил и опекал. Когда братишка пошёл в школу, он шёл с ним рядом. Помогал ему в освоении азбуки. Читал ему книги: про мальчишек-героев, про войну и разные приключенческие рассказы. Андрей школе особого внимания не уделял, окончив восьмилетку, увлёкся автомобилями. Его увлечение было обширным: увлекался радиотехникой, мотоциклами, посещал различные кружки, занимался спортом, ходил в спортивные секции, хорошо танцевал. Любил юмор и шутки, имел много друзей. Всегда готов был прийти на помощь товарищам. Был любящим сыном. К армии готовился загодя, видел себя только десантником, поэтому усердно занимался спортом.

В Вооружённые Силы СССР был призван Люберецким РВК Московской области. Получил повестку из военкомата и на следующий день уже должен был прибыть на призывной пункт с вещами. У него было совсем мало времени. На его проводы пришли друзья, одноклассники и родственники, торжество прошло весело и организованно. За столом в его честь было произнесено много тостов и хороших, добрых напутствий со стороны отца. Он был счастлив, что теперь настала и его очередь служить Родине. Солдатская одежда на нём сидела настолько красиво и элегантно, будто он только что с плаката, рекламирующего военную форму. Физическая закалка и выносливость ему очень пригодились в учебке, которую он окончил в городе Тренай в Прибалтике. Курс молодого бойца он прошел на «отлично». Стал одним из лучших миномётчиков. В письмах родителям и брату с восторгом рассказывал о трудной романтике во-

енной службы и наказывал младшему брату крепнуть физически, не увиливать от помощи родителям по хозяйству, заниматься спортом.

Казалось, военная дисциплина – это самое трудное, но впереди был Афганистан, где боец должен был выдержать экзамен на честность, стойкость, на верную мужскую дружбу. Афганистан у каждого свой. У каждого свои воспоминания. Андрей служил в провинции Бамиан с 1981 по 1983 год. Подразделение, куда попал Андрей, удивляло и поражало его. Жили они в казарме, которую так и назвать было нельзя, – небольшое помещение и железные кровати в один ярус, поскольку поставить второй ярус не позволяли потолки. Была импровизированная оружейка, где хранилось оружие. Там лежали патроны и гранаты. Холодильника не было. Всё хранили в маленькой землянке. Сигареты получали на всех, а некурящим взамен сигарет выдавали сахар. Туалет был выкопан в земле и укрыт маскировочной сетью. Умывальники древние, как в фильме «Неуловимые мстители». Всё, в том числе столовая, где из дощечек от ящиков из-под снарядов были смастерены и столы, и скамейки, сделано своими руками. Полевая жизнь есть полевая жизнь. Штаб находился в палатке, охраняемой суточным нарядом. Этот период вспоминается как обострение всех высших человеческих чувств, проявление особенной чистотой взаимоотношений, взаимопомощи, взаимовыручки. Эти дни, эти месяцы останутся в его душе до конца жизни.

Умение быстро оценивать обстановку с учётом специфики местных условий, принимать нестандартные решения помогало бойцам своевременно вступить в бой по команде взводного, что приводило к умелому отражению противника. Ранним утром подразделение, в котором находился Андрей, неоднократно предпринимало попытки войти в зелёную зону и очистить её от засевших там душманов. Но все усилия были тщетны. Плотный ружейно-пулемётный огонь бандитов прижимал их к земле, заставлял отходить. Только умелое руководство старшего лейтенанта, который мудро применил тактику боя и отвлекающий манёвр, помогли обмануть душманов и выиграть этот бой. Андрей потерял многих своих товарищей. Но главное, что ребята из многонационального Советского Союза были верны друг другу, выручали всегда и во всём, что эта память останется в сердце каждого выжившего навсегда. Рискуя своей жизнью, они прикрывали товарищей. Делились глотком воды, из самого пекла вытаскивали раненых и убитых под градом огневого дождя… Что дал Андрею Афганистан? Способность смело смотреть в глаза опасностям и трудностям, проявлять отеческую заботу о близких и родных, дорожить каждым днём, ведь выжить в этом аду и пекле – высшая награда человеку! Вернулся домой. Родственники и радовались, и плакали, и гордились им.

– Андрей, не чаяла тебя увидеть, – приговаривала мама, обнимая его и утирая слёзы радости на глазах.

А любимая девушка, стоявшая рядом с родными, стала тихо читать стихи:

Сын с Афгана на родную землю
Возвратился целым, невредимым,
И не верится ему, что небо
Льёт в пригоршни свет неповторимый…

Быстро прошли праздничные встречи в честь вернувшегося с войны Андрея, начались будние дни. Андрей после отпуска стал работать. Жизнь не стоит на месте. Андрей Петрович счастлив в браке с обаятельной и умной спутницей жизни Ириной Алексеевной.

Сейчас их дети – гордость всей семьи. Младшая дочь, Настя, заканчивает школу. Старший сын, Роман Андреевич, воспитывает сына Степана. Внук Андрея Петровича – его гордость. Есть, кому передать наследие памяти афганских событий.

КАЛАЧЁВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

АРМИЯ – КУЗНИЦА МУЖСКОГО ХАРАКТЕРА

Школьные годы – это как быстротекущая горная река с бурлящей в ней круговертью: напряжённая учёба, участие в различных кружках, всевозможные соревнования и олимпиады, спортивные секции, домашние задания и, конечно, помощь по хозяйству родителям, чтобы потом скорей выбежать во двор и погонять мяч вместе с друзьями. Энергия так бьёт ключом, что с трудом добираешься до постели, берёшь в руки учебник и крепко засыпаешь. И в один прекрасный день осознаёшь, что ты на выпускном вечере. Не на чьём-то, а на своём! Так пролетели быстро школьные годы и у Калачёва Александра Сергеевича. Его отец, Сергей Тимофеевич, для сына был большим авторитетом. Сын с большим вниманием слушал рассказы отца о том, как они сестрёнкой во время оккупации немцами их деревни прятались в подвалах, где было сыро, холодно и голодно. После окончании войны, когда страна восстанавливалась и поднималась из руин, на долю отца пришлись суровые времена, карточная система и изнуряющий труд наравне со взрослыми. Отец, после того как отслужил в Советской Армии, вернулся на завод СКБ «Факел» токарем-расточником. Работа очень ответственная, она считалась «ювелирной». От мастерства отца зависело, взлетит ракета или нет. За трудовые достижения отец многократно был отмечен как один из лучших специалистов, имеющих своё «клеймо».

Александр не боялся выполнения сложных задач. Он долго размышлял о выборе жизненного пути. Ему многое хотелось: быть военным, врачом, инженером… И в конце концов он решил вначале стать рабочим, затем выполнить свой гражданский долг – отслужить в Советской Армии, пройти эту школу мужества, чтобы решить о дальнейшем…

Они часто вечерами, сидя за столом во время ужина, говорили о жизни.

– Ты знаешь, сынок, – доверительно говорил отец сыну, попивая чай, – у нас тяжёлое было детство. Многое было непонятно: коллективизация, голод, репрессии… Время смутное и тёмное было… Сейчас у тебя большие возможности. Что, решил, кем будешь? Учиться куда пойти надумал?

– Пап, я, так же как и ты, хочу быть рабочим.

– Рабочий – это хорошо, – гордо ответил отец, – но, пока мы с мамой живы и можем тебе помочь, учись.

– Яблоко от яблони далеко не падает, – вмешалась в разговор мама Галина Михайловна, уроженка города Торжок. Во время Великой Отечественной войны их, детей, эвакуировали в Астрахань. Её юность тоже была опалена войной, и тяжёлый послевоенный период коснулся и её семьи.

Говорят: любовь спасёт мир. Познакомились они с отцом на танцах, во времена, когда страна поднялась из руин и жизнь стала налаживаться. От их чистой и красивой любви родился сын. Назвали его Александром. Он родился 9 января 1963 года. Радость и гордость наполнили их дом, весь их род Калачёвых. Во время Великой Отечественной войны в их роду погибли практически все мужчины. Родители, у которых было трудное детство, старались, чтобы их сыну было легче жить на свете. И не ошиблись. Александр вырос сильным, работящим, хорошим, очень внимательным человеком.

– Ну что же, сынок, я одобряю твоё решение и поддерживаю,– отец встал из-за стола, поблагодарил за ужин и ушёл на балкон покурить.

– Сашенька, – мама следом поднялась, – ты правильно принял решение. На какой завод пойдёшь?

– По стопам отца. А потом в армию.

– Армия – это кузница мужского характера! А где ты этому обучишься, как не в армии? – говорил отец сыну. – Мы, мужчины, защитники.

Начало трудовой деятельности Александра Калачёва проходило с августа 1980 года по апрель 1981 года в Московском НИИ радиоприборостроения. С наставниками повезло. Обучали грамотно и толково. Молодой специалист Александр Калачёв всегда проявлял себя как отличный работник. Любое дело, какое бы ему ни поручали, выполнял своевременно, с высоким качеством. Где бы Александр ни работал, у него был всегда высокий авторитет, уважительное отношение со стороны сослуживцев.

В трудную минуту к нему шли за советом, с просьбой о помощи, а иногда и просто с желанием поговорить по душам. Проводы на службу в Советскую Армию были торжественными как на заводе, так и дома. В городе Термезе прошёл учебное подразделение. Затем из Кокайты – на «вертушке» в Кундуз, Афганистан.

Первый бой, в котором ему пришлось участвовать, произошёл уже на следующий день. Он только успел познакомиться с бойцами.

– Калачёв! – подбежал рядовой Олег Васильев, – тебя командир взвода вызывает.

– Хорошо, Олег.

– Товарищ лейтенант, по вашему приказанию прибыл.

– Пойдёте вместе с группой завтра на задание. Не побоитесь? – лейтенант прищурил глаза и внимательно посмотрел на Калачёва.

– Я не знаю, – просто сказал Калачёв. Он стоял напротив и смело смотрел в глаза лейтенанту.

– Хорошо, – лейтенант обошёл вокруг стола, – курите?

– Никак нет.

– Это хорошо, Калачёв, продолжайте в том же духе! – он достал пачку, вытащил сигарету и закурил. – Я вот никак не могу отвыкнуть.

Приходилось часто выезжать на боевые задания, которые сопровождались риском попасть под обстрел, заниматься восстановлением подбитой техники.

Ребята рядом были надёжные. С одним из них службу он начал ещё в Союзе, в учебке. Самое главное – в боевой обстановке действовал закон взаимопомощи, взаимовыручки, иначе было нельзя. Ведь во время службы в Афганистане приходилось выдерживать физические и нервные перегрузки. По этим молодым, восемнадцатилетним, мальчишкам стреляли, и они стреляли. Александр видел среди своих товарищей раненых и убитых и это очень тяжело переживал. Так закалялся и формировался его бойцовский характер. Пережить всё, что он испытал в Афгане, ему помогали приобретённая в учебке закалка, поддержка и помощь офицеров и товарищей, а главное – глубокая уверенность в том, что в Афганистане он делает очень нужное дело, выполняет свой интернациональный долг…

Этого маленького срока оказалось достаточно, чтобы Александр понял, что такое в жизни добро и зло. Он не огрубел, не ожесточился, хотя видел, как гибнут от рук душманов мирные люди и советские военнослужащие, выполняющие в Афганистане интернациональный долг. Он возмужал духом и телом. При выполнении боевого задания получил ранение в ногу. Лечился в госпитале в Кабуле, затем был отправлен в Ташкент, там заразился желтухой, малярией… В мае 1983 года закончился срок службы в армии. Велика была радость солдата, вновь ступившего на родную землю.

Потом началась гражданская трудовая деятельность….

Что дал ему Афганистан? Способность смело смотреть опасностям и трудностям в глаза, находить наиболее рациональное решение в сложнейших ситуациях, думать о подчинённых, о товарищах. Бывают в его жизни и успехи, и досадные промахи, и радости, и огорчения.

ЛЕГОСТАЕВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ

РАЗВЕДЧИК, ДОСТОЙНЫЙ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ

Родился Сергей Иванович Легостаев 19 июня 1966 года в деревне Пушкори Ефремовского района Тульской области в большой крестьянской семье.

Мать, Легостаева Александра Михайловна, работала дояркой на ферме. Работа была тяжёлой. Но она успевала и по дому, и по работе и занималась воспитанием детей. Отец, Легостаев Иван Михайлович, работал там же трактористом. Сергей учился в восьмилетней сельской школе, где когда-то учились и его родители. После окончания восьми классов Сергей поступил учиться в ПТУ № 33, как и большинство ребят из его школы. Учились они в городе Электросталь. Окончив ПТУ, Сергей получил специальность токаря, поступил на завод «Электросталь» в ремонтно-механический цех.

С первых же дней Сергей показал себя в коллективе только с хорошей стороны, был исполнительным и исключительно трудолюбивым, чем заслужил авторитет у рабочих. И с наставником ему очень повезло. Это был рабочий с большим стажем, прошедший Великую Отечественную войну. Он обучал Сергея добросовестно. В армию его провожали всем коллективом, напутствовали служить добросовестно и честно. Сергей исполнил наказ рабочего коллектива. Стал отличником боевой и политической подготовки. Родители и рабочий коллектив неоднократно получали благодарственные письма от командования части за отличного солдата. Служил Сергей в разведке. Физически он был подготовлен отлично, выполнял все положенные нормативы. Стрелял хорошо. В рукопашной показывал хорошие результаты. Вернувшись из рядов Вооружённых Сил, поступил в среднюю школу милиции, по окончании которой работал следователем. Служил в Чечне, показал себя профессионалом своего дела. Имеет правительственные награды. Орден Мужества он получил в 2003 году.

Во время ожесточенного боя получил ранение. Является инвалидом 2-й группы.

НАУМОВ ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ

НАСТАВНИК МЛАДШЕГО БРАТА

Наумов Павел Михайлович родился в сентябре 1965 года в деревне Набищево.

Семья Наумовых простая, хлебосольная. Отец всю сознательную жизнь трудился не покладая рук. У родителей Павла детство было тяжёлое, военное и послевоенное. Несмотря на трудности и лишения, они очень радовались своим сыновьям, гордились ими. А гордиться было чем: оба сына учились на «хорошо» и «отлично». Успевали бегать в кружки и спортивные секции, много читали. Отец и мать привили своим детям трудолюбие и любознательность. Часто, когда мама готовила ужин на кухне, а отец покуривал рядом, мальчишки садились и слушали интересные рассказы из жизни родителей. Они интересовались родословной семьи Наумовых, слушали рассказы о дедах, которые участвовали во многих войнах.

Наша страна уникальна: постоянно происходят глобальные потрясения – то интервенты пытаются покорить Русь, то царизм порабощает народ, то Октябрьская революция, то Гражданская война, то коллективизация, голод, эпидемии, мор. То внутри самой страны репрессии и аресты, уничтожение своего народа, то Великая Отечественная война…

Очень часто по вечерам сидели вчетвером за столом и говорили о многом: начинали обсуждать школьные новости и постепенно переходили на политические и общественные темы.

Любили всей семьёй смотреть фильмы о войнах, о приключениях, о шпионах, о покорении целины, строительстве БАМа, освоении космоса, с замиранием сердца следили за судьбой полюбившегося героя, дружно, до слёз, смеялись над отечественными кинокомедиями. Эти вечера навсегда остались в памяти. Дети росли уважительными по отношению к взрослым, во всём им помогали. Примером им были их родители.

Отец, Михаил Алексеевич, родился в 1941 году в Люберецком районе, станция Удельная. С женой познакомился через её подруг после службы в армии. Устроили вечеринку по поводу возвращения из рядов Советской Армии, туда пришли девушки, среди них и оказалась его будущая жена, уроженка Рязани.

Сразу же влюбились друг в друга, свадьбу сыграли в 1965 году.

Павел был старшим сыном. В школе учился хорошо, был спокойным и очень способным мальчиком. Он, как магнит, притягивал к себе окружающих, у него было много друзей. Хотел поступить в Рязанское высшее воздушно-десантное военное училище, но не прошёл по росту – 1,67 м. Очень расстроился и переживал. Занимался лёгкой атлетикой, плаванием,

потом резко вытянулся до 1,78 м. Увлекался радиотехникой. Связист: техникум Расплетина окончил в 1982 году с наградой и сразу был призван в армию.

На проводы пришло много друзей, были родственники и одноклассники.

– Мам, ты меня прости, если я тебя чем обидел, – он неожиданно подошёл к матери, крепко обнял и неуклюже прижался к её щеке.

– Что ты, Пашенька, – она, шутя, оттолкнула его от себя и внимательно взглянула ему в глаза, – словно прощаешься навсегда.

– Да это я, мама, так, опять захотелось стать маленьким, – отшучиваясь, он выбежал во двор.

– Отец, ты слышал, что Пашка-то сказал? – обернулась она к мужу.

– Мать, он ещё мальчишка, не обращай внимания, – он подошёл к жене, прижал её к себе и погладил по голове, – всё будет хорошо. Отслужит и скоро вернётся. Что там два года? Пролетят быстро. Чай, не на фронт провожаем.

– Ой, Миша, дай бог, – она утёрла со щеки нечаянную слезу, – что-то сердце защемило.

– Ну, мать, держись бодрее. Ты у меня молодчина!

Оказалось, провожают сына на войну. Какая она, эта афганская война?

Молодые мальчишки, только что окончившие школу или техникум, вдруг стали солдатами. Курс молодого бойца прошёл с большим интересом, показывая высокие нормативы, чем обратил на себя внимание руководства. Родители получили благодарственное письмо: «Ваш сын, Наумов Павел Степанович, отличник боевой и политической подготовки… Вы вырастили настоящего человека, настоящего воина и вправе гордиться своим сыном!». Это письмо с гордостью читали всей семьёй и с друзьями. От самого Павла письма шли часто, но ничего конкретного он в них не сообщал… Павел писал младшему брату добрые, хорошие письма, как старший брат, был наставником.

А потом писем вдруг не стало… Обеспокоенные молчанием сына, родители стали обивать порог военкомата. Но там только пожимали плечами. Нашлись его друзья, однополчане, они навещали родителей и рассказали, что в одном из рейдов, во время выполнения боевого задания, подразделение в составе нескольких БТР ехало вдоль крутой и быстрой горной реки. С одной стороны скалистые горы, откуда душманы внезапно открыли шквальный огонь. Завязался бой. И боевая машина, на броне которой сидели несколько бойцов (среди них был и Павел Наумов, они отстреливались из автоматов), вдруг соскользнула в реку, резко накренилась и бойцы попадали в воду. Течение было настолько быстрым, что даже боевую машину снесло течением. Был холодный день… Всё произошло в мгновение… Когда бой был окончен, те, кто не был ранен, пытались разы-

скать хотя бы одного человека. Но всё было напрасно… Судьба всех тех, кто находился внутри и на броне боевой машины, осталось неизвестной… Престарелые родители до сих пор надеются на весточку о судьбе их родного сына Павла Михайловича Наумова…

Как и зачем эти парни попали в жару и песок далёких провинций Афганистана? В Афган, где переплелись судьбы многих людей разных национальностей, разного возраста и разных интересов, которые, не щадя своей жизни, помогали как афганскому мирному населению, так и друг другу.

Пока человек жив, он не перестаёт восхищаться жизнью, строит планы на будущее, а вот ответить на вопрос, куда подевались те ребята, никто не может…

С непреходящим чувством боли в сердце вспоминают Павла в его семье, ждут, надеются и верят. В их памяти Павел навсегда останется любящим и заботливым сыном, искренним братом, преданным другом, смелым, бескорыстным, целеустремлённым человеком. Для матери и отца горе утраты безгранично, но в их сердцах живёт и будет жить любовь к сыну.

Младший брат Алексей, 1967 года рождения, уже давно окончил физкультурный институт. Женат. Жена Наталья подарила ему двоих детей: Ивана (родился 10 августа 1996 года) и Дарью (родилась 25 мая 2008 года).

НЕМАТОВ РАГИБ ДАДАШ-ОГЛЫ

В ЧИСЛЕ ПЕРВЫХ В АФГАНИСТАНЕ

Нематов Рагиб Дадаш-оглы родился 21 июня 1961 года в городе Шемаха Азербайджанской ССР. Это живописное место, где горный воздух дарит людям здоровье и долголетие. Родители жили в районе Ахсу, отец работал водителем, мама была медсестрой. Рагиб, старший сын в семье, был желанным и любимым сыном. «Рагиб» переводится с азербайджанского как «друг», а предложил это имя его родителям дядя, который очень гордился тем, что у него появился племянник. Мама с папой любили друг друга и передали эту любовь старшему сыну Рагибу, поэтому мальчик с самого раннего детства рос заботливым и работящим, оберегая всех своим младших братьев и сестру и помогая им. Семья была дружной и трудолюбивой. С 1968 по 1978 год Рагиб учился в СШ № 3 района Ахсу. Любознательный и настойчивый, он учился с большим желанием, помогал младшим братьям и сестре в учёбе, опекал их. После окончания 10-го класса в 1978 году пошёл работать слесарем-монтажником ПМК города Баку. На молодого слесаря-монтажника сразу же обратили внимание, потому что Рагиб был исполнительным и аккуратным в делах. Ему

пророчили быть руководителем. Но сразу поступать в институт он не мог: надо было помогать родителям, он был ведь старшим из детей. Пришло время служить в Советской Армии, и Рагиба с большими почестями проводили на сборном пункте. Его провожали родные и друзья, одноклассники. В 1979 году он попал на Украину. Практически не зная русского языка, он быстро освоил специальность снайпера, за короткий период стал лучшим стрелком.

По окончании учебки Рагиб попал в полк, который одним из первых ступил на афганскую землю для оказания интернациональной помощи. В конце декабря 1979 года колонна направилась по незнакомой местности к месту дислокации. До места назначения добрались без происшествий. На пункте назначения вырыли капониры, первым делом сделали полевой туалет и оградили его маскировочной сеткой. Вбили в землю колы для палатки, установили её, устроили спальное помещение. Так на голом месте, среди скал, образовался маленький «военный городок». Выкопали землянки, устроили полевую кухню. «Водные процедуры» принимали из солдатской кружки, помогая друг другу. Первый бой долго ждать не пришлось, «крещение» молодые бойцы получили неожиданно.

Первую атаку «духов» отбили с честью и без потерь. Через некоторое время Рагиб стал лучшим в Кундузе снайпером. Многонациональный военный коллектив легко преодолевал национальные барьеры, их сплачивало общее дело – интернациональный долг… В этих условиях Рагиб был незаменимым: он говорил на одном из тюркских языков и поэтому немного понимал афганцев – местных жителей. Если они поблизости появлялись, он становился для своих толмачом, то есть переводчиком. Легко сходился с солдатами, да и командиры были им довольны. Казалось, только обжились здесь, как получили приказ передислоцироваться на новую позицию, в окрестности населённого пункта Кишим, – охранять сапёрно-дорожный батальон, который восстанавливал разрушенную душманами дорогу, ведущую в Файзебад.

Хорошо солдату: весь скарб за плечами. Безо всяких «сюрпризов» ребята добрались до Кишима. Но продовольствие вертолёты ещё не успели подвезти. Рагиб никогда не унывал. Радостный и жизнелюбивый, он в самый опасный момент не терял присутствия духа, в нужный момент всегда оказывал поддержку более слабому бойцу. На объекте, куда они только что перебазировались и где должны были выполнять охранную миссию, закончилась еда. Ветер, прозванный бойцами «афганцем», был настолько сильный, что несколько дней вертолёты не могли доставить продукты. Озябшие и злые, бойцы блуждали по объекту… Кругом холодные чужие горы, ветер настолько сильный и противный, что лучше укрыться в палатке.

Война войной, а обед должен быть по расписанию. Поэтому Рагиб ушёл на поиски еды. Недалеко от места дислокации была речка. Уж ка-

ким образом он умудрился поймать несколько рыб, это знает только один Аллах. Вернувшись на позицию, разжёг костер, пока огонь разгорался, почистил рыбу и стал варить «уху из топора». Ему повезло, он наскрёб немного муки и получились клёцки. Ароматные запахи ухи витали по лагерю. На запах стали собираться оголодавшие бойцы. Похлебали с удовольствием. Так Рагиб выручил ребят. Все поели, стало немного легче. А через некоторое время ветер стих, прилетели вертолётчики, и на позиции был праздник, во время которого все вспоминали о том, как Рагиб сварил уху. Но словоохотливый и всегда улыбчивый Рагиб так и не открыл тайну, каким образом ему удалось наловить рыбу.

Но не всегда было весело. Были и печальные воспоминания.

Одно из воспоминаний Рагиба

Было много всего за два года пребывания на афганской земле. Прибыл к нам новоиспечённый лейтенант, командир взвода. Нормальный, красивый парень, но вымуштрованный армейской жизнью настолько, что в горах, где отсутствовал плац, приказал нам на ужин идти строем и с песнями. Приказ есть приказ, обжалованию он не подлежит. Построились мы и строевым шагом, громко исполняя песню, двинулись к «столовой». В горах эхо отзывается мгновенно. Не успели мы дойти до «столовой», как нас стали обстреливать. От неожиданности один из моих товарищей неправильно схватил гранатомёт и стрельнул в обратную сторону. Хорошо, что никого не задел. Мы рассыпались в разные стороны и стали отстреливаться. Я принял удобную позицию для атаки из снайперской винтовки. Натиск «духов» мы отбили и, когда всё затихло, обнаружили лейтенанта, сражённого снайперской рукой «духа». Рядом лежал окровавленный боец, его настигла автоматная очередь. Нам было очень жаль молодого лейтенанта, настолько он любил военное дело, мог дослужиться и до генерала, а погиб на второй день по прибытии на войну. На следующий день нам дали команду двигаться дальше. С этого боевого крещения у нас начались первые потери и мы поняли суровую действительность войны. Это не прогулка при луне, а урок мужества и выживания.

Я был снайпером, поэтому основное время проводил на наблюдательном пункте или в засаде. Мы никогда не оставались на одном месте, постоянно разъезжали по разным городам и посёлкам, часто приходилось оставаться в горах. Ночью звёзды были настолько близкими, что, казалось, до них можно было дотянуться рукой. Только эти звёзды были опасными и чужими.

Однажды по прибытии в назначенное место нас шквальным огнём встретили «духи», бой был быстротечным и жестоким… Мы настолько озверели, что атаковали их беспощадно. Когда бой был выигран, пленных и убитых «духов» отправили по назначению, в особый отдел. Затем

мы разбили лагерь в душманских окопах. По ночам душманы стреляли из миномётов, мстя нам за то, что мы заняли их позицию. А позиция действительно была замечательной.

Все мы были дружной воинской семьёй (ещё раз повторяю, многонациональной военной командой), всегда стояли друг за друга горой. Однажды я спас утопающего товарища. Мы пересекали бурную горную реку нагруженные боеприпасами, продовольствием и всем необходимым. Идти было нелегко, один из нас пошатнулся и упал. Мешок зацепился за бревно, и солдат оказался с головой в воде. Увидев, что он захлёбывается, я начал толкать мешок, чтобы он прошёл под бревно. Когда мешок пошёл под воду, я одной рукой схватился за бревно, а другой схватил парня и вытащил из воды. Его я спас, но сам свалился в ледяную воду. Через какое-то время самостоятельно выбрался из бурного ледяного потока на землю. И мы, оба насквозь промокшие, стояли, дрожа всем телом, – в горах очень холодно. Тогда я впервые спас человеку жизнь. До сих пор помню, как он сказал мне: «Спасибо!». Обсушились мы только тогда, когда остановились на привал и разожгли костёр. Удивительно, но ни он, ни я не заболели, только спустя годы врачи обнаружили у меня проблемы с бронхами.

За время службы было много моментов, когда я или мои сослуживцы помогали друг другу и спасали чужие жизни.

Также я помню, как впервые убил человека. Я всегда дежурил в ночную смену, и в одно из моих дежурств на нас напали душманы. Ночью в горах очень темно, особенно когда ненастная погода. Я лежал под БМП и увидел, откуда летит трассирующая пуля. Туда я и прицелился, но батарейка от прибора ночного видения не работала – разрядилась. И я выстрелил наугад. Когда первые лучи солнца осветили землю, мы направились на обход местности и я обнаружил того самого душмана, в которого выстрелил. Это был молодой бородатый афганец. Тогда-то я впервые понял, что значит – убить человека. Это была война…

Кто успел, тот выжил…

Однажды меня и моих сослуживцев – сержанта Соботовича и пулемётчика Джикурашвили – отправили в горы на наблюдательный пункт. Не успели мы с трудом добираться до вершины горы, как нас начали обстреливать душманы.

Оказывается, они наблюдали за нами. Мы открыли огонь, прикрываясь. Я посмотрел через оптический прицел и увидел, что нас окружают. Прикрывая друг друга, мы начали отстреливаться. Честно говоря, я думал, что это конец…

У нас было мало боеприпасов, а их, «духов», очень много. И «упакованы» они были по полной программе…

Но нам повезло: в небе показались наши вертолёты. Я услышал гул вертолёта, и мне показалось, что я вижу, как в небе парят ангелы-хранители.

Сверху заработали пулемёты, мы отступили в сторону, чтобы не попасть под проливной дождь огня. Сверху стали щедро «поливать» из пулемёта «духов». Сделав один заход, они пошли на второй. Мы поняли, что спасены, «духи» отступили. Это был день нашего второго рождения…

Когда мы вернулись на место дислокации, наши бойцы подарили нам по банке сгущёнки. Эту банку я храню до сих пор, она, как талисман, прошла со мной все тропы Афганистана.

28 мая 1981 года я был уволен в запас. Вернулся домой счастливым, что выжил в этом пекле. Самая большая награда – это то, что я встретил девушку, которую полюбил на всю жизнь. Когда я увидел её, у меня за спиной как будто выросли крылья. Мне казалось, что от счастья я парю над землей, что меня подняла в воздух неведомая сила. Эта девушка, которую звали Джамиля, жила, оказывается, у моей тёти в городе Кюрдамир, который утопал в зелени виноградников. Самое вкусное вино называлось «Кюрдамир».

Тётя жила одна, детей у неё не было, поэтому она предложила молодому педагогу пожить у нее. Джамиля окончила институт и получила направление в этот район, работала учительницей английского языка…

Влюбился я с первого взгляда. От её нежного голоса у меня замирало сердце. От тёти я узнал, что она уже сосватана и выходит замуж за сына одного известного в городе человека. Я потерял покой, признался во всём своей сестрёнке, которая предложила её выкрасть. Решение принял мгновенно. Улучив момент, осуществил своё намерение. Я выкрал свою любимую Джамилю. И до сих пор не жалею об этом, потому что очень её люблю. Она у меня верная, преданная и самая любимая на свете. Увёз я её в Москву, где в 1985 году мы узаконили свой брак, а потом поехали в Баку и в городе Ахсул сыграли свадьбу 26 декабря. Вначале моя тёща была категорически против меня, потому что мой поступок считается позором, но потом мы стали лучшими друзьями. Только благодаря своей боевой подруге я окончил московский институт. Работал в Главстрое инженером.

Моя любимая Джамиля родила мне дочерей. Сейчас у меня две дочки-красавицы и два внука-молодца. Я живу, как в райском саду, окружённый красотой моих детей и внуков.

ПОПОВ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ

МЫ ЛЮДИ…

Этот удивительный человек, с приятным голосом, лёгким характером заразительно засмеялся и предложил: а хотите почитать мой дневник? Сейчас он живёт в одиночестве, в отдалении от цивилизации, в поле,

окружённом лесом. Чтобы не быть совсем одному, завёл для себя кур и петуха. А ещё в его хозяйстве имеется кот Васька. Взаимоотношения у них очень даже неплохие.

Однажды кот Васька пришёл таким важным, грациозно обошёл вокруг своего хозяина и положил к его ногам мышку. Сам присел на задние лапы, преданно посмотрел в его глаза, якобы говоря: «Это тебе, угощайся».

– Понимаешь, кот Василий! – серьёзно сказал ему в ответ на этот жест Лев Николаевич, – мы, люди, не едим мышей. Но ты молодец, спасибо. Теперь моя очередь тебя угощать. Кис-кис! – позвал он с собой своего четвероногого друга и прошёл в глубь дома.

Дом деревянный, сложен добротно. Вся утварь для проживания имеется в наличии.

На полках стоят книги. Читать он любит. Но, к большому сожалению, все книги им уже прочитаны и пылятся на полках. От современных источников информации, таких как телевизор и радио, он принципиально отгородился. Решил познать себя, пообщаться с природой поближе.

Весной он собирает ягоды и берёзовый сок в лесу. Лес манит его и наполняет удивительной жизненной энергией, успокаивает. Рыба, которую он вылавливает в реке, насыщает его досыта. Уха, жареная и вяленая рыба – в ассортименте. На речке в тиши, когда сидишь на берегу с удочкой в руке, мысли текут так же плавно, как река.

Ложится спать с заходом солнца. В его доме стоит керосиновая лампа, блики языка пламени отражаются на стенах причудливыми тенями. Утро начинается с первыми лучами солнца. Петух Петька служит ему будильником.

Утренняя пробежка, его тело натренированное и крепкое, и он практически здоров.

«Афганец» Попов вспоминает

Моя сознательная жизнь прошла в городе Ташкенте. В 1971–1973 годы я служил в Советской Армии на Украине и в Бресте.

У меня была интересная специальность, я был радистом и начальником радиостанции в танковой армии. Учили тогда очень хорошо. Был интерес и «способности», и до сих пор я могу принять радиограмму и передать морзянкой с приличной скоростью. Служба в запасе много лет была активной. Каждый год призывали через военкомат на сборы, везли в степи в полк связи. Расписывали экипажи, смотрели технику и т. д. 2–3 дня, потом приезжал большой генерал, до командующего округа, и отправляли нас домой.

19 декабря 1979 года началось, как обычно. Нам выдали новое оружие, новые сапоги, валенки, шинели, запас белья, каски, разгрузки под обоймы АК… Когда сняли с консервации авто, радиостанции и заправили горючим, думали, что идём на большие учения или на марш. Замполиты стали

искать таланты для выпуска газеты. И вот прозвучало слово «Термез» – идём туда.

Мы теперь отдельный батальон связи на базе полка связи штаба ТуркВО. Бойцы от 20 до 50 лет, многие были друг другу знакомы по предыдущим сборам. Я был начальником радиостанции средней мощности Р-118 на автомобиле «ГАЗ-66», водителем шёл ташкентский танкист Эдуард Ананов, армянин. Ему было 45 лет. Другие ребята экипажа были намного моложе. Выдвигались по дороге до Термеза, а там на полигон 108 мсд. Снега в поле не было, но тепло было только днём.

На полигоне стояло много палаток. По полигону движение войск – танки, автомобили, БТР, артиллерия разная, пехота. Бойцов из запаса решили не брать – возраст, находились здесь несколько дней. Запомнились колонны автомобилей с саксаулом для отопления, начались суды за драки и побеги. Младшие офицеры из запаса тихо спали, кадровые офицеры пили. Пили много. 27 декабря по понтонному мосту началось движение войск на левый берег Амударьи, через границу, в Афганистан. Это было для нас совершенно неожиданно. Первая и вроде «верная» установка – на защиту наших рубежей. Стояли, открыв рты, изумлённые и поражённые. Пограничники, местные жители смотрели на нас, как на нашествие.

Так началось первое общение с местными жителями. У нас был «сухой паёк», начали менять на живой горячий хлеб. Меняли наши консервные банки на брелки, бижутерию, значки, шоколад. Торговали в основном дети, предлагали наркотики. Люди для зимы, на наш взгляд, одеты очень легко и очень странно: на голове огромные тюрбаны, а ноги почти босые. Большая стоянка была у Пули-Хумри, ночевали в открытом поле, со стрельбой трассирующими пулями и сигнальными ракетами. Утром двинулись дальше. Перевал Саланг и тоннель там был забит встречными огромными разрисованными автомобилями, люди едут на крышах, висят на подножках легковых «Тойот».

На марше в мою будку радиостанции, где много аппаратуры: приёмники, передатчик, электрогенераторы, где тесно даже экипажу, посадили ещё 10 человек. Это чтоб не везти людей на открытых автомобилях. Я видел, как ехали даже в кузовах самосвалов, на ветру, в снег и мороз. Вот наши машины и были забиты людьми, а ещё и оружие, одежда. Ночью остановились в поле, а утром я вышел и увидел, что стоим на склоне, кругом горы и город в большой долине там, внизу. Сначала саманные домики, далее большие дома, виллы. Вышка ТВ в центре, рядом большой 3-этажный дом на холме. Это был город Кабул, дом рядом со складами, он был обстрелян и кругом пожарище, – это был дворец правителя страны Амина после штурма. Скоро появились афганские бойцы в рыжих шинелях, ботинках, но странно – они говорили на чистом русском языке, особенно у них хорошо получался мат... Оказалось, что это были наши русские люди: из города Чирчика, из-под Ташкента, солдаты и офицеры. Уже потом, позже я узнал, как был создан этот отряд ГРУ из узбеков, таджиков.

Это был мусульманский батальон для охраны Амина. Потом они вместе с «Альфой» и другими спецслужбами штурмовали дворец. До последнего времени бывший лейтенант «мусбата» Турсункизлов был начальником охраны Черкизовского рынка в городе Москве. Вкратце эти «афганцы» рассказали нам о недавнем штурме, показали, где похоронен Амин. При нас они разоружили несколько танков со знаками афганской армии. На сопки и высоты с трудом забирались БМП для охраны, все части выставляли свои посты и ночные секреты и обустраивались в палатках надолго.

Закапывались в снег на ровной местности, искали деревянные настилы в 4-местные палатки. В такую палатку укладывались по 11 человек и куча оружия, мешки, одежда, постельные принадлежности. Спали мы все одетыми. От водяной капели с потолка и стен спасали плащ-палатки… Я получил документы для работы в радиосети: это позывные, частоты, коды, и началась жизнь, знакомая мне: поездки по сопровождению колонн, дежурство в эфире, передача маскирующих радиограмм…

Страшные зимние дороги в горах, ночные стрельбы с трассирующими пулями, холод, сырость, а иногда и голод, когда не было что покушать… Зимние снегопады закрывали перевалы, и в первые месяцы часто бывали перебои со снабжением. Всё горючее, дрова, продовольствие шли к нам из Союза, приходили и большие колонны с саксаулом из пустынь. Курящие ребята оставались без сигарет…

Моя радиостанция постоянно работала в радиосети и иногда была единственной с запасом горючего для электрогенераторов. Жил я чаще всего прямо в машине, это было удобнее. Палатки прохладные и тесно. А в машине можно было слушать радио Советского Союза.

Начали приходить соседи: санэпидстанция, фельдъегерская связь, и большое событие – появилась баня! Её соорудили в большой палатке. Потом пришли кадровые воинские части с Урала и Украины. Пришла и наша замена, предлагались разные варианты: первый – отлёт домой без техники. Мы её передали новым командирам.

Но наши радиостанции устарели, и их нам вернули. Действительно, когда я выходил в эфир, то через минуту включались помехи, широкополосные глушилки. Приходилось уходить на запасные частоты, и всё повторялось. Скорее всего, это были американские станции в Пакистане, они очень старательно закрывали нашу радиосвязь. Наше «партизанское» войско отрастило бороды, и я носил её дома ещё долго, как батюшка из церкви.

Впервые тогда я видел новые АК-74, 5,45 калибр. Такие были только у десантников. Мы долго держали у себя оружие из брошенных казарм

зенитной афганской батареи. В военные билеты ставили отметку «специальные сборы», это было на протяжении почти 10 лет. Съезд народных депутатов в 1989 году признал нас «ветеранами Афганистана», и нам выдали документы. И это произошло лишь потому, что один из нас сам стал депутатом…

В марте 1980 года мы маршем на своей технике вернулись в Термез, при этом дважды вступали в бой с бесчинствующими головорезами на дорогах. В Термез прибыли и сдали оружие. Потом приехали в Ташкент, долго сдавали технику и всё прочее. На основной работе нам дали отпуска.

Несколько раз встречались со своими ребятами за рюмкой «чая».

По нашему коммунистическому воспитанию, мы являлись «собственностью государства», а может быть, по молодости всё, что произошло тогда, воспринималось как нормальные события….

Трудности, холод, голод, стрельба, взрывы – это переносилось спокойно и легко. До сих пор первая установка на то, что шли для защиты «южных рубежей СССР», мне кажется самой точной!

А то, что брали «запасников» и как это делалось, – факт для армии позорный, но тогда других вариантов просто не было.

Через 1,5 месяца получилось нелегально переслать домой письмо через командированного офицера. Это письмо домой он бросил в почтовый ящик в городе Ташкенте. Запрещали говорить, где мы, пришлось наколоть иголкой слово «Кабул», и его увидели дома, прочли и прослезились.

В мае 1980 года родился мой сын, сейчас ему уже 30 лет. В год его рождения и происходили такие события.

РАСПОПОВ ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ПОДВИГОВ ГЕРОЕВ СВОЕЙ ОТЧИЗНЫ

Рождение сына в семье Распоповых было большим и радостным событием. Долгожданный малыш был желанным. С самого раннего детства он был окружён вниманием всей родни. Владимир родился 6 апреля 1966 года в поселке Близнюки Близнюковского района Харьковской области в семье служащих. Щедрое в этих краях солнце наполняло всё живое теплотой. Поэтому люди, рождённые под щедрыми солнечными лучами, от природы добры и великодушны. Его родители были уважаемыми людьми в своих коллективах и в районе, где они проживали, поэтому радостное событие – рождение сына – было значимым событием. Жители этого района все вместе – это большой многонациональный коллектив людей, волею судьбы оказавшихся в этих краях. Тут жили представители разных национальностей, проживающих в Советском Союзе, дружили между собой.

Отец его, Распопов Григорий Петрович, 1936 года рождения, уроженец Суджанского района Курской области, из семьи крестьянина. Был выдающимся учёным-агрономом. Крестьянский труд во все века считался самым тяжёлым. Постепенно шло создание и внедрение передовых технологий возделывания сельскохозяйственных культур, появлялись новые их сорта и гибриды, осваивалась новая технология, разрабатывались новые удобрения, гербициды… Ему, как учёному, приходилось переезжать с одного поля на другое, менялись города. А переезды, ввиду его семейного положения, происходили вместе с семьёй.

Примером был отец, который сумел детям привить привычку к труду, порядку, точности и аккуратности абсолютно во всём.

«Делу – время, потехе – час», – любил говорить отец своим детям Володе и Ларисе.

Грамоте Владимир начал обучаться в школе, где его мама преподавала биологию. В 1973 году он поступил в 1-й класс Близнюковской общеобразовательной средней школы.

В обширной отцовской библиотеке Володя как-то нашёл книжку с красочными картинками, раз и навсегда поразившими его воображение. Эта книга так глубоко запала ему в душу, что он, будучи уже взрослым, при каждом удобном случае на память цитировал оттуда целые страницы. Книга эта рассказывала о подвигах воинов Руси начиная с древнего периода. Володя понял, что ему нравятся рассказы о подвигах героев Отчизны.

В 1978 году в связи с переводом отца в Министерство сельского хозяйства РСФСР семья переехала в Москву, где Володя продолжал обучение в Косинской средней школе № 24, которую окончил в 1983 году.

Годы обучения в школе оставили добрые и светлые воспоминания.

После школы работал на автомобильном заводе имени Ленинского комсомола в должности контролёра ОТК сборочно-кузовного производства. Владимиру повезло позже и с наставниками, как с родителями, – было с кого брать пример.

С первых дней на заводе Володя проявил себя ответственным и целеустремлённым человеком. Любовь к труду ему была привита ещё с раннего детства. Родители относились к своей профессии с большой ответственностью. Гордость за свою профессию, честное отношение к порученному делу передалось и детям. По характеру спокойный, он быстро заслужил авторитет в коллективе. Свои обязанности выполнял ответственно и качественно. Когда пришло время призыва в армию, его бригада сокрушалась, что он должен от них уйти. Просили его после армии вернуться опять на завод. Провожали его на службу всем коллективом.

Пройдя курс молодого бойца, закалённый с раннего детства и физически, и морально, он с лёгкостью переносил тяжёлое время военной учебы. Большие физические нагрузки всё больше укрепляли его физическое тело и душевное состояние будущего воина. Так постепенно сформировались у будущего защитника Отечества волевые качества.

После учебки его направляют в Демократическую Республику Афганистан. Здесь, на афганской земле, открылась новая страница в его биографии. Принимал участие в боевых действиях. Был секретарём комсомольской организации взвода с твёрдым убеждением, что воспитанию и обучению комсомольцев надо отдавать свои силы, знания, всего себя, вкладывать в дело душу и сердце. Это убеждение стало стержнем его жизни. Оно определило и стиль поведения, и методы работы. Наиболее предпочтительным из них, как сразу же понял Владимир, является личный пример. Личный пример – это не разовый инструмент воспитания, который можно, когда надо, применить, а потом взять и отложить на время в сторону… Нет, личный пример – это эффективный метод, но только тогда, когда воспитатель применяет его не чтением морали, а своими конкретными поступками, своими каждодневными действиями, показывая пример своей жизнью и своим отношением к делу. После выполнения интернационального долга вернулся на родной завод, где был принят в цех испытаний слесарем механосборочных работ.

РОГОЖИН ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ

МОСКВИЧ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ В АФГАНИСТАНЕ…

Этот рассказ посвящается москвичу третьего поколения – Рогожину Владимиру Анатольевичу. Он родился 13 апреля 1968 года в городе Москве, в семье рабочих. Отец, Рогожин Анатолий Михайлович, родился в 1944 году в Москве, работал в МЭИ фрезеровщиком, умер в 1995 году. Мать, Рогожина Татьяна Сергеевна, родилась в 1948 году в Ступинском районе Московской области, в поселке Малино, работала в МЭИ гальваником, сейчас – пенсионерка.

Рос Владимир в дружной, трудолюбивой семье. Когда в 1970 году родился его младший брат Алексей, отца, Анатолия Михайловича, распирала радость, он всем говорил: «Есть кому Отчизну защищать», очень гордясь сыновьями.

Детство и школьные годы братьев прошли, как и у тысячи детей этого периода. Владимир в 1983 году окончил восемь классов средней образовательной школы № 427 и решил стать, как и его отец, рабочим. В этом же году поступил в СПТУ № 162 на специальность автослесаря. Техника

его интересовала больше всего. Мама удивлялась, что он мог починить по хозяйству то утюг, то чайник. После окончания СПТУ поработать Владимиру не удалось – повестка уже лежала на столе. В военкомате Владимира приметили сразу. И как же его не приметить!

Солдат роста десантного, хоть сейчас в парадный расчёт: в красивой фигуре угадывается и ловкость, и смелость, и сила. Направлен был от военкомата на три недели овладевать навыками парашютного спорта в Чеховский аэроклуб. Первый прыжок запомнился надолго. Было очень страшно.

– Пошёл! – сквозь гул самолёта услышал он приглушённый голос инструктора. Закрыл глаза, и шагнул в неизвестность, в пропасть… А когда открыл глаза, то обомлел от этой красоты, от ощущения полёта.

Непередаваемое чувство полёта. Ты летишь, как птица. Главное – вовремя дернуть за кольцо. А когда приземлился и встал на ноги, то казалось, что его ещё продолжает штормить на земле.

– Ты как? – спросил его друг, оказавшись рядом.

– Здорово! – только и мог ответить Владимир.

Вечером за столом, когда вся семья собралась за ужином, Володя взахлёб стал рассказывать о своём первом прыжке.

– Я же говорил, мать, – гордо с радостными глазами сказал отец, – будет кому Родину защищать.

Подготовка прошла быстро.

17 октября 1986 года Красногвардейский РВК призвал его на воинскую службу в ВДВ. Проводы были запоминающимися: застолье среди родных и близких. Потом слезы, поцелуи, напутствия. Потом автобус, набитый такими же призывниками, как и Рогожкин. Одни ещё не отошли от выпивки – от них разило перегаром, другие спокойные. Знакомство с ребятами продолжилось в самолёте.

Самолёт приземлился на ферганском аэродроме. Недалеко от трапа новобранцев уже ждал автобус.

Проходил службу в учебке в городе Фергане. 14 декабря 1986 года принял присягу. День был торжественным. Офицеры в парадных формах добавляли в эту торжественную обстановку чувство патриотизма. На плацу каждый из солдат, чеканя шаг, выходил из строя, зачитывал текст присяги с оружием в руках. Во время чтения по коже спины волной пробегал мороз. Затем также строевым шагом возвращался и становился в строй. Играл духовой оркестр. Вокруг плаца были гости, многие родители приехали на этот важный для солдата день.

Рогожин Владимир освоил специальность снайпера, у него был инструктором по обучению пожилой опытный прапорщик, который прошёл дорогами необъявленных войн и имел много наград. Снайпер своим талантом спасает жизнь товарищей. А потом их ждал военный самолёт Ил-76, или, как его называли, «горбатый». Командир экипажа – строй-

ный, бравый офицер, с шутками и прибаутками, ободряя молодых бойцов, пригласил на посадку.

25 мая 1987 года прилетели в Баграм, где дислоцировалось его подразделение. И начался новый виток в жизни Рогожина Владимира – Афганистан.

Из воспоминаний солдата-десантника Рогожина…

Угасал весенний день, истекали последние минуты тишины перед маршем в горы. Часто задавал себе вопрос: «Зачем мы здесь?» и сам же отвечал: «Затем, чтобы помочь людям этой страны жить так же, как мы, и выполнить не только интернациональный долг, но и долг общечеловеческий».

Всем известно, что профессия десантника очень ответственная. Рогожин Владимир гордился, что ему посчастливилось служить в ВДВ под командованием старшего лейтенанта А. А. Степанова. Он часто до деталей вспоминал тот случай в ущелье под Баграмом. Взвод под командованием гвардии лейтенанта скрытно занял оборону у входа в ущелье. Сюда, по данным разведки, направлялась крупная банда душманов, проникшая из Пакистана.

Задача группы состояла в том, чтобы не допустить внезапного нападения душманов на колонну. Едва десантники наспех успели соорудить укрытие из камней, как, словно по команде, на склоне появились душманы с чёрными чалмами на головах.

По команде старшего лейтенанта А. А. Степанова открыли огонь по душманам.

Ураганный, скоротечный и неожиданный огонь прижал душманов к скале. Но высокий боевой дух помог им быстро опомниться. «Духи», перебегая от одного камня к другому, хотели выйти в тыл. А там их поджидала группа из разведки. Бой был жестокий. Командир был ранен в руку, но продолжал оставаться в строю и руководить боем. Мгновенно «духи» как появились, так и исчезли, будто бы их и не было. Они быстро рассеялись в горах.

Пункт постоянной дислокации 345-й отдельного гвардейского парашютно-десантного Краснознамённого ордена Суворова 3-й степени полка имени 70-летия Ленинского комсомола находился в населённом пункте Баграм, в 60 километрах к северу от Кабула. Полк имел всё необходимое: столовые, складские помещения, свою скважину для обеспечения водой, дизельную станцию автономного обеспечения электроэнергией, бани (для рядового и офицерского состава). Личный состав размещался в щитовых казармах. Был свой полевой хлебозавод.

Я был назначен в 1 взвод 5 роты 2 пдб. Подразделения 2 пдб выполняли задачу по блокированию ущелья Панджшер.

Батальон размещался в населённом пункте Анава. Штаб батальона находился в крепости. Ущелье Панджшер блокировали 20 застав батальона, что позволило значительно сократить поставку из Пакистана вооружения и боеприпасов, а следовательно, уменьшилось и количество обстрелов афганских населённых пунктов со стороны душманов. Заставы постоянно подвергались обстрелам.

Я принимал участие во многих операциях и боевых действиях.

Обеспечение вывода 860 омсп из Файзабада 23 июля 1988 года – 4 августа 1988 года (2 пдб – до 12 августа 1988 года). Блокирование, очистка и минирование района Хуркабуль, 25 километров юго-восточнее Кабула. С 13 по 20 сентября 1988 года – Лаландар-Майданруд (Майданшахр), 30 км юго-западнее Кабула. Октябрь-ноябрь 1988 года – 3 пдб в Шинданте. С 11 ноября 1988 года и до вывода – 2 пдб на Саланге.

2 января 1989 года я закончил службу.

Жена, Югалова Елена Анатольевна, родилась 7 апреля 1973 года.

Сын, Югалов Михаил Юрьевич, родился 7 апреля 1994 года.

САМИУЛЛИН РИНАТ РАВИЛЕВИЧ

ЗАГОВОРЁННЫЙ…

В большой работящей семье Самиуллиных в деревне Актуково Краснооктябрьского района Нижегородской области отец семейства, Равиль Самиуллович, работал механизатором в колхозе. Уходил он на работу ранним утром, с первыми лучами солнца и возвращался уже тогда, когда солнце садилось за горизонт. Его жена, Сания Самиулловна, хохотушка и добрая женщина, была под стать мужу. Он ею очень гордился. Работала она заведующей фермой и, как хозяйка, много времени уделяла ей. Удивительно, как она всюду успевала: и дома по хозяйству, и на ферме? Спать она ложилась, закончив все дела, самой последней. Утром, когда отец семейства пробуждался ото сна, горячие, вкусные блины уже стояли на столе. За столом сидел дед, покашливая, ожидал его за столом вместе покушать. Дедушка, участник Великой Отечественной войны, потерял руку на войне. Когда он вернулся в деревню, был настоящий праздник, потому что из всей деревни он вернулся единственный. А уходило их, молодых ребят, на фронт для защиты Родины более 30 деревенских парней. Несмотря на то, что он был однорукий, он в работе был передовиком во всём и примером для подражания. Правда, на гармошке уже не мог играть. На фронт деревенские ребята шли под звуки его гармошки… Но дед не унывал и свой богатый опыт передавал старшим внукам – двойняшкам Ильдару и Ильдусу, которые с удовольствием помогали дома по хозяйст-

ву. Забавно было наблюдать за ними: маленькие, с большими вениками в руках, они старались навести порядок, помочь маме. Однажды их мама, Сания Самиулловна, объявила братьям о том, что скоро поедет «покупать» сестрёнку или братика. И 18 сентября 1963 года в их семье появился на свет Ринатик.

Старшие братья сразу же полюбили этого маленького карапуза. Мальчик рос спокойным и здоровым, поэтому мама вышла опять на свою работу, на ферму. Старшие дети – двойняшки Ильдар и Ильдус – во всём помогали ей. Отец семейства очень гордился своими детьми, которые почитали взрослых и помогали младшим. Карапуз Ринат подрастал быстро. А семейство всё укреплялось и умножалось. Так, на свет появился ещё и младший братик Рауф, а вслед за ним родилась долгожданная девочка – сестрёнка Ильмира, которая тут же стала любимицей братьев.

Как и положено мальчишкам, они гоняли на велосипедах, играли в футбол. Дрались и мирились со сверстниками, дружно бегали в школу, а когда возвращались домой, им не оставалось времени на домашние задания, потому что дома у них было много забот. Нужно было помочь по хозяйству, ухаживать за пожилыми дедушками и бабушками, заниматься младшими детьми в доме. Поэтому в голове оставались только те знания, которые они получали в школе, да и те быстро выветривались в поле за работой.

Ринат после 7-го класса работал уже помощником механизатора наравне со взрослыми: весной вспахивали поле и засеивали его зерном или картошкой, а осенью собирали урожай, и так из года в год.

В 1979 году Ринат окончил Актуковскую среднюю восьмилетнюю школу. Решив продолжить учебу на водителя, он поступил в Лукояновское СПТУ. Ему нравилась эта специальность, поэтому он хорошо учился и успешно окончил учебное заведение.

1982 год для Рината был судьбоносным – произошли события, которые оставили глубокий след в его душе. В январе 1982 года совершенно неожиданно и скоропостижно от инфаркта скончался отец, сорокадвухлетний, молодой мужчина. Затем умер дедушка. А в мае 1982 года Ринат был призван на действительную военную службу в ряды Советской Армии. Провожали призывников всей деревней. За большим столом, где разместились почти все селяне, председатель колхоза поднял рюмку за новоиспеченных солдат и напутствовал их на честное и добросовестное исполнение своего гражданского долга.

Ринату было приятно, что в честь его ухода в армию все дружно собрались, он был этим горд. Долго раздавались песни и плясали по всей деревне.

Не спали в эту ночь почти все одноклассники. А ранним утром всей толпой отправились в город на пересыльный пункт, в военкомат, с песнями под звонкоголосую гармошку. Председатель колхоза в честь этого торжественного дня выделил машину для новобранцев и их провожающих. Среди провожающих была одноклассница Аклимя. Ринат всё пытался поймать её взгляд, а она, сильно краснея, застенчиво опускала глаза.

– Вот дела, – думал про себя Ринат, – вместе выросли, а она смущается. Почему?

Уже в поезде он вспоминал её глаза и приятная теплота наполняла душу.

Поезд монотонно мчался вдаль, увозя Рината в неизвестные края. Двое с половиной суток в дороге промчались очень быстро. Ребята рядом оказались все интересные и весёлые, так за рассказами и байками расстояние быстро сократилось и поезд прибыл на вокзал города Баку. Учебка оказалась в Азербайджане, в Баку, в прекрасном старинном городе, утопающем в зелени. Там с одной стороны далеко-далеко виднелись заснеженные шапки гор, а с другой стороны – бескрайнее Каспийское море, берега которого протянулись на много километров вдаль. Многие впервые в жизни увидели море. Ребята оглядывались по сторонам с раскрытыми ртами.

Опьяняющий чистый воздух, удары волн о берег и первое построение странным образом всколыхнули души новобранцев. Ринат впервые выехал в самостоятельное путешествие из своей деревни, поэтому ему было всё в новинку.

Часть располагалась почти на берегу моря и была окружена со всех сторон высоким забором. Часовые стояли на посту. Местный парикмахер, из своих же солдат, безжалостно стриг головы новобранцев «под Котовского», затем, смыв дорожную пыль в жарко натопленной бане, новобранцы впервые переоделись в солдатскую одежду и неумело навернули на ноги портянки. Те, кто неправильно намотал их на ноги, в тот же день натёрли ноги до мозолей.

– Хочу предупредить вас, что тот боец, который натрёт ноги до мозолей, получит наряд вне очереди, – с украинским акцентом проговорил перед строем старшина Павленко. Высокий и стройный, он стоял перед молодыми бойцами и терпеливо объяснял им дополнительно, что получение мозолей считается «членовредительством» и карается законом.

Новобранцы стояли перед ним, как молодые птенцы, только вылупившиеся из яйца и не умеющие ещё летать. Практически никто ничего не понял, особенно это странное слово «членовредительство», и Ринат отметил про себя – надо его записать и выучить, чтобы не быть олухом.

– Есть вопросы?– гордо прохаживался перед ними старшина Павленко. А гордиться было чем: на его груди красовались значок «Отличник боевой и политической службы» и другие разные знаки отличия.

Новобранцы, уставшие с дороги и оглушённые всем происходящим, молча стояли перед старшиной.

– Нема вопросов… Тогда сейчас будет отбой, – он стал объяснять, что такое «отбой», и поднимать другие вопросы. Терпеливо рассказал о строгом распорядке дня, о том, как содержать солдатскую форму в чистоте и беречь её, как берегут свою честь.

– Жизнь свою можешь отдать за Родину, а честь свою никому… – гордо и важно процитировал он слова Кутузова и сам этим был доволен. Видно было, что он очень любит военное дело.

В этот день новобранцы получили очень много новой информации, и когда прозвучало слово «отбой» – это было, как бальзам для сердца. Ребята, сладко вытянувшись на солдатских кроватях, крепко уснули. Так началась солдатская жизнь Рината.

В учебной части проходили курс молодого бойца и многому научились в жизни. Деревенским пацанам было легче, чем городским, потому что деревенская жизнь не любит ленивых. Это в городе можно и понежиться в постели до полудня, тогда как в деревне поднимаются вместе с первыми лучами солнца и первыми криками петуха, громкоголосо объявляющего о наступлении нового дня. Поэтому Ринату служба не казалась очень трудной. Он многому научился за эти короткие полгода.

Старшина оказался тоже деревенским пареньком с далекой Украины, поэтому Ринат быстро подружился с ним. И старшина, и Ринат говорили с большим акцентом: один с украинским, другой с татарским. Но от этого дружба их не пострадала. В солдатском коллективе были представители многих национальностей большого Советского Союза, и все были равны.

– Рядовой Самиуллин, – как-то раз окликнул Рината старшина, – до тэбэ пришло письмо, поди забери.

– Есть, – козырнув старшине, обрадовался Ринат и помчался за письмом. Бежал, а сердце колотилось как-то по-особому. «Написала или нет?» – звучало в ушах.

Прибыв в Баку, он первым делом написал письмо Аклимя и ждал от неё ответа. Письмо оказалось и от неё, и от матери, просто мама вложила её послание в свой конверт. Так началась их переписка.

Учёба – «курс молодого бойца» – быстро пролетела, и вот «купцы» стали приезжать за бойцами. Ринат попал в Туркестанский военный округ. Опять переезды и волнения, пока не добрались до Термеза. И только там узнали, что попадут служить в Республику Афганистан. Было и страшно, и любопытно. Так в составе колонны рядовой Самиуллин Ринат через Термез, через понтонный мост, пересёк границу Советского Союза и оказался на территории Афганистана с высокой интернациональной миссией.

Его задача заключалась в своевременной доставке продуктов питания по объектам. На новом «ЗИЛ-130», полученном на складе в городе Термезе, он прослужил весь период на афганской земле. Груз всегда сопровождала охрана в машине кузова: зенитчики и пулемётчики по несколько человек. Старший машины менялся, а в сопровождении, или охране, долгое время были одни и те же солдаты: два грузина, один молдаванин, один украинец и белорус. Отвозили продукты в основном в подразделения, расположенные в провинции Мазари-Шариф. Два или три раза в месяц пересекали границу, ездили в Союз, в Термез, загружали продукты на складах и вновь возвращались на базу. За весь период службы им повезло, они ни разу не попали под обстрел или в засаду.

– Рядовой Самиуллин, молодец, – обращался к нему комбат, – ты как заговорённый. Тебя пули не берут, и гранаты пролетают мимо. Так держать!

Ринат после этих слов тайно сплёвывал трижды, чтобы не сглазить, и держал фигу в кулаке, чтобы никто не видел. Так и прозвали в подразделении Рината «заговорённым».

Машина «ЗИЛ-130» легко и быстро шла по извилистой дороге между скалами, бросая охрану в кузове из стороны в сторону, поэтому сопровождающим приходилось крепко держаться за борт и одновременно за вверенное им оружие. Вдоль дорог были брошены обгорелые и раскуроченные военные автомобили и БТР, земля зияла глубокими воронками от снарядов, напоминая о том, что здесь идут бои…

Когда рассматривал брошенную на дорогах технику, сердце всегда ёкало: а вдруг и его машина попадёт под прицел душманских бандитов? Но каждый раз всё обходилось благополучно, продукты довозились в целости и сохранности, а личный состав живым и здоровым. В части поползли слухи о «заговорённом» и каждый мечтал сопровождать груз именно с ним.

Однажды, прибыв на пункт назначения, Ринат соскочил из кабины на твёрдую землю и стал разминать затёкшие ноги. Старший машины направился к командному пункту для доклада, ребята-охранники тоже соскочили на землю, крепко держа своё оружие – тяжёлую зенитную установку, пулемёт, к пулемёту несколько лент с пулями. После поездки сюда они всегда оставались на ночь, а ранним утром возвращались обратно в свою часть.

– Ринат, – вдруг услышал он своё имя на татарском языке, – исянме син?

– Чингиз! – искренне обрадовался Ринат, увидев перед собой односельчанина, соседа Аклимя. – Вот так встреча! Это же надо встретиться на афганской земле!

Командиры обоих солдат разрешили землякам пообщаться. Давно Ринат не слышал родную речь. Словно знакомая красивая мелодия, родная речь радовала слух. Обменявшись новостями о родной деревне, о близ-

ких и знакомых, они разошлись. Оказалось, что односельчанин уже не раз был в перестрелках и уже… имел ранения. Слушая его, Ринат не мог понять: это хорошо или плохо, что он не попадал в засаду или в перестрелку?..

Он честно и добросовестно исполнял свой интернациональный долг. Вот он уже заканчивает службу на войне, откуда каждый день увозят ребят в гробах, где каждый рискует своей жизнью. Ринату просто повезло.

Чтобы не ехать пустыми в Союз, неоднократно они перевозили в кузове, на своём «ЗИЛ-130», гробы с телами своих ровесников. Только вернувшись домой, Ринат услышал из уст Аклимя, что она молилась и ранним утром, и в дневной передышке, и перед сном Аллаху, чтобы её возлюбленный вернулся из этого пекла живым и здоровым… Может быть, её жаркие и истинные молитвы и оберегали его на коварных и опасных дорогах войны? Кто же это знает?.. Но факт есть факт, и Ринат в 1984 году вернулся в родную деревню. Пышная встреча героя прошла бурно, с песнями и танцами до самого утра. И Ринат лёг спать с первыми криками петуха. Он решил выспаться за все эти годы афганской войны.

Утром следующего дня председатель колхоза постучал в двери.

– Входите, открыто, – преодолевая сон, крикнул Ринат осипшим ото сна голосом.

– Спишь? – вошёл председатель в дом.

– Пытаюсь. – Поднялся Ринат с постели быстро, по-военному. – Я только час тому назад лёг спать, хочу после службы отоспаться.

– Не удастся, Ринат.

– Это почему? – удивился Ринат, услышав из уст председателя неприятную для себя новость.

– Потому, – теребя фуражку в руках, ответил председатель, – что мы «горим». Людей не хватает… Аврал… Помоги!

– Но… – Ринат запнулся на полуслове, на пороге появилась Аклимя.

– Хорошо, сейчас оденусь и выйду.

Председатель, сияя и радуясь, вышел из дома, вслед за ним и Аклимя.

Так солдату афганской войны и не удалось отдохнуть. Его ждал трудовой фронт колхоза. Он стал ударником социалистических соревнований, работая комбайнёром в колхозе Актуковский.

А в 1985 году, набравшись смелости, глубоко вдохнув воздуха, он сделал предложение Аклимя. К его большому удивлению и радости, она согласилась.

Поженившись, они решили уехать в Москву. Родители особо не возражали, отпустили с благословением. Ринат быстро нашёл работу, устроился в хозяйство райдормеханизации Ждановского района водителем. С первых дней на работе показал себя только с положительной стороны, а иначе

нельзя. «Афганцы» всегда должны быть на передовом фронте жизни, их закалила афганская война. Аклимя хозяйничала по дому. Однажды за обедом она сообщила о том, что них будет ребёнок. От услышанного радостного известия, не удержавшись, Ринат схватил её на руки и закружил в танце. Вот эта новость!

Сын родился в 20-й больнице города Москвы в 1986 году.

Праздновал это радостное событие целую неделю. Сейчас сын уже студент одного из престижных вузов города Москвы.

«„Афганцы“ никогда не сдаются!» – этот лозунг для семьи Самиуллиных остаётся неизменным.

СОКОЛОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

ВЫПОЛНЯЮ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ…

Александр Николаевич Соколов родился 18 мая 1961 года в городе Хасавюрт, по национальности – латыш.

В салоне вертолёта Ми-6 было душно и шумно, в нос бил сильный запах горючего. Салон был полностью забит военнослужащими. Кто-то летел в отпуск, кто-то уже совсем возвращался на Родину. Среди летящих в салоне были и те, кто летел на лечение. Я молча наблюдала за людьми и поглядывала в иллюминатор вертолёта, где виднелась афганская земля со своим специфическим ландшафтом. Горы, чужие и колючие, упирались в небо. Двое ребят сквозь гул и писк радостно и увлечённо что-то рассказывали друг другу. По их радостному настроению было понятно – ребята летят домой. Слово «домой», как награда, радовало.

– Угощайтесь, – перебрался ко мне красивый солдат, присел рядом и протянул яблоко.

– Спасибо, – я взяла его в руки и не спешила есть.

– Ешьте, ешьте, оно мытое и вкусное.

Он надкусил второе яблоко и стал так аппетитно уплетать этот фрукт богов, что я поспешила сделать то же самое. Яблоко действительно было и красивым, и очень вкусным.

– Ладно, мы, мужики, здесь воюем, защищаем чьи-то интересы, погибаем, выживаем, а что вы делаете, такая молодая и красивая девушка, на афганской земле? – прокричал он мне в ухо.

– Выполняю свой интернациональный долг, – в ответ громко и гордо сказала я.

– Понятно, – многозначительно кивнул он головой, продолжая аппетитно уплетать яблоко. И когда он съел его всё, потёр ладонью об ладонь и жадно стал всматриваться в иллюминатор.

– И много вы задолжали? – неожиданно осведомился он.

– Что? Кому? – я не поняла его вопроса.

– Ну как же – «интернациональный долг»… Вот и спрашиваю: много задолжали и кому?

– Не знаю, – пожала я плечами.

Да и что скажешь, мы, вскормленные патриотическим наследием наших отцов и дедов, разве могли оставаться в стороне? Девушки добровольцами записывались на защиту Испании, шли защищать свою Родину в Великую Отечественную войну…

Продолжать беседу я не стала, потому что шум заглушал разговор, а говорить громко мне не хотелось. Доев яблоко и поблагодарив незнакомца, я прикрыла глаза и погрузилась в свои иллюзии. Пассажиры притихли: кто дремал, кто неотрывно смотрел в иллюминатор, но каждый думал о чём-то своём… Время пролетело быстро.

Когда мы сошли с вертолёта, нас ещё покачивало. Мы шли по аэродрому со своими вещами. Боец, что угощал меня яблоком, шёл рядом и помог мне с моим небольшим багажом. Мы стали ожидать посадку на свой самолёт, который летел в Москву. Было достаточно много времени, чтобы поговорить с ребятами.

У каждого удивительная судьба. Но мне хотелось бы передать рассказ этого молодого, красивого парня, Соколова Александра Николаевича, который до сих пор не знает своих родителей.

Весной, когда всё живое начинает обновлённую жизнь и все плодоносные деревья покрываются разноцветными нежными цветками, а воздух наполняется нежным ароматом благоухания цветения новой жизни, в этот прекрасный период родился на свет этот удивительный малыш, который стал Соколовым Александром Николаевичем.

Рассказывает Соколов Александр Николаевич:

В 1980 году я попал в десантные войска, в 103-ю дивизию, но, так как дивизия дислоцировалась в Афганистане, нас прикомандировали для прохождения курса молодого бойца и принятия присяги в Псковскую дивизию.

В Афган я попал весной 1981 года.

– Да уж, рассказывай сказки, – перебил его однополчанин, с которым он вместе служил в Афгане, взял чашку с кофе и сделал глоток.

– Да, если хотите знать, Раечка, – обратился он ко мне, – я своей жизнью обязан ему, Сашке. Мы попали в засаду, под шквал сильнейшего огня. Мы бросились врассыпную. Когда все патроны закончились, я отполз за валун большой скалы и оказался в уязвимом месте, где тут же получил несколько пуль. От боли хотелось выть, но первая мысль была: «Только не плен»…

Так вот, Сашка, увидев, что мне «крышка», перекатами, одновременно отстреливаясь из автомата, добрался до моего укрытия и приказал отползать, прикрывая меня своим телом и отстреливаясь. Он настоящий герой без страха.

Первое, что меня поразило: нас с аэродрома провели через морг, в палатках стояли холодильники, забитые трупами, а внизу на носилках – руки, ноги, туловища… И только тогда я понял, куда попал. В ноябре 1981 года получил травму головы. Сам я в Афгане ничего не боялся, лез во все дыры, так как знал, что меня в России никто не ждёт и никому я там не нужен. В ноябре 1982 года я ушёл на дембель.

На гражданке жизнь начинал с нуля, был женат, имею двух дочерей, последнее место работы – в Театре на Таганке, главный инженер.

Сейчас в разводе, но недавно встретил свою судьбу. Она мне очень дорога, это самый любимый и милый человек в моей жизни, ради неё мне хочется жить.

В настоящий момент инвалид войны, но стараюсь помогать другим ребятам-инвалидам, которые никому не нужны.

Это и наши инвалиды Великой Отечественной войны, которые также нуждаются в нашей помощи.

И пока мы вместе, мы – сила!

СТАРИКОВ ГЕННАДИЙ ПЕТРОВИЧ

ПАРЕНЬ СО СВЯТОГО ОЗЕРА…

Район Большое Косино раскинулся в живописном местечке города Москвы, с двух сторон он окружён лесом. Вокруг три озера. У них чудные названия: Белое, Святое и Чёрное. Озеро Святое названо так потому, что, по легенде, в этом месте стояла церковь и было это место намоленным, а сама церковь стояла на возвышенности. По какой причине в один прекрасный день церковь «ушла», провалилась вниз с куполами и со всеми иконами, что висели внутри неё? Этой причины никто не знает. На этом месте образовалось озеро. Местные жители, увидев такие чудеса, были поражены и удивлены. Слух о случившемся быстро распространился по округе. Люди толпами приходили посмотреть своими глазами на это необычное явление. Объяснения этому по сей день никто не может дать. А название пришло само собой – Святое.

Каждый год 3 июля женщины округа приходят к этому месту, помолившись, окунаются в воду. Этот ритуал тоже неизвестно откуда появился, но после этого ритуала во многих семьях происходят чудеса.

В одной семье запойный муж благодаря своей жене, которая пришла к озеру, помолилась, а потом окунулась в воду, вдруг перестал пить. Жена долго готовилась к этому моменту, и, когда стояла у озера нагая (так положено), она страстно помолилась, затем вошла в воду и окунулась с головой. Перекрестилась, опять помолилась и повторила то же самое трижды, а выбравшись на берег, накинула на плечи белую простыню, стыдливо прикрыла своё тело от окружающих, закрыла глаза и стала благодарить за исцеление…

Никто этому её не учил, а вот пришло само собой, и всё тут. И с тех пор муж ведёт трезвый образ жизни. В семье лад, понимание и спокойная жизнь.

Много чудес можно услышать в округе об этих внезапных исцелениях, поэтому каждый год 3 июля женщины приходят к этому удивительному месту в ожидании чуда.

Так и Клавдия Старостина, красивая и молодая женщина, давно мечтавшая о рождении сына, решила на себе испытать то, о чём говорят люди. Она вот уже несколько лет замужем, а детей пока нет. И муж хороший человек, и она покладистая, добрая, работящая, заботливая, здоровая, а вот детей нет. Услышав от своей подруги легенду о счастливом исполнении желания одной девушки, которая окунулась в озере, она стала ждать этого заветного дня. Для усиления исполнения своей мечты она стала поститься и несколько дней до этого долгожданного дня соблюдала очень строгий пост. И вот 3 июля она всё сделала, как рассказывала подруга.

И каково же было её удивление, когда через три месяца она почувствовала, что внутри неё кто-то есть. Ей приснился сон, будто Илья Пророк, весь в белом одеянии, поздравляет её. Она об этом удивительном сне рассказала мужу Петру, который работал на заводе наладчиком. Тот принял чудачества жены с пониманием, но когда 2 августа, в день Ильи, родился сын, он был поражён этими чудесами. Все эти события происходили, как это принято сейчас называть, в «застойные времена», когда в стране были сплошь одни атеисты. А помещения церквей либо служили складами, либо использовались в качестве клубов.

Стариков Геннадий Петрович родился 2 августа 1962 года. Родители любили его и принимали участие в его развитии. Время шло быстро, из озорного дворового мальчика Геннадий превратился в школьника. Вначале учёба его просто манила, он старательно учил уроки, учился читать и писать, и до 5-го класса он учился очень хорошо.

А потом появились у него друзья, которые всё свободное время проводили во дворе и на футбольном поле, поэтому интерес к учёбе постепенно стал угасать, появились другие интересы, чужие проблемы, поэтому Геннадий решил научиться водить машину и стать хорошим водителем. Обучение на водителя стало его любимым делом, он оказался настоящим механиком. И ему очень нравилось то, что он мог покорять эту махину и управлять ей. А когда он сел впервые за руль и поехал, его охватило чувство гордости. Пешеходы разбегались «на всякий случай» по сторонам: на борту машины крупными буквами красовалось: «ДОСААФ». Инструктор Юрий Галактионов гордился своим воспитанником и его хорошими показателями и поэтому хвалил курсанта Геннадия Старикова.

Наступил день призыва. И 13 человек попали в «13-ю» команду, которая должна была быть направлена в Балашиху. Но на пересыльном пункте в городе Железнодорожный призывников разместили в казарме, ночь переночевали, а утром на автобусах поехали в аэропорт Домодедово. Самолёт рейса «Москва – Карши» был заполнен тремя командами более чем из 50 человек. На аэродроме в Карши призывников ждали машины «ЗИЛ-131». Всех повезли в кишлак Ханабад, разместили в казармах.

Вокруг, недалеко, были зоны, в которых находились «зэки». Их возили в баню на машинах с автоматчиками-охранниками. Призывников тоже возили на машинах в баню, и, когда машины проезжали рядом, ребята махали руками друг другу. Затем призывников переодели в новую солдатскую форму.

Пробыли там два с половиной месяца. Жили по распорядку дня. Присягу принимали в Карши на плацу полка. Затем неожиданно приказали лететь самолётом в Кабул. Из документов у всех при себе были военные билеты. Стояла сильная жара. Асфальт, как раскалённая плита, воздух, как в парной бане. Солдатам сказали, что скоро будет погрузка на Ту-134, но почему-то время посадки затянулось. Солдаты друг у друга спрашивали, почему так долго их держат на жаре, на что им был дан ответ о том, что Кабул не принимает из-за погоды. Задержали почти на сутки.

С собой был сухой паёк. Солдаты спали прямо на земле. Только оказавшись на афганской земле, в Кабуле, Стариков узнал о том, что аэропорт Кабула был обстрелян, поэтому их и не отпускали. Так совершенно неожиданно для себя Стариков оказался в Демократической Республике Афганистан. При аэродроме в Кабуле пробыли 3–4 дня, а затем на вертолётах – в Баграм. Так у Старикова началась служба в Афганистане. Он был водителем на грузовом автомобиле.

ТУЛЯКОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

Я С НИМ ПОЙДУ В РАЗВЕДКУ

Александр родился в дружной, трудолюбивой и простой семье 7 июня 1967 года в посёлке Лесной Рязанской области Шиловского района.

В 1974 году он пошёл в первый класс родной поселковой школы № 2 в поселке Лесной.

С 1982 по 1985 год учился в СГПТУ № 128 города Москвы. После окончания СГПТУ его призвали в ряды Вооружённых Сил.

С 1985 по 1987 год служил в рядах Советской Армии. В этот период он многому научился, овладевая новыми навыками, но, в отличие от гражданских, он обучился профессии водителя-стрелка. Курсант учебного подразделения отличался дисциплинированностью, исполнительностью, не раз отмечался командованием своей части. Среди курсантов он зарекомендовал себя надёжным товарищем, грамотным специалистом. О таких, как Александр Туляков, говорят: «Я с ним пойду в разведку».

За окнами военного учебного подразделения незаметно спустились ранние сумерки. Южная ночь уже дохнула запахом цветущей акации, омытой грозовым дождём. А курсанты мотострелкового батальона всё ещё сидели в курилке, ещё и ещё раз заводили разговор о поездке в Афганистан.

– Ты что, Сань, обалдел – написал рапорт на эту войну? – недоумённо спрашивал его земляк из Москвы Виктор Онищенко. – Тебе оно надо? Каких-то чурок защищать…

– Нет, Вить, ты неправ, – вмешался в разговор таджик Максуд, чернобровый парень, – мы, чурки, тоже люди. А если ты за чурку не извинишься, то сейчас схлопочешь…

Разговор между курсантами накалялся. Александр молча наблюдал за ними, докуривая сигарету. Потом резко встал, потушил её и выкинул окурок.

– Так, хватит тут мне Афган устраивать, – твёрдо сказал он,– я рапорт написал и от своего не отступлю. Что я, девчонка, чтобы менять своё решение? Мужик сказал – мужик сделал. Я буду там.

– Сань, – хотел было что-то вставить Виктор.

– Отбой! – резко бросил Александр и направился в спальный корпус.

– А ты, Вить, уважай людей! – уже в постели он поучал своего земляка. – Чурка – это не по-пацански. Нацию вообще не тронь. Иначе башку оторвут…

На плацу во время утренней поверки перед строем командир объявил о том, что вышестоящее командование удовлетворяет рапорт тех, кто просится в Афган.

– Петров! – командир начал зачитывать список тех, кому надлежало отбыть в Афганистан. – Максудов! Туляков!

– Есть, – ответил Александр и смело сделал шаг вперед.

Командир, перечислив всех со списка, дал команду «Налево! Шагом марш к машине!».

Уже в машине Александр вдруг вспомнил, что забыл письмо на прикроватной тумбочке, которое написал маме и забыл отправить. Сердце внутри защемило.

– Ты что, рядовой, побледнел? – обратился к нему сидевший рядом старшина.

– Да вот вспомнил, что письмо матери оставил на тумбочке.

– Не волнуйся, оно найдёт адресата. У нас нормальные ребята.

– Хотелось бы в это верить, – повернул голову Саша и посмотрел на старшину. – А вы, товарищ прапорщик, были в Афгане?

– Приходилось, – сдержанно ответил он.

Машины остановились на аэродроме рядом с бортом. Самолёт с открытым сзади люком поджидал их. Военные лётчики прогуливались рядом. Погрузка прошла быстро, и самолёт, набрав высоту, взял курс на Афганистан. Полёт оказался недолгим. Сошли на аэродроме, на афганской земле.

А. Туляков вспоминает

«Первое впечатление от увиденного – это большое количество боевых самолётов и вертолётов, стоящих на стоянке неподалеку от нашей группы. Мы стояли в сторонке и оглядывались по сторонам.

В самолёт, на котором мы прилетели, пошла погрузка тех солдат, которые уже выполнили свой интернациональный долг и направлялись домой, в СССР.

– Удачи вам, пацаны! – крикнул один из них.

– Земляки, есть кто из Минска? – выкрикивал другой.

– Я, я из Минска, – выскочил один из наших ребят, светловолосый высокий парень, и бросился в объятья тому загорелому, возмужавшему солдату. Они обнялись по-мужски, и тот стал инструктировать на ходу…

– Туляков, – окликнул меня старшина, – вот твой земляк. У тебя есть пара минут, напиши матери письмо, он завезёт.

Я быстро на клочке бумаги написал матери о том, что жив и здоров.

Оказалось, что земляк действительно земляк, более того – из соседней деревни, в пяти километрах от нашего поселка».

Самолёт с письмом Тулякова для мамы был уже в воздухе, он уменьшался на глазах, а затем совсем исчез из поля зрения. Когда ребята огляделись, то увидели в стороне несколько гробов. Их прямо здесь, на аэродроме, обивали цинком, а затем укладывали в просто оструганные ящики, приклеивали на них белые бумажки со сведениями о фамилиях убитых и их адресах. Стоящие здесь вновь прибывшие солдаты много слышали о войне в Афганистане, но так близко к ней оказались впервые, тут, на аэродроме, когда увидели своими глазами эти гробы. До этого всё казалось просто игрой в войну. Затем подъехала машина, и за несколько минут группу вновь прилетевших посадили в машину и доставили на территорию полка. У штаба полка, который представлял из себя простой глинобитный домик, солдат построили и стали распределять по подразделениям. Это

происходило следующим образом – подходили командиры взводов и выбирали тех, кто им приглянулся. Когда всех распределили, каждому вручили личное оружие – автомат, каску и бронежилет, РД.

Утром следующего дня на построении командир, умудрённый жизненным опытом немолодой подполковник, сказал: «Сынки, я меньше всего хочу подписывать похоронки и отправлять „цинки“ вашим родным! Поэтому не лезьте под пули, на рожон. Продумывайте каждый свой шаг. Вы нужны дома живыми!».

Всё было впервые. Горячий воздух. Сильный ветер-«афганец», бесцеремонно влезающий песком в рот, уши, глаза. Нищета местного населения поражала всех – вечно голодные, худенькие, полураздетые дети с протянутыми руками, всё это заполняло сердце тоской. Провинция Шинданд располагалась в красивой местности. В посёлок солдатам запрещалось выходить в одиночку.

Первый бой запомнился надолго. Утром выдвинулись к месту «прочёски», полезли в горы. Как оказалось, разведгруппа неожиданно встретила отряд душманов и вступила с ними в бой. «Духи» стали отступать к концу ущелья. Подразделение, в котором находился Туляков, спустилось вниз, залегло для встречи отступающих огнём. По мере приближения боя над ребятами, лежащими в обороне, начали посвистывать пули. Странное и совсем незнакомое чувство охватило ребят. В этом бою потребовалось от рядового Тулякова проявление большой личной храбрости. Был момент, когда именно она, его личная храбрость, обеспечила успех всего дела. Он и старшина заперли выход из этого ущелья с задачей не допустить прорыва душманов из него. Немного погодя душманы бросились на прорыв, видя в этом единственный путь к спасению. Казалось, стонала сама земля. Это был сущий ад, когда в этом пекле и дыме люди стреляли друг в друга. Смерть ходила рядом. Но Туляков, стиснув зубы, стрелял из автомата, меняя рожок за рожком, автомат в его руках раскалился от напряжения. Неожиданно всё стихло, и лишь где-то были слышны одиночные выстрелы и короткие очереди из автоматов. Бандиты, почуяв засаду, стали рассеиваться по сторонам. Неожиданно показались солдаты афганской армии, с которыми взаимодействовали российские солдаты, и совместно они стали прочёсывать всё ущелье. Нашли много убитых и раненных душманов. В подразделении, где находился Александр Туляков, были первые жертвы.

Кто сказал, что на войне мужчины не плачут? Потеряв близкого друга, не только заплачешь – воем завоешь.

Эпизоды из военных будней

«Происходило это в провинции Герат в 1986 году. Наша разведывательная рота 371-го мотострелкового полка 5-й дивизии была на операции совместно с афганской национальной армией.

В ночное время мы несли боевое дежурство. Сарбазы (солдаты афганской национальной армии) должны были предупредить нас, что пойдут со стороны кишлака, да ещё и в национальной одежде. Но не сделали этого.

Мы следили за передвижениями от кишлака к «зелёнке» по приборам ночного видения. Только по счастливому стечению обстоятельств, благодаря тому, что был произнесён пароль, сарбозы остались живы. Ведь на них было нацелено 52 ствола с расстояния 150 метров.

На операции в Кандагаре (конкретнее – Диларам) на ночное дежурство с крупнокалиберным пулемётом на вышку заступил разведчик Арунас Шмонес из нашего взвода. Ночью он услышал вой шакалов. Осветив прожектором территорию, он увидел на земле движение и открыл беспорядочную стрельбу из пулемёта, чем поставил в ружьё (привёл в боевую готовность) 50 человек разведчиков и 15 пехотинцев. Наутро мы нашли на земле пять трупов шакалов.

Приходилось и терять друзей. Например, в 1987 году, находясь на иранской границе, между Шиндандом и Фарахрудом, был убит снайпером Муртазин Вячеслав, мариец по национальности. В ночное время, на привале, он был на БМП закурил и…

Сегодня у «афганца» Александра Тулякова высокий авторитет, уважительное отношение со стороны друзей, товарищей и коллег по работе. В трудную минуту к нему идут за советом и поддержкой.

С ним людям легко и просто. Он всегда поймёт человека и окажет ему помощь и поддержку.

В 1987 году женился на самой красивой и умной девушке, у него двое детей: дочь – 20 лет и сын – 14 лет. Семья гордится Александром Васильевичем. Он большой не только своими размерами, его большая и открытая душа не имеет размеров. Рядом с ним надёжно.

С 2007 года вышел на пенсию, проработав в силовых структурах города Москвы 20 лет. С 2009 года работает в службе безопасности банка.

ШИЛКИН ВАЛЕРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ

СОЛДАТ ИЗ РОДА ШИЛКИНЫХ

В городе Сасово Рязанской области 14 апреля 1962 года появился на свет Шилкин Валерий Валентинович. Мама гордилась своим мальчиком и, когда повела его в школу в первый раз, гордо оглядывалась по сторонам. Валера тоже был горд. Школьная форма отлично сидела на его фигуре. Крепко зажав в руках цветы, которые вырастила соседка Мария

Ивановна у себя на огороде, он шёл уверенной походкой. Он страстно желал подарить этот букет своей первой учительнице.

Так начались школьные годы. В школе было всё интересно, но особой тяги к знаниям Валера не испытывал, а потому учился он, как все. Выучит урок, а потом всё легко забудет. Огромную тягу он стал испытывать к технике. Вот тут-то и стали раскрываться его незаурядные способности. С раннего возраста он мог починить любую технику. Ему было всё интересно. А скучные занятия в школе ему не нравились. У соседа была голубятня. Вот где ему было привольно!

Валера мог часами наблюдать за этими удивительными птицами, через них он познавал окружающий мир. С любовью он наблюдал за голубкой, клюющей из его ладоней. Почему она этого не делала у других мальчишек? Ватага пацанов являлась на голубятню и, задрав головы к голубому небу, высматривала, как голубка привлекает самцов. Было интересно и увлекательно через голубей познавать окружающий мир нашей действительности.

Мама всегда внимательно его выслушивала и особенно не ругала за то, что тягу к знаниям он не проявлял, но она видела в нём интерес к окружающему миру. Наблюдала за его друзьями, видела в нём отвагу и смелость в защите от несправедливости. В люберецкой школе № 15, где он учился, одноклассники любили и уважали его. Всякий раз, как только прозвенит школьный звонок, они гурьбой выбегали из школы и все вместе оказывались где-нибудь во дворе. Кучей навалят на земле свои портфели и начинают играть в футбол. Как это здорово: гоняться за одним мячом толпой, отнимая друг у друга, сравнивая, кто окажется проворней и ловчей! А зимой с самодельными клюшками гонялись за шайбой по льду, который сами же ночью заливали во дворе. В таком весёлом и дружном режиме совсем не оставалось времени на скучную зубрёжку уроков, поэтому, когда Валерий решил уйти после 7-го класса в ПТУ, его мама не стала возражать. Что ж, быть водителем тоже хорошо. Кусок хлеба всегда заработаешь, не всем же в жизни быть учёными… Рабочим тоже надо кому-то становиться. У Валерия всё, что связано с техникой, вызывало интерес, а потому он учился этому делу легко и с азартом. Когда впервые он сел за руль баранки и ощутил, как эта громадина подчиняется рукам мальчишки, гордость переполнила его всего. Товарищи и друзья любили его и тянулись к нему. Он один практически никогда не оставался, всегда был рядом кто-то из друзей. Время летит неумолимо быстро, вот и повестка лежит у матери на коленках. Прочитав её, она всплакнула: как же там мой родненький будет один? кто его там накормит?

– Мама, ну что ты волнуешься? – неумело прижался он к матери,– ведь все мальчишки проходят школу мужества, выполняют свой гражданский долг, службу в армии.

– Да, да, – мама тяжело поднялась со стула, – ты ведь у меня один, могли бы тебя и не призывать.

– Ну, что ты, мам, – перебил её Валера, – ты здорова и молода. Оставляют только тех, у кого мама инвалид. Да и потом, ведь интересно увидеть мир. Интересно, куда я попаду служить? В какие края?

– А что, в военкомате не сказали об этом? – мама подняла глаза на сына.

– Ещё нет, – слукавил он в ответ.

– Хорошо, когда проводы будем отмечать? И сколько друзей-то будет? Когда приглашать тётю Шуру, дядю Гришу?

– Сегодня вечером.

– Вот тебе, Маруська, и Новый год! – охнула мама и развела руками,– когда же я всё успею приготовить?

– Мама, ты всё успеешь. Я это знаю. Лучше скажи: что мне купить?

Она тут же написала список необходимого, и он побежал по магазинам. А мама – по соседям, чтобы они помогли накрыть стол.

– Батюшки, – охала она, – даже большого стола в доме нет, придётся брать у соседей.

И весной 14 апреля 1980 года, в тёплый, солнечный день, когда весна входила в свои права и земля стала пробуждаться от зимней спячки, друзья, одноклассники и родные собрались за столом на проводы Валерия в армию. Впервые на стол мама поставила несколько бутылок портвейна для молодёжи. Стол был богатым, мама постаралась. Успела.

– Валерий, – обратился к племяннику дядя Гриша, – вот я и дождался этого дня, когда мой любимый племянник идёт на защиту Родины. Я этим очень горжусь. – Наполнил рюмки себе и женщинам, сидящим рядом, и продолжил тост: – Предлагаю всем собравшимся здесь выпить за нашего солдата из рода Шилкиных, чтобы он не посрамил наш род. И вернулся живым и здоровым домой!

Чокнувшись рюмками, гости выпили по первой. Скованность за столом стала проходить. Разрумянившиеся девушки осмелели и попытались дружно спеть песню. Валерию была приятна эта атмосфера, тосты в честь него также ласкали слух. Неизвестность совсем не пугала его… Потом были танцы, песни, опять танцы. Засиделись до позднего часа. Первым, попрощавшись, ушёл дядя Гриша. На прощание он крепко обнял племянника и прижал его к груди. Когда все гости разошлись, Валера помог матери убрать со стола.

– Всё, сынок, – обратилась она к нему, – поспи немного. Ещё не знаешь, как там придётся. Отдохни. Во сколько надо быть у Люберецкого военкомата?

– Написано: к 9 часам.

– Хорошо, с Богом, спокойной ночи, – она его слегка подтолкнула в спину. – Иди.

Утром голова слегка болела. Выпитое вечером давало о себе знать. У ворот Люберецкого военного комиссариата толпилось много народу. Всюду было шумно и громко. Где-то раздавались песни под баян, кто-то утирал слезу, кто-то целовался и клялся в вечной любви, кто-то ссорился…

– По машинам! – громкая команда старшего офицера прозвучала как гром среди ясного неба.

Толпа дрогнула и зашевелилась в едином человеческом водовороте, всё пришло в движение, крики, напутствия со всех сторон…

Толпа стала надвигаться на уходящих, работники военного комиссариата совместно с работниками милиции оттеснили этот поток в сторону, пропуская к машинам только новобранцев. Один из них не мог идти на своих ногах. Его подхватили парни и на вытянутых руках, полусонного и в состоянии сильного опьянения, в буквальном смысле понесли на руках к машине, которая ожидала на территории военного комиссариата.

Завёлся стартёр, и машины одна за другой, обдавая стоящих в толпе выхлопными газами, тронулись в сторону вокзала. Впереди машина с мигалкой расчищала дорогу для колонны военных машин. Постепенно толпа стала расходиться, и через некоторое время территория оказалась совершенно безлюдной. Мама Валерия долго ещё стояла у ворот.

Поезд остановился с резким скрипом, словно нехотя. Из вагонов по команде выкатились новобранцы со всех уголков Советского Союза с вещмешками за плечами. Они оглядывали всё вокруг. Незнакомая местность и очень жаркий день.

Город назывался Ашхабад. Потом ребята дали этому месту нелестное прозвище и придумали поговорку: «Есть на свете три дыры – Кушка, Ашхабад, Мары».

Учебная часть, куда были направлены новобранцы, была ограждена со всех сторон высоким забором и находилась за пределами города, в голой степи. Вода тут была привозная. Её привозили только в определённые часы, и в ожидании люди, как на сковороде, поджаривались от горячих солнечных лучей. Местное население в самое пекло пряталось по домам. Женщины одевались в длинные штаны и длинные платья с длинными рукавами. Всех новобранцев предупредили сразу о том, что разглядывать женщин опасно – могут и прирезать. Инструкция была жёсткой и короткой: хочешь выжить – соблюдай их нравы, потому что в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Распорядок дня был жёстким, от солдата требовалось чёткое выполнение задач. С первого дня стали обучать военному делу: стрельбе, вождению в особых условиях. И новобранцы начали понимать, что ждёт их что-то важное.

Командир роты и старшина с особой тщательностью заставляли новобранцев бегать, прыгать и выполнять все нормативы по выживанию в экстремальных условиях. Так формировался настоящий боевой солдат.

Солдаты уставали настолько, что после отбоя засыпали мёртвым сном. Полгода прошли очень быстро. Учёба проходила через пот и труд, а старшина, немолодой грузин Ашот Квинихидзе, любил поговорку: «Тяжело в ученье, но легко в бою». Говорил он это с чувством и красивым грузинским акцентом, жестикулируя при этом рукой. До увольнения из рядов Вооружённых Сил Советского Союза ему оставался очень малый срок, а он всё писал и писал рапорты с просьбой направить его в Афганистан… И вот пришёл ответ – он направляется для прохождения дальнейшей службы в Ограниченный контингент. Узнав об этой новости, он выскочил на плац и стал танцевать. Как горный орёл летает над горами, так и он в танце показывал свой огромный внутренний мир горца, жителя непокорённых гор… Он кружил темпераментно в танце на носочках и приговаривал: «Асса!». Солдаты обступили его со всех сторон, а наш молодой новобранец, красивый, яркий грузин невысокого роста по имени Бадрий, не удержавшись, тоже пустился в пляс под импровизированную музыку своего командира.

Ребята стояли и восторженно хлопали в ладоши, потому что этот горячий танец зажигал всех на плацу. Только истинный грузин может столь темпераментно и красиво, гордо и смело станцевать без музыки и для всех.

Выпускники «курса молодого бойца» полностью экипированные во всё необходимое, в новой форме стояли на плацу под проливным дождём.

– Рядовой Шилкин! – выкрикнул командир роты из своего длинного списка фамилию бойца.

– Я! – отчётливо отчеканив шаг, вышел из строя Валерий.

– Республика Афганистан, водитель колонны.

– Есть! – козырнул в ответ Валерий и остался стоять «шаг вперёд».

– Контрашвили! – выкрикивал уже следующую фамилию из списка командир роты.

– Я! – так же чётко ответив, вышел из строя Бадрий.

– Республика Афганистан, охранная служба.

– Есть! – он также остался стоять «шаг вперёд».

Так продолжалось, пока не огласили весь список. Все промокли под дождём. Прямо здесь, с плаца, откомандированные в ДРА грузились в машины. Машины сразу же под проливным дождём уезжали в сторону государственной границы, в город Термез. Старшим в этой колонне был назначен опытный старшина Ашот Квинихидзе.

В Термезе колонна остановилась для дальнейшего формирования. Валерий Шилкин по распоряжению старшины отправился на автобазу для получения машины – бензовоза.

И вот всё готово к отправке. Рейс бензовозов на север Афганистана начался для Шилкина с дождливого дня. С приподнятыми стволами зенитной установки на кузове, уже посечённом осколками, эта машина не один раз была в перестрелках. Отсюда военные водители уходят в рейс, здесь последнее перед маршем построение. Через час или два движения трудно будет определить окраску машин, потому что всё станет серым и заляпанным мокрой землёй, под проливным дождём лица водителей тоже будут измазаны.

Доложив обстановку на маршруте, проверив документы, начальник диспетчерского пункта прапорщик Земляничный Иван Петрович желает всем счастливого пути.

Звучит протяжный сигнал – машины с включёнными габаритными огнями трогаются с места. Вот и пересекли понтонный мост, который раскачивается под тяжестью гружёных машин. За мостом уже афганская земля.

Труден путь к перевалу. Узкая лента дороги то карабкается вверх, то ныряет в ущелье, то выпрямляется, то снова заворачивается в спираль…

А в колонне обычные водители, у всех за плечами только лишь школа ДОСААФ. Откуда бы, казалось, взяться опыту военных действий у этих парней?

Когда бы успели они, эти желторотые мальчишки, вчерашние школьники, обрести военную находчивость, сноровку и смекалку? Легли спать школьниками, а проснулись бойцами против изощрённых головорезов? Ведь это исконная, родная земля этих головорезов. И поэтому на этой земле один километр равен десяти обычным полигонным. Шилкин Валерий «боевое крещение» получил в ноябре этого же года. Автоколонна, извиваясь змейкой, двигалась по направлению к Салангу. Вдруг внезапно душманы открыли огонь с нескольких направлений из крупнокалиберных пулемётов с зажигательными пулями, в результате чего сожжено было несколько машин с горючим. Нападение банды наши ребята отбивали из зенитных пулемётных установок (ЗПУ), которые были выделены для охраны колонны. Молодой боец Роман первым открыл ответный огонь. Несмотря на бушующее пламя и прицельный огонь бандитов, Роман смело и героически стал отбивать «духов».

Впереди, перед машиной Шилкина Валерия, вся пылая огнём, горела другая машина. Объехать её на узком пролёте не было возможности. Машина была объята пламенем, поэтому Шилкин затормозил свою машину, схватил автомат и выпрыгнул на землю. Отбежав в сторону, он стал отстреливаться.

Бой был очень коротким.

В небе появились наши вертолёты, и «духи» стали отступать. Бой закончился так же быстро, как и начался. Были первые жертвы, убитыми нашли двоих – молодого лейтенанта и одного прапорщика, трое были тяжело ранены. Всех их погрузили в вертолёты.

Когда вертолёты улетели, «старший» колонны приказал своими силами расталкивать обгоревшие машины, чтобы расчистить дорогу и двигаться дальше.

Служба Валерия проходила постоянно в дороге. Отдыхать времени не оставалось. За героизм, проявленный в первом бою, Шилкин получил звание сержанта.

Из воспоминаний Валерия

Он приехал в город Термез для получения новой машины со склада. Жара. Термез, как раскалённая сковорода, пылал жаром. Улицы практически были пустынны или малолюдны. Все старались укрыться от изнывающего пекла. На склад нужно было прибыть вечером. И сержант Шилкин с разрешения «старшего» колонны поехал к речке. Укрывшись в тени пышно растущей ивы, он поставил машину и настежь распахнул дверцы, чтобы был сквозняк. Затем разделся до трусов, обмундирование, аккуратно сложив в стопку, пристроил под машиной, автомат тщательно спрятал под сиденье, запер машину и с разбега нырнул в прохладную гладь реки Амударьи.

Немного проплыв, он увидел сидящего на берегу одинокого бойца. Лицо его показалось знакомым. Подплыв ближе, он узнал своего однополчанина.

– Привет, ты чего здесь?

– Да, – в сердцах махнул солдат рукой, – эти бюрократы меня уже достали.

– А что случилось? – выходя из воды, спросил Шилкин. – Пошли к машине, я оденусь, а ты мне расскажешь, что случилось.

Пока они шли к машине, рядовой поведал ему свою историю. Он заболел желтухой, и его госпитализировали в город Фергану. Вылечили и на самолёте вместе с другими бойцами привезли в Термез для переброски на территорию Афганистана через границу. Старший, который отвечал за них всех, при проверке обнаружил, что документы на этого бойца отсутствуют. Где документы, никто не знает. Все уже разлетелись, а он один болтается в Термезе, не зная, куда приткнуться, без денег и без документов.

– Ну вот что, братишка, – неожиданно для себя решил Шилкин, – мне сегодня получать новую бензоперевозку. Мы её получим и пустую повезём в часть. Я тебя там, внутри, укрою. А когда мы приедем, то командир сделает в госпиталь запрос и тебе вышлют твои документы. Что тебе тут без надобности болтаться?

– А это для тебя не опасно? – наивно спросил боец.

– Если бы ты не был из моей части и если бы я тебя не знал, было бы опасно. Я тебя знаю.

– Я согласен.

– Ну что же, тогда рискуем. Только договоримся: никому ни слова.

– Да кому я скажу? – искренне удивился боец. – Ведь я тут никого не знаю...

– Кушать хочешь?

– Хочу, я давно не ел. Только у меня строгая диета: жареного нельзя, острого нельзя, солёного нельзя…

– Не перечисляй, я уже понял – ничего нельзя, ты только скажи, что тебе можно есть?

– Я хочу супчик.

– Поехали в столовую, здесь недорого и очень вкусная домашняя лапша.

Поели вкусно. Затем поехали на базу. Шилкин получил новую машину, расписался за неё и оформил нужные документы, и они выехали с базы. Отъехали в безлюдное место, и Шилкин, спустившись внутрь, убедился, что доехать можно, только нужно накидать побольше бушлатов и подушек.

Договорились, что боец при проверке на таможне будет сидеть тихо, пока Шилкин не позовёт его по фамилии. Молча кивнув головой, боец полез внутрь.

– Ты в порядке? – спросил Шилкин бойца.

– Всё хорошо.

– Ну, тогда с Богом!

На таможенном пункте Шилкин поставил в очередь свою машину среди других. Капитан Мерзляков, старший машины, отдал документы на проверку.

Когда колонна переехала мост и оказалась на территории Афганистана, Шилкин попросил старшего притормозить машину.

– Пока не могу, – ответил капитан, – давай ещё немного проедем.

– Мне очень надо, – ещё раз твердо попросил Шилкин.

– Хорошо, вон там за поворотом сделаем привал.

Когда колонна остановилась, Шилкин легко спрыгнул с кабины, обошёл со стороны и, поднявшись, заглянул внутрь.

– Живой? – спросил он. – Вылазь.

Узнав обо всём, капитан Мерзляков был в бешенстве, но, немного остыв, разрешил этого бойца посадить рядом в кабине. Добравшись до места назначения и доложив командиру о «случившемся», они ждали наказания.

– Хорошо, что так получилось, – сказал командир, – а то я ломал себе голову. Ведь его документы вот уже две недели лежат у меня в сейфе.

Я уже думал рапорт писать по поводу исчезновения солдата. Документы прибыли, а его нет. Неразбериха, война, черт её побери!

Так проходила служба в армии, рисковали жизнью каждый день. Бензоперевозчиков за глаза называли «смертниками». А кто на той войне не был смертником?!

Сейчас Валерий Валентинович Шилкин – активный участник Союза ветеранов Афганистана. Несмотря на инвалидность первой группы, он не унывает, а ведёт активный образ жизни, помогает другим инвалидам добиваться справедливости. Живёт с мамой и мечтает создать надёжный семейный очаг, согреть неугасимым светом души свою семью. Вот такие они, «афганцы», не сдаются никогда!!!

V. ПОЭЗИЯ, РАЗБУЖЕННАЯ ВОЙНОЙ

Видимо, вполне естественно, что в трудную минуту, в час испытаний человек обращается к прекрасному, к поэзии, в ней ищет и находит поддержку и опору. Это верный признак нравственного здоровья, духовной силы человека. Поэтому закономерно, что среди советских военнослужащих, выполнявших свой патриотический и интернациональный долг на земле дружественного нам Афганистана, стихи писали многие.

Темой большинства стихов «афганцев» является служба. В них – понимание необходимости и ответственности выполняемого воинского долга, трудные солдатские будни, готовность сделать всё возможное для выполнения поставленных задач. А главное – дыхание жизни, лично увиденное и пережитое, самим прочувствованное.

БАЛЛАДА О КУНДУЗСКИХ ГВАРДЕЙЦАХ

В. Щенников

Афганистан, ты наша боль навек.
Если мирную жизнь прожил человек,
То ему судьбой не дано понять –
Сколько можно те дни вспоминать.

Не забыть нам хребтов Гиндукуша,
По далёким пейзажам тоскует душа.
Вижу вновь величавость снежных вершин,
Тенью манит краса зелёных долин.

Всплывают в памяти ущелий грозные названия.
Веками кровью поливали их – за право обладания.
Здесь мутные воды несут горные реки,
Щедро орошая поля и рисовые чеки.

Словно почуяли ноздри сладковатый дым кишлаков.
Впечатляет система полива – сетью кяризов и арыков.
Повсюду опутали горы троп и дорог серпантины.
Засады и мины таят нити той паутины.

Вновь картины тех лет прокручивает память,
Но не в силах время у неё отнять

Риск, смертельную усталость и нестерпимый зной,
Промозглый холод, боль утрат и радость, что живой.

«Всё это будни молодости нашей боевой!
Ты это помнишь, брат по духу мой?
Брат по оружию, ты помни, не забудь,
Как ночью звёзды нам указывали путь.

Как из засады нападали басмачи,
Как мы друзей теряли, помнишь? Не молчи.
Как ты прикрыл меня, от пули заслонив,
А Васька спас обоих нас, бачу опередив?

Вспомни ночевку на 4500 в снегу.
Молчи, я сам порой поверить в это не могу.
Мы друг друга грели теплотою своих сердец,
Зная – пока друзья рядом, это ещё не конец.

А помнишь, как безжалостно солнце жжёт,
Когда в тени пятьдесят, а вода нигде не течёт?
Тогда двое суток обходились без воды,
Но не потеряли басмачей следы».

Кому-то, может, выходило невпопад,
А нам, за отдых – «тянуть» колонны в Файзабад.
Хоть, поджидали неприятные сюрпризы на пути,
Не помешали «духи» колонны к месту довести.

«Я помню: из Кундуза и через Ханабад на Талукан,
Потом асфальтовый завод, сухое русло, дальше Калафган».
«А помнишь в песне: „Вот – Чинари, тот мерзкий перевал,
Его запомнит всяк, кто там бывал“?»

«Да, помню – этот Чинари Гунджишканов,
Частенько ждала там засада душманов.
Это место мы с боем проходили.
Зато уж как в Кишиме рады были».

«А как вокруг Кишима все горы обошли,
„Духов“ потрепали и склад с оружием нашли?
Жаль, с файзабадской разведки погибли ребята.
Огнём их встретила засада в лучах заката».

«Дальше – подвесные мосты и дорога в одну колею.
За крепкие нервы водилы я чарку налью.
С одной стороны скалы сплошною стеною.
С другой обрыв, лететь – не долететь вниз головою».

«Сколько там подвесных мостов – семь или восемь?»
«Подожди! Давай, у Гены Транина спросим».
«Ты помнишь, какие пейзажи вдоль Кокчи-реки?»
«Красиво, как в сказке, могу подтвердить, мужики».

«А помнишь, как ходили в Ишкамыш?
Ну вот, опять закурил и молчишь.
По пояс мы тогда барахтались в снегу,
Но басмачей врасплох застали – забыть такого не могу.

На огонь „брони“ они наскочили,
Когда от нас на лошадях уходили.
Наводчики наши сюрприз получили,
Как мишени, „духов“ валили».

«Ты сам-то помнишь, сколько раз ходили на Сеид?»
«Там Князева ранили, тебе Раф подтвердит.
Ловко тогда он прикрыл нас „бронёй“,
Иначе бы туго пришлось нам, друг мой».

«Помнишь, разбили банду Самата?
Часто тот бой вспоминают ребята.
Много „духов“ мы без потерь положили,
Хотя до рукопашной не раз доходили».

«До этого похожий бой случился в Чимтане.
Кто сказал, что не бывает чудес на войне?
Нос к носу мы с душманами столкнулись,
Но благосклонности судьбы к нам лицом повернулись.

Друг за друга биться нам не привыкать,
Душманы, когда туго, привыкли за себя воевать.
У нас – все за каждого дрались,
Они – каждый за себя отбивались.

Дрогнули „духи“, не выдержав напора.
Не приняли пари для серьёзного спора.
Как тараканы, кинулись врассыпную.
Не ожидали мы увидеть панику такую.

Больше сотни убитыми басмачи потеряли.
Много пленных и оружия мы в бою взяли.
Испытания дают понять суть всего земного.
Поверили мы в силу духа боевого!»
«Вспомни: Андараб, Нахрин, Мармоль, Кучи.
Повсюду трёпку получали басмачи.
Но путь к победам получался не простой.
Платить за них нам приходилось дорогой ценой.

Сколько раз мы ходили в Багланы – не счесть.
И тому объяснение верное есть.
А когда Царёв был комбатом, пардон,
Там и вовсе стоял наш батальон».

Нам не забыть дувалы и мечеть Пушту-Базара,
Дороги, пыль и „бурбухайки“, полные товара.
А вдоль дороги – зеленеют камыши,
Но в мирный вид их верить не спеши.

Баглан запахом опасности встречает снова.
Тишина огнём из-за дувалов взорваться готова.
Серёга Маркин здесь был выстрелом сражён.
Весь батальон тогда был горем поражён.

Ведь на участках боя, где головы не поднять,
Серёга всегда был первым, и этого – не отнять.
Ради жизни друга, не задумываясь, рисковал,
Бойцам своей роты – во всём пример подавал.

Господь не пожалел ему талантов.
Ещё в училище он выделялся из курсантов.
Никто не встречал надёжней друга,
А быть его другом – большая заслуга.

В тот день потеря не последней была,
Ещё одну скорбную весть молва принесла.

Война есть война, а что вы хотите?
Пуля оборвала жизнь Забобонину Вите.

Вышло – как в песне Великой войны былой:
„...у Вислы сонной лежат в земле сырой,
Серёжка с Малой Бронной и Витька с Моховой“.
Но наши – Серёга с Витей – полегли на войне иной.

В другое время, в другой стране, у другой реки,
Но тоже в борьбе с „силой тёмной“ погибли мужики.
Даже традиции прежних войн оказались не стары,
Ведь были они – замполиты, а по-прежнему – комиссары.

«Помнишь, взвод потеряла 6-я рота.
Сгорели мужики на борту сбитого вертолёта.
Вася Харкуца погиб – тоже там.
Опознали его, как борца, – по ушам».

«За месяц до этой тяжёлой утраты
По Кожанову горевали офицеры и солдаты.
Храброго майора уважали всерьёз.
Смерть его стала виной мужских слёз».

«А когда на фугасе 42-я подорвалась,
Большая воронка от неё осталась.
Бээмпэшку на куски разметало,
Вити Иригова с тем взрывом не стало».

«Помню, погиб командир мин. батареи – Тамази.
В 3-м батальоне он служил, вспоминай, не тормози.
Грузин, который красивые тосты знал,
Был убит, когда маршрут перекрывал».

Помнят стены Турани и Мохаджира
Жаркие бои, что охватили всю страну.
Мы афганской земле желали мира,
Но душманские банды – выбрали войну.

Щедро кровью нашей полит Афганистан,
Не малой её долей окроплён Баглан.
Душманы заплатили большую цену.
Но жизнь друзей на смерть врагов не подлежит обмену.

Из Пакистана приходили банды и караваны.
Быстро в сырой земле оказывались душманы.
Тому немало способствовал наш батальон,
Нанося душманам ощутимый урон.

«Ты не забыл, сколько прочесали?
В районе Саланга банду искали.
Ту самую, что на колонны налетала,
А налетев, их жгла и быстро исчезала».

Мы не привыкли ко вторым ролям.
Вволю походили по минным полям.
Изловчившись, даже банду потрепали,
Правда, оказалось, не ту, что искали.

А ту, как обычно, вовремя предупредили.
Через афганскую армию информацию «слили».
В тех горах Титков на мине подорвался.
На всю жизнь Серёга без ноги остался.

Спасая его, много труда положили.
Ночью, в минных полях, проход проложили.
Осторожно несли мы ношу при этом переходе.
Легко подорваться, оступившись в узком проходе.

Полночи мы выходили к дороге,
Ни на миг не забывая о важном залоге.
Непреложная истина, до скончания века –
Каждая минута важна при спасении человека.

Возле Кафшана взяли крупные склады.
Тысячи мин и тонны взрывчатки – много беды.
Поработали сапёры, оставив «духам» сюрприз.
Удачным оказался этот их каприз.

На закате был слышен сильный взрыв.
Душманы поспешили нарваться на подрыв.
Не заметили они наших следов.
Не стало с ними смертоносных складов.

«От Саланга до Панджшера прошли по горам.
Все ущелья и кишлаки прочесали там.
Опасность подстерегала на каждом шагу,
Но обошлось без потерь – подтвердить могу».

Панджшер, ты никогда не давался за так.
Знакомы нам Руха, Пьявушт и Базарак.
Опытен и коварен здешний враг.
Жизнь становилась платой за неверный шаг.

В районе кишлака Анава
Убили Сергея Митрофанова.
Под глаз угодила пуля командиру роты,
В момент оборвав все мирские заботы.

Бывали мы в «зелёнке» Чарикарской долины.
За внешним спокойствием – те же засады и мины.
Не получат бойцы из Гардеза при жизни наград.
Не вовремя они наткнулись на дикий виноград.

Горы Мармоля удивляли всех веками
Построенными в пещерах кишлаками.
Не получили басмачи от дозорных сигналы,
Без боя уступили громадные арсеналы.

Открылись пещеры с бесконечными лазами.
Две недели оружие вывозили КамАЗами.
Не меньше вывезенного осталось в схронах,
Но осторожность важна в фортуны законах.

Взорвали сапёры оставшиеся боеприпасы.
Потеряли моджахеды для войны припасы.
Навсегда те пещеры уничтожили взрывы,
Отняв у «духов» рецидивов порывы.

Кунарская операция в той войне отдельной строкой.
Никогда нас так не подставляли, друг мой.
Кто подробности тех событий не знает,
«Про демона войны и боевое братство» пусть почитает.

Мы жестокий урок получили у Асадабада:
Кому карьера превыше всего – не побоится ада.

Не задумываясь, подставит нас, на радость душманов,
Для достижения своих корыстных планов.

Очевидцами древние скалы стали,
Как нас свои «полководцы» сдали.
Помнят быстрые воды Печдара-реки,
Как геройски погибали наши мужики.

Ту стрельбу из засады, в упор, не забыть.
Будем помнить столько, сколько будем жить.
Нам не забыть безумных криков басмачей,
Тяжесть потерь и бессонных ночей.

Как в окружении врагов подорвался Кузнецов,
Повторив геройский подвиг дедов и отцов.
Как, спасая роту, пожертвовал собой Перятинец.
Как погибали, раненых спасая, наконец.

За погибших друзей обуревала злость.
За их безжалостно загубленную молодость.
Хотелось «духов» рвать голыми руками,
Как зверь, добычу острыми клыками.

Мы бессильны ушедших навек возвращать,
Даже если свою жизнь взамен отдать.
Только во снах мы их видим живыми:
Весёлыми и грустными, но навсегда молодыми.

Родственные души не встретится не могут.
Уверен, нам Ангелы-Хранители помогут.
Сейчас мы общаемся только во снах,
Но неизбежна наша встреча в веках.

В дни скорби и праздники когда отмечаем –
Третий тост всегда поднимаем.
В память о погибших на той войне
Мы горькую чашу пьём в тишине.

Пока будет жив хоть один из нас,
Знай, что огонь этой памяти не погас.
А когда наступит назначенный срок,
Вместе нас соберёт всемогущий рок.

Раны напоминают ветеранам о войне.
Нелегко от физических ран, от душевных – вдвойне.
Боль физическая – слабее душевной всегда!
Душевные раны не перестанут болеть – никогда!

Вредит престижу страны, когда патриотов,
Вместо примера для молодёжи, выставляют за идиотов.
Аллергия на патриотизм – у прозападной братии.
У неё любовь к Отчизне вызывает антипатию.

Когда надо, умеют политики на войну посылать,
А после неё – успешно обо всём забывать!
Забыли они о погибших и искалеченных,
Зачем тратить время на войною помеченных?

Что вспоминать – ведь столько воды утекло.
Прошлое давно уж быльём поросло.
«Что сейчас значит та война для тебя?»
Я отвечу, если спросят меня:

«Афганистан – ты лучшее, что видел в жизни я!
Афганистан – ты худшее, что мучает меня!
Афганистан – ты жизнь мою поделил по частям,
Жизнь до тебя, после и **ТАМ!**»

1998 год

ДРУЗЬЯМ-СОЛДАТАМ

Ю. Синицын

«Я не пишу домой, что нахожусь в Афганистане (слишком много волнений будет)… Но совсем уже скоро уволюсь в запас, тогда смогу рассказать обо всём… Не трудности страшны, не борьба со стихией, а то, что отдают жизнь наши советские парни, наш пот перемешивается с чужими клеймёнными пулями, пущенными в спину…

Будем жить».

«Никак не могу уволиться в запас, напряжённая обстановка сохраняется, и продолжают набегать дни ратного солдатского труда, не фиктивного, а реального, когда не проходит постоянное ощущение песка на зубах, когда ежедневно довлеет над тобой тридцатиградусное марево, когда привыкаешь к частым бессонным караульным ночам и обходишься неделями одним сухим пайком, запивая водой… Когда возвращение на базу, расположенную на каменистой равнине, кажется возвращением в райскую палаточную обитель.

Сейчас, здесь, в краткие минуты отдыха, когда нет заданий, много читаю, пишу. Вот одно из моих стихотворений, посвящённое друзьям-солдатам, выполняющим свой долг на этой многострадальной центральноазиатской земле».

Не будет ничего тошнее,
Живи ещё хоть сотни лет,
Чем эти мокрые шинели,
Чем этот серенький рассвет.
Афганская долина, горы,
Холодный мрак,
И пляшущие тени,
Словно воры, –
Невидимый, незримый враг.
Чужое небо, ковш другой,
Вертящийся, как балерина,
Полярная звезда – не прима,
А просто донна
Средь соседних звёзд.
Я думал: правда наша
И местный житель должен
Понимать всю правоту мою.
Одно… Земля не наша… Нет истоков.
И нет той веры, с которой
Умираешь за Родину свою.
Не будет ничего тошнее,
Живи ещё хоть сотни лет…
Но памятником незабвенным
Впишется всё это
В мой нерушимый жизненный завет.

Апрель 1980 года

ПОСВЯЩЕНИЕ ВЕТЕРАНАМ

А. Каменев

Они вернулись из боёв кровавых
Не все и с покалеченной душой.
И всех их называю Мамой, Папой,
И имена пишу их с буквы я большой...

И не понять мне никогда, наверно,
Что уваженья должного не отдают
Все те, кого спасли от смерти верной,
Всем тем, которые ещё живут.

Они стреляли в 20 лет неполных!
Они глотали кровь, песок и снег!
Превозмогая боль и слыша только стоны,
Забыли то, что есть весёлый смех!

Сегодня позабыты эти люди.
И словно призраки, в гогочущей толпе
Они бредут навстречу мрачной сути,
Не требуя внимания к себе...

Ради чего боролись и убиты?
Чтоб 60 всего лишь лет спустя
Они детьми своими были позабыты...
Как же горько это понимать, друзья.

ПОСВЯЩЕНИЕ ВЕТЕРАНАМ – 2

А. Каменев

Вы тропами военными ходили,
Вы знали ту кровавую войну,
Мы же Вас бесстыдно позабыли,
Войну воспринимаем, как игру,
Вы были ранены и ноет Ваше тело,
Душа с ним Ваша в унисон кричит!
Мы ж слышать не хотим про это дело,
Считая, что у Нас сильней болит.

Мы не хотим узнать о Вас всей правды,
Нам веселиться хочется, Нам лень!
И в этом перед Вами виноваты
Десятки, сотни, тысячи людей!!!
Я опускаюсь перед Вами на колени…
И о прощении за всех за Нас молю,
За Всё, что сделали для Нас Вы, Ветераны,
С слезами на глазах благодарю!

НЕНАВИЖУ ВОЙНУ

А. Каменев

Я ненавижу войну,
Я ненавижу драки,
Не понимаю подобные игры.
Но как любят люди,
Подобно собакам,
Лаяться злобно или плаксиво!

В магазине старушки,
Как малые дети,
Кричат и ругаются и всё ни о чём!
Быть может, наскучило
Дома сидеть им?
Вот и пришли повеселиться чуток?

А может быть, помнят
Те голодные годы
Военной поры, что мне так непонятна?
И даже теперь кричат:
«За свободу
Боролись за вашу, пропустите солдата!!!»

И нам не понять,
Почему же старушки
Так отчаянно бьются за ерунду,
Но ерунда ли
Хлеба краюшка?
Как можно назвать ерундою еду???
Ненавижу войну

И помочь не умею
Ветеранам, которые нам помогли.
Ветеранам, которые
Дали свободу
Нам, своим детям, чтобы жить мы могли...

«ГРУЗ-200»

В. Ларюшкин

Стихотворение «Груз-200» я написал на 20-ю годовщину вывода Советских войск с территории Афганистана, в феврале 2009 года. Воспоминания о той далёкой войне так нахлынули, что слова произвольно легли на бумагу, а ведь ранее стихов я не писал. В тот вечер, а вернее сказать ночь, когда я один, сидя на кухне, предавался воспоминаниям за чашечкой кофе, все события тех дней отчётливо всплывали в моей памяти.

Боевые знамёна полков склоняем
Над телами павших в бою друзей.
Занозой в сердце у Нас осталась
Каждая из этих потерь.

«Груз-200» домой доставит
Скорбная птица «Чёрный тюльпан».
И родственники зарыдают,
Услышав слово – Афганистан.

Зачем Вы Нас так называете,
Погибших на той войне?
«Грузом-200» нас именуете,
Чтобы было легче себе?

Эту тяжесть родным не осилить,
Матерям погибших её не поднять.
Как угодно Вы там напишите,
Но этого Нам не понять.

Не понять Нам, почему так случилось,
Что в мирные, светлые дни
Ребята домой с войны возвратились
«Грузом-200» для своих родных.

г. Одесса, февраль 2009 года

АФГАНЦАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Т. Ломакина

Был осенний неуютный вечер,
Сыпал мелкий водяной помол.
Я пришла на деловую встречу,
А партнер по делу – не пришёл.
Дворник нудно плиты скрёб лопатой,
Он да я – на площади пустой,
И уставший парень с автоматом –
Молодой, красивый, неживой...
Осветив картину новой краской,
Встали поболтать на полпути
Две мамаши. У одной – коляска,
А с другой – пацанчик лет пяти.
Подбежал к солдату, влез к ботинку,
Что-то там своё поговорил,
Вынул из кармана апельсинку
И у ног железных положил...
Постоял минуточку, подумал,
Пальцем тронул мокрый автомат
И исчез – как будто ветер сдунул:
Что ж, мальчишка ветру кровный брат.
Замер скрежет дворницкой лопаты,
Потушил витрины магазин.
Лишь мерцал подаренный солдату
Солнечный осколок – апельсин...
Глядя на него, я вспоминала,
Как своих измученных сынов
Родина с чужой войны встречала.
Только солью. Горькой. Без хлебов.
В ад послали. И – в расход списали,
«Прописав» во вражеских горах.
А обратно никого не ждали,
Разве что в запаянных гробах.
Мёртвому солдату много ль надо?
Чуть земли и скромный крест у ног.
Ну, листочек стали на награду
Да цветков на траурный венок.
А того, кто (без вины виновник)
Всё ж вернулся под советский флаг,
На Олимпах власти ждал чиновник –

В кресло вросший неприступный враг.
Спал себе чиновник в колыбели,
Воровал да принимал дары,
Вдруг «афганцы», как с Луны, слетели,
Помешав нагуливать жиры.
«Ах, друзья, на вас такие траты!
А бюджет дырявый – просто крах.
Вы, конечно, бравые ребята,
Но уж лучше б сгинули в горах!
Вам сейчас нужны жильё, работа,
А у нас поделен весь пирог.
В общем, притащили вы заботы
На подошвах кирзовых сапог...»
Чем же заслужить судьбу такую,
Как же надо челюсти сцепить,
Чтоб, от Родины словив в затылок пулю,
Выжить, встать и без прогибов жить!
Честь искать во властных коридорах –
Попусту расходовать «бензин»...
Только никому из этой своры
Мальчик не отдал бы апельсин...

9 декабря 1999 года

АВИАНАВОДЧИКУ

А. Волков

Когда идёшь ты смело в бой, –
С тебя берём пример,
Тобой гордимся, боевой
Советский офицер!

Когда пехота залегла –
Ни взад и ни вперёд,
Когда дувал, лесок, гора
Вдруг разом оживёт…

– Сто пятый, прямо заходи
И атакуй дувал!
Двухсотый, видишь, впереди
Там, на шоссе, завал,

Короткий миг: дувал, гора
В огне, дыму, пыли.
И вот уж русское: «У-р-р-р-а!»
Послышалось вдали.

Когда идёт наводчик в бой,
С него берём пример,
Тобой гордимся, боевой
Советский офицер!

МАМЕ

А. Волков

Я служу в горах Афганистана,
Признаюсь: горжусь своей судьбой.
Что скрывать – хочу, родная мама,
Поскорее встретиться с тобой.

Хоть на миг к твоей щеке прижаться,
Ощутить домашнее тепло,
В русской бане вдосталь искупаться
И пройти с тобой через село.

Ты бы шла со мной под руку,
Как с отцом, – твой сын уж взрослым стал.
Я б услышал: «Папину науку
Ты, сынок, по праву перенял!»

И вздохнув, добавила: «Сынуля!
Ты всегда бери с него пример.
Жаль, погиб он от бандитской пули,
Твой отец, сержант-милиционер!»

Встрепенулся вдруг. «А там стреляют?» –
Бледная стоишь и ждёшь ответ…
Мне б сказать: «Всё в армии бывает!»,
А ответил: «Нет, мамуля, нет!»

Так сказал: «Бандиты Гульбедетдина
Бьют порой по бандам Гейлани…
Те душманы, мама, не едины,

Как шакалы хищные они.
Как махновцы били белых в спину,
Так они друг друга бьют сейчас…»
«Ты побереги себя, родимый», –
И огонь в глазах её угас.

Возразил: «Тревожишься напрасно,
Гарнизон наш в зелени густой:
Тут кипень цветов багряно-красных,
Пальмы с необычною листвой.

Всё, как говорится, тихо, мирно!...»
Сам подумал: «Вот бы рассказать,
Как в болоте пил я воду с тиной,
Без еды прожил в пещере суток пять…

В рукопашной схватке взял душмана
И медаль за это получил…
Только не скажу об этом, мама,
Хвастать ведь не в правилах моих».

«Попрошу – теплее одевайся,
От простуды ноги береги
И ещё… тех пуль остерегайся,
Тех шальных, какими бьют враги.

Вы – надежда, сила, цвет России,
Для неё обязаны все жить.
А войну – безумную стихию –
Надлежит всем нам предупредить.

Знаю, там, в горах Афганистана,
Ты гордишься службой боевой…»
Вот и всё! Прости, родная мама,
Не приеду в отпуск я домой.

Мы в письме друг другу всё сказали,
Поделились радостью, бедой,
Ну, а отпуск мне… пока не дали –
Я во взводе самый молодой.

ВСЕМ НАШИМ РЕБЯТАМ, ПОБЫВАВШИМ В АФГАНЕ

А. Миронов

Мы помним вас, и днем и ночью ждём,
О подвигах геройских ваших знаем,
О вас всё время разговор ведём,
Надеется на вас земля родная!

Здесь горы невозможно хороши,
Сияют первозданным разворотом,
Горят алмазно россыпи вершин…
Вот только смерть за каждым поворотом.

Тупая дерзость вечной темноты,
Кровавая, безжалостная свора,
Как змеи, в камни прячутся, в кусты,
Собой оскверняют даже горы!

Плотнее штык к штыку, к плечу – плечо
В единстве наша сила вековая,
Нам вместе всё на свете нипочём,
Вперёд, врагу пощады не давая!

За вами и Москва, и Ленинград,
Сибирь, Урал, Рязань, и Минск, и Киев,
И Курск, и Брест, и Сталинград,
За вами вся великая Россия!

Без вас нам тоже, в общем, нелегко,
В народе разговорчики ведутся –
Мол, нету настоящих мужиков!
Так что невесты ждут вас не дождутся.

Скорее добивайте эту мразь,
Скорее возвращайтесь,
Затопим баню, смоем эту грязь,
И за столы за свадебные сядем!

Нам главное – Отчизну сохранить
В спокойствии, во здравии и силе,
Да честь её вовек не уронить,
Да приумножить славушку России!

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

В. Аниськов

Оставьте почёт для того, кто им бредит,
Оставьте цветы для людей послабей,
Я – первый пилот, а не милая леди,
Я – лётчик военный до мозга костей.

Сейчас поверну, выхожу на прямую,
«„Рубин“, тридцать первый к полёту готов»,
Давно заучил аксиому простую –
Люблю высоту, не терплю лишних слов.

Машина дрожит, надрывается, рвётся,
Быстрее уходит по нас полоса,
Есть скорость, отрыв, позади остаётся
Святыня – земля, как в избе образа.

Святая? Но ведь не своя, а чужая,
Земля? Не земля, а горящий костёр.
Но всё ж для пилота такая родная,
И глупость, что дом мой – небесный шатёр.

Штурвал на себя, вверх иду по спирали,
Как в лифте, ищу себе нужный этаж.
О людях не буду, моторы устали,
А завтра трудней и опасней вираж.

Так оставьте почёт для того, кто им бредит,
Оставьте ж цветы для людей послабей,
Я – первый пилот, а не милая леди,
Я – лётчик военный до мозга костей.

АФГАНСКИЙ ВЕТЕР

О. Тикунов

Афганский ветер жжёт порой
(Глоток воды остался только).
И белый шар над головой.
Соль на губах и в глотке горько.

Невольно расслаблялись мы.
(Жара ужасно допекала!)
Эх, русской бы сейчас зимы
Да снега белого немало!

Жара, жара стоит вокруг.
В глазах – мерцанье, и, качаясь,
Свой автомат ты сжал, мой друг,
Безмолвно за себя ручаясь.

И верю я, ровесник мой,
Что мы пройдём сквозь все преграды,
И выдержим тяжёлый бой,
И всё свершим, что будет надо!

ЮРА-МУЛЛА

Ю. Лощиц

В кишлаках замполита прозвали муллой.
Старцам нравится Юра-мулла.
По утрам на шоссе окружён детворой,
«Эй, мулла, – слышит он, – как дела?»

А однажды из тучи просыпался град.
Как смешно: вся округа бела!
«Ах ты жалость, погибнет у них виноград», –
Покачал головою «мулла».

«Они любят работу и знают в ней толк,
Вечно трудится Афганистан.
А вот этот, на крыше, – и Юра умолк, –
Это нас наблюдает душман».

Я пишу и не знаю, ты жив ли, майор!
Так любил на поля ты смотреть.
А оттуда так часто смотрела в упор
Сквозь соцветья свинцовая смерть.

ТРЕТИЙ ТОСТ

В. Красюк

Третий тост, третий тост,
Это наша горькая память,
В эти минуты с нами тот,
Кто не думал мёртвыми падать.

Третий тост, третий тост,
Он, как красный сигнал, мигает,
Правдой страшной гремит, как набат,
Сразу всех, как душ, отрезвляет.

Третий тост, третий тост,
Его молча все поднимают,
Как он душу терзает и жжёт,
Как он сердце солдата сжимает.

Третий тост, третий тост,
Он, как колокол скорби, гремит,
Он спокойствие в клочья рвет,
Он, как чайка в море, кричит.

Третий тост, третий тост,
Слёзы близких и матерей,
Не целованы губы девчат,
Вечно горе жены и детей.

Третий тост, третий тост,
Завещание всем живым
Помнить тех, кто ушёл на пост
И бессменным лежит часовым.

Третий тост, третий тост,
Спит в родимой земле солдат,
По-весеннему чист и прост,
В своей смерти не виноват.

Третий тост, третий тост,
Всем бы миром его поднять,
И пусть проклятым будет тот,
Кто желает людей убивать.

КТО ЕСТЬ КТО?

Е. Николаев

По горячим камням поднимаемся в синь
раскалённого неба,
Прикусив до крови пересохший язык.
Не по силам идти тем, кто прежде в горах ещё не был
И часами лежать под обстрелом в пыли не привык.

Здесь, в горах, никому ни малейшей поблажки,
На гражданке бывает какой-то там блат.
Первый бой сам сдаёшь, без шпаргалки,
Веря в помощь друзей и надёжный стальной автомат.

Едкий пот из-под каски стекает на скулы,
Разъедает и щиплет, солёный, глаза.
Ждёт засада душманов отряд наш в ауле,
Будет бой на хребте через четверть часа.

В этом жарком бою, между жизнью и смертью,
Здесь, где каждая пуля прицельно летит,
Будет парень сам знать, что он стоит
И зачем это небо святое коптит.

Мы спускаемся с гор, кто угрюм, кто весёлый.
Сердце в горле комком от тревоги стучит.
Только время солдатскую совесть рассудит,
Ярость схватки душа навсегда сохранит.

ХАЗАРСКИЙ КРЕСТ

Стихотворение написано 16 декабря 1985 года солдатом 345-го Гвардейского отдельного парашютно-десантного полка, 3-й гвардейской парашютно-десантной роты.

Всё горы и горы, река Хазара.
Мёртвый кишлак, а вокруг тишина.
Но тишина не обманет меня,
Здесь с автоматом хожу я всегда.

Отдан приказ, рота в горы пошла.
Блоки надёжны здесь, как никогда.
Чтобы в ущелье была тишина,
Мы на горе, где орлы и снега.
Солнце за горы заходит когда,
Выстрелы, взрывы и бой начался.
Жарко в горах, хоть вокруг и снега,
Кровью солдатской полита гора.

Звёзды на небе давно уж зажглись,
Мы поднимаемся в горную высь,
Наша задача: пока темнота
С грузом спуститься к реке Хазара.

Груз – это люди, вступившие в бой,
Те, кто пожертвовал ныне собой,
Тащим по скалам, себя не щадя,
Вот уже близко река Хазара.

О, сколько цинков получит Союз,
Стоны послышатся, скорбная грусть.
Много сынов потеряла страна,
Может быть, завтра погибну и я.

Ну, а пока мы ещё поживем,
Вспомним Отчизну родную, свой дом.
Маму и ту, обещавшую ждать…
Я магазин заряжаю опять.

ПОЛОСАТЫЕ ЧЕРТИ

В. Сыван

Тем парням не занимать отваги,
Кто по небу ходят, как бродяги!
На память о службе в ВДВ
Садавату Мингалееву.

Кому пришлось когда-то в ВДВ служить,
Тому про службу эту трудно позабыть.

Там из ребят обычных делают мужчин;
Там для фразы «Не могу» нет никаких причин.

Мы свято храним и тельняшку, и берет.
Впитали они в себя небесный цвет
И вольности дух. Мы – Маргелова дети.
Нас молва зовёт «Полосатые Черти».

Кому пришлось закончить школу ВДВ,
Кто не забыл вкус соли своего х/б,
Кто знает, что десант – хоть маленький, но ад,
Тот и через «Не могу» пройдёт ряды преград.

Мы свято храним и тельняшку, и берет.
Впитали они в себя небесный цвет
И вольности дух. Мы – Маргелова дети.
Нас молва зовёт «Полосатые Черти».

Кому пришлось когда-то в ВДВ служить,
Тому о друге верном трудно позабыть;
С кем тяготы делили честно пополам,
Кто проверен по большим и маленьким делам.

Мы свято храним и тельняшку, и берет.
Впитали они в себя небесный цвет
И вольности дух. Мы – Маргелова дети.
Нас молва зовёт «Полосатые Черти».

6 августа 1999 года

ОДНОРАЗОВЫЙ СОЛДАТ

В. Сыван

Моему командиру сапёрной роты 345-го ОВДП
Потемковскому Святославу Францевичу

Живёшь и ходишь по земле, и… не тебе:
Поставил мины кто-то на твоей тропе.
Кругом – жара, а по спине – холодный пот.
Идёт война и по войне сапёр идёт.

Одноразовый солдат,
Осторожнее будь, брат!
Жизнь одна: ей дорожи,
Щуп уверенней держи!
Идёт война и по войне сапёр идёт
Который час, который день, который год…
Фугасы, мины и ловушки на пути
Ты должен первым обязательно найти.

Одноразовый солдат,
Осторожнее будь, брат!
Жизнь одна: ей дорожи,
Щуп уверенней держи!

Ты должен первым обязательно найти…
Но вот лежит подкова на твоём пути.
Лежит на счастье, но ты этому не верь,
Браток, ведь ты – сапёр, сначала всё проверь!

Одноразовый солдат,
Осторожнее будь, брат!
Жизнь одна: ей дорожи,
Щуп уверенней держи!

Браток, ведь ты – сапёр, сначала всё проверь!
Должны назад мы все вернуться без потерь:
Нас дома ждут родные и друзья –
Нам ошибаться никак с тобой нельзя!

Одноразовый солдат,
Осторожнее будь, брат!
Жизнь одна: ей дорожи,
Щуп уверенней держи!

Нам ошибаться никак с тобой нельзя,
Пусть даже минами утыкана стезя.
Идёт война и по войне сапёр идёт.
Идёт война и с ней войну сапёр ведёт.

МАРШ «ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ»

В. Сыван

Счёт: раз, два. Три, четыре, пять.
Слышишь, брат, – триста сорок пять…
Это – полк, это – слава десанта!
Мы с тобой в нём служили когда-то.
Это – полк наш отдельный гвардейский,
Это – часть нашей жизни армейской.

Когда нас вдруг позвал Афганистан –
Мы Фергану сменили на Баграм.
Сменили мы уютные квартиры
На модули, палатки, капониры.

Мы на ходу учились воевать,
И жизнь врагу зазря не отдавать.
Мы цену другу и себе узнали;
И кровью летопись полка писали.

Счёт: раз, два. Три, четыре, пять.
Слышишь, брат, – триста сорок пять…
Это – полк, это – слава десанта!
Мы с тобой в нём служили когда-то.
Это – полк наш отдельный гвардейский,
Это – часть нашей жизни армейской.

Кабул, Панджшер, Руха и Бамиан,
Махмуд-Раки… и вновь – родной Баграм.
А там уже стоит на взлётке, ждёт
Ферганский долгожданный самолёт.

Но почему-то мокрые глаза…
На тельник друга капнула слеза.
Не хочется мне полк свой покидать!
Его всю жизнь я буду вспоминать!

Счёт: раз, два. Три, четыре, пять.
Слышишь, брат, – триста сорок пять…
Это – полк, это – слава десанта!
Мы с тобой в нём служили когда-то.
Это – полк наш отдельный гвардейский,
Это – часть нашей жизни армейской..

МУЖСКИЕ СЛЁЗЫ

Р. Терентьев

Мужские слёзы, как скупы они
И горче всякой полыни
Во много крат. Огонь, и тот
С такою силой не жжёт.
Да что огонь, расплавленный свинец
Не прожигает так сердец,
Как эти слёзы. У мужчин
Не так уж много есть причин,
Чтоб плакать, но…
Кому увидеть суждено
Такое…
Тот не найдёт себе покоя.
Я тоже видел их
Возле гробов друзей своих,
Мужчины взрослые стояли,
И мне казалось, прожигали
Их слёзы землю.
Нет!
Перед глазами белый свет
Поплыл куда-то не туда.
И много стоило труда,
Чтоб выстоять, не закричать.
Но павших криком не поднять,
И страшной силы тишина,
Как будто тяжкая вина,
Повисла в воздухе над нами.
Лишь трепетало на ветру
Чуть-чуть приспущенное знамя.

НАШ ПУТЬ

В. Витюк

Война всегда суровый час –
Ведь рядом жизнь и смерти миг,
Есть шанс у каждого из нас,
Чтобы успеть спасти других.
Наш путь опасен и суров –

Он цену мужества итожит.
Нам не забыть афганских вдов –
И наших вдов, скорбящих, тоже.
А где-то там, в стране моей,
Нет свиста пуль и взрывов минных,
Домой ждут мамы сыновей
Под небесами жизни мирной.
У нас ты страха не ищи:
Мы все проверены сражением
И крепко держим меч и щит
За мир грядущих поколений.
А в светлой памяти людской
Добра следы неизгладимы –
Как защищали здесь с тобой
Народ афганский от беды мы.

НАМ НУЖЕН МИР

В. Витюк

В ущелье ночь вползла кротом
И, как хозяйка, поселилась –
Тепло дневное раздавила
Холодным, чёрным животом.
Нещадно хлещет дождь слепой,
На спинах гор повисли тучи,
А мы взбираемся с тобой
К вершине той сквозь дождь колючий.
Нелёгок путь, тропа – кисель.
Скользим, но движемся вперёд.
И вот уж снежная метель
Обрушились на взвод.
Мы можем всё преодолеть,
Сносить контузии и раны,
Но боевых собратьев смерть –
Что сердце в лапищах капкана.
Да будь ты проклята, война,
На веки вечные умри ж ты.
Народам мира всем нужна
Дорога солнца в мирной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, вы прочитали сборник воспоминаний об афганской войне и о людях на этой войне. Войне, в которой участвовали граждане уже не существующего государства – Союза Советских Социалистических Республик.

Там мы все были вместе. Мы – люди разных национальностей и убеждений, верующие и атеисты, жители 15 республик когда-то самой большой и сильной страны в мире. Для нас давно закончилась афганская война, и нет СССР. Кровопролитные локальные конфликты на территории нашей Родины заслонили собой ту далёкую войну «за речкой». Но память о ней жива. Пройдут годы, и тех, кому посчастливилось вернуться живыми с той войны, тоже не станет.

ПОМНИТЕ О НАС…

Эхо афганской войны и сегодня продолжает тревожить умы и сердца людей, ищущих ответы на непростые вопросы об обстоятельствах ввода наших войск в соседнюю страну и пребывания в ней. Проблемы участия СССР в афганских событиях подробно и не раз обсуждались Верховным Советом и Съездом народных депутатов СССР.

Как известно, первая официальная оценка ввода советских войск в Афганистан прозвучала на втором Съезде народных депутатов СССР. Составителю сборника довелось по приглашению председателя Комитета по международным делам А. Дзасохова присутствовать на заседании Комитета. О проекте доклада по оценке принятия решения о вводе ОКСВ на территорию Афганистана выступал академик Г. Арбатов. Первая фраза в его информации прозвучала очень странно: «Ввод ОКСВ в Афганистан явился началом необъявленной войны Советского Союза в этой стране». Академик даже не удосужился вспомнить, что война там продолжалась

почти 20 месяцев до ввода наших войск. Комментарии, как говорится, излишни.

Конечно в десятилетней афганской войне есть вопросы и проблемы. Они нуждаются в тщательном, беспристрастном научном исследовании с обязательным учётом реалий того времени, а не в зависимости от сложившихся на настоящее время условий, критериев и особенностей.

Сегодня же некоторые силы пытаются спекулировать на проблеме Афганистана, использовать боль и страдания людей в собственных интересах, что подчас имеют мало общего со стремлением к истине. Помощь братскому соседнему народу, пытавшемуся осуществить демократические преобразования в отсталой, полуфеодальной стране, изображаются как национальный позор, смывать который придется не одному поколению наших людей. На этой волне определёнными кругами была осуществлена дискредитация Вооружённых Сил, которые честно выполнили свой воинский долг и не отвечают за ошибки и просчёты политиков, принимавших решение о направлении войск в Афганистан.

Тем, кто усиленно пытается сейчас представить пребывание советских войск в Афганистане как оккупацию, следовало бы знать о том, что в массе своей афганцы с благодарностью говорили и говорят о ратном подвиге наших солдат.

Именно поэтому столь актуальной и важной представляется публикация документальных материалов, свидетельств и рассказов очевидцев и участников событий о том, кем, как и в какой международной обстановке принималось решение о вводе войск в Афганистан, как это решение выполнялось практически

До настоящего времени как-то скромно умалчивают о роли США в афганской войне. Известный итальянский журналист Джульетто Кьеза, ныне депутат Европарламента, справедливо пишет: «„Партизанская война в Афганистане“ была творением известного Бжезинского. Ещё точнее, Соединённые Штаты спровоцировали Россию, подняли мятеж внутри страны задолго до советского военного вмешательства. Более того, операция была построена именно как ловушка, в которую должны были попасть русские. И они действительно в неё попали. Об этом рассказывает сам Бжезинский. Именно он – тогдашний советник по национальной безопасности при президенте Джимми Картере – организовал эту ловушку. Отвечая интервьюеру из „Нувель обсерватёр“, который спрашивал его, правда ли, что Вашингтон финансировал моджахедов задолго до того, как советские войска вторглись в страну, чтобы спасти революционный режим Кабула, Бжезинский ответил, что Америка ограничилась „всего лишь“ созданием условий, призванных заманить советские войска в „чёрную дыру“ Афганистана, заставить их наводнить регион. Когда это случилось, вспоминал Бжезинский, он сам среди ночи схватил телефонную

трубку, позвонил президенту Картеру и торжествующим голосом доложил ему: „Вы видели, господин президент? Они попались!“. Всё это можно назвать конспирологией и можно биться об заклад один против миллиона, что немедленно найдётся кто-нибудь, кто тут же закричит, что это антиамериканизм. Но такова повседневная политика всех наших последних лет: её не замечает лишь тот, кто слеп».

Ещё один момент, на котором Дж. Кьеза справедливо заостряет внимание: «Прошло много лет, и Россия, хотя и поставленная на колени, продолжает сохранять те масштабы, которые могут позволить ей перевооружиться и вновь стать грозной. Что подтверждает вывод Бжезинского: „Карфаген должен быть разрушен“. Но Карфаген ещё не превратился в груду развалин, погребенную под песчаными барханами, „Русское дело“ ещё не сдано в архив».

Перемены в советском, а затем и в постсоветском обществе позволили в какой-то степени сбросить завесу задевающей душу таинственности и скрытности. Критический анализ нашей вовлечённости в трагический афганский конфликт, его серьёзных последствий для Советского Союза как внутри страны, так и на международной арене заставляют нас серьёзно задуматься над прошлым и извлечь уроки, какими бы горькими они ни были. Жизнь внесла и вносит коррективы в, казалось бы, незыблемые постулаты и понятия. Мы были и остаёмся интернационалистами, верны дружбе и братству между народами. И сейчас видим свой долг в этом. Но долг не любой ценой, не с помощью любых средств. История не движется с помощью коробки скоростей, она не терпит насилия. Условия решения проблем должны созревать, требуют времени. И в этом – тоже один из уроков афганской истории. Оставаясь на почве реальности сегодняшнего дня и смотря на афганские события глазами того времени, надо учесть во имя будущего все ошибки и просчёты. Мы должны знать нашу историю и считаться с ней, какой бы сложной, неоднозначной и даже трагической она порой ни была. Как бы то ни было, Афганистан – это наша история, которую никому не дано права предавать забвению.

Наш же святой долг – сохранить в своих сердцах дань глубокого уважения к нашим героям, нашим друзьям и товарищам, в том числе и афганским, самоотверженно выполнявшим свой долг перед своей Родиной.

Мы должны помнить, что в действительности противоборство между СССР (а сегодня Россией) и США было, есть и будет. Наиболее чётко и рельефно оно проявилось в годы так называемой афганской войны, а вернее, противоборства между нашими государствами. Изощрённые действия ЦРУ и западных спецслужб, а также корыстные, а зачастую предательские действия «пятой колонны» внутри Советского Союза, руководимой и направляемой кукловодами из ЦРУ в соответствии со специальной программой «М», разработанной ещё Даллесом и усовершенствованной

Бжезинским, привели к развалу СССР и, соответственно, оборонительной организации Варшавского Договора. «Империя зла», по Рональду Рейгану, рухнула. «Силы миролюбия США» одержали победу в противоборстве между нашими странами. Американцы и их союзники действуют под прикрытием лозунгов якобы завершения «холодной войны», «исторического разрушения Берлинской стены», открытия «железного занавеса» (последствия чего уже не нужно никому разъяснять, даже Валерии Новодворской и прочим демократам-демагогам, благодаря которым разрушается и растлевается общество изнутри), «партнёрства и сотрудничества ради мира» и т. д. и т. п.

Пора сделать вывод о том, что Америка не может жить без войн и врагов. Поэтому и рождаются такие идеи, как «оси зла и насилия», «треугольники зла», «глобальная война» против международного терроризма, различного рода революции по всему миру….

Третье тысячелетие началось обострением противостояния сил зла и добра. Россия на стороне вторых, но, к сожалению, ей, в силу сложившихся обстоятельств, не хватает порой решительности, наступательности, да и желания…. Сегодня каждому здравомыслящему человеку на земном шаре ясно и понятно, что США видят в России своего врага. Конечная цель США – развалить её окончательно и поставить на колени.

США и НАТО уже имеют вокруг России более 120 военных баз и опорных пунктов. То есть они преследуют цель взять под свой полный контроль так называемую «дугу нестабильности» на юге России, да ещё и столкнуть её с исламским миром. Практически прилагают все усилия, чтобы превратить «дугу нестабильности» в «петлю нестабильности». К счастью, их попытки в последнее время не так уж успешно претворяются в жизнь. Но эти попытки будут продолжаться.

Сомнений в этом ни у кого не должно быть.

Литературно-художественное издание

ОПАЛЁННЫЕ АФГАНСКОЙ ВОЙНОЙ

Повести, рассказы, стихи воинов-афганцев

Выпуск первый

Издатель ООО «ТПП-Информ».
127055, Москва, 2-й Лесной пер., д. 10
Тел.: (495) 620-03-61
E-mail press@tpp-inform
www. tpp-inform.ru

Подписано в печать 08.02.2012. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Печ. л. 19. Тираж 1 200 экз. Заказ № 5.

Отпечатано в типографии
ООО «Печатный Дом Федорова»
156000, г. Кострома, ул. Костромская, 103 «б»

ТЕТЕРИН ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВИЧ

Активный участник подготовки и выпуска сборника «Опалённые афганской войной»

С 1986 по 1988 год проходил действительную военную службу в составе одной из наиболее активно участвовавших в боевых действиях частей Ограниченного контингента советских войск в Афганистане – 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка, в разведроте. Участвовал в десантных боевых операциях, в ходе которых получил два ранения и контузию.

За мужество, проявленное при выполнении поставленных командованием задач, награждён орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

В настоящее время – директор ООО «Мангуст», заместитель председателя Екатеринбургской городской организации Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане, первый заместитель Руководителя представительства Комитета по делам воинов- интернационалистов при совете глав правительства государств – участников Содружества Независимых Государств в Свердловской области.

ТПП РФ

МЕДИАГРУППА ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЫ РОССИИ «ТПП-ИНФОРМ»

Издатель сборника «Опалённые афганской войной»

Медиагруппа «ТПП-Информ» специализируется на информационной, издательской, полиграфической, рекламной, и консалтинговой деятельности, организации PR-мероприятий (брифингов, пресс-конференций, круглых столов, презентаций, интернет-семинаров), производстве фото-, видео- и аудиоматериалов, интернет-продукции.

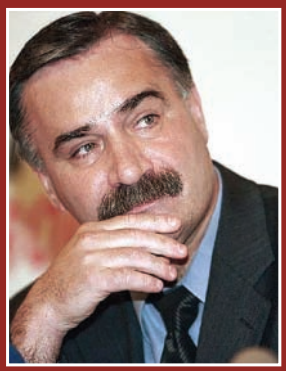
Осуществляет подготовку, выпуск и распространение тематических непериодических изданий ТПП РФ, справочников, календарей, проспектов, бюллетеней, буклетов и других информационно-рекламных материалов.

В компании работают высококвалифицированные специалисты в области журналистики, деловой аналитики, интернет-технологий, консалтинга, PR и рекламы, издательской деятельности.

ТПП ИНФОРМ

127055, г. Москва, 2-й Лесной пер., д.10
тел.: (495) 620-03-61
факс: (495) 620-04-55
e-mail: press@tpp-inform.ru
web: www.tpp-inform.ru

Комитет по делам воинов-интернационалистов при Совете глав правительств государств – участников Содружества Независимых Государств



Председатель Комитета
Герой Советского Союза
Руслан Аушев

Комитет по делам воинов-интернационалистов является органом международного сотрудничества Содружества Независимых Государств. В соответствии с Положением о Комитете важнейшей задачей организации является решение медико-социальных проблем и реабилитация ветеранов войн и вооружённых конфликтов, их семей, а также родителей погибших военнослужащих. Межправительственное Соглашение стран Содружества, принятое главами правительств СНГ 28 апреля 1993 года, возложило на Комитет координирующие функции организации совместной деятельности по розыску и освобождению попавших в плен и пропавших без вести в период войны в Афганистане и других военных конфликтов военнослужащих. В течение длительного времени Комитет развивает связи с ветеранскими организациями зарубежных государств. В странах Содружества эта деятельность в значительной степени проходит в рамках Международного Союза общественных объединений «Общественный комитет ветеранов войн» (МСОО ОКВВ), в который входят ветеранские объединения СНГ и стран Балтии. Прочные деловые связи сложились с организацией «Ветераны зарубежных войн США» (ВЗВ), с которой в 2007 году подписана Совместная декларация, определяющая принципы сотрудничества.

125009, г. Москва, ул. Б.Дмитровка, д. 5/6, стр. 3
Тел.: (495) 692-02-23, факс: (495) 692-81-94
e-mail: miaveteran@gmail.com • www.komitet92.com

Издатель ООО «ТПП-Информ»